РИЧАРД КИРК

НЕОБХОДИМЫЕ МОНСТРЫ

«Темный, странный, прекрасный мир...»
Майк Миньола, создатель «Хеллбоя»

fanzon

Необходимые монстры
Ричард Кирк

Аннотация
Ричард Кирк. Необходимые монстры
Головастик в банке
Дым
Воровка
Умелец Ворон
Молоко Агнца
Метеориты и бабочки
Мужчина со стеклянной булавкой
Пустая карта
Возвращение пчёл
Сундук с книгами
Общий интерес
Откровения
Книжный магазин Таджалли
Витрина мясной лавки
Аура
Стеклянный скелет
Птичий переулок
Метка
Пекарня Чёрной крысы
Опилки и клей

Чердак города
Доносчик
Смертельная отсрочка
Павильон носорогов
Северная дорога
Предложение
Гостиница
Фреска
Пожар в оперном театре
У моря
Край света
Навыворот
Муки адовы
Собаки во тьме
Дом кукольника
Ловушки
Карты и легенды
Зернохранилище
«Горнило»
Предмет желаний
Рука тьмы
Глазок
Головастик
Аурель
Вечер
Певчие птицы острова Козодоя

Выражение признательности
Об авторе

Аннотация

Ламсден Мох – беглый вор и страстный библиофил. С детских лет он постоянно винит себя в трагической смерти своей подруги, Мемории, обладавшей странными способностями. Попытка отомстить судье, украв экземпляр редкой книги, оборачивается встречей с опасными людьми и получением не менее опасного задания.

Вместе с друзьями – Имоджин, странным существом Радужником и Умельцем Вороном – он отправляется на остров Козодоя. Это опустошенное место, отравленное в результате войны и геноцида – Чистки. Их преследуют криминальный синдикат «Красная минога», полицейские агенты и пугающая девочка-ведьма с кошмарным ручным монстром.

В фантастическом, еще не оправившемся от мировой войны мире, в котором технология сплетается с магией, Моху и Имоджин придется расшифровать тайны своего прошлого, чтобы открыть темное сердце проклятого острова.

Ричард Кирк
Необходимые монстры

Richard Kirk
NECESSARY MONSTERS

© В.Ф. Мисюченко, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Элайн и Эмили – с любовью
В память об Аллане Ките Лаве

Я – чёрная тень
хаоса, чей бледный лик пугает
небеса неразберихой.
Я – мрачная тюрьма,
я – траурный покров,
скрывающий бесплотное ничто
и суть его под крыльями таящий.

Педро Кальдерон де ла Барка[1]

[1] Сноски: 1
Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) — испанский драматург и поэт, чьи произведения считаются одним из высших достижений европейской литературы Золотого века. Стихотворение приводится в переводе с английского языка (*прим. пер.*).

Головастик в банке

Мемория повернулась во сне. Руки и ноги ныли. Мох рисовался ей мальчиком из далеко-далеко ушедших лет. Этим обрезком памяти она отомкнула дверь в его сны и, незримая, вошла в них.

Два ребёнка сидели лицом друг к другу внутри запряжённой лошадьми кареты, разделённые лучом нежданного солнечного света. Моху, только что одолевшему свой одиннадцатый день рождения, было наказано сопровождать Меморию во дворец на Загульные Поля, где у неё в тот вечер было выступление. Они сидели на потёртых сиденьях, Мох — в чёрном сценическом костюме, Мемория — в чёрном платье. Окраска на кончике носа, подбородка и ушей делала её лицо ещё светлее. Перевязанные лентой волосы лежали сзади. Внешность Моха будто опалило горячим ветром. В его нечёсаных волосах свободно гуляли статические заряды. Под изломанными ногтями, будто прочерченная карандашом, пролегала полоска грязи.

Было далеко за полдень 29 октября. Погода

стояла осенняя, но им не дали одеяла прикрыть колени: как бы наряды не попортили. Мемория сидела, положив руки в перчатках на закрытую книгу. Она сидела с закрытыми глазами, но не спала. Мох снял свои перчатки и пустил их на протирку запотевшего окна, чтобы получше разглядеть пса, быстро приближавшегося по траве размашистыми прыжками.

— Отчего, по-твоему, мы встали? — спросила Мемория.

— Пёс какой-то дорогу загородил, — сказал Мох. Кончик его носа вжался в стекло. — Он лошадей пугает. — От тепла кожи окно покрывалось дымкой, мешая видеть. — Громадный такой!

— В древних мифах пёс охраняет вход в подземное царство мёртвых, — сказала Мемория.

— Тогда чего ж он тут разбегался? — Мох скользнул по сиденью к окну на другой стороне кареты. — Он, похоже, бешеный.

— Кучер его отгонит. — Когда девочка говорила, дыхание её выходило белёсым облачком. — Скоро стемнеет, и я замёрзла. Хочется огня, чего-то на ужин и горячую грелку в тёплую постель. — Мемория открыла глаза. — Не хочу выступать. Нестерпимо чувствовать, как они на меня смотрят. Всё равно что оказаться мотыльком на конце

булавки.

С августа её самозваный опекун, Джон Машина, устраивал приватные сборища в гостиных Загульных Полей. За деньги, которые вскоре пропадали в его карманах, Мемории приходилось демонстрировать свой дар. Пока Джон отсиживался по тёмным уголкам залов с высоченными потолками, она заставляла воспарять в воздух камни, мраморные шарики или всяческие безделушки, какие предлагала публика. Каждый вечер ей приходилось терпеть, пока Джон Машина посыпал мукой её лицо и чернил ей глаза толчёным углём. Однажды он покрасил ей губы соком какой-то ягоды, от которого она заболела. Она остерегалась его нетерпеливых рук, грубых, с веснушчатой кожей и медными волосами, а особенно прикосновений видавшего виды золотого перстня с тёмным рубином. Как-то, разомлев от коньяка, он рассказал ей, что этот камень — символ крови и выдает его принадлежность к «Красной миноге», тайному сообществу. Она видела такие же перстни у завсегдатаев своих выступлений.

— Я их презираю, — говорила она.

Мох, раздражённый, отодвинулся от запотевшего окна и повернулся лицом к Мемории:

— Если даёшь им, чего они желают, они только большего захотят. Ответ прост.

— Для тебя, возможно. Все ждут, чтоб ты был груб и вызывал разочарование. Ты неотёсанный мальчишка, и это означает, что мне приходится работать вдвое усерднее, чтобы у них не сложилось плохое мнение о Джоне. — Мемория сунула свою книжку в портфельчик из плотного картона.

— Кого волнует их мнение? — хмыкнул Мох. Он ногами крутил педали в воздухе. — У меня ноги скрипят в этих ужасных сапогах. Сниму-ка я их, пожалуй.

— Даже не смей, не то тебе ни за что не натянуть их обратно.

Мох откинулся на сиденье и уперся узкими мысами своих чёрных сапог в сиденье Мемории.

— Веди себя прилично. — Мемория швырнула в него подушечкой, но та отскочила на пол. Из-за стенок кареты донёсся голос кучера, правившего лошадьми. За ним последовал нестройный топот копыт и сильный храп. Карета дёрнулась назад, потом вперёд. Мох вовремя повернулся к окну и увидел пса, скакавшего прочь по широкой лужайке. Мемория, смотревшая в противоположное окно, следила, как неровная жилка декоративных

садиков проплывала мимо кареты, кренившейся из стороны в сторону на неровной дороге. За поворотом в поле её зрения оказался дворец, куда им предстояло наведаться. Карету тряхнуло, и Мемория вновь обратила взгляд на сады и деревья.

— Он угробить нас собрался, что ли? — Мох вцепился в сиденье.

Мемория не ответила. Весь день ей нездоровилось. Восприятие её будоражила подступавшая мигрень. В отличие от Моха, замкнутость кареты её успокаивала. Болтовня Моха не знала удержу. Мемория придерживала язычок, понимая, что его пугает предстоящее представление и присутствие лощёной публики. Во время неспешного передвижения кареты по Ступени-Сити она пробовала читать, она любила читать на отдыхе, но из этого вовсе не следовало, что за чтением ей было легче достичь желаемого состояния. Глаза скользили по строчкам текста, вынуждая её вновь перечитывать предложения, тут же отвлекаясь на какое-нибудь замечание Моха. Она попыталась уснуть, но неистовый парад образов в её умственном взоре лишь ещё сильнее портил настроение. Она жаждала избежать представления, хотела, чтоб её отправили в её комнатку, где можно было незаметно воспользоваться своим

лекарством от головной боли.

— Как-нибудь на днях я напишу твой портрет, — произнёс Мох. — И выйдет на нём неулыба косоглазая, так что все узнают, с чем мне приходилось мириться.

— Как-нибудь на днях я поведаю тебе тайну, которая упечёт тебя в сумасшедший дом, — прошипела Мемория. Мох обиженно уставился на спутницу, пока не в силах был больше выносить её пронзающих душу глаз, и отвернулся. Она взяла его за руку.

Мемория подставила банку из-под варенья под солнечный свет июня. Они были позади старого дома, называвшегося Благоуханным Стоком. Годом раньше Джон Машина поселил её тут вместе с Мохом и его матерью. Головастики извивались в зелёной воде, сильно располневшие даже за минувшие два дня.

— Будто они думают, что как-нибудь на днях, если будут всё время стараться, сумеют проплыть прямо через стекло. Они не понимают стекла. Для них оно чудо.

Мох, который не сводил с Мемории глаз и которого ни на миг не интересовали головастики, кивнул. Лицо Мемории всё ещё было тощим от приступа лихорадки, но тёмные круги под

глазами исчезли. Волосы её рассыпались по обгоревшим на солнце плечам и по бретелькам купальника.

— Итак, — произнесла Мемория. И опустила банку.

— Итак?

Мемория состроила гримасу, стараясь открутить у банки крышку.

— Сегодня в Головастии большой день. — Рука её соскользнула с тугой крышки, взбаламутив воду и распугав головастиков. Девушка всучила банку Моху: — На, сможешь?

Мох взял банку и повернул крышку. Она открылась с громким хлопком.

— Отпусти их, — сказал Мох, лицо которого выдавало беспокойство, как бы Мемория ни наделала чего-то жуткого. Она же взяла банку и улеглась животом на тёплые мостки. Опустила банку в воду канала по самую кромку стекла. Мох улёгся рядом. Она заметила, как он разглядывает зажившие шрамы, опоясывавшие её руки. Мох перевёл взгляд на банку. Он никак не мог набраться смелости и расспросить её о шрамах. Головастики по-прежнему тыкались в стекло, пока один из них, большой, не добрался до кромки и не скользнул в канал.

— Ах ты умница, — похвалила Мемория. Ещё несколько секунд — и банка опустела.

И вновь наступил октябрь. Джон Машина и Мемория сцепились. Она убежала, и Джон гнался за нею до самого края города, где тот выходил к морю. Мох бежал следом, негодуя на Джона и тревожась за Меморию.

Мемория добралась до конца дорожки у Радужного моря и забралась на волнолом. Она боролась с ветром, чтобы держаться прямо, вцепившись рукой в парапет, как можно дольше, а вокруг неё кружили чайки. Порыв ветра заставил её покачнуться. Мемория вскрикнула. У Моха дыхание застряло в горле. Девушка выпрямилась. За нею о дно пятидесятифутового[2] обрыва бился океан. Следя за приближением Джона, она стояла в привычной своей странной стойке, слегка расставив сведённые в коленях ноги и положив руки на бёдра. Джон взревел. Мемория закричала в ответ, поводя руками. Несмотря на опасность, Мох не сдержал улыбки. Он понял, что произойдёт дальше: сам много раз оказывался мишенью. Пригоршня камешков, рассыпанных по волнолому, зашевелилась, как жуки-щелкуны, которых

[2] Сноски: 2
Чуть более 15 метров (*прим. пер.*).

он держал в банке под домом.

— Не смей, — выговорил Джон, шагая вперёд. — Я тебя предупреждаю. — Камни взлетели в воздух. — Мемория, ты пожалеешь. — Словно в ответ, камни полетели в него.

— Чёрт побери! — Джон остановился, не дойдя до неё дюжины шагов, на его коже появились ссадины. Вскинув руки, чтобы прикрыть лицо, он развернулся прочь. Камни отскакивали от верхней половины его тела и скапливались у его ног. Мох ощутил укол жалости. Джон был одет совсем не по погоде. Полы поношенного пальто хлопали его по коленям. Носки сползли, обнажив голые лодыжки. От недавней стрижки на шее пониже затылка осталась полоска поцарапанной кожи — трогательность этой детали кольнула Моха.

— Я с вами не пойду, — кричала Мемория. — Не желаю я жить с этим уродом.

— Да ладно, — произнёс Джон. — Никто не просит тебя делать больше твоей доли. Ты что думаешь, еда твоя бесплатная? А платья? Этот человек — наш благодетель.

— Лжёте. Вы никогда не спрашивали, что мне нужно.

— Пойдём возьмём по чашке какао и разумно обговорим это? — Джон потихоньку двигался

вперёд. Поднял руки, развернув ладони.

— Не хочу. Вы что угодно наговорите, чтобы вышло по-вашему.

— Мы все должны вносить свой вклад, голубка. Ты ничем не лучше. Тебе надо отрабатывать своё содержание, как и всем остальным из нас. — Голос Джона звучал всё спокойнее.

Моха теперь отделяло от них всего несколько шагов.

— Не слушай! — крикнул он.

Мемория взглянула на него. Он всегда благоговейно трепетал перед её необычайными бледно-голубыми глазами. Уголки рта Мемории опустились. Время замедлилось. Лицо Моха горело от конфуза при мысли, что она понимает чувства, какие он никогда не смел открыть.

— Что? — прошептал он. Словно бы только они вдвоем стояли там. — Мемория, что? — Та изумлённо поводила головой. Она разгадала его тайну. В этом он был уверен.

— Убирайся с волнолома, — прохрипел Джон голосом, сорванным слишком большим количеством выкуренных самокруток. Он наставил на неё весь в охристых пятнах палец. — Если не уйдёшь с этой стены, то я тебе так врежу, что неделю в себя приходить станешь.

Чары спали. Со стороны Мемории взлетел ещё один камень. Мох поморщился от вида резкого удара Джону в голову. Рука с рубиновым перстнем прижалась к побелевшему пятну на лбу. Когда он отнял руку, то по складке кожи на лице по капельке засочилась кровь.

— Ах ты сучка мелкая, — сказал он. И метнулся к ней.

Мох вскрикнул, когда Мемория отпрыгнула назад на одной ноге на самый край волнолома. Быстрота была на её стороне, но на стороне Джона — сила. Он схватил её за лодыжку, отчего она, пронзительно взвизгнув, повалилась на бок. Джон отбивался от бешеных ударов её свободной ноги. Мох бросился Джону на спину. И замолотил кулаками по голове и плечам мужчины.

— Отпустите меня. Отпустите меня, — выкрикивала Мемория.

Джон, обернувшись, ухватил свободной рукой Моха за волосы и заставил того сползти в сторону.

— Держись от этого в сторонке. — Джон вновь обратился к Мемории.

Он шлёпнул её ладонью по лицу и велел заткнуться. В ответ девушка замолотила ногами. Обутая в сапог пятка врезалась Джону в лицо.

Он отшатнулся, прикрыв рукою глаз и выпустив ногу Мемории. Та вскрикнула — и потом её не стало. На Моха навалилось ощущение, какого он никогда прежде не испытывал. Чёрное и непреклонное, оно забиралось ему во все органы под ребрами. Кожу на макушке заколoло — это кровь стремительно отливала от головы. Моху хотелось, чтобы стошнило. Джон растянулся на волноломе, хватая руками воздух, словно бы Мемория вдруг стала невидимой. Мох поднялся на ноги, но он только и мог, что стоять со сжатыми кулаками.

— Нет, нет, нет, — вопил Джон. Он бегал взад-вперёд по волнолому, не веря, заглядывая вниз через каждые несколько шагов. В том месте, откуда упала Мемория, Джон подобрал что-то и зажал в кулаке. Он повернулся к Моху. Белые, без кровинки, губы его тряслись.

— Видишь, что ты натворил? Это твоя вина, мерзавчик ты мелкий. Твоя. — Джон схватил Моха за руки повыше локтей и затряс его. Моху показалось, что у него зубы застучали. — Что ты ей наговорил? — Джон ударил юношу, у того голова пошла кругом. — Ты хоть знаешь, что ты мне устроил? Знаешь? Ты разорил меня.

— Надо найти её. — Мох попробовал вырваться.

— Мне конец, — проревел Джон. — Уж лучше бы там внизу оказался ты.

Лицо Джона было в нескольких дюймах. Рыжая щетина с сединой, с потёками застывшей крови, зубы его, все будто из слоновой кости, кроме одного, серого, налитые красным глаза — всё это врежется в память Моха навсегда. А где-то в одном тихом уголке разума, пока он вырывался из хватки Джона, обосновалась мысль: «Мне следовало бы сделать больше. Это я убил её».

Джон Машина был прав. Мох всякое наговаривал Мемории. В то утро, проснувшись, Мох видел, как Мемория разглядывает его из-под натянутого на голову одеяла. Он узнал, что прошлым вечером её отвезли на встречу со странным человеком, который разговаривал с нею, укрывшись за ширмой. После просмотра её дара незнакомец спросил, не согласится ли она поехать и жить с ним в его дворце на Загульных Полях. Он говорил, что она достойна образования, лучшей жизни, и обещал ей и то и другое. Пока Мемория лежала, откинувшись на кучу запятнанных подушек и пила чай, Мох убеждал, что именно к такому и приводит её излишняя готовность демонстрировать свои способности. Предложение незнакомца — это западня. Чем больше она

станет ублажать его, тем скорее его любопытство обернётся скукой, а то и похуже — скотством. И будет она горе мыкать. Предостерегая, Мох исходил из добрых побуждений, однако он и привёл в движение всю цепочку трагических событий. Когда ближе к вечеру приехал Джон — с тяжкого похмелья, а потому и в дурном настроении, — Мемория ехать с ним отказалась. В гневе он больно схватил её за руку, но Мемория выскользнула и убежала из дома.

Мох просидел на краешке волнолома до рассвета, закоченев от холода и потрясения от случившегося. Когда волны ударялись о стену, брызги поднимались перед ним, словно на дне морском разрывались бомбы. Водовороты, вихрящиеся у основания, и пространства гладкой воды создавали представление о разрушенном дворце в глубине. У Моха в сердце болью отдавалась мысль о теле Мемории, предоставленном милости холодной воды. Никто не пришёл. Мох понимал: причастность Джона означала, что не будет ни полиции, ни спасателей, осматривающих тёмные воды с гирляндой фонарей. Мох попробовал набраться мужества и соскользнуть со стены. Он представил себе, что чувствуешь, когда летишь в море. Одно удержало его от такого

поступка: мысль о том, что, возможно, Мемория уцелела. Ему вспомнился головастик. Может быть, ей удалось ускользнуть. Чем больше он размышлял об этом, тем крепче делалась его уверенность. Она ведь как-никак была умницей.

Дым

Пегий ворон смотрел вниз на остров Козодоя. Скоро зима. Тучи станут закрывать небо по многу дней за раз, а лес внизу выбелит снегом. Сейчас воздух ещё тёплый, и ворон наслаждался каждым мигом этой благодати.

Два дня назад ветер обнажил деревья. Этим утром солнечный свет мозаикой разбежался по лесной почве. Вереница белохвостых оленей двигалась по тропе, выискивая опавшие яблоки и проросшие грибы. Почву устилала листва с кустов сумаха, белых берёз, дубов, трепещущих осин и клёнов. В памяти ворона их названия всплывали строками поэзии. У вечнозелёных деревьев названия тоже имелись: лиственница, чёрная сосна, чёрная ель, пихта, красно-пёстрая сосна. Мальчик — тот, кого женщины обители звали Монстром, — как-то выговаривал эти названия вслух, стоя во дворе в снегу, слой которого поднимался всё выше и выше. А он тем временем делал рисунки в книге заострённым кончиком одного из перьев ворона. С чернил сдувались падавшие снежинки. Глухая Смотрительница по

особому повелению обители стояла, трясясь, рядом и держала бутылочку с чернилами в озябшей и дрожавшей руке. Ворон слушал и запоминал названия, поскольку у него была великолепная память, вот только он не ведал, какое название к какому дереву относится. Олени в веренице стали неопрятными, пока мордами рылись в засохших сучьях и стручках. Названия. Слова. Они легко вылетали изо ртов людей и монстров. Их значения наделяли тех силой надо всем вокруг.

Ворон взмыл повыше, сведя под углом крылья, чтобы воспользоваться восходящим потоком. Воздух вжимал ему перья в череп. Он каркал, не ведая для этого никакой иной причины, кроме ликования от славного утра, и половчее перехватил зажатую в когтях дергающуюся мышь. На левой лапе ворона не хватало одного пальца, движение остальных дало мыши удачную возможность. Она сплющила своё тельце и, будто в песок обратившись, выскользнула. Следя за стремительно падающим грызуном, ворон вслед за восходящим потоком с ленцой воспарял по плавной дуге. Потеря его не огорчила и не вызвала желания броситься вдогонку. Мышей тут пруд пруди.

На северной оконечности острова лес отступил,

уступив место лугу, а потом и твёрдому подпочвенному слою, где мало что росло, одни лишайники. За бесплодной пустошью, перемежавшейся оттенками голубого, виднелся опустевший город Абсентия. Город казался безжизненным, но ворон налетался среди изваянных ветром куполов и башен, насмотрелся на удушающий плющ, жимолость и паслён. Видел он и уцелевших после Чистки, число которых убывало с каждым годом, отыскивающих хоть что-то полезное среди руин. Абсентия, заброшенная и порушенная, не отвечала настроению ворона в такое утро. У него было легко на сердце, и с тем большей радостью обратил он взгляд на запад.

Там бурный поток воды отделял остров Козодоя от материка. Вдоль побережья лес обрывался редким мелколесьем или зарослями кустарника и заканчивался буграми известняка. У подножия утёсов, на разбитых плитах скал, как дома, обосновались тюлени и бакланы. Испытывая пределы собственного зрения, ворон различил пейзаж на той стороне пролива и ощутил знакомый позыв слетать туда. Мечтания его были прерваны. Что-то неожиданное появилось в воздухе, дымком пахнуло. Ворон повёл головой, осматривая лес. Он летел над находившимся в низине центром

острова, громадным кратером, где дождевая вода скапливалась на богатой глинами почве и затопляла целые акры[3] земли. Охваченный любопытством, ворон подобрал крылья и расправил перья хвоста.

Стремительно пролетев меж деревьев, ворон оказался в ином мире. Здесь воздух был тяжёлым от грибковой сырости. Путавшиеся ветви и отблески солнца в лужах мешали видеть. Он плавно скользнул над конной повозкой, колёса и оси которой были заляпаны грязью. Секунду спустя она скрылась за ним. Пока ворон летел через лес, запах дыма усилился. Для ворона шла уже пятнадцатая осень. Крылья его были по-прежнему сильны, и он гордился этим. Он грациозно двигался в лабиринте ветвей, ставившем в тупик птиц помоложе, не обращая внимания на грызунов, рассеянных среди корней, и на предостережения голубой сойки. Теперь дым уже окружал его со всех сторон голубоватой, едкой и тёплой пеленой. Он нырнул под дым. Заметив впереди какое-то движение, слёту уселся на ветку дерева с мягким хлопком крыльев.

Любопытство повлекло ворона забраться в ту

---

[3] Сноски: 3

Акр равен 0,4 га, сорока «соткам» (*прим. пер.*).

часть леса, где его от страха пробирала дрожь. Тут стояли старые громады деревьев, укутанные мхом, заглушавшим все звуки. Вода скапливалась в углублениях от упавших ветвей, а корни пробивались из-под земли. Почва здесь возвышалась над окружающей местностью и образовывала островок посреди болота. Из неразберихи крыш поднималось, отбрасывая непроглядную тень, наглухо закрытое строение. Оно было известно как Глазок и служило темницей Монстру с самого его насильственного вывоза в конце войны. Это было несколько лет назад. Ворону ничего не было известно о судьбе Монстра. Знал он только, что мальчик влачил жалкое существование после короткой расправы над членами обители, которых и без того становилось всё меньше. Солдаты, рвавшиеся поскорее убраться из этого проклятого места, во время погрома проглядели его. Умер ли Монстр, не выдержав наступившей суровой зимы, или отыскал какой-то способ сбежать с островка, узнать было невозможно. Ворон сознавал, что его это так удручало, потому что дар сознания Монстра, полученный им в один прекрасный день с нежным касанием, был как лепесток цветка.

Дым валил из кирпичной печки. Треск и ши-

пение горящего дерева раздавались ближе, чем стояла печка. Сложенная конусом, она была вычернена сверху и покрыта пятнами лишайника у основания. Бетонные стены, расходившиеся от основания и исчезавшие в густых зарослях смертоносной белладонны, были знаком некогда более значительного промысла. Возле трубы в кучу были свалены омертвевшие ветки, зелёный слой поверх одной из них был гораздо толще и темнее. Рабочее место окружали мешки и деревянные колоды, железные инструменты и горки битого зелёного стекла.

Какая-то девочка открыла дверку печки, равнодушно восприняв и хлынувшую волну жара, и целый сноп искр. Рядышком на стене были усажены семь кукол в человеческий рост с вывернутыми вовнутрь коленями, на каждой кукле была маска какого-нибудь животного. Ворон узнал фигуры птицы, лисы и лягушки. Эти были причастны к его миру. Остальные вызывали у него беспокойство. Уставившись в разные стороны, сидели четыре вызывающие тревогу куклы, сочлененные из нескольких существ — со сплюснутыми рылами, несколькими глазами и оскаленными зубами, ничуть не менее страшными оттого, что были вырезаны из дерева. Хотя

никакого кукловода видно не было, руки и ноги у этой четвёрки дергались. Перед ними лежала, тяжело дыша, чёрная собака, свесив большой язык черпаком. Девочка к куклам и их подергиваниям была так же равнодушна, как и к жаркому дыханию огня.

На ней был повязан кожаный фартук поверх рваного платья, ноги обуты в заляпанные грязью сапоги. Спутанные чёрные волосы были перевязаны сзади полоской ткани. Она сунула в огонь трубку для выдувания, повертела несколько секунд в раскалённых угольях, потом вынула обратно. С конца трубки свисала капля расплавленного стекла. Ворон, бочком пройдясь по ветви, сел, склонил голову и следил за всем своим глазом-бисеринкой.

Девочка повернулась, щурясь от дыма. Забираясь на пень, она что-то шептала про себя. Держа трубку отвесно, опустила стекло в отверстие стоявшей на земле деревянной формы. Она дунула в конец трубки, и из щелей формы повалил пар или дым. До ворона долетел запах горелого вишнёвого дерева, и он ощутил приятное волнение в груди. Трубка отвалилась, оставив струйку дыма. Вновь зашептав, девочка дала ей упасть в грязь и сошла с пня. Опустилась на колени перед фор-

мой и разделила две её половинки, высвобождая стеклянную отливку. Та походила на большую куколку мотылька. Стекло корчилось, как живое, пока девочка извлекала его щипцами, снятыми с пояса фартука. Ворон каркнул и подскочил на ветви. Не смог удержаться. Она, не удостоив его взглядом, понесла чудо-отливку обратно к печке, где положила на выступ для остывания.

Что это такое? Куколка присоединилась к нескольким другим небольшим корчившимся стеклянным куколкам. От всех до единой исходило радужное сияние, и все до единой вызывали неодолимый соблазн. «Прелестная добыча», — подумал ворон. Он бочком прошёлся ещё дальше по ветви, помахивая крыльями для равновесия. Одна куколка была ближе других к краю. Так и казалось, она манила его к себе — иллюзия, порождённая возбуждением, — несомненно. Девочка вернулась к пню и теперь сидела на нём, спрятав лицо в почерневшие ладони, словно опустошённая своей работой. Фартук она сбросила на землю. Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, ворон взлетел и в три нарастающих маха одолел поляну. Уселся на выступ и клювом схватил предмет. Стекло звякнуло о кирпичную кладку.

— Нет! — завопила девочка, вскакивая на ноги. — Глупая птица!

Ворон, вор-умелец, уже взмыл в воздух. Он хлопал крыльями, пробираясь среди деревьев. Однако с самого начала что-то пошло не так. Куколка была тяжелее, чем казалось, и сбила у него центр тяжести. Ворон ошибался в движениях и дважды едва не уронил добычу. Сердитые крики девочки преследовали его, но потом они прекратились: ворон вылетел из леса на простор. Ещё несколько взмахов унесли его подальше от Глазка. И вот, только снова взмыв в громадный свод неба, он понял, что там, в лесу, что-то сгущалось в воздухе над стеклянными куколками. Теперь он уразумел, что девочка творила призывающую волшбу. Во что он ввязался?

— Эхо, — обратилась девочка к сгущавшемуся воздуху на поляне. — Эхо, теперь тебе законченным не быть никогда.

Сгусток, нараставший вокруг стеклянной куколки, втягивающий в себя всякую лесную шелуху, листья, кусочки оборванных осиных гнёзд, отозвался голосом ревущего огня:

— Элизабет, отмени это. Переделай меня.

Элизабет засмеялась:

— Рада бы, да не смогу. Ты должен быть целым,

чтоб тебя разобрать, а эта глупая ворона утащила твоё сердце.

Воровка

Книжечка «Певчие птицы острова Козодоя» была небольшой. Мох извлёк её из музейной витрины и провёл пальцем по рельефному рисунку обложки: головка чертополоха, склонившаяся под тяжестью певчей птахи. Досужие руки давным-давно стёрли всё золото. Мох раскрыл книжку, поморщившись на протестующий треск переплёта. Форзацы и титульная страница покрылись бурыми пятнами. «Посвящаю С., посланнице снов».

«Странно», — подумал Мох. Ему казалось, что он осведомлён о нескольких людях, сыгравших значительную роль в жизни автора. «С.» была загадкой. Предоставленная самой себе книжка раскрылась на заляпанном изображении какого-то растения. Смертоносная белладонна (Atropa belladonna) в изобилии росла вдоль стен брикскольдской тюрьмы. Мох замер, осмысливая значимость изображения. Автор из корня этого растения готовил себе чай, наделяя себя волей, упразднить которую была не в силах никакая власть. Пальцы Моха прошлись по книге. Гра-

вюры покрыты папиросной бумагой. Выпуклый шрифт можно читать едва ли не кончиками пальцев.

По другую сторону витрины вздыхал и позвякивал связкой ключей господин Крачка, главный хранитель коллекций. Мох открыл глаза, ожидая встретиться со взглядом Крачки, но какая-то молодая женщина, проходившая поодаль, отвлекла хранителя. Не смотрела ли прежде эта женщина на Моха? С уверенностью не скажешь: она слишком быстро отвела от него взгляд. Почувствовав, что надзора за ним нет, Мох сунул книжку себе в пальто, а оттуда извлёк точную её копию, над которой трудился всю прошлую неделю. Раскрыв новую книжицу, он шумно захлопнул её.

— Вы нашли то, что искали, господин Лес? — спросил Крачка, вновь обратившись к Моху. Он глянул на часы и провёл рукой по лысеющей голове, словно бы потерял шляпу.

— Да, благодарю вас. Несомненно, это первое издание с автографом. — Мох осторожно вернул книгу на витрину. — Дело досадное, но страхователь настоятельно требовал, чтобы размещение книги было подтверждено лично. Приношу извинения за неудобство.

Крачка пожал плечами. Опустил стеклянную

крышку витрины и запер её.

— Позвольте ещё раз выразить нашу сердечную признательность судье Сифорту за его щедрое позволение выставить книгу в Музее. — Хранитель отошёл. — А теперь, с вашего позволения, я должен идти на заседание правления.

— Разумеется, — улыбнулся в ответ Мох. Крачка повернулся кругом и пошагал прочь. Мох глянул на перед своего пальто, убеждаясь, что на нём нет никаких подозрительных выпуклостей или складок. Их и быть не могло. На то, чтобы вшить карман и поупражняться в ловкости движений, необходимых для кражи книги, он потратил почти столько же времени, сколько и на создание точной копии.

Центральный зал Музея естественной истории величиной не уступал самолётному ангару. Даже подвешенному скелету полярного кита, казалось, не доставало размера, чтобы подчинить себе всё пространство. Напротив входа на мраморном полу располагалась стойка обслуживания посетителей. Настенные росписи, искрясь цветением, окружали проходы на парадную лестницу, ведшую на галереи с выставленными коллекциями. В этот час народу вокруг было немного. Группа служителей Музея шёпотом переговаривалась за

стойкой. Посетители расхаживали по залу или сидели в креслах, обмахиваясь выставочными каталогами. Никто не обращал на Моха внимания, когда он задержался у колонны, чтобы справиться с волнением.

Уверенный, что его кража не будет обнаружена, Мох решил подождать, пока погода прояснится. Прибыв в Музей час назад, он всего на какие-то мгновения опередил дождь, и теперь у него была практическая причина — и даже обязанность — не мокнуть под струями с небес. Рисковать тем, что книга намокнет, он не мог. Побывав в туалете, где Мох обернул книгу в ткань и переложил её в сумку с наплечным ремнём, он решил убить время и наведаться к литографиям жуков.

Зал специальных коллекций Общества колеоптерологов, или зал жуков, находился в самой глубине здания. Мох повернул влево и пошёл вдоль стены под вереницей портретов. У основания лестницы он заметил карту мира, прикреплённую на доске объявлений. Надпись приглашала посетителей воткнуть булавку в место своего рождения.

Он поискал места, куда жизнь забрасывала его до сих пор. Гнетущее получилось занятие. Начать с того, что он никогда не покидал конти-

нент Ирридия. Мох взял с тарелочки под картой латунную булавку и воткнул её в Ступени-Сити, линяющий синяк на северо-восточном побережье континента. На сантиметр севернее палец его упёрся в Трубный институт, где он, молодой двадцатидвухлетний человек, будучи доцентом, преподавал литературу. В двух сантиметрах над институтом и чуть-чуть левее находилась брикскольдская тюрьма, куда после краткой преподавательской карьеры он был заключён и откуда через двенадцать лет сумел вырваться на волю.

Мох отступил, огорчаясь, что, возможно, за всю свою жизнь увидит лишь крохотную часть мира. Будучи беглым, он обитал в иного рода тюрьме, стены которой складывались из отсутствия официальных печатей, документов и паспортов. Положение и впрямь гнетущее; только день придёт, и он вырвется на свободу так же, как вырвался на волю из брикскольдской тюрьмы.

Он взбирался по лестнице, вновь обдумывая порядком обветшалый план убраться из этого города навсегда, скажем, в трюме грузового судна. Это позволило бы начать всё сызнова на другом континенте, где никто бы его не разыскивал и где старые воспоминания оказались бы похоронены

под новыми свершениями. Друг Моха, Радужник, наловчился путешествовать тайком. Радужник перенёс опасности и лишения, которые человека послабее прикончили бы, такие, какие Моху страстно хотелось испытать на себе. Наконец Мох добрался до дверей зала жуков и обнаружил, что те закрыты.

Положив свою сумку на пол, он принялся дёргать дверные ручки, хотя вполне видел в окошко, что зал пуст. Единственным источником света был эллипс, отбрасываемый настольной лампой. Мох расстроился. Мальчиком он с увлечением собирал златок, жуков-древоточцев, будто отлитых из металла. С литографиями придется подождать. Поворачиваясь, чтобы уйти, он столкнулся с молодой женщиной в пальто цвета ржавчины. Та обошла его, склонив голову, что-то бормоча. Та самая женщина, что отвлекла господина Крачку. Поражённый, Мох смотрел ей вслед, пока она не сошла с лестницы. Покачав головой, он пустился обратно той же дорогой, только теперь поступь выдавала в нём большую задумчивость. Войдя в центральный зал, он сообразил, что не несёт сумку. И понял, что произошло. Женщина была воровкой. Столкнулась она с ним, чтобы отвлечь внимание. Повернулась к нему спиной, и это

помогло скрыть его же сумку. Воровка в миг единый утащила книгу, для кражи которой ему потребовались недели планирования и подготовки. Он помчался обратно вверх по ступеням, чтобы своими глазами убедиться в том, о чём предчувствие его уже уведомило.

«Думай, думай», — повторял он, в холодном поту расхаживая у дверей зала жуков. Неужели она сразу же ушла из Музея? Наверняка опасалась быть замеченной и изобличённой. Если только не видела, как Мох совершил кражу: в таком случае знала бы, что он никогда не пойдёт на риск прилюдно обличать её. Скорее всего, едва убедившись, что в сумке нет ничего явно ценного, женщина выбросила её. На взгляд необразованный (а Моху приходилось надеяться, что воровка действовала наудачу), украденная книга ничего примечательного собой не представляла. Избавившись от сумки, женщина вполне могла остаться попытать удачи среди предвечерней толпы, уже повалившей в Музей. Мох понимал: такая вероятность — его единственная надежда. Если она подтвердится, тогда нужно отыскать брошенную сумку до того, как её принесут к столу находок или обнаружит кто-то из музейных сотрудников.

Час спустя он стоял, выжидая, в музейном зале времени, стараясь никак не выделяться из толпы. Он прошёлся по галереям коллекций, заглядывая в урны и под сиденья. И при этом внимательно выглядывал воровку. Мох никак не мог избавиться от ощущения, что та только-только покидала залы, куда он входил, что они вдвоём играли в какую-то свою игру посреди ничего не замечавшей толпы. Убедившись, что женщина не бросила сумку ни в каком из подходящих для этого мест (было начало рабочего дня, и урны заполнены мало), Мох сообразил, что для него, возможно, будет лучше оставаться на одном месте, чтобы отыскать воровку. Нужен был предлог, и он купил в сувенирном ларьке небольшой блокнот и ручку. Потом поднялся на место перед смонтированным скелетом птерозавра, откуда хорошо был виден весь зал.

День был уже в разгаре. Он начинал думать, что женщина всё же убежала. Зал гудел голосами, воздух сделался липким от сырости намокшей под дождём одежды. Рисуя, Мох оставался настороже. Рисовальщиком он был неважным, но то была простая и убедительная роль: натуралист-любитель, у кого больше энтузиазма, нежели таланта. Она делала его невидимкой. Подтверждением

(если оно требовалось) служили многочисленные толчки от толпы, напиравшей на бархатные канаты, которые ограждали экспонаты. Мох трижды набросал один и тот же скелет, оглядывая толпу всякий раз, как поднимал взгляд. И вот она появилась — так неожиданно, что сердце ёкнуло, когда он её узнал.

«Вот ты где», — заметил он про себя. По откровенному взгляду женщины было понятно, что она увидела его первой. Наверное, всё время знала о его местонахождении и лишь сейчас — по каким-то своим соображениям — открылась. Он оставался недвижим, встретившись с ней взглядом через барьер из скреплённых костей. Она пробралась назад через толчею — и пропала. Мох сделал вид, будто вернулся к рисованию. Сомнений не было: она ещё покажется. Рисуя, он хмурился, втягивал щёки. Поднял взгляд, всматриваясь в медленно перемещавшуюся толпу посетителей. Среди них её не было. Он закрыл блокнот, заложив ручкой страницу, и отправил его в карман пальто. Кто-то толкнул его сзади в плечо. Мох глубоко вздохнул, прежде чем повернуться и увидеть её, стоявшую в нескольких шагах. Лямка его сумки была закручена вокруг её руки.

— Погодите, — сказал он. — Давайте-ка кое в чём разберёмся.

Во взгляде её карих глаз сквозила забава. Мох потянулся к ней, но она увернулась от его руки. И побежала, набросив лямку сумки на шею. Мох пустился вдогонку, проталкиваясь среди людей. Он почувствовал, как по мере его продвижения толпу всё больше разбирало любопытство.

— Ничего особенного, — бормотал он, — вскидывая руки. — Мои извинения… простите… пожалуйста. — Он переступил через канат ограждения выставленного диплодока и, не обращая внимания на окрики охранника, быстро направился через весь зал. Глаза выискивали пальто цвета ржавчины. Наконец увидел, как женщина бежит вверх по лестнице, его сумка при каждом шаге молотила её по спине. Этот путь вёл в центральный зал и к выходу из Музея. Топот сапог охранника приближался. Мох нырнул в толпу удивлённых зевак.

На верху лестницы женщина остановилась и опёрлась спиной о колонну. Волосы повисли вокруг её лица влажными прядками. Ухмыляясь, она откинула их назад. Уже стоя у нижних ступеней, Мох понял, что она выжидает, даёт ему сократить отрыв. Зажимая рукой покалывающий

бок, он махнул вверх через три ступени зараз, сознавая, что за представление устраивает.

— Подождите, — воззвал он.

Женщина стремительно рванула через мраморное фойе. Мох скакнул на верхнюю ступень лестницы как раз вовремя, чтобы увидеть, как она выходит через вращающиеся двери наружу. Молния высветила окна.

Умелец Ворон

Ворон истосковался по утренней свежести, пока добирался до Абсентии. Воздух был холодным и солёным. Коридалы[4], которых надуло с океана перед занавесом мелкого дождя, заполонили каждый квадратный фут неба. Ветер стал невидимым рельефом, искажённым отражением суши внизу. У него были свои проходы и завалы, скалы и долины, только созданы они были из вихрей и пагубных перемен давления. Любой просчёт или отвлечение от цели полёта — и камнем вниз, ворон это знал. От напряжения у него болела голова, мышцы на груди и крыльях сводило судорогой при каждом взмахе. Беспалая лапка поджималась к телу. Для облегчения он позволил ей волочиться, но это ещё больше нарушало равновесие полёта.

Абсентия был городом военных руин. Своды и башни библиотеки, гроты бывших театров и оперы стали домом для птиц. В обителях госу-

---

[4] Сноски: 4

Коридалы — крупные насекомые, похожие на стрекоз, нередко с контрастным рисунком из белых или чёрных пятен на крыльях; у самцов верхние челюсти выступают, как у жуков-рогачей, далеко за передний край головы (*прим. пер.*).

дарственной власти и религии расположились медведи, лоси и волки. Монстр рассказывал ему про разрушение зоопарка, про то, как животные разбежались по городу, грозя гибелью уцелевшим в войне, а потом и в Чистке. Он умел быть красноречивым рассказчиком и многого наслушался от сестёр обители в Глазке. Им, положим, было запрещено разговаривать с ним, однако у Монстра был острый слух.

Туман наползал с предместий на проспекты и площади. Ворону было уже невмоготу сохранять корёжащуюся добычу, которую он нёс в клюве. Он силился понять, что потянуло его в город, пока не сообразил, что ему нужны ободрение и молчание недвижимых стен. В разгуле дикой воли ему было не по себе. Ворон почувствовал, как что-то преследует его с ветром, скача и бегая по тропкам спокойствия меж низвергавшихся воздушных стен. Свистящий шёпот, слышный даже в завихрениях воздуха, настойчиво нагонял на него отчаяние. Звуки эти застряли во всех трёх камерах внутри его ушей, и как он ни старался, не мог избавиться от них. Ворон был уверен, что это голос той девочки. Появившееся чувство, что куколка так или иначе живая, а он, ворон, обязан её хранить, влекло вперёд. Волшба этого налагала

на него невысказанное обязательство.

Головокружение, которое уже целый час досаждало ему, теперь ещё и мешало лететь. Едва не врезался крылом в колпак над печной трубой. Делая вираж над крышами, он направлялся к каналу, выискивая безопасное место для посадки. Заметил развалины моста. Дорога обрывалась с каждой из сторон, остались три арки посреди канала, поддерживавшие плоское, поросшее бурьяном пространство. До него было не добраться никакой живности, кроме самых отчаянных хищников, а в бурьяне можно бы найти хоть какое-то укрытие. Стоило намерению сесть укрепиться, как всякое самолюбие словно ветром сдуло. Усталость навалилась, и ворон перестал махать крыльями. Паря над чёрной водой канала, он подумал, а не бросить ли куколку. Одолевала тревожная мысль, что если он сделает так, то она продолжит себе полёт к спасению, а вот он прямиком затрепыхается к смерти. Ворон проглотил стекляшку. Он не понял, как или почему так вышло. Куколка скользнула в пищевод — жирная добыча.

Ворон правил на середину приближавшегося моста, где в трещине укоренилось какое-то деревце. Вокруг всё было усыпано листьями,

клочьями пробивалась трава. Тут можно будет как-то угнездиться, отдохнуть и хорошенько подумать о последствиях того, что он наделал. Ворон полетел к этому месту: чересчур быстро, чересчур напористо да ещё в расстоянии просчитался — и ударился о деревце левым крылом. Центробежная сила крутанула его вокруг ствола, и он врезался в землю одной вытянутой лапкой, голова запрокинулась, уставившись клювом в небо. От бокового падения хрустнули кости левого крыла, словно бы значили они ничуть не больше всяких тростинок, в изобилии росших под мостом.

Вечер наступил рано. Вокруг, воркуя, ходили голуби, ворон ощущал их, улегшись на отдых, распушив перья и упрятав клюв на груди. Левое крыло у него вытянулось в сторону под таким углом, что становилось понятно: летать ему больше не придётся никогда. Куколка сидела внутри, излучая тепло, словно бы жар её сотворения всё ещё не улетучился. Когда на западе осталась лишь узкая полоска света, лягушки на канале принялись за свои квакающие ухаживания. А в вышине летучие мыши пировали бабочками и мотыльками. Что-то большое плеснуло неподалеку вблизи прогнивших свай причала. Пока

ворон вбирал в себя эти впечатления, мигательные перепонки его глаз надвинулись на зрачки и закрылись. Сердцебиение замедлилось, плеск воды об основание моста убаюкивал птицу. Были и похуже способы помирать, и места похуже, только вор тем не менее чувствовал, что сам себя облапошил.

В облаках появилась луна. Ворон поднял голову, с удивлением прислушиваясь к началу рассветного птичьего пения. Уже? Неужто он спал? Нить его блуждающих мыслей, казалось, не прерывалась, но свет и впрямь занимался на востоке. Впервые после кражи куколки в ушах не стоял больше шепчущий голос. На смену ему пришло что-то иное, какой-то скрип внутри его тела, который ощущался ничуть не меньше, чем слышался.

Сонливость пропала. Встревоженный, ворон попытался сложить распростёртые крылья, но они не слушались. Вместо этого его маховые перья мелко тряслись в грязи, словно бы больше ему уже не подчинялись. Следом послышался сухой треск отпадавших перьев, пришло ощущение растяжения костей, заворочавшихся в пределах мышц тела. В кончиках крыльев нарастали боль и стеснение, пока, словно бы бумагу, не прорвало

и из-под кожи не вылезли тощие пальчики. Они изгибались на холодном предрассветном воздухе, стягивая с себя перья, как рукава пальто. Ворон попытался подняться, однако его ноги отросли неподобающе весу головы, которая здорово увеличилась и округлилась. Попробовал каркнуть, однако исторг из себя странную запинающуюся вереницу звуков.

Слова.

Острые зубы врезались в язык, барахтавшийся в незнакомой полости, служившей теперь ему ртом, — клюва больше не было. Немного отпустило. Он заёрзал по земле, забив себе все ноздри пылью. Потом навалилась величайшая боль, заломило киль, основную опору птичьего тела. Кости и плоть изнутри растягивали кожу, словно бы теперь он пузырём раздувался. Рёбра выворачивались и растягивались, вправляя по-новому складки раздававшихся мышц и связок. Боль сделалась невыносимой, и он впал в состояние, когда сознание расползалось в нечто бесформенно-серое. Он смотрел, как поток дождя смывал бренные остатки его чёрно-белого оперения — он больше не был вороном. Он сделался чем-то, привязанным к земле, чем-то с пальцами на руках и ногах и с зубами. Слова? Монстр давным-давно

наделил его способностью понимать их, теперь, похоже, ведьмина волшба довершила дело. Она наделила его строением тела, позволяющим создавать их.

Ворон пришёл в себя под утренним солнцем и понял, что его несут, как человеческого младенца. Державший его мужчина переходил по пояс в воде канал. Вода была тёплой и приятной для болтавшихся ножек ворона. Стебли лилий и бурлящие стаи головастиков скользили по пальцам ног. Мужчина пробирался вброд с осторожностью, на ощупь выбирая безопасное место для ног среди погребённого на дне мусора. Когда он выбирался по лестнице, ведшей из канала, мимо врассыпную бросились леопардовые лягушки. Мужчина остановился и глянул вниз на ножки ворона. Вокруг глаз мужчины пролегли морщины, а в рыжей бороде заметны были поседевшие прядки. Неприкрытая одеждой кожа была обветрена.

— А у тебя, видать, одного пальчика-то не хватает. — Взобравшись по ступенькам, мужчина положил ворона на траву. Трава была пересыпана землёй и зудела от насекомых. Ворон лежал на боку, прижав крест-накрест к груди свои новые руки. Грубые руки его благодетеля разминали ему

ноги и руки. За работой мужчина насвистывал. Через некоторое время мышцы ворона расслабились, и он, всхлипывая, уткнулся в траву.

Когда он пришёл в себя во второй раз, к рукам вернулась чувствительность. Все мысли его были о куколке — остаток сна. Она представлялась ему прозрачно-зелёной, как вода в канале. Чувствовалось, как она поворачивалась в нём стрелкой компаса, сориентированной на направление, откуда он прилетел, на Глазок. Один за другим он разогнул пальцы, и образ куколки поблек. Он отвлекся на составные части своих новых пальцев: суставы, подушечки и ногти. Он разогнул последний пальчик — и испугался. Ворон, крепко зажмурив глаза, поднялся на ноги. Простоял так несколько секунд, потом раскрыл один глаз, потом другой. Поднял руку и пошевелил пальцами.

Он был одет. Вытянутую руку укутывал рукав зелёной курточки с расшитой манжетой. Глянув вниз, он увидел ботиночки, штаны и грубый свитер. Курточка доходила ему до колен, на ней было два ряда медных пуговиц, а её зелёный бархат был кропотливо расшит золотым шитьём и крохотными блёстками. «В общем-то, — подумал ворон, — чертовски прелестно».

— Извини за наряд, Умелец Ворон. Это всё, что

я смог найти, чтоб тебе подходило. Откопал его в гардеробной старого театра в здании, что чуть дальше по дороге. Одёжка не слишком затхлая, надеюсь? По крайней мере, не всю её моль съела. — Мужчина, который нес его с моста, сидел на деревянном стуле в нескольких шагах поодаль. Говорил он басовито и неспешно, тоскливо, но без неприязни.

— Театр? — Голос Умельца звучал хрипло.

— То здание до войны театром было. Когда-то там были прекрасные фрески. — Мужчина потёр перепачканный подбородок. — По-моему, наряд этот принадлежал обезьянке в одном из представлений.

— Обезьянке. — Ворон задумался. — Обезьянка — это что?

— Обезьянке в постановке, — сказал мужчина, пропустив вопрос мимо ушей. — Точно, я в этом уверен. Стыдиться тут нечего.

— Я не стыжусь. Наряд очень красивый. — Умелец Ворон разгладил куртку у себя на боках. И улыбнулся. Ощущение было очень необычным.

— Это точно. — Мужчина пристально уставился на Умельца, вращая на пальце большой перстень с красным рубином. — Так что, Умелец Ворон, откуда ты?

Ворон следил за порхающими над водой ласточками. Мост укутывало тепло сияющей осени, по маслянистым завихрениям между опор скользили дикие утки. «Умелец Ворон… да, это подойдёт». У него должно быть имя, если он намерен разговаривать с людьми. Он был доволен.

— Отсюда — и оттуда. — Умелец Ворон указал на небо. — А ты кто?

— Меня зовут Джон Машина. Я из Ступени-Сити. Это далеко отсюда. Я уже несколько месяцев дома не был. — Он улыбнулся безо всякой смешливости. — Ты слышал о таком, Ступени-Сити? Очень древний город, до него отсюда несколько дней на юг идти надо. Он на берегу Радужного моря находится.

— Слышал, — соврал Умелец Ворон. Смысла никакого не было, чтоб тебя считали провинциалом. От расспросов ему делалось не по себе.

— Я разыскиваю старую чёрную карету. Тут всё так здорово выросло с последнего раза, как я был здесь. Я едва узнаю эти места. Такая штуковина была бы заметна на острове Козодоя. Ничего похожего не видел?

— Видел! — Умелец Ворон припомнил свой полёт через лес. — Это было в том же месте, где я видел девочку и какие-то странные создания в

масках животных.

— Ну?! — Джон напрягся. Он вскинул брови, отчего на виске у него стал заметен розовый шрам. — Где?

— И ещё злобного вида пёс с длинным языком.

— Где? — Теперь от голоса Джона Машины делалось колко.

— В лесу. — Умелец Ворон пожал плечами.

Мужчина подался на стуле вперёд, вращая перстень.

— Лес покрывает сплошь две трети этого острова, мой мелкий дружок. Был бы признателен, если б ты высказался малость поточнее.

— В большом кратере посреди острова, довольно далеко отсюда. Так достаточно точно?

Джон, рассмеявшись, откинулся назад.

— Не могу понять, то ли ты простодушный, то ли просто ехидный мелкий хер. Чем она занималась, эта девочка?

— Волшбой.

Мужчина отнёсся со вниманием:

— Что за волшба?

— Делала стекляшки, живые такие. Такие штуки, которые всё меняют.

— Что ты имеешь в виду?

— Куколки, выдутые из стекла, им она своим

дыханием давала жизнь. — Умелец Ворон пожал плечами. — Я одну стащил.

— Ты украл одну из тех куколок?

— Да.

— Это многое объясняет. — Джон Машина оглядел его с головы до ног. — Могу я взглянуть на неё?

— Я её проглотил. — Умелец уставился в землю и руками обозначил свое тело. — А потом — вот это.

— Понял, — произнёс (и не без сочувствия) Джон. — Попал ты в весьма неприятную передрягу.

— Да. — У Умельца Ворона глаза на лоб полезли. — Здесь же нельзя находиться. Это запрещено. Чистка.

— Что сказать, — произнёс Джон после долгого молчания, — полагаю, это правда, если кто-то предпочитает признавать определенную власть, но я, видишь ли, собиратель. По моему суждению, несправедливо, если один человек указывает другому, можно ли куда-то идти или нет. Я ищу вещи для людей, вещи особенные, какие я могу найти только тут, на острове Козодоя. Если бы я не нашёл их, они пропали бы навсегда. Вот почему мне нужно идти к месту, называемому Глазком.

Думаю, мне там удача может улыбнуться. Один раз так и было. Так это там ты видел ведьму, да?

Умелец Ворон с трудом сглотнул и кивнул. По правде, он уже жалел, что обмолвился о девочке и её компании. Где-то в животе узлом стянулось недоверие, невзирая на всю явную доброжелательность, выказанную к нему до сих пор Джоном Машиной.

Джон Машина заглянул Умельцу Ворону в глаза, а потом отвёл взгляд, как будто пришёл к какому-то решению. Хлопнул ладонями по всё ещё сырым коленям и поднялся на ноги.

— Мне надо идти. Осмелюсь дать совет: тебе лучше за мной не ходить. Если ты украл у той, у кого я думаю, ты украл, то, знаешь, давай просто скажем, что особа она прощать не привыкшая. — Он вскинул на плечи пропылённый мешок и пошёл прочь, не проронив ни слова. Уже через мгновение он исчез из виду меж двумя разбомбленными строениями.

— Джон Машина, — закричал во всё горло Умелец Ворон. — А мне-то что делать?

В ответ долетел голос Джона:

— Найди женщину по имени Мэй. Если повезёт, она тебе поможет. И поищи какую-нибудь новую одежду. Пока мы с тобой болтали, ты вырос на

три дюйма. До встречи, Умелец Ворон.

Умелец Ворон уселся на какой-то выбившийся из земли механизм и обхватил руками живот, где двигалась куколка. Что теперь?

Прошло полчаса. Голод одолел все его мысли. Он пошагал к краю канала. Внизу, в воде меж водорослей, стремглав носились рыбёшки. Пониже их лениво проплывал карп. Лягушки вернулись на ступени погреться на солнышке. Он принялся разглядывать своё отражение. Понадобится время, чтобы привыкнуть. Кажется, у всего на свете есть место — только не у него. Он глянул в небо, но оно больше не было ему домом. Помахал руками. Чем это его новое тело питалось? Что оно способно делать? Казалось, оно жестоко неумелое. Тогда ему пришло на ум, что у него три благодетеля. Монстр даровал ему сознание, ведьма даровала тело, а Джон Машина даровал имя. По животу прошлась волна тошноты, едва он вспомнил прежние свои мысли о том, как люди и монстры обрели силу надо всем, давая всему имена и названия.

Умелец Ворон пошёл, удивляясь тому, что голова у него не раскачивается. Его ноги оставляли отпечатки на земле, всё ещё влажной от ночного дождя. Земля стала теперь его домом, и он оста-

вил на ней свои первые отметины. Склонившись, он подхватил со ступеней лягушку, прежде чем та сумела упрыгать, и заглотнул её целиком.

Молоко Агнца

Буря надвинулась на остров с Радужного моря, замазывая небо грязно-жёлтым цветом. Гром сотрясал Моха с головы до пят, и на какой-то миг его перенесло на двадцать пять лет назад, в тот день, когда Мемория упала с волнолома. Вспышка молнии вернула его в настоящее. Стволы чёрного ореха раскачивались, засоряя траву листьями. Мох ругнулся. Украденная сумка долго под дождём не продержится.

С удобной точки входа в Музей он смотрел, как женщина сбегала с холма в направлении Лич-Лэйн, где сгрудившиеся кофейни и книжные лавки скрывались в едином мареве. За Лич-Лэйн пролегли Загульные Поля с их историческими дворцами и пышными садами. Укрывшиеся за пеленой дыма окраины Ступени-Сити обратились в одноцветную холмистость. Женщина замедлила шаг, свернула в сторону от Лич-Лэйн и направилась по естественному изгибу почвы к лощине. Мох, увидев в том шанс, пошёл следом. Растительность не даст ей передвигаться быстро. И он сможет взять её за воротник вдали от любо-

пытных глаз.

Дождь усилился. Мох шлёпал через лужайку, прикрывая глаза согнутой в локте рукой. Очки у него запотели, и бежал он почти вслепую, пытаясь на ходу протереть стёкла полой рубахи. Когда он прижал их к носу, то опешил: женщина наблюдала за ним с края лощины. Дыхание у неё было частым, но она припустила бегом, когда он приблизился на расстояние окрика. Мох не без трепета вошёл в лощину, ступая по звериной тропе. Перешагивая через корни, он клял себя за то, что оставил дома пистолет. Тропа вскоре превратилась в размытый пласт разрозненных камней. Он скользил вниз по склону, хватаясь за ветки. Они вырывались из его ладоней, оставляя в них горсти листьев, пахших увяданием. Когда он добрался до конца спуска, у него сильно ломило позвоночник.

Кружилась голова; он стоял, расставив ноги, над ручейком, пристально вглядываясь в водоотливную штольню. Вход в неё был выложен кирпичом; укрытый виноградом, он оставлял своего рода доступный проход в виде замочной скважины, за которой невозможно было разглядеть ничего. Совсем незадолго до него женщина оставила оплывшие следы на русле ручья. Мох

выравнивал дыхание, опершись ладонями о колени, и старался вспомнить, что ещё находилось в его сумке помимо книги. Там была газета, пустой флакончик из-под синиспоры, набор ручек с карандашами, ластик, записная книжка, немного сигарных купонов с картинками разных рыб, которые приглянулись ему на рынке Полотняного Двора. Вновь охваченный гневом, Мох ринулся в штольню.

Долго бежать не пришлось: несколько шагов — и дневной свет померк за спиной. Когда глаза привыкли, стало заметно какое-то свечение. Под ним обозначились склизкая брусчатка и мусор. Гниль жгла ему ноздри. Шум дождя утих, на смену ему пришли дуновение ветра и плеск ручейка. Свет, как скоро он обнаружил, исходил от свечи, стоявшей возле его сумки на самодельном столике. Женщина следила за ним, стоя в тени. Мох схватил сумку. Вес был не тот.

— Где она? — спросил он. В ушах поднялся скулёж. Звон в ушах появлялся, когда Моха обуревал гнев: последствие детства, проведённого в доках, где разбивали на части отслужившие своё корабли. Женщина вышла вперёд, накручивая на пальцы в кольцах повисшие крысиными хвостиками прядки волос. Свет свечи искажал её

красоту своими переливчатыми тенями.

— Не создавайте себе трудностей, — произнесла она, ловя его взгляд. Затем выпустила шквал фраз на незнакомом языке и отошла в сторону.

Что-то задвигалось поблизости. «Сообщник, значит», — подумал Мох.

Выступивший вперёд мужчина был высок, может, футов семь[5]. Он носил на голове касторовый цилиндр, который почти задевал потолок штольни. Чёрная кружевная вуаль закрывала лицо. Пальто с воротником из горностая скрывало очертания тела. Кожа была видна только на его больших покрытых шрамами руках. Поблекшие синие татуировки сплошь покрывали суставы пальцев, которые заканчивались у второго сочленения, наверху фаланг. Рукава пальто, тоже отделанные мехом, были запачканы пульпой и похожими на слизь выделениями стен штольни. Пистолета Мох не видел, но догадывался, что он спрятан в складках мерзкого пальто. Мужчина двинул левой рукой, и из рукава в ладонь скользнула книга «Певчие птицы острова Козодоя».

— Моя книга, — не удержался Мох. Он решил хранить разумное спокойствие и старался не

---

[5] Сноски: 5
Чуть больше 2,13 метра (*прим. пер.*).

отвлекаться на женщину, которая зашла ему за спину.

– *Ваша* книга? — спросил мужчина. Голос его был звучным и отрывистым. — По-моему, мы по крайней мере можем согласиться, — он прочистил горло, — с тем, что книга эта не ваша, а наша.

— Как это? Она теперь ваша, поскольку вот она украла её у меня? — спросил Мох.

— Вы украли её из Музея. И, если только меня не осведомили неверно, — продолжил мужчина, — передавший её в дар судья украл её у одиозного орнитолога и серийного убийцы Франклина Бокса. Это книга Франклина.

— Была, когда-то. — Мох не видел смысла врать. — То был его личный экземпляр.

— За свою карьеру он написал всего одну книгу, ведь верно? Зато какую книгу! Вы согласны? — Мужчина закачался из стороны в сторону, и Мох поневоле подумал об ореховых деревьях около Музея.

— Я не специалист, — повёл он головой.

— «Певчие птицы острова Козодоя» были научно-исследовательским шедевром. Книга сделала бы имя автора известным повсюду, во всяком случае — среди орнитологов. Увы, по ходу дела он

убил и расчленил нескольких проституток. Такое надолго затеняет карьеру учёного. Многие из тех женщин внушали любовь «Красной миноге».

— Вы, похоже, хорошо осведомлены, — заметил Мох.

Мужчина пожал плечами:

— Судья Сифорт, тот самый, что засадил вас в тюрьму, понимал значимость книги. Она была ценна как научно-исследовательский труд, вот только сопровождала её занимательная история. Всегда волнующая тема, осквернённая соучастием. Судья устроил, чтобы книгу изъяли в тот день, когда Бокса заковали в кандалы и отправили в тюрьму. Франклин просидел в брикскольдской тюрьме… сколько, двенадцать лет, когда вы с ним познакомились? И потом он поведал вам о своей несчастной судьбе. В тот день вы пообещали ему выкрасть книгу обратно. Привели бы в исполнение небольшую, но сладостную меру отмщения за вас обоих.

— Откуда вам всё это известно? — От недоверия у Моха даже голос схватывало.

— Есть те, кто знает, — произнёс мужчина. Помолчав, добавил: — Люди зовут меня Агнец. — Он с осторожностью поставил книгу на столик, приложив уголок к дереву, а потом бережно уложил

её плашмя. Вытянул правую руку. Пальцы её были унизаны перстнями с рубинами, оправленными в тусклое золото. Застигнутый врасплох, Мох подумал было, что тот собрался обменяться рукопожатием, но Агнец разогнул свои обрубленные пальцы, и что-то выпало из них на стол. То был почерневший серебряный кулон, бегущая лисица на продетой через её закрученный хвост замызганной красной тесёмке. У Моха зашевелились волосы на руках.

— Уважение много значит, — сказал Агнец. — Это единственное из того, чем мы располагаем, что не позволяет нам порвать друг друга на куски, как зверям. Нет? — Он махнул в сторону книги. — Возьмите. Мне книги ни к чему. Она просто завлекла вас сюда.

Мох оторвал взгляд от кулона.

— Прошу, — произнёс Агнец.

Мох положил книгу обратно в сумку.

— Ну а теперь, господин Мох, уважая ваше и моё время, давайте перейдём к делу.

— У меня нет с вами никакого дела, — сказал Мох.

— Зато у меня есть дело с вами. Вы знаете, кто я такой?

— Представляю. Вы сказали, что вас зовут Аг-

нец.

— Да, зовут меня Агнец, но я имел в виду в более широком смысле. — Он сцепил руки за спиной, натянув пуговицы спереди на пальто.

— Я знаю, кто вы такой, — сказал Мох.

— А раз вы знаете, кто я такой, так и я знаю, кто вы такой. Так что, когда я говорю, что у нас с вами дело, я не предполагаю, что вы станете тратить моё время своей… — Агнец подыскивал слова, — «умышленной непонятливостью».

Мох был зол и напуган. Теперь, когда книга была у него, он мог бы сбежать, но почему-то эти люди знали его, знали, как и где его найти. Давно ли они следили за ним? Выбора не было никакого — оставалось слушать. Об Агнце он впервые узнал в тюрьме. Агнец был одним из тех деятелей подпольного мира, о ком все шёпотом рассказывали друг другу всякие истории, но кого видели немногие. Кличку свою он получил ещё и из-за своего порока от рождения, наделившего его округлыми глазками-бусинками и лицом, вытянутым наподобие овечьего. Была в этой кличке и ирония. Агнец был львом и шутить с собой не позволял. По слухам, он действовал как наёмный убийца «Красной миноги».

— Я, — продолжил Агнец, — приверженец от-

кровенного разговора, господин Мох, так что не стану плясать вокруг да около. Нам необходимо обсудить ваше обязательство. — Мужчина указал на лисицу.

— Мое обязательство? — Этот кулон Мох видел не в первый раз.

— Вы знаете, что это?

— Откуда он у вас? — Мох далеко не был уверен, что хочет услышать ответ.

— Я ношу его в кармане уже немало лет, — сказал Агнец. — Как напоминание. — Пошарив по столу, он подобрал кулон и уложил его на ладонь. С привычной легкостью повернул его, словно игрок потёртый амулет. Кулон исчез в рукаве. — Он принадлежал одной девочке. Вы знали её под именем Мемория. В общем-то, вы ей его и подарили, ведь так? Вы были влюблены в неё.

— Кто вам это рассказал? — набычился Мох. Что-то вроде трескотни цикад в голове грозило расколоть ему череп.

— Эту лисичку я взял не у Мемории, — произнёс Агнец, будто и не слыша Моха. — Я взял её у человека, который должен мне большую сумму денег. Человека по имени Джон Машина.

— Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, — сказал Мох. — Мемория мертва, а Джона я

не видел с тех пор, как она погибла.

— Позвольте мне внести ясность. Она не погибла, она не утонула. Случайность, но в той жуткой передряге она выжила.

— Её падение не выходило у меня из головы всякий день с тех пор, как это произошло, — выговорил Мох. — Океан тогда озверел. Не понимаю, как она могла выжить.

— Я знаю наверняка, что ей это удалось. Её вынесло на хребет, где полно заброшенных шахт. Это удержало её на поверхности, хотя она и была без сознания. Позже отливом её снесло на литораль, заиленные участки берега, выходившие наружу при отливе. Там её и нашли любители покопаться в прибрежной грязи — скорее мёртвую, нежели живую. Вообразить себе не могу, чтобы она долго протянула, если бы не эти падальщики. Так что можете не сомневаться. Мемория жива по сей день, стала взрослой женщиной, само собой. Однако, по-видимому, никто не знает, куда она подевалась — в том-то и проблема. У меня есть желание отыскать её — и как можно скорее.

— Зачем? — Мысли лихорадочно крутились в голове Моха, пытавшегося разобраться в последствиях того, что он услышал. Агнец перестал раскачиваться.

— Когда я увидел, как она красива, на что способна, я безо всяких сомнений понял, что она изумительнейшее из существ. Истинное сверхъестественное существо, свет, дух очищающий, способный вырвать меня из отстоя мира сего. — Голос его перешёл на рык. — Она моя собственность. Я купил её у Джона Машина, а он обманул меня.

— От меня-то вам что нужно? — спросил Мох, которого уже тошнило от наваждений Агнца.

— Всё просто. Мне нужно, чтобы вы нашли её. Вам известен её нрав, места, где она, скорее всего, частенько бывает.

— Это безрассудно. Я знал её ребёнком.

— Проделайте это незаметно и, как только точно выясните её местонахождение, незамедлительно сообщите мне.

— С чего это, чёрт возьми, я вдруг стану этим заниматься?

— С того, что, если не станете, я непременно устрою так, что вас до конца жизни упрячут обратно в брикскольдскую тюрьму. Там, за её стенами, у меня много соратников, и не все из них в камерах сидят. Лёгкой отсидки не будет, Мох. — Мужчина хмыкнул, но в решительности его угрозы ошибиться было невозможно. — Ваша

задача, когда придёт время, сообщить Оливеру Таджалли[6], торговцу старинными книгами. Вы его знаете? Мне сказали, что да. Он непременно передаст сведения мне в целости и сохранности. Таково обязательство Оливера.

Мох раскрыл рот, чтобы возразить, но тут что-то кольнуло его в шею. Он шлёпнул ладонью по этому месту и почувствовал, как ладонь сделалась мокрой и стала неметь.

— Разговор на этом окончен. Вы о нём не расскажете никому, не вздумайте. Надеюсь, нам не понадобится встречаться ещё раз, но не делайте ошибки, воображая, будто можете оставить своё обязательство невыполненным. Приятного чтения. — Агнец ушел во тьму штольни.

Мох, обернувшись, увидел, как женщина пятилась к выходу из штольни. В руке она держала приспособление, состоявшее из иглы и резиновой груши-распылителя. Под нажимом молочно-белое облачко какой-то жидкости осаждалось каплями на землю и застывало. В штольне потемнело. У Моха подогнулись колени. Он резко опустился на корточки и невнятно молил о чём-

[6] Сноски: 6

«Таджалли́» в исламе — «богоявление». В учении о единстве бытия божество есть единая трансцендентная сущность, являющаяся в бесчисленных образах земного бытия (*прим. пер.*).

то женщину, которую теперь расплывчато видел перед собой. Она заговорила с ним, стала успокаивать, но слова были невнятны. Мох поднял руки, и их повело в самые неожиданные стороны. Он заговорил, но слова деревянными чурками застревали у него во рту.

Мох открыл глаза в чужой постели. Подушка пахла пылью и корицей. Поперёк ног лежало что-то тёплое и тяжёлое. Опершись на локоть, он глянул вниз на своё голое тело. Мурлыкавшая кошка ответила на его взгляд светящимися безучастными глазами. С неба пробивался лунный свет, осеняя голубизной всё вокруг. Размера комнаты как раз хватало, чтобы вместить кровать. Тело чуть перевалилось к центру, где спала и сладко посапывала женщина, укравшая его сумку, тоже голая. Тело её сплошь покрывали татуировки, изображавшие фантастических чудовищ: демонов, троллей и фей. Поняв, что разглядывает он всё это чересчур долго, Мох отвернулся: голова болталась так, будто в ней лежал сбитый с равновесия кирпич. Толчок ноги отправил кошку прочь. Придерживая дыхание, Мох скатился с кровати.

В смежной комнате на деревянной сушке нашёл свою покоробившуюся одежду. От неё слегка

несло рвотой. Его сумка (с книгой) стояла меж ножек стула. На кухонном столе слабо мерцала керосиновая лампа, там же среди пустых бутылок из-под спиртного и ложек стояли три замызганных стакана. Подняв стакан, Мох понюхал его. Абсент. Как раз тогда он и заметил на внутренней стороне своего запястья татуировку — завившуюся кольцами красную миногу. Он притронулся к центру рисунка — разинутой пасти, наполненной крохотными зубками. Вытянутое тело было завито в спираль против часовой стрелки. Кожа вокруг наколки воспалилась. Изо всех унижений, через которые прошёл Мох за последние несколько часов, это вызывало самое яростное бешенство. Он направился было к двери в спальню, но остановился, сделав два шага. Мемория была жива. Что бы тут ни произошло, как бы оно ни трепало нервы — всё это не имело значения перед такой возможностью. Ему нужно было привести голову в порядок — без свидетелей.

Мох оделся, втиснув руки в рукава рубашки, кое-как застегнув пуговицы. Натянул брюки и сунул босые ноги в заляпанные грязью ботинки, не желая терять время на поиски носков. Уже застегнув пальто и перекинув лямку сумки через плечо, он заглянул в спальню. Женщина

всё ещё спала, как и кошка, угнездившаяся у неё в углублении поясницы. Он рывком закрыл дверь, стараясь не обращать внимания на боль от наколки на запястье. Перед тем как уйти, Мох устроил в дверях завал из стульев и прихватил с собой туфли женщины.

Когда он распахнул входную дверь, заплясал огонёк керосиновой лампы. Мох вышел на площадку деревянной лестницы. Квартира располагалась в мезонине, откуда открывался вид на громадное пространство. Лунный свет, сочившийся через ряд слуховых окон, высвечивал помещение почти такое же большое, как центральный зал Музея естественной истории. Хоть и трудно было различить в протянувшемся внизу скопище что-нибудь конкретное, Моху показалось, что в одном месте он смог различить фигуру слона. Поведя в изумлении головой, он зашвырнул туфли как можно дальше.

Метеориты и бабочки

Мох покинул здание и по липовой аллее вышел на ближайшую улицу. Укрывшись в тени, он оглянулся на Полотняный Двор — здание-ориентир, обращённое к морю. От него до Музея естественной истории было немало миль. В течение дня место служило оживлённым рынком, зато ночью оно было не так гостеприимно. Под входной аркой курили трое мужчин в фартуках мясников. Чуть поодаль с грузовика разгружали свежую рыбу, лязг и бряцание достигали ушей Моха с призрачным запаздыванием. Вид здания не вызвал никаких воспоминаний о минувших нескольких часах. Так или иначе, но женщина провела его через весь город. Наличие третьего стакана позволяло предположить, что кто-то ей помогал.

Уход из здания воспринимался побегом, хотя не было никаких признаков, что его держали взаперти. Спустившись по лестнице из квартиры в мезонине, Мох пробирался по чердаку Полотняного Двора, петляя среди вековых залежей всякого сора. Звук льющейся воды и холодное

свечение откуда-то ещё в помещении вызвали любопытство, но выяснять было некогда. Цель состояла в том, чтобы выбраться из здания. Женщина могла проснуться в любой момент, а его самого наркотик одурманил настолько, что противостоять ей не было сил. «В другой раз», — обещал он себе. Инстинкт вывел его к лестнице.

Опершись спиной о ствол дерева, Мох осмотрел сумку. Большая часть из его причиндалов была в ней, зато кто-то опустошил кошелёк. Без денег на такси не поедешь, выбор был невелик: шагать пешком. И он, замёрзший и злой, зашагал по пустым улицам. На рассвете добрался до дома, где жил судья Сифорт и где в предыдущие три месяца у него была работа с предоставлением жилья. Проходя по вестибюлю, он держал в памяти каждую трещинку в старинном деревянном полу. Передвигаться скрытно стало привычкой для Моха, и он не хотел, чтобы его приход был замечен. Одолеваемый усталостью (несомненно, ещё один затяжной результат действия наркотика, каким его накачали), он взбирался по ступеням, сдерживая каждый шаг. На верхней площадке вытащил из кармана ключ и вошёл в апартаменты судьи. Осторожно закрыл за собой дверь, когда оказался в окружении знакомых запахов книг

и старинной мебели. Тикали дедушкины часы, но в остальном в квартире было тихо. Не снимая ботинок и пальто, он прошёл по богато обставленным комнатам к помещению для прислуги в глубине. Рухнул на кровать, застонавшую всеми пружинами. Через десять часов сна безо всяких сновидений он пробудился: как показалось, кто-то прошептал его имя, однако то была всего лишь отдалённая вибрация самолётных пропеллеров, удалявшихся, похоже, навечно.

Лёжа в тёплой постели, Мох вслушивался в дождь за окном. Он частенько проделывал такое — проснувшись, лежал спокойно, восстанавливая в памяти недавнее прошлое. Три месяца. Казалось, куда больше времени прошло с тех пор, как он ответил на объявление в газете о месте домашнего наставника с жильём. В контору поверенного в делах Сифорта он заявился с потёртым портфелем, доверху набитым фальшивыми рекомендациями. Он не ждал, что его примут. Им двигало любопытство. Хотелось побольше узнать о человеке, отправившем его в тюрьму на основе косвенных улик. Поверенный и не думал скрывать своего нетерпения. Собеседование он вёл торопливо, оставляя впечатление, что это поручение считает для себя пустой тратой време-

ни. К тому же он, возможно, был и слегка пьян. Так и казалось, что его обуревает едва ли не заговорщическая готовность попасть под обаяние проявленной Мохом добропорядочной общительности и его картонной подноготной. К своему удивлению (и тревоге), с собеседования Мох ушёл с контрактом, ключами от квартиры Сифорта и авансом в счёт своего жалованья. Просидев в раздумьях за выпивкой-другой в ближайшем баре, Мох избавился от жгучего желания бросить ключи в первый попавшийся общественный туалет, а вместо этого задумал опасный план. В тот же вечер, попозже, Мох позволил себе войти в пустую квартиру.

Поверенный посоветовал ему располагаться в ней в ожидании возвращения семейства из загородного поместья. На три месяца, предоставленные в его распоряжение, он выбрал спальню бывшей горничной. Она была меньше его тюремной камеры. В отсутствие семейства он мог бы спать на большой кровати Сифорта, а то и в детской. Но этому он предпочёл тесные стены и твёрдый матрас в комнатке прислуги. Намерения оставаться надолго у него тогда не было. План состоял в том, чтобы обследовать квартиру, отыскать книжку Франклина Бокса и, возможно,

опустошить между делом бутылку-другую бренди. Появилась возможность исполнить данное Боксу притянутое за уши обещание и малость побаловать себя ребяческими проказами. Однако книги не было нигде. Однажды утром, глянув в зеркало на свой угрюмый лик, бородатое лицо, он понял, что выглядит совсем не так, как человек, сидевший в зале суда, вершил который судья Сифорт. В плане Моха пробилось новое ответвление. Он останется, будет играть избранную им роль и в конце концов выяснит, где находится книжка «Певчие птицы острова Козодоя». Шло время. Мох удобно устроился в квартире, а потом, три недели назад, наткнулся в среднем ящике рабочего стола Сифорта на дарственную Музею.

Мысли Моха навели его и на события предыдущего дня. Он нежился в углублении матраса, сунув под одеяло у бедра несамовзводный револьвер. Пытался свести события воедино, начиная с того момента, как он украл книгу, но память подводила, последовательность событий не выстраивалась. Снадобье, впрыснутое ему той женщиной, было из фармацевтической категории. Она могла ему конечность оттяпать, а он так без понятия и остался бы. Мох поднял руку. Мышцы под татуировкой заколoло, когда он разогнул

пальцы. «Такого я бы не выбрал», — подумал он. Уронил руку и зажмурился от поднявшейся с матраса пыли.

«Красная минога». Джон Машина был её членом. Слова Агнца подтвердили то, о чём Мемория каким-то образом знала много лет назад. Мох даже в постели сел от поразившей его догадки. Агнец, должно быть, и был тем самым мужчиной, к кому Джон Машина возил её на показ — причина ругани на волноломе. Мох клял себя, что сразу не сообразил того, что было явно — с минуты, когда Агнец показал ему лисицу. Мемория говорила, что Джон возил её к мужчине, разговаривавшему с ней через плетёную ширму. Он оставался скрытым за ней, но под конец разговора приложился глазом к плетению. Пристальный его взгляд встревожил её. И что же с Меморией? Может, Агнец прав? За всё время своей долгой прогулки от Полотняного Двора Мох ни о чём другом и не думал.

Память о её падении, пусть и пережитая бессчётное число раз, ужаса своего не утратила. Казалось невозможным, что она смогла остаться в живых. Сколько раз в своих фантазиях представлял он, что видит её? В тот день море было слишком всесильным, слишком холодным. Скры-

тые под водой скалы походили на гигантские клыки. И всё же ясно, что Агнец верил тому, о чём говорил. Иначе зачем бы стал лично угрожать Моху? Показ лисицы был маневром мастерским. Агнец понимал, что этот жест окажется сильнее слов. Своего истинного дня рождения Мемория не знала никогда. Вот они и придумали его — седьмое сентября. Лисицу Мох подарил ей, поздравляя с этим днём. У серебра был изъян в том месте, где должен был быть глаз. В штольне Мох сразу же заметил эту мелочь, хотя много лет и в мыслях её не держал. Все-таки появление лисицы едва ли доказывает, что Мемория жива. Моха всегда интересовало, что в тот день Джон зажал в ладони. Теперь он узнал. Лисица вырвалась на волю во время борьбы на волноломе. Агнец не собирался предъявлять доказательство. Его намерением было зашвырнуть Моха обратно во времени, когда чувства были напряжены больше всего, очистить его разум от всего другого.

И получилось. Моху захотелось поверить. Печаль смерти Мемории была бременем, которое он носил немало лет. Мысль, что она, такой умный озорной ребёнок, ушла из жизни, была тяжким грузом. Он винил себя, что не сумел удержать Джона настолько, чтобы предупредить

несчастный случай. Всё тогда произошло слишком быстро. Теперь он чувствовал, что одурачен, позволив вертеть собой Агнцу, обнаружившему его слабое место. Мох никогда не был способен позволить Мемории уйти. Бессилие в том, чтобы изменить события того дня, нанесло ему такую рану, какую не смогли бы исцелить никакие доводы рассудка. Он вновь упал на постель. Возможно, теперь шанс изменить это появился.

Уткнувшись в более прохладную часть подушки, Мох жалел, что у него нет ни понюшки синиспоры. Она бы прочистила ему мозги. К снадобью этому он начал прибегать в тюрьме, чтобы сосредоточить разум на учении и отгородиться им, как стеной, от скуки. Когда появилось пристрастие, то оказалось, что оно зловредно прилипчиво, чтобы от него отрешиться. Синиспора ему все нервы обострила бы, но удерживала мысль, что необходимо выйти из квартиры, чтобы отыскать снадобье, — сильно удерживала. Последние свои запасы он израсходовал, добиваясь ясности разума для кражи в Музее. Выйти из квартиры Сифорта означало для него выдать себя за кого-то другого. Он натаскивал себя на восприятие личности Джозефа Леса, но это требовало сосредоточенности. Пристрастие к

синиспоре было опасно и приводило в смятение. Оно подрывало в нём способность подмечать важные тонкости. Оно распыляло сосредоточенность разума: случайный взгляд на улице воспринимался как допрос. Случайная встреча с полицией грозила катастрофой. Ирония в том, что вновь влезть в шкуру скромника Джозефа синиспора ему помогла бы, только вот не было её у него совсем. Мох закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Проснулся Мох поздно днём и с удивлением обнаружил, что чувствует себя отдохнувшим. Снадобье той женщины перестало действовать на его мышцы и связки. Откинув одеяло в сторону, он уселся на край матраса. Его огорчала мысль, что Агнец мог и других пустить разыскивать Меморию. У такого, как Агнец, много связей и множество присных, вхожих туда и способных добыть то, к чему у других нет ни подхода, ни доступа. Если слова Агнца были правдой и Мемория жива, Мох должен отыскать её первым. Природа одержимости Агнца не очень понятна, но трудно вообразить себе, что Мемории она доставит радость. Глядя на колышущиеся занавески на окне, Мох досадовал на себя, понимая, что взвинченность, которую он ощущал, была именно тем, на

что рассчитывал Агнец.

Он глянул на старые наручные часы, которые привык носить. Когда-то они принадлежали настоящему Джозефу Лесу. С них-то Мох и состряпал свой обман. Часы он отыскал, роясь в ящике со всяким хламом на барахолке Полотняного Двора за день до собеседования с поверенным. Полустершаяся надпись на них привела его сначала в Городской архив, а потом и к заросшему травой участку на Загульном кладбище. Там, на ступенях небольшого склепа, он внёс в записную книжку вымышленную биографию Джозефа Леса и выучил её наизусть. С того момента Ламсден Мох, беглый узник, стал Джозефом Лесом, замкнутым литературоведом, зарабатывавшим на жизнь в качестве частного наставника. Отражение в стёклышке часов подсказало, что Мох выбился из образа. Борода не подровнена, а спутанные волосы нуждаются в мытье. Мох подумал было принять душ, но удовольствовался лишь тем, что вымыл руки и умылся. В ванной он набрал прохладной воды в горсти и вылил её себе на голову, склонившись над раковиной, пока вода стекала по лицу. Тикали дедушкины часы. Он понял, что ему делать. Понял это, едва открыл глаза.

В доме на Благоуханном Стоке Мох не бывал с

тех пор, как сбежал из Брикскольда. Невзирая ни на что, решил, что именно отсюда он начнёт свои поиски Мемории. Пусть и отдалённый, но всё же был шанс, что за минувшие годы она могла когда-то возвращаться в этот дом. Подходя к дому по дорожке, он узнавал знакомые формы, выступы и трубы, чернильную тень от дома на воде. Хотя формально дом всё ещё оставался собственностью Джона Машины, адвокат платил все налоги на строение со счёта, открытого матерью Моха. Джон так и не был признан умершим.

Канал был в точности таким, каким Мох его помнил: вода, задыхающаяся под обилием лилий, воздух, дрожащий от непрестанного земноводного хора. Издали казалось, что дом находится в приличном состоянии, с учётом того, что он немало лет простоял пустым. Ставни на окнах целы. На крыше недоставало лишь нескольких черепиц. Мать Моха называла дом «Бессонницей»: в нём она не ведала покоя. Настоящее же название дома, «Благоуханный», всё ещё значилось на столбах, которые миновал Мох, переступая границу владения.

Мох дошел до конца дорожки и направился к дому, прокладывая дорогу через неухоженный садик. В воздухе потянуло приятным ветерком,

когда он постучал в дверь. Ждал, но ответа не было. Поведение его вовсе не было спектаклем для тех, кто, возможно, за ним следил. Мох наполовину ожидал, что в дом уже кто-то вселился. Подёргал ручку, но дверь была на запоре. Ключ потеряли ещё много лет назад. Обернувшись, он глянул на двор, где столб насекомых, высвеченный заходившим солнцем, вился над сорняками. Дикими зигзагами заметались над каналом первые летучие мыши. Позади дома Мох продрался сквозь разросшиеся кусты форзиции к окошку веранды. Поплевав на рукав, оттёр им участок стекла, пока не стало видно помещение внутри. Оно было высвечено водянистой зеленью в последних лучах солнца. Удалось разглядеть длинный стол, заваленный книгами. Любопытствуя, Мох протиснулся между растениями и окном, надеясь разглядеть получше через следующую раму. И тут обнаружил, что стекло разбито. Похоже, какое-то время оно так и держалось. В трещины набилась грязь и гниль, замазка отвалилась, подоконник по другую сторону покоробился. Кусок стекла, легко подавшись, отделился от рамы. Мох положил его на землю и взялся за другой. Вскоре он расчистил достаточно, чтобы пролезть внутрь. И уже несколько секунд спустя стоял в небольших

покоях, чувствуя себя незваным гостем в доме своего детства. В этой комнате много лет назад он нашёл свою мать лежавшей на боку на кушетке и всё ещё державшей в руках посудное полотенце, концы которого были погружены в мышьяк.

— Эй, есть кто? — Голос его звонко отдавался в пустой комнате. Как и раньше — никакого ответа. Он подошёл к старинному столу, за которым когда-то сидела его мать, сводя счета домашнего хозяйства и тайные счета, которые она вела для Джона. Её кресло было придвинуто к стене. Он сел в него, радуясь удобству обводов, и осмотрелся. Кто-то побывал в этой комнате, и недавно. На книгах, как попало уложенных стопками на столе и на полу, было относительно мало пыли. Свёрнутые в рулоны схемы и карты расставлены по стенам. Мох поднялся и подошёл, обходя стол, к месту, где лежала развёрнутой большая карта. Углам её не давали завернуться всё те же окаменелости древних членистоногих, трилобитов, которые его мать использовала как пресс-папье — редкий и неизъяснимый подарок матери от Джона. Мох всмотрелся в карту острова Козодоя. Надписи на ней были сделаны от руки, их трудно было разобрать в меркнущем свете. Заброшенный город Абсентия, кусок побере-

жья за ним — пояснения карандашом на карте. Внутренняя часть острова была относительно не размечена: пространство пятнистой жёлтой бумаги, прерываемое линиями, призвано было обозначать леса.

— «Вот где монстры», — проговорил Мох. Взял наугад из ближайшей кипы книгу о воздействии небесном. На ту же тему и лежавшая под ней, и та, что под той. Озадаченный Мох покачал головой.

Мох вышел из комнаты в коридор. Тот вёл к прихожей и лестнице. Забытые подробности всплывали в его памяти: длинный дорогой ковёр с протёртой лысой дорожкой по центру, картина с панорамой Ступени-Сити в удачном ракурсе с моря, мышиная норка из книги сказок в стенной панели. Он уже собрался наведаться в столовую, где ел бесчисленное число раз, как вдруг расслышал донесшийся с верхнего этажа звук, похожий на шуршание бумаги.

— Есть там кто-нибудь? — Голос его замер в мёртвом воздухе.

Шуршание повторилось. Мох поднялся по лестнице. Ноги его помнили самую предательски скрипучую ступеньку. Наверху он пошёл на звук к двери в конце коридора. Постучался. Не получив ответа, открыл дверь и вошёл в комнату.

Там его приветствовали трепетавшие крылышки *Сатурний луна*[7], усевшихся на его одежду. Поддоны с листьями чёрного ореха были расставлены на столе под закрытым окном. Под листьями лежали куколки *Сатурний*. Несколько бабочек совсем недавно вылупились. Поражённый, он ощутил сильное желание потрогать их трепещущие крылышки, но передумал. Вместо этого снял запоры и распахнул ставни. Кваканье тысячи восторженных лягушек наполнило комнату. Бабочки, почувствовав свободу, вылетели в вечер и пропали из виду. Мох взял стеклянный распылитель с края окна и обрызгал поддоны с листьями. Рука его дрожала. Выращивать бабочек-сатурний было детским увлечением Мемории. Опрыскав листья, он вернул сосуд на место и посмотрел вниз на канал. Странная фигура стояла там на берегу, глядя в воду, где по поверхности скользили мерцающие светлячки и летучие мыши. Мох отпрянул подальше от окна, чтобы самому видеть, но не быть замеченным. Не сразу, но он разобрал, что видит девочку, сидящую на спине

[7] Сноски: 7

Сатурния луна (Actias luna) — бабочка зелёного цвета с размахом крыльев до 11 см; передние крылья треугольные с серповидно загнутой вершиной, задней формой своих хвостов напоминают лиру (*прим. пер.*).

громаднейшего чёрного пса. Через несколько минут девочка неспешно побрела вдоль берега канала и скрылась в травяных зарослях.

Мужчина со стеклянной булавкой

Мох снял громадных размеров атлас с полки букинистического магазина Таджалли и бухнул его на стол. Клерк за стойкой бросил на него язвительный взгляд и, казалось, собрался что-то сказать, но потом вновь занялся пересчётом денег. Неопрятная стопка подобных же фолиантов образовалась слева от Моха. У большинства были повреждены переплёты и вываливались листы. На обложках некоторых были оттиснуты названия кораблей, а поля испещрены надписями вроде водных глубин и картографических координат. Он раскрыл обложку и почувствовал, как от кожаной пыли защекотало в носу. Увиденная в прошлый вечер странная девочка-подросток занимала все его мысли, и он никак не мог выбрать, какую из книг ему хотелось купить. Переворачивал страницы, не вникая в содержание.

Пока он выбирался из дома, она уже ушла. Он шёл по кромке канала, пока небо совсем не потемнело и луна не осветила воду. Шёл он следом в том направлении, в каком, так ему казалось,

ушла девочка, но нашёл лишь следы её ног. Остановился Мох только тогда, когда темнота уже не позволяла различать никакие дополнительные приметы.

Наличие *Сатурний луна* было куда более убедительным свидетельством того, что Мемория, возможно, живее, чем кулон-лисица. Он попробовал вообразить себе мир, где снова была Мемория, но не смог почувствовать его реальность. То, чему он верил в отношении Мемории, а также его роль в её смерти рубцом корежили его сознание. А потом появилась эта девочка и её пёс. Что ему до так непохожей на юную Меморию девочки с жёстко выпрямленной спиной, промелькнувшей на несколько секунд в скудном свете? Зачем оказалась она около заброшенного дома в поздний вечер? Мысли Моха кругами ходили немало часов, но ничего осознанного из них так и не вышло.

— Он не придёт, — сообщил клерк по имени Квакуша. — Он приходил в половине шестого. Пьяный в хлам. До самого дня в себя приходить станет, а потом, если ему и понадобится чья-то компания, так и то его чёртова попугая. Вы прокакали удачу, дружок.

— Я просто за книгой пришёл, — буркнул Мох,

не подымая глаз.

— Ах, я ошибся, как же, — произнёс Квакуша, закатывая глаза.

Мох вздохнул и плюхнулся в кресло, сплошь выстланное кошачьей шерстью. Держать книгу на коленях было тяжело. Мох был зол до чёртиков. Левый глаз резало, будто под веком песчинка засела. Три не три — никак не убирается. Под правым глазом мускул дрожал — последствие того, что почти всю ночь пролежал без сна. Других покупателей, кроме Моха, в магазине не было. Он пришёл до того рано, что видел, как Квакуша отпирал дверь, и тут же прошёл за ним. В книжном Таджалли ему нравилось больше, чем в квартире Сифорта. У Таджалли забитые книгами помещения были не так шикарны, как у его работодателя. Они были меньше, заставленные книгами полки поглощали звуки. Он чувствовал себя как дома среди сложенных в стопки книг, меж которых совершал свой неспешный обход крапчатый кот по кличке Мышь. Судья Сифорт кошками брезговал. Моху доставляло угрюмое удовольствие укладывать своё всё в кошачьей шерсти пальто на пурпурный бархат какой-нибудь козетки судьи. Он побарабанил пальцами по ручке кресла. В раздражении закрыл атлас, снова потёр глаза.

Выбрал другой атлас из отложенных ранее.

Подошёл к клацнувшей стойке. Всполошенный Квакуша муреной выскользнул из-за скалы древнего кассового аппарата. Когда он разглядел, что за книгу держал Мох, зрачки его глаз заострились.

— Аахх, первое издание «Странника Золотого мира», — сказал он. — Я и не знал, что у нас оно есть. Полагаю, вам известно, что это довоенное издание?

— Да, — кивнул Мох. У него бурчало в желудке. Хотелось скорее уйти. — У вас пакет есть? На улице дождь идёт.

— Мм. — Клерк шарил под стойкой, пока Мох оглядывал плотно уставленные книгами полки у него за спиной. Давняя шутка: книги не дают этому зданию упасть. Стоит их убрать — и оно рухнет. Позади Моха открылась входная дверь, впустив клуб сырого воздуха и шорох начавшегося с ночи дождя. Кот Мышь, которого Мох не заметил, вспрыгнул на стойку рядом с его рукой.

— Я это только к тому, что названия многих мест на карте острова Козодоя будут неправильными, — пояснил продавец, беря книгу из рук Моха. Моха больше интересовали старинные названия, нежели те, что навязывались земель-

ными инспекторами, приходившими на те земли вслед за выводом войск. Смена названий стала солью на ране для тех, кого выселили из родных домов. Мох решил не убирать книги и карты из дома на Благоуханном Стоке из-за риска напугать Меморию, если и в самом деле именно она пользовалась ими. Покупая атлас, Мох надеялся подыскать хоть какой-то ключик к проявленной непрошенной гостьей заинтересованности в этой островной местности.

— Я понимаю, спасибо. — Мох следил за суетой продавца. Квакуша был прав в своём предположении. У Моха была надежда увидеть Оливера. В том, что этот человек приползал домой на карачках на рассвете, необычного не было. Он был неисправимым бабником. Мох надеялся перехватить его до того, как тот спать завалится. У него имелись острые вопросы о том, что связывает Оливера с Агнцем. Теперь, когда Оливер добрался до кровати, он много часов пробудет в бессознательном состоянии.

Квакуша раскрыл книгу, вложил закладку, пропустил все страницы через большой палец. Глаза у него расширились.

— Вот, я же говорил, остров Козодоя изображён всё ещё таким, каким он был до того, как

доступ туда был запрещён. Взгляните на все эти мелкие дороги и городки, просто прелесть. Уверен, что сейчас остров не так прекрасен. Славные форзацы, между прочим, теперь подобных типографских чудес не увидишь. Утраченное искусство, чего уж там. — Продавец пробежал пальцами по краям обложек книги. — Боюсь, что вам оно безо всякой пользы будет. Вы уверены, что я не смогу заинтересовать вас чем-то другим… э-э… более практичным? — Он закрыл книгу. Дуновение воздуха взъерошило шерсть у кота.

— Мне эта в самый раз, — сказал Мох и протянул продавцу скомканную купюру. Поджав губы, Квакуша опустил своей перепачканной чернилами рукой книгу в пакет. И сунул его Моху.

— Что ж, пожалуйста. Очень надеюсь, что книга вам понравится.

Мох взял книгу, крутя головой. И только повернулся, чтобы уйти, как почувствовал — кто-то коснулся его руки. Грузный мужчина в верблюжьем пальто преградил ему дорогу и сжал его руку в своей прежде, чем Мох сумел среагировать.

— Шторм. Мое имя Джей Харт Шторм. Если только я не ошибся непростительно, вы учитель, нанятый Хабихом Сифортом. Да, нет? — Мужчина

оглядывал Моха с головы до ног. Его водянистые розовые глазки были погружены в складки, пухлые, как лепестки. Маленький ротик, проглядывавший из густой, круто побитой сединой бороды, и прикрывал ряды кривых зубов.

— Нанятый, вообще-то, поверенным в делах, но — да, это так, — подтвердил Мох. — Я работаю у судьи Сифорта.

— Вижу, вы атлас купили? Для детей? — Шторм с хлопком свёл ладони.

— Вам знакома эта семья? — произнёс опешивший Мох.

— Да, мне она знакома. Судья — мой близкий друг.

— Тогда вам известно, что дети сейчас… — начал Мох.

— За городом, разумеется, надо же было мне такую глупость сморозить. — Он шлёпнул себя по лбу, оставив красное пятно на конопатой коже. — Они ж всегда с Хабихом в деревню ездят. Некоторым, полагаю, этого хватает. — Он указал рукой на книгу. — Вы её заранее купили, к их возвращению к учёбе?

— Так и есть, господин Шторм. — Мох молчал, не зная, что ещё сказать. — Что ж, приятно было познакомиться, но вы должны извинить меня,

я уже уходил.

Шторм насупился, лоб его пошёл морщинами.

— Прежде чем вы уйдёте, — сказал он, встав между Мохом и выходом, — есть одна штука… Не сможете ли вы мне помочь?

— Что за «штука»?

— Такое дело, малость неловко, но миляга Хабих, малый забывчивый, должен был оставить для меня книгу. Я, видите ли, собиратель, чуток библиофил, и он приобрёл её от моего имени. Мы должны были встретиться до его отъезда, с тем чтоб он мне её отдал, но, такое дело, вы же знаете, такое случается. Дела в последний момент, и всякое такое.

— Простите, господин Шторм, уверен, вы поймёте, что просто так, без разрешения я не могу дать вам книгу из собрания судьи. С вами я только что познакомился, а какого-либо способа связаться с ним у меня нет. Без обид. — Мох направился напролом к выходу, но сумел лишь ещё плотнее приблизиться к Шторму.

— Я был бы огорчён, если б вы так поступили, — расхохотался Шторм. — Боже правый! Но, по счастью, у меня есть расписка самого Хабиха, способная дозволить обмен. Если б я знал, что сегодня явится возможность встретиться с вами,

я бы захватил её с собой. Вообще-то, я заходил вчера вечером, но вас дома не было.

— В таком случае, полагаю, все в порядке. Когда вас ждать? — Мох извёлся от растущей подозрительности. Шторм, похоже, этого не замечал или предпочитал не обращать внимания.

— Завтра вечером не слишком рано? Скажем, в семь?

— Превосходно, господин Шторм. Что за книга? Я постараюсь, чтоб она была готова.

— Она называется «Певчие птицы острова Козодоя». Давайте-ка я вам его запишу. Хабих просто помешан на книжках про птиц. — Ловким взмахом руки Шторм извлёк авторучку в черепаховой оправе и идеальным каллиграфическим почерком написал название книги на пакете, который держал Мох. А тот воспользовался случаем, чтобы самому подобраться. Он не отрывал взгляда от стеклянной булавки на лацкане мужчины — крошечный рубин, как капелька крови, в золотом зажиме. — Вот так. — Ручка исчезла в пальто Шторма. — Мы обо всём договорились. Всего вам доброго, господин… ужасно виноват, не расслышал вашу фамилию…

— Лес, — сказал Мох, пожимая его руку. — Джозеф Лес. — Мох бросил взгляд на Квакушу, но тот

был занят устройством полки эротических книг за стойкой, напевая и с видом профана качая головой из стороны в сторону.

— Завтра вечером, стало быть, — гаркнул Шторм. Натужно улыбаясь, Мох вышел из магазина с пакетом под мышкой.

Дождь обратился в раздражающую морось. Мох направился не прямо домой. Сунув книгу под мышку, он прошёл несколько кварталов, держа путь к громадной лестнице, давшей название городу. Вырубленные в известняковых скалах ступени каким-то чудом древней инженерной мысли образовали защитный вал города. У подножия лестницы плескалось Радужное море. Ступени расходились в обе стороны на многие мили, теряясь во мгле. Мох приходил сюда часто. Он вбирал в лёгкие этот воздух. Морось осаждалась на его лице, остужая разгорячённую кожу. Ощущение огромного простора позволяло чувствовать себя неприметным среди сновавших мимо людей, занятых своими заботами, которые не обращали внимания на ещё одну живую душу, вперившую взгляд в серую даль.

Было ли совпадением, что Шторм попросил именно эту книгу? Судя по Договору дарения, найденному Мохом в столе Сифорта, книга была

передана Музею шесть месяцев назад. Мох почувствовал, как стянуло желудок. Приходилось играть предложенную роль. Теплилась надежда, что тем дело и кончится. Если же нет, то оно поможет высветить любой внутренний мотив, какой, возможно, есть у Шторма.

Мох ушёл со ступеней и смешался с потоком пешеходов вокруг Полотняного Двора. Взгляд его скользил по людям на площади, выискивая женщину в наколках. У человеческого глаза есть невероятная способность различить знакомое лицо среди сотен других, и Мох заметил, что не сводит глаз со Шторма, стоявшего в паре сотен шагов от него. Мужчина на него не смотрел, но Мох был уверен, что тот отвернулся в самый последний момент.

Мох пошёл своей дорогой по краю площади, направляясь к обветшалой телефонной будке. Вошёл в неё, плотно закрыл за собою дверь, перекрыв уличный шум. В тесной кабинке стояла вонь, как в отхожем месте. На полу валялись использованные шприцы. Пластиковая трубка утробным плодом болталась на вытянутом шнуре. Мох отвёл взгляд. Вытащил красную шариковую ручку и посмотрел на надписи, сплошь покрывавшие все стенки будки. Отыскав сво-

бодное местечко, нарисовал маленькую птичку, поставив пять точек над её головкой. Сунул ручку в карман и вышел. Оставить знак — дело почти безнадёжное. Немало месяцев прошло с тех пор, как они виделись с Радужником, но Моху нужно было с ним поговорить.

Пустая карта

— Почему эта карта сверху пустая? — спросил Эндрю. Солнечный свет падал на мальчика, на его кресло и на тяжёлый раскрытый атлас, что лежал у него на коленях. Прошло два дня, как Мох купил эту книгу в книжном магазине Таджалли. Долгие часы провёл он в Центральной библиотеке, вчитываясь во всё, что сумел найти, об острове Козодоя и воздействии небес. Самое же увлекательное описание оказалось под носом, и Мох обнаружил его в два часа ночи.

> *«Десять тысяч лет тому назад в атмосфере над Радужным морем взорвался астероид. Самый крупный оставшийся его фрагмент завершил свой путь в центре острова, который позже получит название «остров Козодоя». Кратер имел почти восемь миль*[8] *в окружности. От удара повалились и сгорели все леса до самой ломаной береговой линии острова и было уничтожено всё живое. Под крате-*

[8] Сноски: 8
12,9 километра (*прим. пер.*).

ром обрушились все древние известковые пустоты, явив нутро острова звёздам.

С течением веков разрушенный остров сильно изменился благодаря стихиям и возвратившимся лесам. На остров вернулись многие виды птиц. Через девять с половиной тысяч лет после катастрофы эпицентр обнаружили первооткрыватели острова, женская сектантская община. К их удивлению, там образовался маленький островок, окружённый мрачным болотом. Женщины назвали островок внутри острова Глазком и объявили его местом священным, духовным прибежищем их сестринской обители.

Трудясь в условиях, погубивших многих из них, рабочие, привезённые сюда женщинами, выстроили большое монастырское здание. Фундамент и стены его были сложены из камня, оставленного после себя астероидом. Из болот были извлечены стволы древних деревьев, и это замечательное дерево пошло на полы, балконы, лестницы и столы в монастыре. Само здание стало известно как Глазок и с самого начала было местом печальным, хотя, как говорят, множество птиц в клетках оглашали песнями его покои. Всего через несколько недолгих лет на Глазке остались одни только женщины сестринской обители. Все остальные либо сбежали, либо умерли от болезней, либо покончили с собой. Сёстры не покладая рук натирали дерево воском и частенько пристально вглядывались через чёрную воду болот в непроходимый лес, будто ожидая из него чьего-то появления».

Предисловие к книге «Певчие птицы острова Козодоя» Франклина Бокса.

Был ли интерес незваной гостьи к Козодою как-то связан с монастырём Глазок? Книги о воздействии небес подводили к такому умозаключению. К тому времени как Мох добрался до конца отрывка, он уже гадал, а не отыскал ли он важный ключ к истории Мемории. В тот момент, впрочем, он был в тупике.

Шторм пропустил оговорённый срок. Это злило Моха. Несмотря на неизбежный неприятный осадок, какой эта встреча оставила бы, ему нужно было, чтоб она состоялась. Не хотелось оставлять дело незавершённым, только чтоб оно опять всплыло как-нибудь в менее подходящее время.

Ещё Моха беспокоило, что Агнец или женщина в татуировках следят за домом. От такого сочетания обстоятельств добра ждать не приходилось. Его, как жука, посадили на булавку, а такое заточение пробуждало сомнительные механизмы преодоления.

Глаза ломило от яркости страниц атласа. «С бренди перебрал», — подумал он. Эндрю поправил книгу и сильно подался вперёд, только что не упершись измазанными стёклами очков в северный регион. На диване напротив Мох растирал лицо. Он ополоснул рот бренди из чайной кружки и слизывал капельки с бороды. Спиртное

стекало по его горевшему пищеводу шариками расплавленного стекла.

Эндрю был уличным мальчишкой. За несколько недель до этого Мох схватил его за шкирку при попытке забраться в квартиру через дверь на чердаке. Он схватил мальчишку, собираясь отправить его обратно тем же путём, каким тот и заявился, но заметив, какой Эндрю тощий, предложил ему немного поесть. «Немного» обернулось банкой сардин и куском поджаренного хлеба, только Эндрю этого не замечал. Его больше привлекали книги из библиотеки Сифорта. Парнишка он был смышлёный, и вскоре завязалась у них поразительная дружба.

— На самом деле она не пустая. Просто там не так много сотворённого людьми, — пояснил Мох. — Теперь во всяком случае. После войны природа всё поглотила. — Он криво улыбнулся мальчику. — Может быть, когда-нибудь ты отправишься туда. А вернёшься — и заполнишь карту. — Эндрю некоторое время недоверчиво вглядывался Моху в лицо. Потом вновь обратился к книге.

— На что это было бы похоже? Если б я там был, в этом пустом месте?

«Он считает, что я всё знаю», — подумал Мох.

А вслух сказал:

— Травы, осока, тайга, множество хвойных деревьев. Ветрено. Зимой небо было бы до того ясным, что днём ты видел бы звёзды — во всяком случае некоторые. Земля осталась очень засорённой после войны, неразорвавшиеся снаряды, брошенное оружие — такого рода мусор.

Эндрю откинулся в кресле, широко раскрыв глаза.

— Жуть получается, — выговорил мальчик.

— У мест вроде этих есть своя красота, — сказал Мох, поводя плечами. — Планета исцеляет.

— Как думаешь, кто там живёт?

— Нынче там живёт совсем немного людей. Представляю себе, как бы ты извёлся, если б задержался там надолго.

— Я другое имел в виду.

— Животных? — Мох потёр виски. — Дай сообразить, мелкие млекопитающие, вроде куниц и лисиц, птицы, множество птиц. Рыбы. — Эндрю резко осел. Мох подался вперёд. — Зато в фиордах, как мне представляется, всё ещё можно встретить кита-убийцу, а то и двух. А известно тебе, что они способны выбросить из воды взрослого тюленя

на сорок футов[9] вверх? — Эндрю ухмыльнулся. Мох свернул цигарку, наполнив её табаком из особой табакерки, которую достал из кармана халата. Он выбрал из табака яблочные дольки и расположил их на столике из капа. Мальчик прямо-таки поедал Моха глазами.

— Мне показалось, ты сказал, что там никто не живёт? Откуда же ты столько всего про те места знаешь? — Он внимательно следил, как Мох облизнул край свёрнутой бумаги и завернул его.

— Это не то, что я сказал. Открою тебе тайну. — Мох, сощурившись, прикурил цигарку от свечи. Дым струёй вырвался у него изо рта. Он отогнал клубы от лица. — И, что бы ни случилось, ты её никому не расскажешь.

— Не расскажу, — пообещал Эндрю.

— Меня туда отправили как-то… в тюрьму. Неприглядное местечко по названию Брикскольд. На мили вокруг — ничего, кроме леса.

— Ни фига, — выдохнул Эндрю, постигнув смысл сказанного. Они оба расхохотались. Когда вновь утихомирились, Эндрю указал на бледную голубую линию долготы, у которой зелёное уступало серому, а затем и белому. — Я бы хотел

---

[9] Сноски: 9
Более 12 метров (*прим. пер.*).

когда-нибудь поехать туда и посмотреть, на что это похоже. По-твоему как, я бы смог?

— Конечно, — ответил Мох. — Тебе сколько лет, одиннадцать, двенадцать?

— Десять.

— Так, прежде всего тебе надо заняться образованием. Тебе придётся таких наук набраться, чтоб быть готовым!

— Это как?

— Ты должен быть образован, чтобы понимать, что ты видишь, чтобы видеть системные модели и скрытые связи. Смотреть — этого мало. Надо видеть.

— А как насчет мужества? Место, думаю, окажется страшным.

— Этому в школе не научишься. — Мох заговорил серьёзно. — Мужество — это то, чему тебе придётся самому научиться.

— А долго туда добираться?

Прежде чем Мох ответил, в дверь квартиры постучали. Они замерли, обмениваясь взглядами. Тикали дедушкины часы. Мох понимал, что не отвечать господину Сморчку, управляющему домом, рискованно: только любопытство его раззадоришь. Неделями Сморчок пользовался каждым удобным случаем, чтобы испортить

Моху день. Любое мелкое происшествие в стенах дома становилось поводом для незамедлительных и изматывавших душу обсуждений. Мох приложил палец к губам. Эндрю прыснул.

Сморчок частенько выражал своё убеждение в том, что Мох, будучи наставником детей Сифорта, де-факто представляет семью в её отсутствие. А раз так, то ему следует оказывать, хотя бы для видимости, то же уважение, какое требуется ко всей семье. Вопрос спорный, но в одном это убеждение имело положительное побочное действие — оно препятствовало Сморчку заходить в квартиру из уважения к праву Моха на личную жизнь. Ещё оно означало, что Сморчок вечно будет стучаться в дверь, чтобы огласить с порога последние новости, выслушивать которые Моху приходилось с определённой долей такта.

— Даже не шелохнись, — шепнул Мох.

Предшествующий день был отмечен целым каскадом мелких катастроф. Очевидно, и сегодня тоже Сморчок вознамерился сделать себя глашатаем. Ещё раньше, утром, когда Мох забрал газету и молоко из подъезда, всегда бдительный Сморчок принял, должно быть, это за знак того, что Мох восстал ото сна и вполне может выслушать первое известие этого дня. Легко было предста-

вить Сморчка, стоявшего в дюймах от двери со склонённой набок головой, как у терьера, в ожидании любого звука, способного подтвердить его вывод.

Заметив, что Эндрю готов заговорить, Мох сделал знак: рот на замок. Мальчик пожал плечами, с радостью включаясь в игру. «Вполне могло быть, что я опять завалился спать», — рассудил Мох. Слышал ли Сморчок, как они разговаривали? Мог бы вообразить, что он радио слушал. Снова последовал стук в дверь, но уже вполсилы. Мох потёр подбородок, пятернёй поправил волосы. Бросил цигарку на дно чашки, где та зашипела, испустив ароматную струйку дыма.

— Тебе лучше уйти, — произнёс он вполголоса, возвращая табакерку обратно в карман халата.

Эндрю остался на месте. На сиденье сбоку от него стояла пустая молочная бутылка, внутри которой на стекле образовывалась голубоватая плёнка. Он привалился к одному подлокотнику, освободив половину кресла. Обтянутые кожей костяшки и покрытые синяками голени торчали из костюма, который он стащил с манекена на оживлённой улице. Потёртые башмаки болтались на босых ногах, держась на завязанных в узлы шнурках. Он был полной противополож-

ностью состоятельным отпрыскам Сифорта, во всяком случае насколько Мох мог судить по развешанным по всей квартире самодовольным портретам. Мох чувствовал привязанность к мальчику.

Под пристальным взглядом Моха малый повиновался. Закрыл книгу и положил её на сиденье. Когда он прыжком вскочил на ноги, Мох удержал его, ухватив за рукав.

— Потише, — выговорил он. Кисть мальчика походила на ветку гладкого плавника. — Какое-то время тебе нельзя сюда возвращаться — ты меня понимаешь? Небезопасно. — Эндрю кивнул. Вырвал рукав из руки Моха и побежал. Этот малый бегал повсюду. — Уходи чёрным ходом и не дай Сморчку увидеть тебя, — проговорил Мох через плечо. Эндрю уже исчез; перемахнув через подоконник в туалете, он с кошачьим проворством полез вверх по водосточной трубе.

Мох уложил атлас на кофейный столик и раскрыл его на острове Козодоя. Ребёнком он часами рисовал в своём воображении, как можно было бы пройти на корабле через заминированные воды, окружавшие остров, и пройтись по пустым улицам Абсентии. Этими фантазиями он делился с Меморией. Детьми они лежали бок о бок,

разглядывая отражения канала на потолке, или высовывались из окна, когда девочка заставляла парить в лунном свете ничего не подозревающих лягушек. Он с восторгом рассказывал о Козодое и призраках, которыми в своём воображении населил остров. Мемория постоянно была слишком занята осмеиванием собственных горестей, чтобы внимать тому, о чём он говорил. Он подумал о стопках книг в доме, о карте и *Сатурниях луна*. Наверное, она всё же услышала больше, чем он думал. Быть может, она, живая, обитает прямо сейчас где-нибудь в Ступени-Сити?

Последний тычок Сморчка в дверь предшествовал скрипу удаляющихся шагов. Рядом с атласом стоял пустой медицинский пузырёк, бросавший колеблющийся отсвет на крышку стола. На ярлычке от руки печатными буквами было написано слово «синиспора». Крохотная пробка пузырька, сама изготовленная из коры нескольких галлюциногенов-алкалоидов, была пропихнута сквозь горлышко и перекатывалась по донышку, покрываясь понемногу остатками наркотика. Погружённый в свои мысли, Мох разглядывал свет на столе, пока до него не донеслось нежное воркование. Повернув голову, он, следуя высвеченному солнцем столбику пыли,

перевёл взгляд на окно. По ту сторону стекла взад-вперед прохаживался голубь. «Как тюремный надзиратель», — подумал Мох. Теперь он пил из открытой бутылки бренди, которую ранее убрал подальше от глаз Эндрю за диван. Как только спиртное вновь омыло огнём глотку, его охватила убеждённость. Это же очевидно. Книги, карты и бабочки — находки неслучайные. Кто-то (может быть, Мемория) хотел, чтоб он их обнаружил. Кто-то оставлял след хлебными крошками.

Возвращение пчёл

На следующее утро, едва минуло семь, Мох услышал, как на чердаке закрылась дверь. Едва слышно, но в тюремной изоляции Мох натренировал свой слух улавливать и распознавать самые незначительные звуки. Дом судьи Сифорта стоял под номером два в ряду из семи зданий. Звук означал, что кто-то залез в пустой крайний дом этого ряда, номер семь, пробрался на крышу через разбитое слуховое окно и прошёл от здания к зданию до двери, открывавшейся на чердак судьи Сифорта. Цель этих усилий состояла в том, чтобы забраться в дом незаметно с улицы. Путь был достаточно сложным, чтобы кто-то решился воспользоваться им.

Мох открыл глаза, полагая, что вернулся Эндрю, несмотря на то что ему было велено держаться подальше. Шаги, слишком тяжёлые для мальчика, раздались наверху до соседней комнаты, библиотеки судьи. Стук после паузы поведал, что с потолка спустилась подвесная лесенка с противовесом. Пришедший спустился. Мох кожей почувствовал, как из-под двери потянуло

холодом. «Радужник», — подумал он, принимая сидячее положение. Мох ждал его с того самого дня, как нарисовал птичку внутри телефонной будки. Птичка — это скрытое послание, означавшее: «проверь ячейку 12 камеры хранения на Центральном вокзале». Ячейка стала их средством связи, установленным ещё до того, как Радужник покинул Ступени-Сити несколькими месяцами раньше. То был для него способ отыскать Моха, который, если надо, мог исчезать без следа. В ячейке камеры хранения на отдалённом вокзале Мох оставил адрес Сифорта, написанный скрытым кодом, а также записку с пояснением, как пробраться в дом по крышам. Мох положил предписания в запечатанный конверт вскоре после того, как был взят на работу. Вся система выглядела комичной, когда они договаривались о ней, но у Радужника причин для осмотрительности было не меньше, чем у Моха, так что система *работала*.

Мох спрятал пузырёк синиспоры в халат и пяткой отправил под диван пустую бутылку из-под бренди. Лесенка в соседней комнате с грохотом заскользила по полозьям и убралась на чердак. Раздались шаги по полу библиотеки до закрытой двери, отделявшей её от гостиной. Мох выжидал,

упёршись локтями в колени. В пальцах он крутил огрызок карандаша, оставленный Эндрю. Дверь скользнула в боковой проём, и вошёл Радужник, оставляя за собой следы грязи.

Вода стекала с пальто Радужника прямо на ковёр с узором из листьев. Она струйками сбегала с капюшона, скрывавшего лицо. Палец за пальцем стащил он облегавшие руки перчатки и бросил их на антикварный столик у стены. Мох вздрогнул. Радужник откинул капюшон. В сумраке комнаты с молочно-голубоватой прозрачной кожей он напоминал призрака. Мох, кому всегда делалось не по себе от внешности Радужника, старался не смотреть тому в лицо. Пять стеклянных шариков, каждый из которых напоминал отдельный глазок мозаичного глаза насекомого, а потому звались они оцелусами. Оцелусы парили вокруг головы Радужника, служа источником лучевого спектровидения.

Мох встал и пожал руку друга, зная, что объятия тому были бы неприятны.

— Радужник, — воскликнул Мох. — До чего же чудесно тебя видеть. Как ты?

Радужник смягчил пристальный взгляд лёгкой улыбкой.

— Отчаянно хочу спать. Море было бурным,

и я не спал с самого прибытия. Твой знак в телефонной будке я обнаружил только вчера вечером. — Радужник оглядел комнату, неодобрительно хмурясь на диковинки Сифорта. — Ты давно его там оставил?

— Несколько дней назад, — ответил Мох. — Боже, до чего же здорово тебя видеть!

— И мне тебя, Мох.

— Куда заносило тебя в твоих странствиях? — Неутолимая жажда Радужника к познанию зачастую уносила его куда-нибудь на целые месяцы.

— Некоторое время провёл на Пескарях, архипелаге на крайнем северо-востоке, изучал биом[10] тех мест. Путешествие выдалось не из лёгких.

— Я слышал о них, рассеянные точечки на карте. Почти конец света.

Радужник кивнул:

— Поверь мне, нет никакого «почти». Более бесплодного места не сыскать. Понадобилось время, чтобы изучить повадки этой земли, но в этом у меня была помощь. Поначалу выяснилось, что жители-аборигены в отдалённых рыбачьих поселениях к моему появлению отнеслись с

[10] Сноски: 10

Биом — совокупность видов растений и животных, составляющих живое население природной зоны (*прим. пер.*).

опаской, особенно к оцелусам. Я уверил их, что я — религиозный пилигрим, и это, похоже, уладило дело. После этого они с готовностью, пусть и несколько сдержанной, предлагали мне свою помощь. — Оцелусы парили по комнате, отбрасывая странные тени. — В своих собственных духовных верованиях они близки к сверхъестественному, так что, возможно, была тут какая-то связь. Как бы то ни было, на одном месте я подолгу не задерживался. Большую часть времени провёл, бродяжничая по дикой природе подальше от поселений. Следовал охотничьими тропами, ночевал в избушках. Безотрадный и прекрасный ландшафт. Северные олени и моржи — компания, лишённая чувств. У лесных волков и медведей их и того меньше.

— И всё же — ты здесь.

— Время года сменялось. По чистой случайности я нашёл частное судно, капитан согласился взять меня на борт. Оно простоит здесь на якоре два дня. Я бы наведался к тебе пораньше, но надо было ещё кое о чём позаботиться. — Он поднял стеклянное пресс-папье с морским ежом внутри.

Мох сел, ожидая подробностей, но их не последовало. У него было так много вопросов, но он знал: лучше не задавать их так сразу. Радужник

свои истории рассказывает по-своему — или не рассказывает вовсе.

— Как тебе жилось? — спросил Радужник.

— Кое-что случилось, и мне нужна твоя помощь.

— Продолжай. — Радужник поднёс пресс-папье к глазам, посмотрел, прищурившись, на него одним глазом, потом, повернув, другим. Один из оцелусов подплыл сзади стекла, высветив его. — Морские ежи находятся под защитой. Их выловили почти до полного истребления, удовлетворяя спрос на такие вот пресс-папье. — И он с громким стуком опустил диковинку на полированный комод. — Извини, продолжай.

— Мне думается, Мемория жива.

Радужник опёрся о комод, сложив руки.

— Ты мне рассказывал, что она утонула.

— Да, — кивнул Мох. — Так я и считал. Многие годы перед глазами стояла эта жуткая картина её падения с волнолома. Я… — Он достал табакерку и свернул цигарку. Скатал её чересчур туго и начал сызнова. — Прости, я бессмыслицу несу. Она была мертва для меня так долго, что это просто в голове не умещается.

— Что заставило тебя передумать?

— Я побывал в старом доме у канала. Помнишь,

я как-то рассказывал тебе о нём. Благоуханный Сток? Туда Джон Машина поселил нашу семью, после того как привёз Меморию жить с нами.

— Да, с лягушками. Я его видел.

— Точно. В нём много лет никто не жил. Когда несколько дней назад я заглянул туда, дом был пуст, но в одной из комнат я нашёл всё необходимое для выведения *Сатурний луна*. Это было её увлечением.

— Едва ли убедительно. Что-то могло остаться от прошлых лет.

— Нет. Бабочки были живые, Радужник. Кто-то совсем недавно ухаживал за ними, кто-то, кто знал их повадки. Для совпадения это чересчур. — Мох закурил цигарку. Дым высветился диагональной полоской в расползшемся по комнате солнечном свете.

— Если только кому-то не понадобилось подтолкнуть тебя к такому выводу.

— Я думал об этом. Но зачем? — Мох ломал над этим голову. Если Агнец прибег к такому, чтобы убедить его в существовании Мемории, то это умно. Только для того, чтобы это устроить, надо было знать о сущих мелочах из прошлого Мемории.

— Я не знаю, — сказал Радужник. — Ты ещё

что-нибудь видел?

— Кое-какие книги, карты острова Козодоя. Понимаю, звучит это странно, только я никак не могу не думать, что это ключики, которые она мне оставила.

— Будь она жива, почему бы ей не обратиться прямо к тебе? К чему эта таинственность?

— Вспомни о нашем знаке-птице. Может, ей есть что скрывать, или, может, она боится.

— Кого?

— Джон Машина выставлял её перед множеством странных людей. Она вызывала в них безмерное любопытство из-за своего пресловутого дара, будто она была чем-то вроде бесноватой.

— Так что ты намерен делать?

— Найти её, конечно же. Радужник, мне нужна твоя помощь.

— Хорошо, даже если предположить, что ты прав, как бы ты узнал её? Прошли годы. Есть у тебя хотя бы фотография, какой она была тогда?

— Узнать её я узнаю, без вопросов. Я намерен для начала ещё раз сходить в тот дом и посмотреть, не возвращалась ли она туда после моего визита.

— Мох, ты скрываешься от закона, беглый заключённый. Одно дело играть в переодевания

здесь, но если заметят, как ты наведываешься в дом родной или покидаешь его, то кто-нибудь сможет тебя узнать. Полиция явно следит за этим местом.

— Готов рискнуть. И потом, выгляжу я совсем по-другому. Кому понадобится связываться с моим прошлым?

— Знаешь, если *Сатурнии луна* — ловушка, значит, кому-то, видимо, уже понадобилось. Ты можешь попасть в западню.

— Именно поэтому мне и нужна твоя помощь. — Он чувствовал, что виноват, утаивая сведения от Радужника, но угодить в ловушку Агнца было бы глупо. Дьявольски унизительно, когда тебя накачивают дурью и когда тебе делают наколку. Делиться этим он не готов… пока во всяком случае. — Мне просто нужно сделать это. Так ты мне поможешь?

— Меня весьма поражает твоя уверенность в предположении, будто обычные увиденные тобой предметы — это знаки, оставленные ею для тебя.

— Как раз такое она и проделала бы, — убеждённо заявил Мох. — У неё был вкус к загадкам.

— Твоя поспешность навлечёт на тебя опасность, — предупредил Радужник.

— Что-что? — спросил Мох немного резче, чем хотел бы.

— Пытаться отыскать кого-то в этом городе, того, кто, возможно, хочет остаться скрытым, значит наводить справки. Такое занятие в конечном счёте тебя раскроет. Если кто-то сложит два и два, то тебя тут же продадут и арестуют. Мой совет: оставь это.

— Нет. Она подавала мне знаки.

— Знаки. — Радужник помахал рукой. — Сколько ты тут бренди выпил, Мох?

— Она где-то там. Как я могу пройти мимо этого? Я должен сделать всё возможное.

— Из-за того, будто это ты виноват, что она упала в океан?

— Мне ненавистно было то, как её используют, но сделанное мною в тот день было глупостью. — Мох умолк и потёр глаза, словно бы этим мог стереть образ падающей Мемории.

Радужник принялся расхаживать по ковру. Оцелусы возбуждённо задвигались по комнате. Мох знал, что Радужник способен принимать и обрабатывать по нескольку сенсорных импульсов с каждого глазка. Он даже не брался воображать, в какую какофонию должно было бы обратиться при этом сознание человека.

— Вот мои условия, — произнёс наконец Радужник.

— Назови их.

— Ты прекращаешь затеянную здесь игру — это раз.

— Обязуюсь.

— И ты немедленно уходишь из этого дома.

— Это, во всяком случае, само собой.

— Есть дом на Загульных Полях. Владеет им мой старинный друг, корабельный плотник. Я этим домом иногда пользуюсь. Ты можешь укрыться в нём, пока мы сообразим, что к чему.

Мох кивнул:

— Таковы твои условия?

— Пока. Ты выглядишь ужасно. Ты что, не спал?

Мох, не отвечая, откинулся на спинку дивана. Пыль искрилась вокруг него. Радужник продолжил:

— Владелец того дома находится на борту судна «Сомнамбула» и, как ожидается, не вернётся в док ещё семь недель. Тебя никто не побеспокоит. Полное уединение. Можешь оставаться в доме без опасений, что тебя найдут. Ключ лежит под урной у чёрного хода. Впрочем, особого уюта не жди. Владелец — человек простых вкусов.

— Язвишь? — Мох улыбнулся. — Спасибо, дружище.

Радужник вопрос пропустил мимо ушей.

— Пару часов назад я прошёлся около дома для проверки. В нём пусто. Даже соседи, похоже, разъехались.

— Он будет уже тем хорош, что в нём не будет Сморчка. Он уже сегодня утром в дверь барабанил. Наверное, клеща-уховёртку у себя в постели нашёл или ещё что-то столь же ужасное стряслось.

— Сморчок?

Мох закатил глаза:

— Управляющий домом. Не человек, а сущий кошмар.

— Воздух здесь спёртый. — Радужник подошёл к окну. Обернулся и опёрся о батарею перед окном. Угомонившиеся было оцелусы теперь задвигались по комнате, как шмели в поисках пыльцы. Мох шлёпнул одного, принявшегося обнюхивать его карман. — И как же ты собираешься выпутываться из этого… великолепия?

— Подам уведомление о своей отставке в письме. Скажу, что был вызван домой по семейным обстоятельствам. Не хочу делать ничего слишком внезапного и рисковать тем, что Сморчок учует

крысу. Когда Сифорт вернётся, это окажется раздражающей оплошностью, не более того. К тому времени я уже давно буду на пути к дому твоего корабельщика.

— Стоит ли на это силы тратить? — спросил Радужник.

— Я обещал Франклину Боксу, что заберу его книгу обратно. И я отыскал её — в Музее естественной истории. Она вон там, в моей сумке.

— Вот как? Книга?

Мох тряхнул головой:

— Мне нужно было показать Сифорту, что в его панцире есть слабое место, что он уязвим, как и любой другой человек. Хотелось, чтоб он почувствовал себя претерпевшим насилие. Придёт день, и он осознает, что я натворил. — Мох сверкнул глазами. — Мне нужно было покарать его за то, что он меня упёк и погубил проклятую мою жизнь.

Радужник кивнул, тая в уголках рта знакомый проблеск улыбки.

— Отлично разыграно, Мох, отлично разыграно.

Оба взорвались хохотом. Когда тот стих, с улицы стали слышны звуки города. Радужник щелчком сбросил муравья с рукава.

— Мне необходимо поспать, прежде чем я помогу тебе устроить твою жизнь, — сказал Радужник. Мох кивнул, ухмыляясь и закрывая глаза. Радужник снял пальто и перекинул его через высокую спинку кресла, освобождённого Эндрю. Пустую молочную бутылку он передвинул к столу. — Не дело подкармливать беспризорных.

Мох растянулся на диване и подтянул рукав, скрывая наколку. Пузырёк синиспоры врезался ему в ногу. Радужник задёрнул шторы, отсекая солнечный свет, и вернулся к креслу. Они предались покою, а голубь всё ворковал и метал шажки за окном. «Беспризорные», — подумал Мох. И открыл глаза. Как же давно Радужник следил за домом?

Сундук с книгами

Час спустя, пока Радужник спал, Мох вытащил из-за дивана свою потрёпанную сумку на лямке. Оцелусы лишали его спокойного сна. Лёжа на боку, он следил за их движением по комнате из-под неплотно закрытых век. Неустанные в своей любознательности, они то стремглав разлетались, то сходились вместе, а потом вновь разлетались. Это дьявольски действовало на нервы. Оцелусы, оставленные без присмотра, просканировали бы всю комнату до мельчайших подробностей. И все эти сведения были бы переданы Радужнику, а тот извлекал из них выводы, до каких, возможно, никогда бы не додумался Мох. Перекинув лямку сумки через плечо, Мох решил поискать на крыше покоя от глазастых проницательных стекляшек.

Он прошёл в библиотеку, закрыв за собой дверь, не дав оцелусам возможности последовать за ним. Крючком стянул лесенку с потолка. Хитроумное устройство скрипело неимоверно, приходилось взбираться медленно, чтобы не вызывать шума. С верхней ступеньки он шагнул

в длинный чердак, заваленный связками судебных документов и ненужных предметов мебели. Дверь находилась в дальнем конце.

Мох вышел на плоскую крышу. В рубероид болтами было втиснуто основание телескопа. Вид у него был массивный и военный. Моха всегда интересовало, не находил ли инструмент какого-то применения во время войны. Осторожно обошёл, придерживаясь за чугун для равновесия, пока не добрался до кресла. Смахнул с сиденья лужицу, вытер его досуха рукавом, прежде чем усесться. Кресло предоставляло великолепную, пусть и шаткую, возможность обозреть соседние окрестности.

Зажав сумку меж колен, он вынул из неё «Певчих птиц острова Козодоя». Рад был, что сдержал свое опрометчивое обещание Боксу. Годы миновали с того дня, как сидели они во дворе тюрьмы, скармливая крошки хлеба ласточкам, а Бокс горевал из-за того, как ловко Сифорт забрал его книгу. Отобрана она была в качестве «вещественного доказательства», но Сифорт придержал её для себя. Бокс узнал об этом, потому как судья похвастал этим перед начальником тюрьмы, а сведения протекли вниз. Бокс, казалось, был просто раздавлен. Когда Мох дал обещание выкрасть

её обратно, Бокс потрепал ладонью его руку возле локтя и снисходительно улыбнулся. Мох едва не сгорел от стыда. И ещё долгие часы ощущал хватку руки убийцы.

Мох вспоминал, как позже, наблюдая за Боксом, сидящим на сыром полу со своими лоточками лопнувших яиц, собранных по канавам и расщелинам Брикскольда, осознавал, что этот человек существовал в иной реальности. Тем не менее настроился Мох решительно. Он найдёт книгу, и однажды Сифорт поймёт, что натворил. В руке его книга ощущалась тяжёлой.

Обратившись лицом к морю, он читал отрывки из неё, пока не задул ветер и первые капли пятнами не расплылись по бумаге. Возвращаясь к действительности, Мох закрыл обложку книги, вернул её в сумку и поспешил в обратный путь вокруг основания телескопа. Стоя под защитой дверного проема и смотря, как барабанит дождь по соседним крышам, он вернулся в мыслях к Мемории. Неужели она прячется где-то совсем рядом, рукой подать? Глядит на него из какого-нибудь окна в отдалении? Он улыбнулся своей фантазии. Найди он её, только ей отдал бы эту книгу. Разве не были птицы её вечной любовью? Он был уверен: Франклин Бокс одобрил бы.

День склонялся к вечеру. Всё труднее становилось различать черты Радужника, сидевшего за шахматной доской напротив. Мох включил лампу. Волосок её налился светом и ярко засиял. По улице проехал трамвай, отчего весь дом сотрясся. Стекло задребезжало в дверце книжного шкафа, и что-то в нём глухо грохнулось.

— По звуку судя, что-то дорогое, — сухо заметил Радужник.

Помывшийся, одетый в чистую, пусть и мятую одежду, Мох склонился над доской, пытаясь сообразить, как это Радужнику опять удалось поиздеваться над ним. В пальцах он крутил чёрного ферзя. Как и всё, чем владел Сифорт, фигурка была выточена с тончайшим мастерством. Доска ручной работы и шахматные фигуры сделаны из белого, как снег, вулканического стекла и слоновой кости. К основанию каждой крепился зелёный бархат, так что передвигать шахматы можно было бесшумно.

В Брикскольде заключённые делали себе шахматы из пробки и кости. Партии разыгрывались в коридоре, наполненном шумом и гамом. Ещё раньше Мох заявлял, что его вполне радует роскошь шахматной доски Сифорта и уют помещения. На что Радужник, всегда склонный

спорить, тогда же заметил, что предпочитает играть в слепые шахматы и тем самым обходиться вообще без доски, чем донельзя растравил Моху душу. Мох собрался было взяться за короля, как раздался стук в дверь. Игравшие обменялись взглядами.

— Пойду посмотрю, что ему нужно, — сказал Мох, поднимаясь со стула.

Радужник расставил фигуры в их первоначальное положение и прошёл в смежную с комнатой библиотеку. Оцелусы попрятались на незажжённой люстре. Мох оправил одежду, подоткнув рубашку и выправив клапаны карманов пиджака. В последний момент он взял револьвер со столика у стены. Огладил чёрный ствол. Очередной стук в дверь разом вывел его из забытья. Он нацелил оружие на дверь.

— Бах, — выдохнул шёпотом. Заткнул револьвер сзади за брючный ремень, где его не было заметно под пиджаком. Повозившись с запором, открыл дверь. Господин Сморчок, раскланиваясь, переступил порог. У этого человека была привычка, постучав в дверь, отступать на несколько шагов и стоять в ожидании, заложив руки за спину. Когда дверь открывали, он проходил вперёд с решительным деловым видом. Маленький

и нескладный, он напоминал Моху какой-то овощной клубень, весь в странных комках и неприятных выростах. Одет он был, как обычно, в брюки из чёртовой кожи, узкий пиджак с засаленными рукавами и чёрные башмаки на толстой подошве. К лацкану у него была пришпилена самодельная пластинка с надписью: «Управляющий домом». Его собака, мускулистая кикимора, прозванная Припадочной за частые эпилептические конвульсии, сидела у ноги хозяина.

— Ах, вы дома! Вы, должно быть, спать легли поздно. — Взглядом он обшаривал комнату за спиной Моха, будто за полётом мухи следил.

— Сейчас четыре часа дня, — сказал Мох. Ещё один трамвай прогрохотал мимо. Весь дом сотрясло так, будто он того и гляди рухнет.

— Да, действительно так, тут не стану с вами спорить. Допоздна рылись в этих тяжеленных книгах, не правда ли? Мой отец всегда говорил, что от чтения портится зрение. Он всегда побуждал детей оторваться от книг и пойти погулять на свежем воздухе. Хотя, спешу добавить, где его найти в городе-то, свежий воздух? Пожелание моего отца имело философский смысл.

— Мне плохо спится.

— Ничуть, смею заметить, этому не удивлюсь.

Все эти грандиозные мысли кувыркаются у вас в голове, как множество камней в полировальной машине, — сказал Сморчок.

«Он что, издевается? — подумал про себя Мох. — Вот сальный прохвост».

— Прошу прощения за беспокойство, сэр, — произнёс Сморчок с таким видом, будто переходит к делу, — но там, внизу, кое-кто пришёл. Не вовсе неприглядная леди, даже импозантная, по сути, и держится соответственно… — Своё ехидное замечание Сморчок сопроводил жестом, словно бы хотел сообщить Моху кое-что на ушко. Глянув через плечо и прикрыв рот ладошкой, он заговорил вполголоса: — У неё, кажется, в головке не все дома, если вы меня понимаете. — Уголки рта у него опустились, лицо стало похожим на рыбью морду.

— Извините, — проговорил Мох и, подавляя желание захлопнуть дверь, продолжил: — Я понять не могу, о чём это вы.

— Ну, скажем, эксцентрична. И никоим образом не склонна к общению с такими, как я. Такое неуважение к моему положению. Дьявольщина, какое-то редкостное проявление нахальства со стороны той, кто безо всякого предупреждения оказался на пороге.

— Господин Сморчок, — перебил Мох. — Чем я могу вам помочь?

— Да, ладно, сейчас, я думал, не соблаговолите ли вы сами повидать эту леди… называю её этим титулом с оговоркой. Она вышла из такси, без сопровождения, и прошла в двери парадной, словно бы по делу. Когда я увидел её во время обхода, она изучала фамилии возле домофона. Но когда я спросил, что ей угодно, она секунд пять молча рассматривала меня, как ручку швабры, прежде чем наконец попросила вас.

— Меня? — Мох, который уже успел войти в транс, встряхнулся и вновь глянул Сморчку в лицо.

— На самом деле, хотя и не по имени, она спрашивала наставника на службе у судьи Сифорта. Странная какая-то. Вы поймёте, когда увидите её, сэр. Не из тех, кого судья Сифорт потерпел бы в этом доме, совсем нет. Судья Сифорт очень разборчив в том, кого впускать к себе.

— Прекрасно, господин Сморчок, я вас хорошо понял. — Мох поднял руки вверх, мол, сдаётся.

— Очень хорошо. Я так и думал, что поймёте. Найдите меня, если понадоблюсь. Я буду в подвале — очищать мышеловки. — Сморчок ушёл, прижимая к себе мешок из грубой ткани. При-

падочная собака поколебалась немного, а потом последовала за хозяином.

Мох глянул на люстру, потом прошёл в прихожую: Радужник не рискнул бы послать оцелусов за ним. Случись беда какая, ему придётся встретиться с нею один на один. Посетительница — такого ещё не бывало. На ходу Мох потирал татуировку на запястье.

Несмотря на ужас перед этой механизированной клеткой, он отправился на лифте, а не пешком по лестнице. Внутри кабины, автоматизированной и эстетически чудовищной из-за медных завитков и птичек, он застегнул пиджак и одёрнул рукава. Спускаясь, он принял, как надеялся, внушительный вид. Мысленно отрепетировал несколько фраз, отрывистых, но без неприязни, что позволили бы наладить незнакомку в путь своей дорогой с минимумом вопросов. Лифт остановился, Мох открыл дверь клетки.

Сообщница Агнца стояла, поджидая, в вестибюле. Левой рукой она опиралась на украшение в виде креста у основания лестницы. Над нею двигались отражения в стёклах — выходивших на улицу окон. Услышав, как Мох выходит из лифта, она обернулась так, будто её вырвали из

мечтательной задумчивости. Одета она была в чёрное пальто с черепаховыми пуговицами поверх серой юбки и кожаные сапоги до колен. При его приближении она сложила руки в лайковых перчатках и вздёрнула подбородок. У ног её стоял обитый медью сундук с ручкой в виде бычьего кольца.

Когда Мох шёл к ней, все заготовленные речи вылетели у него из головы.

— Что вам надо? — спросил он. Каблуки его клацали по паркетному полу. Револьвер впился в поясницу.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказала она. — И с Радужником.

— Я Джозеф Лес, наставник у судьи Сифорта, — произнёс Мох, слегка повышая голос. — То есть наставник его детей. — С изумлённой улыбкой женщина стащила перчатку и протянула ему руку. Рука оказалась тонкой и прохладной. Пожатие оказало действие мгновенное и эротичное. В сознании промелькнул образ её обнажённого тела в утреннем свете. Мох подобрался.

— Какого дьявола вы тут делаете? — пробурчал он себе под нос.

— Меня зовут Имоджин. Есть место, где мы могли бы поговорить с глазу на глаз, господин

Лес? — В голосе её сквозил лёгкий северный выговор. — Была бы вам очень признательна. — Успокоенный тем, что женщина готова была подыграть, Мох кивнул.

— Оружие вам не понадобится, — шепнула она и вздёрнула брови, когда Мох смешался. — У вас сзади. — И указала, выгнув руку. Мох глянул через плечо и увидел выпиравшие из-под пиджака недвусмысленные очертания, отражённые в большом обрамлённом зеркале. — Так что, мы едем наверх или нам придётся говорить здесь с риском быть услышанными? — На шее Имоджин с цепочки свисал кулон в виде миноги. Точно такой же, какая была выколота у него на запястье.

— Идёмте со мной. Можем на лифте подняться.

— Не откажитесь помочь мне с этим. Он тонну весит. — Мох кивнул и взялся за ручку сундука, немного поздновато осознавая, что гостья поставила его в невыгодное положение, заняв ему руки. Сундук был тяжёлым, но его вполне можно было двигать на двух непослушных металлических колесиках. Кивком Мох указал Имоджин, чтобы та шла первой. В лифте он с облегчением опустил сундук. Закрыл клетку, надеясь, что Сморчок всё ещё вовлечён в деятельность по отлову мышей. Они стояли в неловкой близости,

молча, пока лифт со скрипом и стонами поднимался на третий этаж. Когда он остановился, Мох указал на дверь квартиры.

— Туда. Входите. Я с этим за вами. — Тягаясь с сундуком, он раздумывал, не совершает ли ужасную ошибку.

Общий интерес

Мох запер дверь и провёл Имоджин по квартире в библиотеку. Даже Сморчок не ухитрился бы расслышать их голоса оттуда. С облегчением Мох убедился, что Радужник покинул комнату, хотя и заметил оцелусов, безобидно расположившихся среди стеклянных пресс-папье на полке. По его приглашению Имоджин села в кресло-качалку, повёрнутое к холодному камину. Мох опёрся на каминную полку и предоставил гостье заговорить первой.

— Вы бы сели, а, Мох? — Она сняла левую перчатку, обнажив тонкую руку. Взгляд Моха задержался на простом рубиновом кольце на её указательном пальце.

— Я постою, спасибо.

Имоджин вздохнула.

— Как вам угодно. — Положила перчатки себе на колени. Кожа у неё под глазами отдавала фиолетовым.

— Я ещё не нашёл Меморию. Всего несколько дней прошло.

— Я здесь не поэтому.

Мох засучил рукав, обнажая наколку с миногой.

— Я всё гадала, сколько вам времени понадобится, чтобы заговорить об этом, — сказала Имоджин. — К вашему сведению, я этого не делала. Накололи по настоянию Агнца.

— Член «Красной миноги»? — устало выдавил из себя Мох.

— Нет. Вы должны признать, линия рисунка вполне качественная.

— Весело, — заметил Мох. — В ту ночь, когда вы накачали меня дурью и похитили…

— Мне поручили следить за вами и обеспечить всё, чтобы вы не перестали дышать. Дурь, которую я ввела вам в штольне, была опасная и нестойкая. Потому вы и оказались у меня, чтобы отоспаться от неё. Я вам услугу оказала.

— Услугу? Об заклад побьюсь, вы осознаёте, что это полная чушь. И потом, вы спали, когда я проснулся.

— Извините, — пожала плечами Имоджин, — две рюмки абсента и… — Она смежила веки и уронила головку набок.

— Как вы нашли меня?

— Не тревожьтесь. Агнец не знает, что я здесь. Я была осторожна.

— Мне трудно верить всему, что вы говорите.

— Разумеется, вы мне не доверяете. С чего бы, а?

— Ну и?

— Мне нужно было увидеться с вами наедине. Я не могла расспрашивать Агнца, где вы, а потому я наведалась к Оливеру Таджалли. Мы никогда не встречались, так что с Агнцем он меня не связывал.

— Оливер рассказал вам, где я?

— Не сразу. Мой отец знал отца Оливера давным-давно. Оба они состояли в «Красной миноге». То же связывало Оливера и с Агнцем. — Она умолкла. — С вашей стороны очень умно, между прочим, сосредоточить моё внимание на камине. Ограничивает обзор остальной комнаты. Он здесь?

— Кто «он»?

Имоджин улыбнулась, а потом продолжила, словно бы и не было задано никакого вопроса:

— Я знала, что семейство Таджалли славится покупкой и продажей редких книг сомнительного происхождения. И подумала, что его можно подцепить на хорошую приманку вроде редкой старинной книги и выторговать кое-какие сведения. — Она заговорщически подалась вперёд. — И

я оказалась права.

Мох чувствовал, что поддаётся её свободному общению, невзирая на свою настороженность, словно бы они просто вместе забавлялись лишь им известной шутке. Подлец Оливер. С Божьей помощью он прикончит этого идиота.

— Почему вы не хотите, чтобы Агнец знал, что вы здесь?

— Вы довольно скоро это сами узнаете. — Взгляд её устремился на дверь. — Как бы то ни было, Оливеру моё предложение понравилось. — Она извлекла из перчатки визитку Таджалли и повернула её обратной стороной к Моху, чтоб он разобрал написанный там адрес. — «Вам надо наведаться в квартиру судьи Сифорта», — прохрипела она, безукоризненно подражая голосу Оливера Таджалли.

Мох взял у Имоджин карточку и пробормотал:

— Оливеру следовало бы быть осмотрительнее.

— А вы совсем не похожи на ваш портрет в газете, — сказала Имоджин. И опять эта ироничная улыбка. Мох не сразу и сообразил, что она имеет в виду. Потом дошло. В газетах печатали его фото в дни после обнародования «Брикскольдской ситуации». Фотоснимки двадцати трёх сбежавших

узников появились на первых полосах. Газеты создавали впечатление о массовом побеге. На деле же в тюрьме свирепствовала эпидемия, губя охранников и заключённых без разбора. К тому времени, когда Мох уходил, никто не был в состоянии остановить его. В последующие недели двадцать заключённых поймали или убили при преследовании. Тогда уже несчастная фотография его самого в молодости, сделанная во время его приобщения к тюремному населению — сплошной кадык и торчащие уши, — перестала быть новостью.

Мох потерял терпение.

— Это некий вид прикрытой угрозы? Что вам нужно?

— О, Мох, я подшучиваю над вами.

Мох швырнул визитку в камин, где та, упав, всколыхнула пепел. Он всматривался в Имоджин — в движения её губ, изгиб шеи, в яркий румянец кожи под ключицей. Её утончённые манеры до того не вязались с первым впечатлением, что он подумал, уж не близняшка ли она. Имоджин расстегнула пальто. Он отвёл взгляд.

— Не возражаете? У вас тут тепло. — Мох повесил пальто на вешалку у двери. Рука его задерживалась на складах, улавливая остатки

тепла её тела. Отпустил. Вернувшись к камину, взял кочергу и смешал визитку с пеплом.

— Ну, вот вы меня нашли, не намерены ли рассказать, зачем вы здесь?

Они услышали шаги. Имоджин встала и повернулась к двери.

— Вы меня помните?

На пороге стоял Радужник. Оцелусы поплыли по комнате и выстроились кружком над его головой.

— Да, — произнёс он. Голос звучал неприветливо. Под кожей черепа чередой пробежали слабые молочно-белые огоньки. Мох внутренне напрягся. Такой тон не предвещал ничего хорошего.

— Я надеялась, что вспомните. Так будет легче, — сказала Имоджин. — Я не знала, чего ждать. Мы виделись всего один раз, да и то недолго. Но я никогда этого не забывала.

— Вам лучше побыстрее объясниться, — предложил Радужник.

Мох молчал. Ему нужно было время, чтобы переварить новое развитие событий. Имоджин втянула в себя щёки и, по-видимому, пришла к какому-то решению.

— Могу я сначала показать вам кое-что? Это поможет вам понять то, что мне придётся сказать.

Радужник глянул на Моха, тот кивнул. Поднявшись, Имоджин сняла ключ на шнурке со своего запястья. Присела перед сундуком. Мох завёл руку за спину и сжал в ладони рукоять револьвера.

— Медленно, — произнёс он.

— Полегче, Мох, — сказала она, поворачивая ключ в замке. Две дверцы распахнулись наружу. — А вот и мы.

Мох отпустил оружие.

Внутри сундук был разделён на небольшие отделения. Вверху планка удерживала ряд миниатюрных книг. Большинство были переплетены в кожу и перевязаны замызганными ленточками, но некоторые представляли собой связки рукописных листов, а то и разрозненные листы бумаги, сложенные и запечатанные воском. Под полочкой с книгами в ряд выстроились бутылочки с настойками и препаратами, помещёнными в желтоватую жидкость. Запечатанные свинцом бутылочки помещались на полке в пазах, не дававших им биться друг о друга. Восемь ящиков с надписями от руки были разложены на дне сундука. К внутренней стороне левой дверцы костяными зажимами крепилась папка. Она была перевязана той же самой лентой, что и книжки. Именно эту папку Имоджин извлекла и вручила

Радужнику.

Выражение его лица оставалось непроницаемым, когда он тянул за ленту, высвобождая четыре листа толстой бумаги. Подошёл с ними к столу и расположил на нём в ряд.

— Где вы это взяли? — спросил Радужник. Грозные нотки исчезли из его голоса.

Имоджин не ответила, вместо этого она следила, как он изучает работы. На каждом листе были тщательно выполненные рисунки тушью. Радужник не касался бумаги, а водил рукой, словно бы повторяя штрихи художника. Анатомические сечения человека сливались с формами животной и растительной жизни. Были грибковые фигуры — морские и даже доисторические формы жизни. Мох взял со стола большое увеличительное стекло.

— Странно, — сказал он, глядя на Радужника. — Даже при увеличении число мелких деталей растёт. Им, кажется, конца нет. Это у кого ж такая рука или такой глаз, чтоб сотворить что-то подобное? — Он положил лупу на стол и обратился к Имоджин: — По виду, они очень старые.

Имоджин опустила взгляд.

— Был и ещё один. Его украли из моей комнаты на Полотняном Дворе. Я сглупила. Вынула

их посмотреть и уснула. — Мох разглядывал её профиль. — Шум в комнате разбудил меня. Там был кто-то ещё. Я гналась за ними, но они улизнули. — На лице её появилось то самое выражение, что было знакомо Моху по штольне, изумлённое и убийственное. — Им повезло, а вот мне не так. Для меня эти рисунки были сокровищами, немало лет я размышляла над ними.

— Откуда они у вас? — Радужник перевернул один лист и внимательно рассматривал обратную сторону.

— Я ещё девочкой была, когда наш семейный дом подожгли. В том пожаре я потеряла мать. Спустя годы вернулась. К тому времени там совсем немного осталось, лишь часть фундамента проглядывала из сорняков. Я знала о месте, где мой отец хранил свои самые большие секреты. Восстановила это место по памяти, да и повезло здорово: сундук закопали возле фундамента, там, где когда-то был винный погреб. Там я его и откопала.

— Как же вы узнали о тайнике, если он был секретом отца? — спросил Мох.

— От своих детей секретов не утаишь, — сказала Имоджин.

— Что вам о них известно? — спросил Радуж-

ник. Он вернул рисунок на место среди других.

— Знаю, что они, как Мох сказал, старые. Лежали в сундуке, когда я нашла его. Знаю, что сундук был украден.

— Зачем вы показываете их нам? — спросил Мох.

— Как раз подхожу к этому. — Имоджин повернулась к Радужнику. — Радужник, я помню. А вы? Тот раз, когда мой отец привёл вас к нам в дом. Нас отправили в садик, пока родители выясняли отношения. Вы помните, что показали мне в тот день?

— Да, — прозвучал ответ.

Откровения

По просьбе Имоджин Мох налил в стакан виски из запасов Сифорта. Она взяла его и держала в ладони, охватив всеми пальцами, но пить не стала. Мох недоверчиво отошёл от неё. Память о ней, стоявшей в штольне с распыляющей яд резиновой грушей наперевес, была ещё свежа. Она — опасная сообщница Агнца. Его ей не убаюкать. Мох рад был присутствию Радужника, но был озадачен тем, что их явно что-то связывало. Радужник всё ещё не ответил на её вопрос. Нарушая неловкое молчание, Мох попросил Имоджин разъяснить.

— Жизнь у моего отца не была лёгкой, — заговорила та. — Обстоятельства сделали его приспособленцем, вором. Он крал древности. Совершал тайные набеги на остров Козодоя и продавал то, что находил в разрушенных библиотеках и музеях, подпольным дельцам и коллекционерам здесь, в городе. «Красная минога» подыскивала покупателей. И имела на всём солидный куш.

— Погодите, вы, случаем, говорите не о человеке по имени Джон Машина? — вмешался Мох. —

Джон ваш отец? — Он следил за движениями её тела. Мох гордился своей способностью на месте различить лгуна или, коли на то пошло, лгунью (ещё одно умение, доведённое до совершенства в Брикскольде). Она была сдержанна, но взгляда не отводила. Упоминал ли Джон когда-нибудь о дочери? Мох почти ничего не знал, что за жизнь Джон вёл, когда его не было в доме у канала.

— Именно так, — произнесла Имоджин. — Каким бы ещё он ни был, но Джон был человеком находчивым. Он отыскал, если можно так выразиться, чёрный ход на остров. Какое-то время мы жили обеспеченно, только я не понимала, откуда приходят деньги. Я узнала это много позже. Честно признаюсь, тогда я об этом совсем не задумывалась. Какой бы ребёнок стал голову ломать? Что есть, то и есть. — Она откинулась головой на спинку кресла и на какое-то время закрыла глаза, словно вглядываясь в себя, ещё совсем юную.

— Что произошло? — вывел её из оцепенения Мох.

Имоджин открыла глаза.

— Моя мать, Сильвия, перед смертью тайком рассказала мне, что Джон много лет был помешан на каком-то монастыре, который нашёл в глубине острова. — Говоря это, она свела ладонь,

выставив указательный палец, и постучала им по центру карты Козодоя. — Во время Чистки он был военным топографом и наткнулся на это место, занимаясь своим делом. Сведения приберёг для себя. Там были следы массовой бойни, устроенной военными. Отец рассудил, что все её участники будут более чем рады, если природа вернёт этому месту первозданный облик.

— Я и не знал, что Джон служил в армии, — заметил Мох.

Имоджин кивнула:

— Он был топографом по контракту. То был способ оставаться вне военных действий. Монастырь назывался Глазок, но об этом он узнал лишь позднее. Через несколько месяцев после войны он набрался смелости вернуться туда в одиночку. Путешествие едва не угробило его, зато он опять отыскал Глазок, сверяясь с вычерченной раньше картой. Монастырь выглядел так, будто его покой никто не нарушал, с тех пор как отец обнаружил его. Сундук этот был среди вещей, которые он привёз из той поездки. Он знал о существовании крепкого подпольного рынка, где торговали предметами культа. Сундук и его содержимое оказались целым кладом. Позже Агнец рассказывал мне, что Джон, когда

вернулся, обманул «Красную миногу» и связался с коллекционерами напрямую. Когда, а это было неизбежно, действовать стало опасно, он сундук упрятал.

— Глупец, — бросил до того хранивший молчание Радужник.

— Намерение было наивное, оно гарантированно выводило из себя «Красную миногу». Только поход отца имел и худшее последствие. — Имоджин умолкла и глубоко вздохнула. Края глаз у неё всё больше наливались красным.

«Вот мы и добрались», — подумал Мох, а вслух сказал:

— Продолжайте.

— Несмотря на видимость, Глазок не был полностью покинутым. Кто-то там выжил.

— Как? Судя по тому, что я читал, Чистка там велась старательно. — Даже говоря это, Мох чувствовал, как волосы у него на руках вставали дыбом.

Смех Имоджин был горек.

— Если бы. В тот раз, вернувшись туда, Джон устроился ночью спать на открытом месте. Утром его разбудила маленькая девочка. — Имоджин повернулась лицом к Моху. — Это была Мемория, как вы, я уверена, уже догадались.

— И что произошло? — спросил тот, метнув взгляд на Радужника.

— Он похитил её. Насильно. Никак иначе, если честно, это не назовёшь, хотя я уверена, что сам он считал это спасением.

— Несмотря на то что она каким-то чудом выжила, кто-то должен был ей помогать, — сердито выпалил Мох.

— Он увидел, на что она способна. После этого его заботы о благополучии девочки были неразрывно связаны с тем, как он может нажиться.

Мох скрестил руки на груди.

— И ему приходилось делать вид, что она его дочь, иначе пришлось бы отвечать на трудные вопросы о том, откуда она взялась.

— Именно так. Разумеется, Сильвия была в ужасе. Она была против этого, потому-то дело и кончилось тем, что Мемория стала жить с вами и вашей матерью.

— Даже не знаю, что сказать, — вздохнул Мох. — Всё это звучит невероятно.

— Во всяком случае, Агнец знал, что Джон плутует с «Красной миногой», — сказала Имоджин. — Он следил за Джоном. Когда же узнал о Мемории, то сразу оценил её уникальность и захотел её для себя самого. Это стало одержи-

мостью.

Имоджин потянула виски из стакана, но стекло звякнуло о её зубы. Она протянула стакан Моху. Тот его взял и поставил на стол.

— После падения Мемории в океан Агнец пришёл к нам домой с несколькими членами «Красной миноги». Не считая Агнца, все они были людьми, кого мы знали как уважаемых членов общества. Они били Джона до бесчувствия. Агнец требовал сундук, слухи о котором дошли до него. Джон настаивал на том, что его не существовало, что люди просто переврали сказанное им. Агнец так ему и не поверил. Все это произошло за год до моего рождения. Мама мне рассказывала, что после этого случая дела, по-видимому, опять пришли в норму. Джон часто отлучался, но я была хорошо обеспечена. Детство было почти идиллией.

Последовало долгое молчание. Мох налил себе щедрую порцию виски из хрустального графина.

— Но вы хотите знать, что на самом деле за человек Агнец? — Голос Имоджин делался все более приглушённым, взгляд — отрешённым. — Двенадцать лет спустя Агнец сжёг наш дом дотла и забрал меня вместо Мемории. То было отложенной карой за всю ложь Джона, за его измены

и долги. Меня насильно поселили в дом Агнца — полагаю, для отработки долгов Джона. Агнец заявил мне, что Джона убьют, как убили мою мать, если я не стану послушной. Он не сказал мне, что отец уже исчез. Через некоторое время я другой жизни и не знала. Стала дочерью «Красной миноги». Теперь внешне я жила относительно нормальной жизнью, но была привязана к «Красной миноге» и в любой момент могла быть вызвана по требованию Агнца. — Она смотрела на Моха в упор. — Мне нужна моя свобода. К вам я пришла, потому что больше у меня никого нет, а мы, хотим того или нет, все связаны. — Имоджин прижала ко лбу подушечки пальцев. Мох положил ей руку на плечо, но убрал, когда она вздрогнула. — И я хочу избавиться от этого. — Она указала на сундук. — Ничего этого мне не нужно. Агнец со своими подручными знают, что он существует, и годы потратили на его поиски. Сундук был спрятан в квартире, которую он снял для меня на чердаке Полотняного Двора, прямо у него под носом. Сундук необходимо спрятать там, где его никогда не найдут.

Радужник стоял у окна. Мох, глубоко погружённый в раздумья, разглядывал свои туфли. Имоджин склонила голову, но потом поднялась и

собрала рисунки со стола. Лицо её было бледно.

— Оставьте их, — произнёс Мох. В воздухе витало напряжение. Его всё ещё беспокоила роль, которую сыграла Имоджин во встрече с Агнцем и в том, что за ней последовало, однако рассказанное ею изменило его отношение. Внушило ему больше сочувствия. Он подошёл к окну, где Радужник стоял под ореолом оцелусов, разглядывая что-то. — Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Радужник, отвернувшись от Моха, обратился к Имоджин:

— Рядом, за соседней дверью, спальня. Не позволите нам переговорить несколько минут?

Когда дверь закрылась, Мох рассказал Радужнику о своей встрече с Агнцем. История завершилась его пробуждением рядом с Имоджин на Полотняном Дворе и обнаружением наколотой миноги на запястье. Радужник слушал его рассказ не перебивая.

— Тебе следовало бы рассказать мне об этом пораньше, — заметил Радужник.

— Что это значит? Я не про наколку. Она — явно клеймо шайки. Зачем они поставили его на меня?

— Отметина свидетельствует, что ты под

присмотром «Красной миноги». Она — предупреждение другим. Сколько тебе известно о них?

— Немного. Так, всякие истории, услышанные в Брикскольде.

— «Красная минога» — это тайное преступное сообщество, братство, корни которого восходят к самым первым дням города. Началось оно с семейства по фамилии Минойи — изначальных выходцев, что довольно интересно, с острова Козодоя. Члены этого семейства до сих пор составляют ядро организации, но простирается она гораздо шире, во все слои общества. Агнец, человек, с кем вы встретились, является, а скорее являлся, одним из самых одиозных её убийц. Татуировка означает, что вы осуществляете дело по их поручению и, следовательно, попадаете под их защиту. Ещё это метка смерти. Обычно носящих эту метку казнят, когда их дело завершено.

— Уф, отлично, я так и думал, что это гадость какая-то, — сказал Мох. — Имоджин утверждала, что Агнец не знает о её приходе сюда. Ты ей веришь?

— А ты?

— Верю, учитывая то, что она нам рассказала.

— Странная парочка.

— Теперь твоя очередь признаваться мне, — за-

говорил Мох. — Что она показала тебе в садике своих родителей?

— Подожди здесь, — попросил Радужник. Мох сел в кресло-качалку, освобождённое Имоджин. Оно всё ещё хранило тепло её тела. Радужник вышел из библиотеки и прошёл в большую гостиную. Вернулся со сложенным листком бумаги, который вручил Моху.

— Что это? — Мох развернул листок. — Понимаю. — Он встал, донёс листок до стола и положил его рядом с рисунками из сундука Имоджин. Рисунок на листке был выполнен в том же стиле, только был намного менее древним.

— Объясни, — попросил Мох. — Это было у тебя?

— Это я нарисовал. Об этом-то она и говорила. В тот день в садике я показал ей этот рисунок.

— Но другие рисунки — древние. Их сотворили за десятки, если не за сотни лет до того, как ты родился. Ты же слышал, что она сказала. Их нашли в монастыре.

— Да, монастырь. Я этого тоже не понимаю. Много лет назад, когда я был ещё совсем юным, корабельный плотник с «Сомнамбулы» спас меня, тонувшего в море у острова Козодоя. В моей памяти не сохранилось ничего из моей жизни

до того момента, когда я пришёл в себя на борту судна.

— Тот самый корабельщик, в чей дом я направляюсь? — спросил Мох.

— Да. По возвращении в Ступени-Сити он уже не мог заботиться обо мне и в конце концов отдал меня другому человеку в уплату карточного долга. С тех пор я простил его. Тот, другой человек, обещал позаботиться о моих нуждах. Я не очень-то помню о том времени, — сказал Радужник. Он потянулся и забрал рисунок.

— И кто же был этот незнакомец с такой широкой душой?

— Не догадываешься?

— Назови.

— Джон Машина.

— Когда это было?

— Тринадцать лет назад.

— Уже через годы после того, как я видел его в последний раз, — задумчиво протянул Мох.

— Он не был недобрым… поначалу… зато пытался использовать мои необычные свойства. Возил меня из театра в театр, со сцены на сцену, включал меня в представления всяких уродцев как Стеклянного Мальчика. Сначала дела у него не заладились. Публика обвиняла его в надува-

тельстве. У людей долгая память. Они помнили, что когда-то он проделывал что-то очень похожее с Мемориею. Потом что-то случилось. Он пришёл в полуразрушенный дом, где прятал меня, когда отправлялся путешествовать. Джон был весь в крови и трясся от страха до истерики. Я неделю просидел в том здании взаперти, как какой-нибудь зверёк, пока он приходил и уходил по ночам.

— Значит, ты всё время знал о Мемории? — спросил Мох.

— Лишь немного. Рассказов о ней наслушался. Извини, но мне тоже стоило быть более откровенным.

Держа рисунок, Радужник перебрался к окну и стал смотреть в него. Мох видел его лицо отражённым в стекле.

— Однажды утром безо всякого предупреждения я был посажен на поезд и отправлен на север. Вот так и получилось, что я оказался твоим студентом в Трубном институте. Два заранее оплаченных семестра.

Радужник повернулся и поднял рисунок.

— Когда пришло время сажать меня в поезд, Джон нашёл этот рисунок и отобрал его у меня, говоря, что если бы кто-нибудь его увидел, то

я оказался бы в страшной опасности. Он так и не разъяснил, что это за опасность. Он был в бешенстве. Даже и не почувствовал, как я выкрал рисунок у него из кармана. Прежде чем мы расстались, он сделал то, чего никогда не позволял себе прежде, — ударил меня сбоку по голове. Потом плюнул мне в лицо и сказал, что я погубил его жизнь.

— Ну, это точно звучит знакомо, — заметил Мох.

— Было похоже на то, что он на глазах у меня обезумел от страха.

— Я верю Имоджин, — сказал Мох. — Она права: на радость или на горе, но Джон Машина связал нас всех.

— Она только что дала мне ключ к моему прошлому. Возможно, я найду ответ на вопросы, терзавшие меня всю жизнь.

— Какие это?

— Кто я такой и для чего я такой?

— Тогда путь наш ясен, — сказал Мох. — Я должен с Агнцем посчитаться…

— А потом мы отправляемся на остров Козодоя: уверен, именно там я раскрою своё прошлое. И у нас есть веское основание полагать, что и Мемория вернулась туда, если принять во внимание

то, что рассказала нам Имоджин.

То ли после виски, то ли оттого, что бремя свалилось, но Имоджин крепко спала, когда Мох зашёл в спальню сообщить ей о принятом ими решении. Они не стали её беспокоить, а сами проговорили допоздна. Радужник оставался в библиотеке ещё долго после того, как Мох отправился спать. Он сидел в компании тикающих часов да грохочущих время от времени трамваев за окном. Рисунки лежали перед ним на столе. Ему незачем было держать их: оцелусы уже зафиксировали их во всех подробностях, сделав эту информацию доступной ему. Он был способен не просто мысленно поочерёдно изучать их, но и сознавать полную осведомлённость на данный момент. Радужник воспринимал свои расширенные мыслительные способности как должное. Он знал, что его память и степень осознанности явлений намного превосходят то, чем обладают окружающие, и при всём при том оставалось пространство, куда ему не было доступа. Время до его спасения из ледяного Радужного моря было пустым местом, запертой дверью. То ли из-за травмы, то ли по чьему-то умыслу, он никак не мог понять. Оцелусы, эти, как он был уверен, наделённые сознанием слуги, оставались немы

на сей счёт.

Когда часы пробили три, Радужник поднялся и подошёл ко всё ещё раскрытому походному сундуку с книгами. Всё оставалось таким, каким оставила Имоджин, и на какое-то время на глаза ему попалось свечение с булавочный укол. Нагнувшись, он вынул из гнезда пузырёк. Тот был наполнен мелкими ракушками и костями: предметы, какие, можно ожидать, стал бы собирать ребёнок на морском берегу. Он поднял пузырёк и повернул его в руке. Ошибиться было невозможно: внутри что-то мерцало. Крышка открутилась с сухим скрежетом. Среди собрания мелочи лежал стеклянный сплюснутый овоид. Внутри он был дымчатым и слабо светился. Когда Радужник извлёк его, тот пристроился у него на ладони, а когда он отвёл ладонь — остался в воздухе. И овоид поднялся, чтобы присоединиться к пяти оцелусам, которые подплывали к нему стайкой любопытных рыбок.

Книжный магазин Таджалли

На следующее утро Мох решил нанести визит Оливеру Таджалли. Радужник ушёл где-то среди ночи, а Имоджин всё ещё спала. С прихода Радужника Мох впервые покинул квартиру. Позаимствовав кожаное пальто и приличные туфли, он пошёл быстрым шагом, избегая встречаться взглядом с редкими прохожими. Потирал ладонь о ладонь, чтобы согреться. Было ещё рано, и лёгкий морозец нежился на ближних крышах. Трамваем можно было добраться быстрее, но ему хотелось передвигаться незамеченным, насколько только это возможно.

Боковые улочки были вымощены кирпичом, почти совершенно стёршимся за столетия, и утыканы крышками канализационных колодцев, отлитыми с барельефом рыбы. Воздух был наполнен запахом пекущегося хлеба, который мешался с угольным дымом. С железнодорожного моста Мох видел, как рабочие во дворе пекарни закатывали караваи в фургоны доставки. Лошади на холоде били копытами. Лишения войны вернули многое из того, что делалось в старину.

Ещё пятнадцать минут пешочком — и Мох оказался у книжного магазина, самого заметного здания в круге уличного движения, очерченного трамвайными линиями. В центре круга был парк. Подходя, Мох через переплетения ржавых конструкций на игровой площадке видел фасад магазина Таджалли и бронзовый памятник какому-то забытому герою.

Квакуша не соизволил и глаз поднять, когда Мох подошёл к прилавку. Несомненно, всё ещё дулся из-за атласа.

— Мне нужно поговорить с Оливером, — сказал Мох.

— Господин Таджалли в ванной, — протянул клерк, закатывая глаза. — Надеюсь, вы бережно обращаетесь с тем атласом, господин Лес.

Мох поднялся на второй этаж. Стены украшали фотографии, надписанные писателями известными и позабытыми. Подойдя к одной двери, он постучал бронзовым молотком, закреплённым на уровне глаз.

— Проваливай, — донёсся крик изнутри.

— Оливер, это Мох.

— Я ванну принимаю, чёрт бы тебя побрал.

— Ты только и делаешь, что ванну принимаешь. Впусти меня, пока я не задохнулся тут. — Мох

всё больше распалялся в спёртом воздухе.

— Отстань от меня, — бросил тот.

— Оливер, открой дверь, пока я её не вышиб.

— Чтоб тебя разорвало. Очень мило. Ладно, тогда заходи. Иначе, как я понимаю, миром не кончится. Не заперто. Жар только не выпускай.

Мох вошёл в большую ванную комнату, выложенную потрескавшимися плитками, затирка меж которыми походила на чёрные полоски лакрицы, пол в ванной обильно порос грибком. Оливер Таджалли барахтался в чугунной ванне на высоком постаменте. Духота от пара и плесени мешалась с дымом его сигары, от которого ломило в висках. На голове у Оливера торчал проеденный мышами цилиндр, а перед ним на сиденье лежала раскрытая книга порнографических гравюр. Служанка у дальнего конца ванны подливала из чайника в воду кипяток. Потом, словно помешивая несуразный суп, она лопаткой для стирки равномерно распределяла тепло.

— Чего тебе? — требовательно рыкнул Оливер. — Давай побыстрей. Мне нездоровится.

Встречаться возле ванны Моху было не впервой, но он поклялся, что этот раз станет последним. Пока книжный торговец нежился, розовокожий, в серой водице, Мох отводил глаза от того, что

воображение ему уже нашептало.

— Вчера днём в дом Сифорта пришла какая-то женщина и заявила, что ты дал ей этот адрес и назвал моё имя. Моё настоящее имя.

Оливер насупился, взвешивая слова Моха:

— Твоё настоящее имя она уже знала.

— Едва ли в этом дело, Оливер.

— Она таки пришла туда, да?

— А что, по-твоему, она собиралась делать? Ты зачем меня так подставил? Что стряслось с верностью слову?

— Хм. Ну а ты чего просто не соврал? Сказал бы ей, что слыхом не слыхал про Моха. — Оливер засмеялся, скаля прокуренные зубы. Болезнь, что ускоряла старение Оливера, в последние месяцы преуспела ужасно. Он выглядел вдвое старше Моха, хотя на самом деле когда-то, в детстве, они были неразлучными друзьями.

— Если б он так и сделал, она бы сюда опять пришла. — Голос служанки, мягкий, как топоток мышиных лапок, застал мужчин врасплох.

— Что? — Оливер глянул на неё сквозь узкие щёлочки глаз.

— Я просто подумала, что она могла бы назад вернуться и шум поднять, — пролепетала служанка.

— Перестань разглагольствовать, женщина. Это дьявольски отвлекает. Так из-за этого бормотания и квохтанья два и два не сложишь. Сделай полезное дело и принеси мне мои ходульки.

— Слушаюсь, сэр. Пожалуйста, простите мою дерзость. — Служанка сняла с ванны сиденье, положила его на плитки, потом побежала в предбанник, поднимая платье повыше от пола.

— Пойдём со мной, — сказал Оливер. Сильно плескаясь и ругаясь, он с трудом поднял свое упитанное тело, пока ягодицы, красные, как варёная ветчина, не опустились на край ванны. Ноги, заканчивавшиеся у колен сморщенными рубцами, загребали воздух, когда он силился удержаться на своём шестке. Мох опять отвёл взгляд, сделав вид, что его вдруг заинтересовала оплывшая лепнина над головой. Он отсчитывал тягучие секунды до возвращения служанки, надеясь, что Оливер сумеет сохранить равновесие без посторонней помощи.

Служанка поднесла протезы к самой ванне. Вместо подобия человеческой ноги протезы Оливера были снабжены механическими птичьими лапами. Три подвижных пальца торчали вперёд, а четвёртый был отогнут назад, обеспечивая равновесие. Каждый палец заканчивался сереб-

ряным когтем. Основа протеза была выполнена в виде накладок. Когда долготерпивая служанка закончила крепить протезы ремнями к обрубкам Оливера, тот, сделав несколько осторожных шажков, к облегчению Моха накинул банный халат.

— Дай руку, — попросил он, протянув свою Моху.

Тот подхватил его под локоть и повёл от ванны. Они прошли в комнату, откуда служанка принесла протезы. Она была меньше ванной, в ней стояли складной стол с лампой и кресло. Оливер, крякнув, сел, оставив Моха стоять перед столом. А тот уже едва сознание не терял от влажности, дожидаясь, пока Оливер прошерстит содержимое ящичков.

— Где она, чёрт побери? — гаркнул Оливер.

Рядом появилась служанка, сняла с него цилиндр и вручила ему предмет так, словно в нём было что-то неприятное.

— У вас в шляпе, сэр.

Оливер выхватил цилиндр из кончиков её пальцев и сунул руку вовнутрь.

— Тут где-то потайной кармашек, — бормотал он, сражаясь с чем-то. — Ага! — Он извлёк маленькую, переплетённую в кожу книжицу. — Это трактат о магии. Книга заклинаний. Подержи её

минуточку. — Оливер сунул книжицу Моху. У того сердце забилось часто-часто. Книжица не была подделкой. Его искушённый взгляд уже это определил. Она была древнее любой из оккультных книг, уже помещённых в обширную библиотеку Сифорта, зато была под стать тем, что хранились в походном сундуке.

— Она дала мне вот это. Это достойная сделка. Остров Козодоя. Взгляни на знак на обложке.

— Вы считаете, что она настоящая? — спросил Мох.

— Конечно же настоящая, идиот ты эдакий! Возьми её, — резко бросил он.

Пальцы Моха обхватили книжицу.

— Обладания этой книгой, что ты держишь, — сказал Оливер, — достаточно, чтобы отделаться от тебя. — Книготорговец облизал тонкие губы, прошёлся языком за щекой. — Я бы родную мать продал дьяволу, чтобы владеть ею. — Он вырвал книжку из рук Моха и взмахнул ею в воздухе. — Продать тебя было сущим пустяком. Ты был мелкой разменной монетой, дружище.

— Ты продал меня за книжку, — сказал Мох. — А ведь мы друзья. Во всяком случае, я так думал.

Оливер обошёл вокруг стола на своих птичьих лапах. Служанка бросилась к нему.

— Осторожно! Поскользнётесь, — предостерегла она. Служанка поддерживала Оливера, пока тот укладывал книжицу обратно в цилиндр.

— Есть вещи поважнее твоих сложностей, Ламсден. Кстати об этом, что-нибудь новенькое для Агнца? Этот лот скоро начнёт меня тревожить.

— Пока нет, — ответил Мох.

Оливер вернул цилиндр на голову, слегка прихлопнув его.

— Знаешь, в чём секрет ловли мухи на лету рукой, Мох? Хватаешь не муху, а то место, где муха окажется в следующий миг. — С этим он отвернулся, каркающе бормоча: — Дружба, чтоб мне в аду сгореть.

Витрина мясной лавки

Уязвлённый предательством Оливера, Мох вышел из книжного магазина и пошёл по переулку. Остановился у витрины мясной лавки и свернул долгожданную цигарку. Даже тихая улочка, казалось, давила на сознание, уже переполненное мыслями и грозящее закипеть от гнева. Пытаясь оградить себя от внешнего воздействия, он поднял воротник и обратился лицом к витрине.

По ту сторону стекла на ложе из свежего мелко колотого льда лежали три освежёванных кролика. Красноглазые тушки, розовомясые и без ног, казалось, поёживались, но это только потому, что под их угасающим теплом таяли кристаллики льда. Вокруг кроликов в подбор были разложены — частями или целиком — другие животные: свиная голова с мягкими ресницами и раздвоенным пятачком, ягнёнок с содранной шкурой, говяжий язык, голубоватый на кончике и покрытый выростами всё возрастающего размера. Висели утки, комковатые от пор и налитые от подкожного жира, твёрдого, словно мыло. Цыплята, певчие птицы, рыба, моллюски, осьминоги,

кальмары и застарелые молочные поросята были выложены на лёд — плоды ужаса, воспринимавшиеся пародией лакомств шоколадной лавки через дорогу. Дьявольски выверенный порядок этого мясистого изобилия нарушала кучка кроликов, пока в лёд не метнулась покрытая шрамами рука и с заученной ловкостью не переложила тушки куда надо.

Мох взглянул на своё отражение. Голубые глаза покраснели. Он похудел, и лицо сделалось тощим. На высоком лбу застекленели капельки пота, а волосы, похоже, отрасли за одну ночь. Руки охватывали живот двумя сцепившимися насмерть пауками. Дымок от скрученной цигарки увивался вокруг пальцев. «Расслабься, — подумал он, — вид у тебя точь-в-точь как у сбежавшего преступника, каков ты и есть».

Мох бросил взгляд на ягнёнка, свернувшегося на льду. Выходя из магазина Таджалли, он заметил на стене литографию, изображавшую подкожные мышцы человеческого лица. На какой-то тошнотворный миг почудилось, что его собственное лицо с содранной кожей лежит среди убоины в снежном ореоле и кружевах из потёков крови.

Много ли времени прошло с того разговора

в штольне? Высчитывая, Мох перевёл взгляд на отражение того, что было у него за головой. Тесно сбитые лавки и магазины, чередование окон и дверей. За остроконечными крышами и печными трубами темнело небо, грозившее зимой. Прохожие на улице выглядели едва ли не пришельцами из иных миров — округлые массы несовершенной плоти, оживлённые какой-то непостижимой искрой. Всякая движущаяся фигура виделась ему куском мяса, разложение которого началось с самого его появления на свет. То были черви, спелёнутые и надушенные, пожиратели, разжёвывающие мир в кашицу и зло плюющиеся неперевариваемыми остатками. Их тела лежали, громоздясь в кучи, на кладбищах, в испоганенных водоёмах и забитой канализации. Их имена высекались на плитах доисторического известняка и гранита, которому уже много миллионов лет, — тщеславные похвальбы червей, клещей и землероек, которые рождались, а уже через мгновение умирали. Он нащупал у себя в кармане пузырёк. «Ради бога, успокойся», — подумал про себя.

Мох вновь настроился на выложенное в витрине, скользя глазами по печёнкам, так напоминавшим интимные органы женщины. Он

отвернулся, зажал рукой рот и обнаружил, что закусил губу. Отдающий медью привкус крови залез в пазухи носа. Мох отшвырнул докуренную цигарку на дорогу, заметив, что привлекает внимание громадного пса. Того самого пса, с канала. Тут никаких сомнений.

О собаках Мох знал немного. Вырос он рядом со сворами дворняг — в доке по разделке судов и примыкавшем к нему городке, но избегал диких собак в большом городе. Каждый обитатель Ступени-Сити был знаком со стаями беспородных шавок, что ночами растаскивали мусор по улицам. Их частенько приходилось отлавливать и отстреливать ради общественного спокойствия. Образчиком такого рода животных была Припадочная Сморчка. А вот зверь, смотревший на него сейчас, — не был. Тут было нечто другое: массивный, мышцы упругими шарами перекатывались под шкурой, блестевшей, как у скаковой лошади. Умные глаза следили за ним из-под складок кожи на морде. Уши торчали как рожки. Мох почувствовал страх, рука сама собой потянулась в сторону, к дверной ручке лавки: он готовился, коль нужда придёт, укрыться внутри. Потом, непонятно почему, пёс оставил своё место на тротуаре и потрусил на левую сторону улицы.

Поддаваясь порыву, Мох последовал за ним на расстоянии. Текучая поступь пса радовала глаз. Он, казалось, внимания не обращал на покупателей, спешивших перейти на другую сторону, чтобы держаться от него подальше, либо просто останавливавшихся и глазевших ему вслед. Мох проследовал за ним до конца извилистой улицы, а потом зашёл в проход. Один раз пёс остановился и, повернув голову, посмотрел назад. В конце прохода он исчез из виду. Любопытство одолело разум, Мох припустил трусцой, проскакивая сквозь тени. И выскочил на заброшенный сортировочный узел железной дороги. От него только и осталось, что громадный круг, поросший травой, золотарником и поздними молочаями. Двор был очерчен изогнутым деревянным зданием с пустыми дверными проёмами и осевшими стенами.

На дворе стояла вытащенная на середину чёрная конная карета без окон. Пёс улегся в тени её окованного железом колеса. Мох остановился. Увиденное им в следующий миг разом избавило его сознание от всех страхов из-за пса. На том месте, куда запрягали лошадей, возвышалась громадная фигура. Голова её была скрыта под капюшоном из потрёпанной парусины. Тело

было укрыто тяжёлым пальто, которое, по-видимому, поросло лишайником и грибком. На шее у этого чудища висел громадный хомут, который цепями крепился к карете. Пока Мох разглядывал все эти детали, чудище повернулось с угрюмой слоновьей медлительностью.

Мох попятился назад. Всем своим существом он не желал видеть лицо этого чудища. В панике он повернулся и побежал. Зацепился за кусок ушедшего в землю рельсового крепежа, но сохранил равновесие и полетел обратно через проход. На каждом шагу он был уверен, что вот-вот ощутит на спине тяжесть пса, но уже через несколько секунд вернулся в тихие переулки без происшествий. И пошёл, не привлекая к себе внимания, с улицы в сторону квартиры Сифорта.

Аура

В то утро до своей квартиры он не добрался. Передвигаясь на своих двоих, Мох предпочитал менять маршруты, избегая быть замеченным. Взбудораженный увиденным во дворе сортировочного узла, он попал на незнакомую улицу.

Разговор с Оливером потряс его. Хотя с годами они всё меньше и меньше откровенничали, но в основе всегда оставались верны друг другу. Их отношения совершили новый поворот. Мох никак не мог определить почему. Он знал, что чувства его обострены симптомами воздержания от синиспоры, которую он безуспешно пытался заменить бренди. Его одолевали потливость и копание в себе. Так и представлялось, что всякие незнакомцы в последнее время разглядывают его, словно бы недоумевая, зачем он тут оказался. Это озадачивало его, пока он не понял, что они, видимо, поступают так в ответ на его собственный пристальный взгляд. Кучка ребятишек, игравших в кольца, перестала бросать их в цель, чтобы потешиться над ним. Будь всё нормально, это забылось бы уже в следующее мгновение. На

этот же раз ребячьи голоса продолжали оставаться у него на слуху, как хоровое эхо.

Мох, чтобы навести в голове порядок, опёрся о стену в нескольких шагах от одного из одинаковых одноквартирных домиков, которые тянулись по всей стороне улицы. В окно, выходившее на улицу, сквозь разросшуюся герань ему был виден салон с пианино. На крышке инструмента плотно стояли фотографии в рамках. За пианино был дверной проём, за ним — ещё один. В конце этой череды проёмов находилась кухонная дверь, ведшая в крохотный цветник с клумбой и кустом роз. Ласточки метались над дорожкой, гоняясь за чем-то невидимым. Резкое постукивание по стеклу вернуло его на улицу. Мох прыжком распрямился. Пожилая дама с бледным от пудры лицом и пучком волос, удерживаемых шарфом, жестом показывала, мол, проходи мимо. Не споря, Мох опять зашагал. Неприятности ему были не нужны.

Обе стороны улицы составляли такие же домики из красного кирпича, как и тот, куда он только что заглянул. Левая сторона улицы была зеркальным отражением правой. Мох наполовину ожидал увидеть на другой стороне своего призрачного двойника, шагающего по противо-

положному тротуару. Мысль эта до того засела у него в воображении, что он никак не мог перестать высматривать. Бросив взгляд, он увидел ребёнка, катившего куклу в ржавой колясочке. Повернул голову обратно — и уткнулся взглядом в ещё одного ребёнка, девочку лет пяти, стоявшую перед ним.

— Папа говорит мне, что чужим доверять нельзя, — сказала девочка. Мох замер, почему-то не в силах пройти. — Папа говорит мне, что вот так моей маме и заделали ещё одного маленького. Папа собирается вышибить этому мужику зубы, если когда-нибудь поймает его. Так может и кровь пойти, вот увидите.

— Дай мне пройти, пожалуйста, — попросил Мох. Голос для него самого звучал странно. Высокий, нетерпеливый.

— Я тебя и не держу. Ты видел кровь? Настоящую кровь? — Девочка шагнула к нему. Лицо у неё было чумазое, а в волосах ползали вши. Мох обошёл её. — Скоро увидишь. — Мох стал напевать про себя, чтоб не слышать этот детский голосок.

Зигзаг белого света попал в поле его зрения и скользнул по диагонали. Заныл затылок, голова потяжелела, будто песком наполнилась. В вит-

рине почты дурманил до головокружения бунт типографских букв, втягивающий его в языковой водоворот. Буквы мерцали, растворялись, а потом вновь появлялись повсюду, когда он пытался сосредоточиться. Мох продолжал шагать, убеждённый, что движение и свежий воздух его успокоят. Зрение ухудшалось. Слева от него зелёные ворота вели в узкое пространство между двумя домиками. В этом проходе старые брусья и доски вели войну с ящиками, переполненными мусором. Какая-то кошка с янтарными глазами, как у Имоджин, шмыгнула мимо, низко опустив хвост. Его распирало от позывов к рвоте и испражнению одновременно. В ужасе, что он вот-вот совершит нечто унизительное, Мох налёг плечом на ворота. Створка распахнулась вовнутрь и остановилась, с громким стуком налетев на стену.

В проходе было прохладно и сыро от манящей, скрывающей тени. Мох пошёл вперёд, с трудом передвигая ноги и сжимая пряжку брючного ремня, готовый ко всякой случайности. Но теперь зрительное мельтешение, которое едва не лишало его способности видеть, сменилось свечением, будто от водопада углей. Он хватил ртом воздух и исторг рвоту. Та магмой изверглась из его горла. Глазами, полными слёз, он посмотрел

в конец прохода. Похожее на стража чудище с сортировочного узла возвышалось, закрывая свет. Горящие угли летели из его головы по ветру, который, казалось, вздымался у чудища внутри, будто в печной трубе. Мох отвернулся, собираясь уйти тем же путём, что пришёл, но путь перекрывала другая фигура. На этот раз то был мужчина. Когда каблук сапога врезался Моху в грудь, того опять отшвырнуло во мрак.

Они вывернули его карманы, а у него не было сил помешать этому. Он отрешился, потерялся в самом себе. Неужели сердце остановилось? Разве он умирает? Это хулиганьё не церемонилось. Его крутили-вертели по-всякому, кусочки гравия и гранулированного стекла впивались ему в руки и щёки. На нём распахнули пальто и рубашку. Стянули с него штаны до колен, а когда не нашли ничего, то принялись пинать ногами просто ради удовольствия. Он чувствовал, как ему задрали рукав, как отлетели часы Леса. Был момент, когда напавшие заспорили, будто бы перепугались, а потом они разбежались, грохоча сапогами.

Не один час минул. Ветер поднялся, как только померк свет, и на соседних тополях зашуршали листья. Тополя с их особым запахом, густые и древние, напоминали ему о детстве. Он убегал

от своих сестёр и их затворнического дома возле мели, где разбивали на части корабли, и забирался в тополиную рощу в дальнем конце пляжа. Весной листочки были клейкими, почти как кровь, что сейчас текла у него меж пальцев. Ему хотелось закричать во весь голос, но он так и не мог пошевелиться.

Подошла собака. Он не понимал, на самом ли деле это было или во сне. Она лизала ему руки шершавым языком, который оборачивался вокруг каждого пальца. Время от времени она останавливалась, издавала из пасти мягкое ритмичное рыканье, а потом снова принималась за дело. Сколько же времени прошло? Ночь настала, и какое-то время собака лежала рядом, шерсть у неё была жёсткая, но тёплая. В конце концов Мох уразумел, что собака от него ушла. Неужто он снова отключался? Мох долго смотрел на звёзды, прежде чем осознал две вещи. Он дрожал, а это значило, что он двигается — он больше не парализован. Мох повернул голову насколько осмелился и увидел пару детских ботиночек. Вокруг коленки на левой ножке был обвязан амулет, цепочка, переплетённая с чёрными перьями и маленькими позвонками вместо бусинок. Когда-то он находил похожие косточки в катышках

под тополями.

— Мох, — позвал девчачий голос.

«Прошу, помогите мне». Бесполезно: слова не выходили.

Рядом пыхтела собака. Значит, она не ушла.

Дождь.

На рассвете его подняли с земли и отнесли к машине с работающим двигателем — такси, судя по запаху. Он, должно быть, как-то помогал, но позже об этом ничего не помнил. Какой-то мужчина обращался к нему, давая вежливые указания и задавая вопросы, ответить на которые у Моха не было сил. Силы вроде бы вновь появились уже в постели в квартире Сифорта. Он лежал один и, судя по силе света в окне, полагал, что день был в разгаре. Сбросив с себя одеяло, он обнаружил, что кровь и каменную крошку с него смыли. Оставшиеся синяки и царапины болели, особенно колени, которые были содраны, будто его волочили по тротуару. Он вновь устроился на подушках и поспал ещё подольше. Когда же проснулся во второй раз, то слез с кровати и оделся в собственную одежду.

Радужник сидел на кухне, закрыв глаза, голову его освещали косые лучи вечернего света. Мох

усадил себя на стул по другую сторону стола. Когда Радужник пребывал в такой задумчивости, Мох понятия не имел, замечал ли тот, что происходит вокруг. Оцелусы неподвижно висели в воздухе безо всякого заметного порядка. Их расположение напомнило Моху детский самокат. Он прочистил горло, чтобы заговорить, но потом передумал.

Стеклянный скелет

— Он был художником без таланта. — Баки с усами отросли у Джея Харта Шторма ещё больше с тех пор, как Мох увидел его впервые. Перемена наделяла его чертами доброго дедушки, что противоречило тому подспудному двуличию, которое улавливал Мох. Шторм поставил пустой бокал из-под бренди на каминную полку в библиотеке и хлопнул в ладоши. Лицо у него было помятым и шероховатым, словно он несколько дней провёл на улице. Битый час он излагал свою версию убийства, случившегося на Полотняном Дворе.

— Его часто можно было видеть на Полотняном Дворе. Он работал над фреской, изображавшей кита, писал её в фартуке, надетом на костюм, и никогда на нём ни пятнышка не было. У его произведения была цельная душа схемы из школьного учебника, вполне точной, полагаю, с научной точки зрения, но лишённой того невыразимого свойства, какое делает произведение воистину великим. По-моему, он выписывал нынешнего левиафана по линейке. — Шторм

прищёлкнул пальцами. — Если не ошибаюсь, прискорбный эпизод на Полотняном Дворе попал в газету, в утренний выпуск. Не видели? Ужасно, когда человека хладнокровно убивают, пусть и человека средненьких способностей.

Мох тряхнул головой и поднялся с кресла. Поморщился: мышцы ног и плеч затекли до боли. Всего несколько часов прошло, как он очнулся избитым и обчищенным.

— Я не читаю эту газету.

— Нет? — произнёс Шторм, изучая Моха водянистым взглядом. — Странно для образованного человека. Я-то думал, вам хочется быть в курсе дел, текущих событий и прочего. Нынешние времена изменчивы, сэр.

— Разумеется, я примусь за чтение газет, когда дети сюда вернутся, — сказал, изворачиваясь, Мох. — Но когда я один, то предпочитаю направлять внимание на чтение книг, сосредоточиваться на более глубоком анализе, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я так полагаю, в этом есть смысл. — Шторм взял пальто со спинки кресла, в котором сидел. — Во всяком случае, это не более чем спектакль. Как обычно. — Мох не был уверен, имеет ли в виду гость газеты вообще, убийство художника или

свою работу. — Что ж, спасибо вам, Джозеф, за в высшей степени приятный вечер.

— С вашей стороны было любезно заглянуть, господин Шторм, — сказал Мох. — Сожалею, что сам судья Сифорт не смог вас приветствовать. Тем не менее ваш визит доставил мне удовольствие. Ваши познания в древностях весьма впечатляют. Не хотите ли ещё бренди?

Шторм хмыкнул:

— Нет-нет. По-моему, мы и так нанесли достаточный урон этой бутылке для одного вечера. Что ж, надеюсь, что Сифорт прольёт свет на местонахождение книги, когда вернётся. Меня дрожь берёт при одной только мысли, что он поместил её в ненадёжное место. Я несколько лет искал эту книгу, и ему об этом известно. Ему следовало бы быть осторожней. Такая досада!

— Может быть, он её с собой взял. Раз уж книга редкая, возможно, ему хотелось, чтобы она при нём была, рассмотреть её хорошенько, прежде чем отдать. Я обязательно напомню ему о книге, когда он возвратится. — Он помог Шторму надеть пальто.

— Я сам ему напомню. Старый сукин сын. — Он повысил голос, вздёрнув в воздух палец. — «Где мой экземпляр «Певчих птиц острова Козодоя»,

старый ты мошенник?». Вот что я скажу. Ах, зато, по крайности, он оставил ключ от шкафчика со спиртным, Джозеф. Это сделало приятным визит, который иначе разочаровал бы. Со всей серьёзностью: думайте, что спросить за книгу. Я дал мощную цену за похожий том по ихтиологии. В неразборчивых руках одни только вкладки стоили бы бешеных денег. — Он положил ладонь на руку Моха. — Некоторые вырезают иллюстрации и продают их в рамочках. Я видывал такое. Варварское занятие. Мне было бы нестерпимо видеть эту книгу в недобросовестных руках.

— Я уверен, что она в добрых руках.

Шторм, плохо держась на ногах, пошёл мимо столика со стеклянной крышкой. Одна из страннейших диковин Сифорта, трёхфутовая[11] копия человеческого скелета, сделанная из красного стекла, стояла на её поверхности. Мох дыхание затаил, глядя, как Шторм ковыляет к ней. У него живот подвело, когда он понял, что рука скелета так повёрнута, что указывает на атлас Моха «Странник Золотого мира», стоявший рядом, стоило лишь руку протянуть. Шторм этого расположения не заметил, но для Моха оно предвещало

[11] Сноски: 11
Почти метровая (*прим. пер.*).

то, что произошло следом. Удерживая себя за резной край стола, Шторм шатнулся вплотную к атласу.

— А-а, книга, что вы купили на днях. Восхитительно. — Не успел Мох помешать, как Шторм поднял обложку и обнаружил один из рисунков из сундука с книгами. Мох рассматривал его, когда нежданно-непрошено прибыл Шторм, и второпях сунул его в книгу, направляясь встречать гостя. Шторм с глубокомысленным видом ещё шире раскрыл обложку.

— Вот тебе раз, это кое-что весьма стоящее. Позволите? — спросил он, уже вынимая рисунок. Пыхтя и отдуваясь, прищурился под очками, а потом вдруг бросил лист, будто тот ожил у него в руке. — Откуда это у вас? — Лицо у него посерело. Кляня себя за разгильдяйство, Мох старался сохранить безучастное выражение лица.

— Это важно? Мне его торговец дал наудачу. Вам что-нибудь известно об этом?

— Наудачу? Простите меня, Джозеф. Пудрите мозги кому-нибудь другому. Нечто подобное на жалованье наставника? Я вас умоляю.

— Разумеется, — сказал Мох. — Я шучу. Так что вам об этом известно?

— Для меня это очень похоже на рисунок,

который, возможно, применялся в ритуальной оккультной практике, которая когда-то имела место на острове Козодоя. А-а, вот и наше доказательство. Видите этот водяной знак? Изготовление бумаги на острове строго регулировалось и велось под строжайшим контролем. Гильдия требовала ставить водяной знак на каждом листе. Боже, этому должно быть триста лет, если не больше.

Мох рассмеялся:

— Теперь уже вы мне мозги пудрите. По-моему, вы чересчур увлеклись бренди, сэр. Это всего лишь рисунок. Интересный, согласен, но что до вашего объяснения… вы уж простите мой скептицизм. И потом, иметь у себя художественный предмет с Козодоя — преступление.

— Если Сифорт подумывает продать его, то я бы щедро вознаградил его, — взгляд Шторма сделался жёстким.

— К сожалению, рисунок принадлежит не ему, и не ему его продавать, — произнёс, уже паникуя, Мох. — Загвоздка в том, что на самом деле он его одолжил, но, как вы верно догадались, судье Сифорту, а не мне, а судья всерьёз намерен его купить. Вы уж простите, что я вас только что ввёл в заблуждение, я всего лишь старался сохранить

в тайне дела моего работодателя. — «И эта ложь становится трясиной», — подумал он.

— Если он не приобретёт её, существует ли возможность для меня попытать счастья? — Лицо Шторма выражало неприкрытую алчность. Ему хотелось поторговаться.

— Сказать правду, я не знаю, — ответил Мох, выдерживая беззаботный тон в надежде снять напряжение.

— Какая нелепость! — воскликнул Шторм. — Не будем обманывать друг друга, Джозеф. Вы не дурак, наверняка знаете, как это выглядит. Если тот, кому не надо, узнает, что судья Сифорт владеет этим рисунком, это может погубить судью. Вам позволительно не читать газеты, зато другие-то их точно читают. Позвольте мне снять с вас этот груз. Спасите человека от него самого, Джозеф.

— Господин Шторм, ваши слова похожи на угрозу, — сказал Мох. — Извините. Я не могу сделать того, что вы просите.

Взгляд Шторма прошёлся по комнате, затем вновь остановился на Мохе.

— Понятно. Что ж. Давайте расстанемся с пониманием того, что, случись вам передумать, моё предложение остаётся в силе. — Шторм сжал плечо Моха рукой, которая, чувствовалось, при-

вычна обламывать ветки с деревьев.

— Буду иметь это в виду.

— Да уж пожалуйста, — выговорил Шторм.

Мох проводил его до входной двери. Открыл её и вышел в коридор для окончательного прощания. Шторм пожал ему руку, повернулся, уходя, а потом остановился. И спросил:

— Трезвые мысли напоследок?

— Не забудьте свою шляпу, сэр. На улице всё ещё идёт дождь.

— Послушайте, — заговорил Шторм, держа шляпу за край. Он изучающе разглядывал лицо Моха, даже очки поднял, чтоб смотреть поближе. Дыхание его отдавало дорогим бренди и прогнившими зубами. — Поступайте как знаете. Мне ваши обоснования непонятны. Доброй ночи. — С этими словами Шторм вильнул к лестнице. Сморчок этажом ниже подсматривал, сметая с края окна на лестничной площадке мёртвых мух.

— Я на лифте не поеду, — заявил Шторм. — Никогда не выносил оказаться запертым в клетке, если вы понимаете, о чём я. Между прочим, — добавил он, как бы поразмыслив, — вы должны прийти пообедать со мной у меня в клубе, не откладывая это в долгий ящик.

— Благодарю вас, сэр, я подумаю.

— Тогда, значит, спокойной ночи.

«Человек попроще, — подумал про себя Мох, — спустил бы его со всех тринадцати ступенек прямо под ноги Сморчку».

— Проклятие, — ругнулся Мох. Вернувшись в квартиру, он мерил шагами комнату перед Радужником. — Ему известно, кто я такой. Он ещё под конец и играл со мною, самодовольный хер. Это замечание про быть запертым в клетке…

— Он плохой актер, — заметил Радужник. — Ошибкой прежде всего было вообще позволить ему порог переступить.

— Он заявился незваным, — пояснил Мох. — Что мне оставалось делать? Я и без того на грани с тех пор, как Имоджин появилась. Ясно мыслить не могу.

— Я подумал, что ты разум утратил, — сказал Радужник.

Лицо Моха было сумрачно, когда он налил в чистый стакан солидную порцию бренди, опорожнив бутылку.

— Быстрее было бы пить из бутылки, — заметил Радужник. — Я ушам своим не поверил, когда ты спросил этого пустозвона, не желает ли он ещё выпить.

— Старался, чтоб он расслабился. Видел бы

ты его лицо, когда он увидел рисунок, — сказал Мох. — Жадность в чистом виде.

— Не думаю, что тебе стоит недооценивать его. — Мох видел, как подёргиваются веки в окружении чёрных кругов под глазами Радужника. Как всегда, это напомнило ему об одной ядовитой амфибии, которая была у него в детстве. — С трудом верится, что твоя встреча с ним в книжном магазине была случайной.

— Это лишь подчёркивает то, о чём мы говорили. Пора уходить.

— Да, пора.

— С Агнцем надо что-то делать. — Мох взглянул на Радужника, ловя его взгляд.

Радужник понял:

— Каков твой план?

— Завтра я отправлюсь к Оливеру Таджалли и скажу ему, что установил место, где обитает Мемория. Скажу ему, что намерен доставить её на Полотняный Двор в полночь послезавтра. Он будет знать, что это ерунда, но, поскольку любит малость нервы пощекотать, подыграет. — Радужник заговорил было, но Мох тряхнул головой и продолжил: — Имоджин не только живёт на Полотняном Дворе, она на самом деле работает в Музее естественной истории.

— Откуда тебе это в точности известно?

— Я нашёл удостоверение служащей на её имя в кармане *её* пальто. — Он передёрнул плечами, когда Радужник шутливо прикрыл лицо рукой. — Я кое-что разузнал. На чердаке Полотняного Двора Музей хранит свои пересыпанные нафталином коллекции. Мне просто нужно убедить Оливера устроить встречу именно там — с Агнцем.

— Непредсказуемо, — сказал Радужник. — Когда Агнец обнаружит, что его провели…

— Это не важно. Весь смысл в том, чтобы выманить Агнца. Так он не сможет сопротивляться.

— И тогда ты его убьёшь?

Мох кивнул. Тюрьма приучила его к необходимости порой прибегать к насилию. То была скрытая подоплека каждодневного бытия. В равной мере он был осведомлён, что вершить насилие не то же самое, что на словах рассуждать о нём. В этом и состояла причина того, почему у него внутри всё сжималось.

— Да, и после этого нам придётся быстро удирать. «Красная минога» будет стремиться к возмездию.

Радужник принял задумчивый вид.

— Политика в такой организации, как «Красная минога», вещь сложная. Насколько я себе

представляю, в группировке есть определённые члены, которые видят в Агнце последнего из старой гвардии и не терпят его. С годами он нажил себе массу врагов. Вакуум силы, который ты создашь, отвлечёт их. Это на удивление традиционная организация. Утрата Агнца спровоцирует загадочную череду ритуальных действий, которые какое-то время будут связывать их по рукам и ногам. Последнее, что будет их тревожить, это какой-то стукач Агнца, при всём должном уважении. К тому времени как их внимание обратится вспять, ты уже исчезнешь, обретёшь новую личину и документы. Подлинная опасность в том, чтобы уцелеть в противоборстве с самим Агнцем. Ты уверен, что другого выхода нет?

Мох повернул руку так, чтобы изображение миноги было видно им обоим.

— Ты сам сказал это, Радужник. Вот это — мой смертный приговор, пока Агнец жив. Он хвостов за собой не оставляет. Если мы уедем с Имоджин, он ни перед чем не остановится, чтобы выследить нас. Вот это — его договор со мной. — Мох опустил руку.

Радужник поднял взгляд:

— Да, он избрал тебя, и ты привязан к нему так же крепко, как Имоджин. Пока он жив, вас обоих

по его капризу могут сразить в один миг.

— Он выбрал меня, потому что думает, будто меня можно скрутить. Все так просто, Радужник, он считает, что меня можно скрутить. — Мох чувствовал, как в груди его поднимается гнев. — Он уверен, что я рад буду выше крыши выдать Меморию и тем спасти свою шкуру. — Мох отступил назад и смахнул со стола стеклянный скелет. Тот разлетелся по полу. Несколько минут Мох стоял среди осколков.

— Я помогу тебе сделать это, — произнёс Радужник. Голос его звучал ровно и спокойно. — Агнец умелый убийца, и придёт он не один. Будет нелегко.

— Он зашорен, — сказал Мох. — Недооценивает меня. Завтра вечером я уйду отсюда и перееду в дом корабела. — Он вылил бренди из своего стакана в разбитый скелет, по которому жидкость текла как кровь.

Оцелусы кружили над головой Радужника, меняя цвета в видимом спектре. Когда все они оказались сзади, Радужника омыло янтарное сияние, цветом подобное пролитому бренди.

— Решено, — подытожил Радужник.

— Отлично, утром я поговорю с Оливером.

— Хорошо. — Радужник выровнял рисунок

по краю стола. — Я ухожу. Тебе надо проведать Имоджин. Она вчера едва в сознании была, когда я с ней разговаривал.

Мох, очнувшись после нападения в проходе, был удивлен, узнав, что Имоджин занемогла.

— Я загляну к ней.

— И наведи здесь порядок, пока Сморчок не увидел, — подмигнул ему Радужник.

С грузом на сердце от предстоящей необходимости Мох прошёлся по квартире, рассеянно осматривая всякие безделушки и снимая книги с полок. Нашёл и прикурил ядовито-зелёную сигару — оказалась жуткой гадостью, так что через несколько минут пришлось затушить её в кухонной раковине. Взяв рисунок, который рассматривал Шторм, Мох понёс его обратно в комнату, где лежала спящая Имоджин.

В спальне Сифорта потолки были так же высоки, как в гостиной и библиотеке, но она была поменьше и поуютнее. Люстра в форме медузы отбрасывала пятна света на бордовые стены и на тёмные панели обшивки. Слабый огонёк угасал за декоративной решёткой, на каминной полке стояли остатки еды, отражаясь в заднике из позолоченного зеркала. Пространство между роскошными шторами из тафты позволяло взгля-

нуть на город позади здания. Мох вжался лбом в прохладу оконного стекла. Сообразив, что его могут увидеть, задёрнул шторы.

Имоджин лежала не на кровати Сифорта, а на удобной кушетке. Натягивая одеяло ей на плечи, он рукой скользнул по её щеке. У неё был жар. Кожа побледнела настолько, что её можно было принять за такое же нечеловеческое создание, как и Радужник. Хотя мелкие морщинки вокруг рта и глаз утверждали обратное.

— Всё изменилось, — произнёс Мох. Глаза её двигались за веками, грудь мягко и ритмично поднималась и опадала под одеялом. Он поместил рисунок к остальным в книжный шкаф. Рука его задержалась на сундуке, готовясь закрыть его, и Моху пришло в голову просмотреть некоторые книги. Кто знает, что находилось под их обложками? Ему привиделось движение в одном из пузырьков, и он решил, что осмотр лучше произвести при дневном свете. Пожалел, что нет флакончика с синиспорой, чтоб мозги прочистить. Но — чего не было, того не было. Так что он удобно уселся в кресло и проводил время, рассматривая Имоджин, пока и сам не погрузился в сон. Глаза его разом распахнулись, когда подсознание подбросило ему то, что он заметил в пылу

обсуждения с Радужником. Шесть оцелусов?

Птичий переулок

На следующее утро Мох проснулся, готовый к решительным действиям. Он вымылся, хорошенько рассмотрел себя в зеркале, в раме с херувимами. Лицо его уже избавилось от худшего, что претерпело всё тело. Красные следы порезов на надбровье да кое-какие отметины на щеках были единственными заметными свидетельствами избиения. Он оделся в то, что предлагал богатый гардероб Хабиха Сифорта: белую сорочку, тёмно-серый галстук и брюки с отутюженными складками. К этому он присовокупил чёрный костюмный пиджак, а поверх накинул пальто. Спохватившись, подровнял бороду и протёр очки. Когда такое преобразование в Джозефа Леса было закончено, он заглянул к Имоджин, которая всё ещё спала. Прикрыл дверь спальни так, чтобы его уход не разбудил девушку. Долго отсутствовать он не собирался. Наживит приманку — и вернётся.

Через мгновение он вышел из дома, окунувшись в какофонию разгоревшегося утра. Ширины улицы перед домом Сифорта вполне хватало, что-

бы вместить два трамвайных пути и пешеходный тротуар. Напротив стоял похожий трёхэтажный дом с фасадом из известняка. Оба конца улицы были ярко освещены и оживлённы. Повернув направо, он припустил быстрым шагом, отмечая резкий переход от лета к осени, произошедший за минувшую неделю. Воздух был прохладным, попахивал угольным дымком и морем. Растения в урнах на тротуаре сильно разрослись и желтели, увядая. Утро стояло мирное.

Мысленно он возвращался к состоянию, в каком пребывал в том проходе. Оценивал его как своего рода припадок, спровоцированный отказом от синиспоры или резким взлётом напряжения. Признаки замечались на протяжении многих дней. Он не придавал им значения и поплатился за беззаботность. Так можно было бы объяснить все фрагменты снов и все видения. А вот от чего не отделаться, так это от вопроса о личности спасителя. Кто спас его, увезя на такси? Это не был Радужник. Радужник обмыл его и уложил в постель, но кто-то другой доставил его домой к двери Сифорта, где Радужник и нашёл его.

Мох шагал навстречу солнечному свету, туда, где односторонняя Девониан-лэйн пересекалась со Сперрикорн-авеню. Он миновал несколько

магазинов, в том числе и заколоченную художественную галерею и табачную лавку. На авеню он протиснулся в битком набитый трамвай, только что с лязгом остановившийся. Мох вынужден был стоять в проходе, пока трамвай, кренясь и рассыпая искры, продвигался к району рынка. Проехав несколько кварталов, он спохватился: выходя из дома, не убедился в отсутствии полицейских агентов. Это успело стать для него обыкновением с тех пор, как он приступил к работе у Сифорта. Он расценил это как предупреждение о том, что целеустремлённость у него возобладала над осторожностью, и решил не торопиться и быть повнимательнее к тому, что его окружает.

Мимо скользнули колонны и почерневшие статуи Дома Оперы, затем Морской музей и Художественная галерея. Шедший прошлой ночью дождь оставил после себя лужи на тротуаре, но небо было уже чистым. Мох сошёл с трамвая у Мемориальных Садов, откуда уже был виден рынок. Когда трамвай пополз дальше, позвякивая колокольцами, он остановился и взглянул на Полотняный Двор, этот величественный архитектурный ориентир. Но не туда он направлялся. Свернув, Мох пошёл налево до старой улицы за Художественной галереей, уклоняясь от гру-

зовиков и подвод, равно как и от исходящих парком куч конского навоза. Он шёл к Птичьему переулку.

Птичий переулок представлял собой покрытый слизью кусок брусчатки между складами галереи и арсеналом. Бельевые верёвки были так натянуты между стенами, чтобы пришедшие сюда могли повесить на них птичьи клетки. Они висели, постоянно покачиваясь, служа жилищем ошеломляющему разнообразию птиц, от которых в воздух летели тучи пёрышек и шелухи. Войдя в переулок, Мох пригнулся, избегая столкновения с тесным рядом клеток. Их трепещущие обитатели наполнили его слух прелестным пением и менее прелестными пронзительными криками, пока он пробирался между столов, за которыми собирались старики, торгуясь и меняясь птицами, россказнями и шахматными задачками. Он обошёл прилавок, где подавали горький кофе из самовара. Дымный дух от шампуров с ягнятиной и каштанов густо висел в воздухе, напоминая, что Мох ещё ничего не ел. Придётся обождать: он уже увидел того, кого пришёл навестить.

Оливер Таджалли сидел на своём обычном месте. На столе перед ним стояла деревянная клетка. Небольшой зелёный попугай с красным клювом

просовывал головку меж прутьев решётки и брал семечку подсолнечника из зубов Оливера. Квакуша, также сидевший за столом, смотрел на это представление без особого интереса.

— У этой птички прикосновение мягче, чем у девки, с которой я прошлую ночь провёл, — сообщил Оливер.

Клерк усмехнулся. Он сидел напротив Оливера в чёрном костюме и белой шляпе и наливал себе красное вино в грязную кофейную чашку. Оливер сидел, закинув ногу на ногу, на нём были полосатые брюки и белая рубашка. На голове у него также сидела шляпа, тёмно-серая, с изумрудным пёрышком, заткнутым за ленту. Между ними сидел, откинувшись на стуле, Эндрю и, избегая встречаться взглядом с Мохом, усердно листал большим пальцем уже покоробившиеся по углам странички мальчишеских приключенческих комиксов. Когда Мох подошёл к столу, Оливер продолжал заниматься с попугаем. Мох знал, что Оливер будет не один, но присутствие Эндрю его сильно поразило.

— Ах, это опять вы, — произнёс клерк. — Какое занудство. Ну нет покоя, а? Вы мне атлас принесли, господин Лес, Мох, или кто вы ни есть нынче? — Клерк уткнулся в носовой платок, пря-

ча смех. Он был пьян. Мох покачал головой.

— А-а. — Оливер заговорил сквозь семечку, зажатую у него меж губ. — Это учитель. — Он махнул рукой мальчику. — Эндрю, слетай и принеси господину Моху-Лесу чашечку кофе.

— Доброе утро, Оливер, — сказал Мох. — Я и не знал, что ты знаком с Эндрю.

Оливер рассмеялся.

— У меня их, этих Эндрю, много, Мох. Садись. Ты, само собой, знаком с Квакушей?

Мох кивнул Квакуше, который слизывал пролитое вино с подушечки большого пальца. Оливер побаловал птицу ещё одной семечкой, на сей раз — из пальцев в жёлтых пятнах. Квакуша залпом выпил вино и уставился на Моха с непроницаемым выражением лица.

— Да. Как ты себя сегодня чувствуешь, Оливер? — спросил Мох.

— Как всегда, злюсь. Дела не так уж и хороши. Я кучу денег вложил в судно, а вчера вечером узнал, что эта гнида-капитан посадил его на мель в южном море. Всё — буль-буль, и на дно. — Он чиркнул, будто черту подвёл, увешанной кольцами рукой. Попугай настороженно вскинул головку.

— Жаль будет дурака-капитана, когда он вер-

нётся, — хмыкнул Квакуша, оголяя потемневшие от вина зубы.

Вернулся Эндрю с крошечной чашечкой какой-то бурды, напоминавшей разваренную сепию. Мох дал ему три шестиугольные монетки, Оливер же меж тем продолжил:

— Хватит о моих горестях. Что привело тебя в этот переулок? Мало вчера получил? Или ты здесь, чтобы птичку купить? Может, послушать трепотню старичков? Или ещё какие странные женщины появились у твоего порога?

— Мне с тобой надо кое-что обсудить с глазу на глаз. — Мох решил действовать по наитию.

— Квакуша, Эндрю, заткните уши, — велел Оливер.

— Что тебе известно про рисунок, украденный у женщины, которая дала тебе книгу? Мне бы хотелось получить его обратно. — Мох метнул взгляд на Квакушу.

— Украденный? — Оливер сморщился так, будто в рот ему сунули что-то очень кислое. — Довольно сильно сказано. Откуда же он был… э-э… украден?

— По-моему, тебе известно.

— Из Полотняного Двора, — подсказал Квакуша. — Я это хорошо знаю. — Он почесал у себя в

паху через брюки.

Оливер, хрустнув, очистил семечку подсолнуха и съел её, плюнув шелухой в клерка.

— Квакуша, тебе скромнее надлежит быть. — Он перевёл взгляд на Моха. — А ей — осмотрительнее. — Мох пригубил кофе и передёрнулся. Оливер засмеялся, отчего птица затрепыхалась в клетке. — Перестань, мужик, это всего лишь кофе. — Он покачал головой, улыбка сползла с его лица. — Твой запрос не представляет интереса, да и подкреплён он пустыми руками. — Оливер вздохнул.

— Я пришёл не с пустыми руками. — Мох залез в карман пиджака и извлёк «Певчих птиц острова Козодоя». Он разложил шёлковый носовой платок Сифорта и положил на него книгу.

В глазах Квакуши сверкнула искра интереса, и она не прошла незамеченной для Оливера.

— Она подороже стоит, чем рисунок, — сказал Мох.

— Ещё бы, — фыркнул Оливер.

— «Певчие птицы острова Козодоя», — выговорил Квакуша, с нескрываемым наслаждением хватая книгу. Раскрыл её на титульной странице. — Раритет.

— Поосторожнее с ней, ты, болван, — прикрик-

нул Мох. — Это личный экземпляр автора.

— Пф. — Оливер махнул рукой, будто муху ловил. — Может, это факсимиле.

— Нет, — произнёс Мох.

— Он прав, — подтвердил Квакуша, воркуя над томиком.

Оливер набрал горсть семечек и стал пересыпать их из ладони в ладонь. Дуновение ветра выметало сор.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Оттуда, Оливер, — соврал Мох, — что я повстречал кое-кого, проявившего к этой книге великий интерес, и он подтвердил её ценность. Прямо рвался заполучить её. Я подумал, может, ты захочешь взглянуть на неё первым. — Мох пристально следил за Квакушей, который, держа книгу в одной руке, потянулся другой за вином.

— Это правда, — огорчённо выдохнул Квакуша.

Оливер скормил попугаю ещё одну семечку. Квакуша подтолкнул книгу через стол Моху. Мох взял её и протянул книгу Оливеру.

— Подлинность её подтверждают заметки на полях. — Мох сунул палец в книгу и раскрыл её на том месте, где раньше написал: «Я приведу Меморию на чердак Полотняного Двора завтра в полночь». Он держал книгу так, чтобы только

Оливер видел написанное. Тот ничем не выдал, что прочёл. Вместо этого он взял чашечку и отхлебнул из неё.

— Если я сумею достать рисунок, ты приносишь эту книгу мне в обмен. Согласен?

— Да, — кивнул Мох. Он смотрел прямо в полузакрытые глаза своего друга детства. Когда успел мальчик, с кем проводил он долгие летние дни, стать вот этим нервным, бесчувственным мужчиной?

— Эй, — подал голос Квакуша, — дайте и мне посмотреть.

Мох вернул книгу в карман пальто, бросив:

— Квакуша, отвали.

— Напиши название книги и её выходные данные, — сказал Оливер. И подал маленькую записную книжку. — Без обид, но мне хотелось бы получить независимое заключение о её стоимости. Я поспрашиваю про рисунок, посмотрю, может, кто и знает чего. — Мох сделал, как было велено, отмечая про себя имена тех отчаявшихся душ, что обращались к Оливеру за помощью. Квакуша капризно сопел носом.

— Очень хорошо. Ну, тебе ещё что-нибудь нужно?

Маленький коричневый пузырёк с крохот-

ной пробочкой сам собой возник на столе. У Моха пульс участился. Он оглядел переулок с его фигурами, склонёнными над крошечными чашечками. Над их головами сотни птиц трепыхались, слово живое воплощение их старческих грёз. Бухающие звуки, казалось, доносились откуда-то из глубин земли, хотя то было всего лишь биение его сердца. Сумбур образов минувшего дня одолел его, и на мгновение показалось, что он различает зигзаг белого света.

— Спасибо, не надо. — Мох встал и оправил на себе взятую взаймы одежду. — Лучше обойтись. — Пузырёк исчез под ладонью Оливера, как предмет-обманка в руках умелого фокусника.

— Тогда прощай, Ламсден, — произнёс Оливер, ухмыляясь. — Мы скоро с тобой свяжемся.

Из переулка Мох вышел потрясённый, но довольный. Нежданное присутствие Эндрю с самого начала ошеломило его, однако дрожь в руках возникла при появлении синиспоры. Мох направлялся в Птичий переулок, зная, что такая вещь, как украденный рисунок, непременно попадет к Оливеру. Шансы, что Оливер обменяет рисунок на книжку, были примерно равными. Мох рискнул сыграть — и выиграл. Когда придёт время, он заберёт рисунок под дулом пистолета,

если понадобится. Ещё год назад о таком и подумать было нельзя. Неплохо выйдет, если он сможет вернуть рисунок Радужнику.

На улочке позади Художественной галереи он остановился у погрузочной платформы и, прислонясь к кипе соломы, принялся сворачивать цигарку. Кожа сделалась осклизлой, ломота в висках возвещала о приступе головной боли, вызванной едким кофе.

— С вами все в порядке, сэр? — прозвучал рядом зычный голос.

Мох поднял взгляд и увидел сидящего на лошади полицейского, заслонившего всё небо. Одет он был в чёрное, на ногах сапоги, сверху безукоризненно чистая шинель, на голове форменная фуражка. На широком ремне висел пистолет. Мох со своего места чуял запах его смазки, и это никак не помогало унять поднявшийся у него в животе вихрь.

— Просто хватил вчера вечером немного лишнего.

Лошадь сделала несколько шагов. Солнце ослепило Моха.

— Я понимаю, сэр, только здесь стоять нельзя. Это не место для людей из публики. Разрешено только служащим галереи.

— Извините, тогда пойду своей дорогой. Всего доброго. — Мох обошёл лошадь, которая именно в этот миг застыла недвижимо, как бронзовый памятник кому-то из военных.

— Минуточку, сэр.

— Да? — Мох повернулся. Дубинка полицейского двинулась к нему и шаркнула по плечу.

— Пёрышко, сэр.

— Благодарю вас. — Мох чувствовал, что его того и гляди вырвет, пока лошадь и всадник удалялись как единый, хорошо смазанный механизм.

Метка

— Не снимай пальто. Тебе надо уходить. — Радужник захлопнул крышку разъездного чемодана Моха, едва тот переступил порог квартиры.

— Что происходит? — спросил Мох. Рука его, державшая пуговицу пальто, повисла. В квартире царил кавардак. Со спинок мебели свисала одежда, на дорогостоящих деревянных столешницах громоздилась оставшаяся от завтрака грязная посуда. Шторы были распахнуты настежь, давая полную волю дневному свету. Приняв решение съехать, зная, что пребывание его тут подходит к концу, Мох всё больше впадал в нетерпение и всё меньше заботился о всяческих домашних мелочах. Больше чем когда бы то ни было воспринимал он это место как уродливый музей тщеславия хозяина. Всякая грань составляла тщательно подобранный натюрморт, и всякая вопила: посмотри, что у меня есть, взгляни на меня. Мох не испытывал никакой зависти и с удовольствием взирал на кучу битого красного стекла, заметённого к плинтусу. Мох ничего не жалел ради продуманного ухода. Пусть Сифорт

знает, что осуждённый им человек справлял нужду в его шкатулке драгоценностей.

— Сморчок приходил и стучался уже раз десять с тех пор, как я вернулся, — сообщил Радужник. — Звякал своей связкой ключей, и я подумал, что он собрался без спросу войти. Вот и заговорил с ним через дверь, притворяясь, что это ты, воспользовался расхожим извинением, мол, одеваюсь. Он рассказал мне, что сегодня утром ему позвонил секретарь Сифорта.

— Чёрт, — ругнулся Мох, предвидя худшее. — Он возвращается?

— Пока нет, но уже в пути. Очевидно, он спросил о тебе. Хотел узнать, всё ли ты ещё здесь. Не будешь ли ты здесь, а здесь ли ты по-прежнему. Сморчок едва скрывал свою радость.

— Кто-то ему стукнул. — Первой мыслью Моха было, что Сифорта предостерёг Шторм, но это как-то не складывалось. Шторм выиграл бы больше, ведя игру неспешно. Агнец? Подход казался чересчур окольным.

— Тогда, возможно, в пути он вместе с полицией, — сказал Радужник.

Мох отрицательно повёл головой.

— Не думаю. Если он что-то заподозрит, то захочет разобраться со мной лично. Мне представля-

ется, тут есть кое-что такое, что ему хотелось бы скрыть от постороннего взгляда.

— Может быть. Секретарь просил Сморчка убедиться, что ты окажешься здесь, когда приедет Сифорт.

— Лады, отправляемся. Нас тут уже и след остынет, когда он доберётся до дома.

Радужник натянул капюшон на голову.

— Я вызвал такси. Оно ждёт во дворе за домом. Я попросил водителя вызвать по радио ещё одну машину — для тебя — и отправил её к входным дверям. За сим я ухожу. — Он вручил Моху листок бумаги. — Отправляйся в дом корабельного плотника. Я увижусь с тобой завтра в десять часов вечера на Полотняном Дворе.

— Погоди, а Имоджин?

— В другой комнате, — ответил Радужник. — Ждёт. Я ей не рассказывал, но она, должно быть, подозревает, что тут что-то происходит.

Мох считал, что его друг как личность проявил к нему больше человечности, чем любое из человеческих существ когда бы то ни было, даже в своих критических оценках. Радужник оставался верен, и даже сейчас, когда Мох подверг его громадному риску. Пришелец по виду, грозный настолько, насколько Мох только мог себе

представить, с головы до пят одетый в чёрное, в окружении смертоносных оцелусов. Он ждал возвращения Моха и даже чемодан его собрал, невзирая на приближающуюся опасность. Резко развернувшись, Мох направился в спальню, бросая на ходу:

— Имоджин я беру с собой.

— Нелегко было добудиться: у неё всё ещё горячка, и она разговаривает во сне. Когда она проснулась и увидела меня, то принялась руками махать, отбиваться. Пришлось дать ей успокоительное. В конце концов она успокоилась и уснула. Я не мог нести её в таком виде, когда Сморчок так и шныряет вокруг.

Мох повернул ручку двери и вошёл в спальню. Имоджин сидела возле камина, глядя на язычки угольного пламени. Глаза у неё запали, кожа была бледной и скользкой от пота.

— Вам холодно, — сказал он. — Вы уж извините за это. Радужник не воспринимает холод так, как мы. Если честно, от этого иногда даже зло берёт. Вам всё ещё не по себе? — Имоджин отрицательно повела головой.

Не желая вызвать у неё раздражение своими возражениями, он присел возле решётки, мешая горящие угли. Искры рванули вверх, а по стене,

клубясь, пополз дым.

— Тут я не спец. — И Мох вновь обратился к Имоджин. Её била дрожь.

— Я вам не всё рассказала, — зашептала она. — Взгляните. — Она подняла блузку, и стала видна царапина, линия содранной кожи, шедшая наискосок через живот.

— Что случилось?

— Не что, а кто. Её зовут Элизабет, — сдержанно сообщила Имоджин. — Девочка, которая никогда не взрослеет. Ездит верхом на собаке. Она — ведьма. — Имоджин украдкой глянула на Моха. — Заявляет, что походный сундук принадлежит ей, и она одержима тем, чтобы вернуть его. Поцарапала меня ещё до того, как я к вам наведалась. Пристала ко мне на рынке. Я убежала, но прежде она вот это мне устроила. Думаю, от этого-то мне и нездоровится. — Она прикрыла рану.

— Так почему было и не отдать ей его тогда же?

— Именно потому, что ей так этого хотелось. Она — зло, Мох. Вы глаз её не видели. Они ужасны, так и пронзают. В её взгляде какое-то жуткое желание. Не могу в точности передать, что её взгляд заставляет меня чувствовать, только всё во мне восстает против того, чтобы поддаться её

похотливой страсти к сундуку. Я разом поняла, что с познаниями, которые есть в тех книгах, она станет способна на великое зло. Я бы сама с собой ужиться не смогла, если б подчинилась её воле.

— Я собираюсь помочь вам. Вы идти можете? Мы должны уходить.

— Почему, что происходит? — спросила она.

Мох сделал глубокий вдох. Имоджин явно бредила. Возня послышалась из соседней комнаты, где чемодан Моха потащили по полу. Потом последовал глухой удар. Грубый голос (как Мох догадывался, он принадлежал таксисту) торговался по поводу оплаты.

— Через пару минут они уедут. А потом надо будет уходить и нам.

— Ответьте на мой вопрос.

— Так сразу не смогу. Времени нет. — Раз за разом раздававшиеся глухие удары подтверждали его слова. — Двигаться можете?

— Не знаю. У меня сильная слабость.

Мох принёс сапоги и сумел натянуть их ей на ноги. Он неё исходил жар, от которого Моху хотелось зарыться лицом ей в живот.

Имоджин смежила веки.

— Ой, мне и вправду нехорошо.

— Давайте я помогу вам. — Мох поднял её руки

с колен и рывком поднял Имоджин на ноги. Она стояла, качаясь из стороны в сторону.

— Мне так холодно. Она опять отыщет меня. Я чувствую, что она близко. Я просто не думаю, что снова смогу бегать. У меня сил нет.

— Мы отвезём вас скоро туда, где тепло. — Мох мысленно возвращался к временам, когда увидел Имоджин впервые: бесшабашной и быстрой в залах музея, смертельно опасной и злобной в штольне. Мысль, что кто-то сумел изменить её так быстро, заставила его застыть, а потом разозлиться, стоило ему ощутить завистливое любование теми былыми свойствами.

— Мох, я не ребёнок, — прошептала она.

— Нет, — отозвался он, — не ребёнок.

Нужно было, чтобы она как-то пришла в движение. Сейчас, когда Сифорт уже в пути, он не мог позволить себе расчувствоваться. Нужно дать ей какой-то стимул.

— Мы едем в другой дом, — сказал он. — На другом конце города, вдали от суеты. Агнец или эта ваша Элизабет об этом не будут знать. Мы пропадём из виду, но у нас с вами всего несколько минут. Пойдёмте, там внизу такси. — Мох выбросил из головы образ девочки и пса, ухватив руку Имоджин грубее, чем собирался. Вывел её

из комнаты. Радужника, чемодана и сундука уже не было.

— В чём дело, Мох? К вам ещё и беды тоже, как болячки, пристают? — выговорила Имоджин дразнящим, но едва слышным голосом.

— Идите не останавливаясь, — твердил Мох.

Пока они выбирались из квартиры, Имоджин не противилась. На площадке она направилась было к лифту, но Мох, покачав головой, повёл её к лестнице. Они стали спускаться. Покрепче ухватив её за руку, Мох сумел держать её прямо, зная: если она сядет, то поднять её без борьбы ему не удастся. Когда они добрались до первого этажа, то сверху донёсся голос Сморчка:

— Я вижу вас. Стойте там!

— Такси уже подъезжает, — выговаривал Мох вполголоса. — Не обращайте на него внимания и продолжайте идти. Не останавливайтесь. — Мох толкнул входную дверь парадного, подгадав их выход к прибытию обветшавшего такси. Водитель (сигара торчала в углу рта, как сучок на дереве) заметил Моха с Имоджин, а потом отвернулся, копаясь в листочках у него на панели. Имоджин колебалась. Мох слился с нею.

— Вы что делаете? — спросил он. Мох подавлял в себе раздражение, понимая, что оно — пред-

вестник паники. — Пойдёмте. — Он сделал шаг, но Имоджин высвободила свою руку, останавливая его.

— Куда вы меня везёте? — спросила девушка, в глазах которой царила полная неразбериха.

— Я ж вам сказал — в один дом. — Он сжал губы и покачал головой. Только конкретные сведения могли бы выманить её из подъезда. — Это дом на Загульных Полях.

— Ваш дом?

Мох помедлил:

— Нет. Конечно же нет. Я похож на того, кто мог бы позволить себе дом на Загульных Полях? — Он повысил голос.

— Чей же тогда? Дом Агнца? — У Имоджин побелели губы, руки сжались в кулаки.

— Что? Нет, — выпалил поражённый Мох. И подумал, не воздействие ли царапины толкало её к паранойе. — Я вам говорил, что это место безопасное. Дом принадлежит кому-то, кого знает Радужник. Их сейчас нет в городе и не будет ещё несколько месяцев. Дом пуст. Никто не будет знать, что мы там. Вы сможете отдохнуть, и мы сумеем сообразить, что делать дальше. — Он надеялся, что его улыбка окажется более ободряющей, чем получилось.

— Она опять меня отыскала, — произнесла Имоджин. Она оглянулась вокруг, будто ждала, что та странная девочка вдруг выскочит из-за кадки с цветами. — Эхо с нею.

Желая быть в этот момент в любом другом месте, Мох бросил взгляд на машину.

— С чего вы решили, что она отыскала вас? — спросил он.

Ответа же так и не услышал. Секунда — и куда более новая машина, покрытая пылью и раздавленными насекомыми, сделав крутой вираж, приткнулась к бровке за поджидавшим такси. Задняя дверца открылась нараспашку, и сухощавый мужчина с зачёсанными назад седыми волосами и в тёмных очках силился перебраться через чемоданы и выбраться изнутри. Вылезши, он нахлобучил на голову шляпу и вытащил по виду дорогое пальто. От шляпы на лицо мужчины ложилась тень, но она не скрывала выражение гнева от сжатых скул и подбородка. Патрульная машина с радио, корпус которой был сплошь в латках и пулевых пробоинах, остановилась позади первой, и с её пассажирского сиденья выскочил второй мужчина. В правой руке, одетой в перчатку, он сжимал револьвер. Первым мужчиной был Хабих Сифорт, другой, судя по

оружию и выцветшему плащу, очень походил на полицейского в штатском.

Мох, ругнувшись, обхватил Имоджин за плечи. Силой увлёк её в тень парадного. Веля ей не двигаться, он присел на корточки и сделал вид, что зашнуровывает ботинок. Он уповал на свою бороду и присутствие женщины как на способ не быть узнанным. Хотя Моху лицо Сифорта было отлично известно, работодатель не видел его со времён суда, бывшего много лет назад. Оба мужчины торопливо прошли мимо. Сифорт пихнул Моха в плечо.

— Прочь с дороги, — прикрикнул Сифорт, толкая внутреннюю дверь парадного. Потом оба мужчины ушли, громко топая по ступеням лестницы в облаках пыли.

Мох встал и ухватил Имоджин за рукав.

Та вырвалась, вскрикнув:

— Не трогайте меня!

— Нам надо идти, быстрее, — уговаривал Мох. — Они вернутся в любую секунду.

— Кто такие они?

— У нас нет времени для объяснений, — сказал он.

— Кто такие они? — настаивала она.

Он поднял руки:

— Послушайте, тот, в очках, владелец квартиры. Другой — коп. — На лестнице загрохотали шаги, сопровождаемые сдавленными криками. — Они ищут меня.

— У него пистолет, — заметила Имоджин в изумлении.

— Пойдёмте, — сказал Мох. Схватил Имоджин и потащил её из парадного. Она двигалась с ним в каком-то жутком танце. Звук шагов на лестнице напоминал бешеное сердцебиение. Мужчины возвращались. Сморчок кричал сверху. Припадочная закатывалась хриплым лаем. Мох молился, чтоб управляющий не спустил собаку с поводка. Дверь парадного закрылась за ними. Мох с Имоджин бросились вперёд. На полпути между дверью и бровкой девушка встала. Лицо у неё исказилось.

— А где рисунки, книги? — Она шагнула обратно. — Я должна вернуться за ними.

— Нет, Имоджин, не надо, — завопил Мох. — Радужник их взял.

В дверях появились оба мужчины. Мох развернулся на брусчатке обратно к Имоджин, раскинув руки. Сыщик прицелился из револьвера. Выстрел сухо щёлкнул на узкой улице, и ранение красной ниткой опоясало шею Имоджин, а её кулон поле-

тел над булыжниками. Мох схватил её, когда она падала. Пока он мягко укладывал её на землю, вторая пуля прошила ему воротник рубашки, хлопнувшей как флаг на ветру. Имоджин лежала на тротуаре, недвижимая и бледная. Мох сжал её голову в ладонях. «Имоджин, вставай!» — кричал он. Третья пуля ударилась в землю около её головы и усыпала лицо искрами и каменной крошкой. Мох поднял ей веки, но зрачки под ними были недвижимы.

Сыщик попробовал применить захват. Какой-то звериный инстинкт упредил Моха, и в последнюю секунду он перекатился влево, шлёпнувшись лбом о землю. На мгновение белая боль заглушила все остальные чувства, и он едва не потерял сознание. Чья-то рука за колено упрямо тащила его по тротуару. Он приподнялся на корточки и лягнул копа прямо в лицо. Раздался тошнотворный хруст сломанной перегородки носа. Сыщик уткнулся лицом в ладони и заверещал, раскачиваясь вперёд-назад, сдерживая хлынувшую меж пальцев кровь. Мох, пошатываясь, поднялся на ноги. Бросив последний взгляд на бездвижное тело Имоджин, он дал дёру.

Продрался через собравшуюся толпу. Чьи-то руки хватали его за одежду. У него оторвался

обрывок воротника рубашки. Кто-то попытался дать ему подножку. Он упал прямо на изгиб колена подставленной ноги. Стоявшие рядом зеваки с криком разбежались. Острая боль в левой голени дала понять, что ещё одна пуля таки попала в цель.

Пекарня Чёрной крысы

Пространство за домом Сифорта представляло собой лабиринт переулков, соединявших заросшие сортировочные станции с садовыми участками и рушившимися зданиями прошлых веков. Мох понимал: лучший для него шанс удрать лежит именно в том направлении. Он специально в первые несколько дней взял себе за правило прогуливаться по главным здешним уличным артериям, знакомясь со всеми особенностями округи. Если нога выдержит, он сможет проскочить незамеченным в сужающиеся капилляры безымянных проходов и каналов.

Голень горела, когда он, хромая, пробирался вдоль стены в тени пожарной лестницы. По пересекавшимся переулкам катились взволнованные крики. Продолжали хлопать пистолетные выстрелы, что ввергало Моха в недоумение. Сейчас-то там в кого стреляют? Он задержался и поднял взгляд на навесную пожарную лестницу, пытаясь избавиться от застывшей в памяти картины ничего не выражавших глаз Имоджин. Это было слишком. Он провёл туда-сюда затылком

по кирпичу стены, от боли из его собственных глаз лились слёзы. Терзавшие мучения оттого, что бросил её, слились воедино с болью в ноге и голове.

Он выругался и пнул ногой стену. Всё в нём пожирала одна-единственная мысль. А что, если она не была мертва? Что, если он ошибся и бросил её на растерзание Сифорту и сыщику? В тот момент он решил, что пуля поразила её сзади, но слышал ли он на самом деле второй выстрел перед тем, как она упала? События разворачивались чересчур быстро. Если бы она выжила, её задержали бы как сообщницу. И ей досталось бы крепко. Он вздрагивал, проглядывая варианты через запотевшие очки. Больше всего ему хотелось помчаться обратно и выяснить, что с Имоджин, однако это стало бы самоубийством после того, что он учинил с полицейским. Мох поднял очки и смахнул с ресниц крупинки брусчатки. Элегантные брюки успели пропитаться запёкшейся кровью. Розовая пена пробивалась сквозь ткань. Колени стали будто резиновые, перед глазами всё плыло.

Из-за угла вылетел мальчишка, бежавший до того отчаянно, что башмаки грозились того и гляди с ног слететь. Бежал он от дома Сифорта.

Это был Эндрю.

— Ты как тут оказался? — спросил Мох. — Беги, чтоб духу твоего тут не было, это опасно.

— Да видел я, что произошло, — выговорил мальчик, жадно хватая ртом воздух, чтобы выровнять дыхание. — Они за мной по пятам гонятся.

Мох застонал. И думать было нечего оторваться от преследователей с раненой ногой. Он ухватил Эндрю за плечо.

— Эндрю, мне нужно где-то спрятаться. Знаешь местечко где-нибудь поблизости?

Мальчишка на мгновение задумался. Потом сказал, потянув Моха за пиджак:

— Давай за мной. — Мох пошёл, рассудив, что малому знакома каждая лазейка в округе. — Тут недалеко. Скорее, сюда.

Они шмыгнули в проулок рядом с большим почерневшим зданием. Оно показалось Моху знакомым. Эндрю побежал к малоприметной в нише двери угольного подвала. Та открылась с металлическим скрежетом. Ни секунды не раздумывая, Мох заковылял через дорогу. Похлопал Эндрю по плечу и нырнул в чёрный проём. Мальчишка захлопнул за ним дверь, взметнув фонтан деревянной крошки и ржавчины. Мох скользнул по крутому скату и шлёпнулся на кучу угля, да

так, что из него дух вышибло. Он лежал на спине в темноте, вдыхая пыль, поднятую при падении. Наверху по улице пробежала кучка людей. Их голоса и шаги удалялись. Некоторое время в дверь подвала, подвывая, била лапами какая-то собака, но никто, похоже, этого не заметил или не обратил внимания, а потом прекратилось и это.

Мох с трудом сел. В помещении имелся пол из утрамбованной земли и стены, сложенные из цельных камней. С одной стороны стоял деревянный ящик, с другой — груда глиняных плиток. В центре высилась куча угля и соломы, на которой прорастало нечто вроде салата. Такое же неприглядное место, как и любое другое, но он рад был и такому. Мох встал, пробуя всем телом опереться на раненую ногу. Боль оказалась мучительной. Несколько минут спустя он, собравшись с духом, подтянул брючину. Голень была прострелена с внутренней стороны. Рана была свежей, но не опасной для жизни. Пуля не повредила артерию и не раздробила кость. Он прижал лоскут кожи к рассечённой плоти и содрогнулся от пронзившей его боли. Рана уже не кровоточила, как раньше, так что он опустил и расправил ткань. Хорошего было мало, но могло быть и гораздо хуже.

Отирая кровь с пальцев об одежду, Мох сооб-

ражал, что может твориться снаружи. Ни звука не доносилось со стороны дверцы ската, значит, никого там не осталось. Эндрю, похоже, увёл за собой преследователей Моха, но сколько времени пройдет, прежде чем они повернут обратно?

Он должен предупредить Радужника о беде, которой обернулся уход от Сифорта. Если бы Эндрю вернулся, он послал бы мальчишку известить Радужника на Полотняном Дворе. Тот его нашёл бы. Мох полностью полагался на сообразительность Эндрю, пусть и не совсем доверял его прямоте. Нужно было как можно скорее выяснить, что с Имоджин. Если она жива, то следовало знать об этом, чтобы найти способ ей помочь.

Он присел на ящик и, успокаиваясь, подпёр голову руками. Казалось, с каждым шагом удача отворачивалась от него всё больше. Он подтянул рукав и потёр наколку красной миноги, словно бы ту можно было стереть большим пальцем. Агнец стукнул Сифорту? Может быть, Агнец как-то узнал, что Имоджин взялась действовать у него за спиной, и теперь карает их обоих. Если бы Мох не сбежал, в результате исполнилось бы обещание Агнца засадить его обратно в тюрьму. Человек, поджёгший дом другого человека, не стал бы действовать таким окольным путём. Деньги шли

Шторму. Коллекционер выигрывал больше всех. Разоблачение Моха сделало бы Шторма героем для Сифорта. Как воображал Шторм, Сифорт просто без сомнения был бы готов вознаградить его за усердие — книгой какой-нибудь сверхценной или рисунком-раритетом. Слепив подходящую версию, Мох прилёг на ящик. Солома провоняла кошачьей мочой, но он провалился в сон, будто лежал на свежих простынях из хлопка.

Разбудило его царапанье по стене. Тело сползло на землю, голова скособочилась на неудобно согнутой шее. Он распрямил её, для чего потребовалось усилие, будто глубоко внутри шеи засела не поддававшаяся проволока. Осознание того, что он попал в дурную переделку, вернулось. Он откашлялся и сплюнул в угол, расправляя одежду. Сырости он терпеть не мог. Она проникала сквозь одежду и покрывала кожу склизкой пленкой. От рук его исходил запах грибов. Разминая пальцы, он решил дольше не ждать. Что бы ни ждало его там, за дверью, это было лучше, чем стать источником для бурного роста подвальной нечисти. Будто в подтверждение его мыслей три крысы (несомненный источник царапанья) пробежали по стене одна за другой. Они останавливались каждые несколько секунд, принюхивались к воз-

духу, подрагивая усиками. Крысы уже привыкли к его присутствию: лишнее напоминание о том, как много прошло времени. Ругань заставила их засеменить друг за другом, но ушли они не так далеко, как Мох рассчитывал или как ему хотелось бы. Сколько времени пролежал он на земле? Забитый нос и тяжесть в конечностях подсказывали — немало часов, но он понимал, что изоляция и неудобство способны обмануть тело.

Опираясь на ящик, Мох поднялся на ноги. Даже если бы нога была здоровой, всё равно скат шёл слишком круто вверх и на нём было слишком много пыли. Мох глянул, ища иной выход, и обнаружил неприглядную дверку там, где в ряд стояли несколько мешков с углём. Пять шагов — и он доберётся до них, пять шагов, на которые следовало решиться. Мох сделал глубокий вдох, наполнив рот едкой пылью. Пять шагов. Он поднял ногу, чтобы сделать первый, и выругался, прижав кулак ко лбу.

— Йоооооо! — завопил он. Раздувая ноздри, бросился к стене и ухватил камень. Боль от голени взвилась и так ударила внутри головы, что он задержался, широко раскрыв глаза, ожидая, что последует ещё большая невралгическая мерзость. Когда этого не случилось, он выдохнул и пота-

щился к своей цели, опираясь на стену. Мышца голени утихла, зато брючина отлепилась от едва затянувшейся раны, и по лодыжке потекла кровь. Он набрался упорства и добрался до дверцы. В щели под ней светилась жёлтая полоска света, но даже с ухом у дерева он не слышал в соседней комнате ровно ничего. Один, два, три. Мох ухватился за засов. Дверца раскрылась смолистой пастью. Тёплый кухонный воздух окутал его.

Шлепанцы поколений хлебопеков и постоянная мучная пыль превратили пол в такую же волнистую поверхность, как известняковое русло реки. Стены из того же камня, что и подвал, были увешаны почерневшими кастрюлями и сковородками. Ножи, скалки, лопаточки, ложки и ковши висели неопрятными рядами или кучками лежали на полу. Чугунная плита, топившаяся углём, была вделана в печь из кирпича, которая оказалась выше Моха. Многочисленные её дверки, решётки и трубы закручивались в нечто биологически сложное. То был гаргантюанский тролль со множеством ртов, и его лихорадочное дыхание сделалось источником жара на щеках Моха.

Оливер стоял перед плитой, во рту торчала дымящаяся трубка. Дым свивался вокруг него

в зловредную, личную атмосферу. Под глазами провисли мешки. На нём были чёрные брюки и белая рубашка, а поверх сизо-серое пальто. Несмотря на свою нарочитую позу, пребывал он в состоянии подавленного раздражения и даже нервничал. Фигура его создавала впечатление, будто держится она прямо одним лишь величайшим проявлением воли. Пальцы Оливера барабанили по бёдрам, а левая птичья лапа постукивала, как ножной привод швейной машинки.

Мох дохромал до стула и ухватился за его спинку. Первым его позывом было швырнуть стул в Оливера. Вместо этого он превратил его в подпорку, перенеся всю тяжесть на здоровую ногу. Он мог только вообразить себе, до чего же Оливер радуется его трудностям. Прекрасный наряд Сифорта был загублен. Изящные выточки и тщательная строчка не были рассчитаны на перестрелку и угольные скаты. Брюки вытянулись в коленях, у пиджака разодрано левое плечо, а сорочка насквозь пропиталась потом, кругом пятна от крови и угольной пыли. Что-то чесалось под левым глазом, заставляя его дёргаться, но Мох был слишком измотан, чтобы обращать на это внимание.

— Оливер. Какое совпадение, — выговорил он.

Во рту было сухо, угольная грязь забилась меж зубов. — Случайно проходил мимо?

Оливер выпустил клуб синего дыма, прикончив его нетерпеливым вздохом.

— Мальчишка получил порку, которую не забудет до конца жизни. Он перепутал свои привязанности. Но в конце концов рассказал мне, где ты прячешься. У меня под носом, ни много ни мало.

— Ну ты и подонок.

— Мне врать нельзя.

— Ты избил его.

— Мох, у тебя слабинка есть. Всегда была. И до чего тебя это довело?

— Тебе что, всё равно, что он ребёнок? Как ты можешь быть таким бесчувственным?

— Как ты можешь быть таким нелепым? Он — уличное отребье, как все мы были отребьем в его возрасте. Тебе стоило бы помнить, откуда ты вышел, Мох. И потом, что тебе по-настоящему известно об этом паршивце? Ничего. Путаешь ему мозги книжками, вот что ты делаешь.

— Странно слышать такое от торговца книгами, — заметил Мох.

— Чушь! Книги — это товар. Идеи приходят и уходят, мир же в основе своей никогда не меняет-

ся. — Оливер откинул голову, бросая вызов. — Не думай, что мне неизвестно, чем ты занимался. Книги. Что эти чёртовы книги тебе дали?

— Мальчик заслуживает большего, чем предложенная тобой жизнь.

— Да неужели? — воскликнул Оливер с ехидной серьёзностью. — По-моему, ты ввязался в предположения. Думаешь, что знаешь про мальчишку всё.

— Я этого не говорил.

— Так вот, ты знал, что он являлся в квартиру Сифорта, чтобы следить за тобой и твоим другом? Очень наивно. — Оливер помахал чубуком трубки. — Неужели ты думал, что твои глупые уроки… а-а, бог с ним, это уже не важно.

— И что ты узнал? Цыплёнок в понедельник, раки в пятницу вечером? Это должно было быть блистательное откровение.

— Не шути со мной. Никогда не знаешь, когда маленькое знание изнутри обернётся пользой.

— Чего ты хочешь, Оливер? — спросил Мох.

— Мне нужен сундук Имоджин и всё в нём. Содержимое очень заинтересует нужных людей.

Мох сплюнул угольную грязь.

— О да-а, я знаю, кто она такая, маленькая преступная протеже Агнца. Затем и послал ночью

Эндрю обнюхать её квартиру. Тогда он отыскал сундук, но тот был слишком тяжёл.

— Конечно же, Эндрю.

— Струйкой дыма в замочную скважину, — сказал Оливер. — Но не очень сильной. Вот мы и решили последить за ней и посмотреть, что ей нужно.

— Всегда охотитесь за большим призом.

Оливер пожал плечами.

— Эндрю напугал её. Хотя… вообрази мое удивление, когда на следующее утро она пришла в магазин. Сунула ту книгу мне под нос, не зная, что мне известно, где лежит намного больше. — Оливер усмехнулся. — И потом она спросила про тебя, прямо в лоб, без экивоков. Это пробудило во мне любопытство, могу тебе признаться. То есть, учитывая, что тебе полагалось бы делать для Агнца.

— Ты проследил за ней?

— Не я лично. — Оливер широко раскрыл глаза и подтянул брюки по острым складкам.

— Значит, ты подрядил на это Эндрю. Я решил, что она передумала.

— Два дня она ни ногой не приближалась к дому Сифорта.

— Мог бы стащить сундук, пока её не было, —

сказал Мох.

— Ну да, но потом я вспомнил, что Агнец много лет назад, разыскивая походный сундук с книгами, обратился к моему отцу. Так что появилось ощущение двойной игры со стороны девушки. При таком раскладе, прости за каламбур, возможности создавшейся ситуации представились куда более интересными.

— Ей известно, что я работаю у судьи, — сказал Мох. — Она хочет продать ему эти книги и попросила меня стать посредником в сделке. Мне нужно было, чтобы комплект рисунков был полным. Ты, как никто другой, должен понимать это, отсюда и моя просьба сторговать рисунок за птичью книжку.

— Я это понял. — Оливер постучал кончиком пальца по виску. — Эта маленькая сучка решила, что судья даст ей больше.

Мох встал со стула. Голова закружилась. Он прикидывал, то ли у него сотрясение мозга, то ли у него сильная кровопотеря.

— Но Сифорт с копом всё изгадили, пытаясь пристрелить тебя и женщину на улице.

— Пытаясь? Имоджин жива?

— Сифорта до белого каления распаляет то, что ты, беглый заключённый, жил в его квартире и

касался его драгоценных первых изданий. — Оливер закрыл ладонями лицо, потом взглянул на Моха через расставленные пальцы. — Подумать только, ты едва не стал учить его малюток. — Он убрал руки, став серьёзным. — Как рассказывает Сифорт, бравый сыщик собирался подстрелить тебя. Я бы посоветовал тебе залечь поглубже, Ламсден Мох, в прошлом — из Брикскольда.

— Оливер, гром тебя разбей, где Имоджин? Она жива?

— Да, идиотик, она жива. Пока ты лидировал в шутовских догонялках, она, похоже, встала, отряхнулась от пыли и, воспользовавшись неразберихой, укатила на такси, — рассказал Оливер. — Водитель в панику ударился, поняв, что она ранена, и избавился от неё где-то возле Ступени. По счастью, там был Квакуша и протянул ей руку помощи.

— Так где же она? — спросил Мох.

— Где-то в безопасности, если не со всеми удобствами. — Оливер затянулся трубкой. — Мне хотелось бы знать, где во всей этой истории оказалось место сундука с книгами. — Он пыхнул дымом. — У неё его нет. Я полагаю, что даже ты не настолько глуп, чтобы оставить его в квартире, остаётся наш добрый друг Радужник.

— Я не знаю, где он.

— Но ты можешь найти его. Так вот тебе моё предложение, Ламсден. Принеси мне сундук до того, как ты пойдёшь на Полотняный Двор на встречу с Агнцем, и я отдам тебе Имоджин. Она же будет нужна тебе, я так полагаю, для какого-нибудь сумасбродства, какое ты намерен затеять. Агнцу незачем ни о чём знать. Это его отвлечёт, да и считает он, что сундук давным-давно пропал. Найдёшь меня в Птичьем переулке.

— Не вздумай меня надуть на этом.

— Не надую, — сказал Оливер. — Только, если ты не объявишься, я отдам её Агнцу и поведаю ему всю эту печальную историю. По крайности, мне зачтётся, что я обратился к нему. Я беру на себя громадный риск, проявляя сдержанность, так что мне нужно получить из этого что-то сладенькое. Я даю тебе шанс, памятуя о былых временах. Приносишь мне сундук — получаешь девчонку.

— Ты обо всем позаботился, — сказал Мох.

— Бей там, куда муха летит. — Оливер оглянулся, будто расслышал что-то. — Нам лучше убраться отсюда. Копы непременно прочешут все подвалы и чердаки в поисках тебя. Дело только во времени, когда они сюда нагрянут. Ты идти можешь?

— Едва-едва. Пуля раскроила мне ногу, — сказал Мох.

Оливер залез в карман. Перебросил Моху пузырёк:

— От боли, в подарок. Нет ничего лучше.

Мох подхватил пузырёк синиспоры и, не глядя, сунул в карман. Морщась от боли, кусавшейся одновременно и в пятке, и в колене, он следовал за Оливером по брошенной пекарне, оставляя кухонное тепло и погружаясь в разветвлённую сеть более прохладных и сумеречных коридоров. Вышли они через служебную дверь, попав во влажную ночь, где каждая плоскость была тёмной или отражающей, словно бы всё обратилось в сырую нефть. Они остановились под навесом из рифлёного железа, где почти всё место занимал громадный пищевой смеситель с почерневшим от огня корпусом двигателя. Мох с трудом различал лицо Оливера. Оно виделось пузырём сложенного теста, двигавшимся из стороны в сторону. Плечи у него горбились.

— Что с тобой? — спросил Мох, повышая голос, чтобы его было слышно сквозь шум дождя.

— Мы не единственные, кого интересует Имоджин, — произнёс Оливер.

— Знаю, Агнец… — начал Мох.

Оливер отрицательно повёл головой:

— Нет, я не Агнца имею в виду. Другие.

— Кто?

— Кое-кто преследует её. Кто-то сверхъестественный.

Мох издал натужный смешок, но по рукам у него побежали мурашки.

— Ты это о чём толкуешь?

— Ведьма.

— Оливер, ты теперь до того опустился, что решил меня призраками попугать?

— Слово для мудрого — это всё. Мне бы ненавистно было видеть, как ты впутываешься в беду до того, как я получу свой приз. — Оливер выколотил трубку о стену.

Горящий табак искорками полетел на землю. Оливер пристально всмотрелся в ночь. «А ведь мужик чертовски напуган», — сообразил Мох.

Что-то ткнулось ему в ногу. Мох глянул вниз и увидел бледного слизняка размером больше ладони, который, тягучими переливами сокращая тело, заползал ему на ногу. Спереди у него имелся гребешок из извивающихся усиков, которыми он ощупывал пропитанную кровью ткань. Дернув ногой, Мох стряхнул с себя эту мерзость. Слизняк шлёпнулся поблизости, поблескивающий

комочек живой ткани, облепленный грязью. Мох поморщился, тронув себя за голень, через которую теперь тянулась полоска радужной слизи.

— Имоджин тебе о ведьме сказала?

По бледному лицу Оливера стекала вода. Он вышел из-под защиты крыши. Занавес из капелек теперь разделял их. Оливер не решался ответить, но наконец выдавил из себя:

— Нет.

Мох поднял ладони вверх.

— Ладно, давай так скажем, что ты прав. И как выглядит твоя ведьма?

— Нечего передо мной нос задирать. — Оливер повернулся к нему, тыча в воздухе чубуком трубки, от его подчёркнутой сдержанности не осталось и следа. — Я не видел её. Эта чертовщина вошла в меня. Я чувствовал её внутри себя, будто длинная холодная рука перебирала мои органы. Совсем не хочу ещё раз с ней повстречаться. Кстати, ещё и поэтому ты поторопишься с поисками сундука.

— Расскажи, что случилось.

— Я видел эту женщину, Имоджин, на Полотняном Дворе в день, когда она приходила в магазин, — начал Оливер, пристально глядя куда-то в сторону. — Стояла ночь. Она была одна.

Большинство торговых точек уже позакрывались. Я вместе с Эндрю стоял в том конце, где продают фрукты. И вдруг ни с того ни с сего мне стало плохо. — Оливер был сам не свой. Перестал говорить и растёр всё ещё тлеющие искорки на земле одной из своих металлических ног. — Я чувствовал, как что-то невидимое воздействует на меня, будто старается ко мне в тело влезть. Поначалу у него не получалось, потом вдруг нашло лаз. Скользнуло мне в рот и в уши, даже в уголки глаз. Тыкалось всюду, где хоть какая-то дырочка имелась, прости Господи, как слепой пальцами. Как внутри оказалось, ощущалось как тепло, присутствие. Это длилось всего несколько минут, после чего оно ушло из меня, и я очнулся на земле. Пошёл за той женщиной. По странному выражению её лица мог понять, что она чувствует то же. Не знаю, что происходило потом, потому как опять потерял сознание. Эндрю уверяет, что у меня что-то вроде припадка случилось и что я в бреду про какие-то странные огни говорил. Он говорил, что, пока я на земле дрыгался, он видел демона, проходившего сквозь лошадиные стойла, гиганта, сплошь покрытого пылью. Я попробовал было выбить из него описание поточнее, но малый только одно и твердил: гигант. — Оливер

сплюнул на пол.

— Оливер, а ты и впрямь уверен, что хочешь этот сундук? — спросил Мох, понизив голос.

Оливер взмахнул кулаком.

— Ну ты, задавака мерзкий. Мне насрать с высокой горы, коли ты не поверил ни единому моему слову, Ламсден, просто принеси мне сундук. — Мох, сильно хромая, уходил в темноту. — Даже не сомневайся, — закричал Оливер ему вслед, — если что, я сдам её Агнцу.

Мох шагнул в какой-то входной проём и следил за тем, как Оливер уходит со двора пекарни. Как только Оливер повернул за угол, Мох поковылял за ним. В нынешнем его состоянии и думать было нечего о том, чтобы проследить за человеком, шедшим обычным шагом, но Оливер передвигался медленно и осторожно на своих птичьих ногах. Возможно, он и привёл бы Моха к Имоджин.

Путь Оливера лежал мимо пекарни. Фасад здания остался от времён, когда даже промышленным постройкам придавалось выражение властности. Чёрная легковушка урчала на фоне широких ступеней, ведших к скрытым дверям и высившимся колоннам с изящными капите-

лями[12], поддерживавшими тяжёлый карниз. Следы выхлопных газов поднимались сквозь дождь от машины. Мох вовремя остановился, увидев, как Оливер забирается на заднее сиденье. Он нырнул под зонт, который держала раскрытым та самая женщина, что размешивала ему воду в ванне. Она сложила зонт и села за ним в машину. Плотно захлопнулась дверца. Мгновение спустя автомобиль, взревев, умчался, эхо его двигателя отразилось от окружавших зданий.

Мох отыскал лестницу. На ней было полно мусора, но в остальном она была пуста. Сознание его заполонил один образ — возвышавшаяся фигура, которую он видел запряжённой в чёрную карету. Тогда чудище и карета показались ужасным видением, на какое он набрёл из-за своего любопытства к собаке. Рассказ Оливера представлял всё в ином свете. Ясно было, что ведьма, преследовавшая Имоджин, преследовала и его тоже. Он должен был предупредить Радужника.

Ведьмы и гиганты. «Обалдеть, — подумал Мох, — просто обалдеть».

---

[12] Сноски: 12
Верхняя часть колонны (*прим. ред.*).

Опилки и клей

В свой первый год в брикскольдской тюрьме Мох оказался свидетелем того, как один молодой человек (постарше Эндрю, но не слишком) умер от заражения крови. Во время грубой игры в футбол юношу столкнули в сточную канаву, что тянулась вдоль игровой площадки. Выбираясь из мутной воды, тот порезал ногу о кусок ржавой трубы, утопавшей в мягкой грязи. За какие-то часы то, что казалось поверхностным порезом, начало опухать, появились признаки гангрены. Всю ночь юноша метался в жару, а от раны по венозным протокам на его бледных ногах расходилась краснота. Кто-то из заключённых постарше принёс ему одеяла и чаю, однако заражение было неукротимо, и, несмотря на грубые слова ободрения, исход сомнений не вызывал. Утром Мох видел, как служители потащили тело, завёрнутое в заплесневелый покров, на двор для кремации.

Звуки, что издавал кустарный саван на тюремном полу, забыть невозможно. Воспоминание подняло Моха, заставило, превозмогая боль,

сойти с лестницы и пошагать к дому корабела. Дом обещал сухое, тёплое и укромное место для принятия синиспоры. Он отыщет Радужника, как только силы восстановятся.

Понадобился час, чтобы добраться до Загульных Полей. Слабоосвещённые авеню и поросшие деревьями сады радушно предоставляли укрытие. Он дошёл до мраморного фонтана в центре безлюдной площади, сдавленной со всех сторон внешне молчаливыми зданиями. Ненастная погода загнала обитателей в средоточия тепла в их домах. Мох дрожал в тени морского божества, тщедушного тела в сравнении с его чешуйчатыми руками и щупальцами, сплетёнными в стилизованных рыб — все с разинутыми пастями и вытаращенными глазами.

Он определил извилистый проём между дворцом и его каретным сараем. Летняя поросль покрывала крошащиеся стены по обе стороны, скрывая находившееся за ними. Речка из кирпичей привела его к хрупкому домику, окружённому шумливыми сорняками. Ржавеющий якорь возгласил, что Мох отыскал дом корабельного плотника с «Сомнамбулы». Такого дома Мох не видел никогда. Была в нём какая-то уязвимость, заставившая приостановиться. Требовательное

внимание к архитектурным деталям, возможно, и давало представление о гордости, только Моху виделось в том непереносимое мучение быть вдали от моря — необходимость в постоянном отвлечении.

Дом представлял собой башню, возведённую на окружённом стенами участке земли, по углам которого жались корявые яблони. Мох обошёл входную дверь и направился к заднему двору. От калитки среди неухоженной растительности шла тропинка к двери, которая была маленьким шедевром плотницкого мастерства. Под подошвами хрустели раковины улиток, когда Мох переступал с ноги на ногу, облегчая нагрузку на раненую ногу. Задняя дверь была не заперта. Мох выжидал, не решаясь идти дальше.

— Радужник?

Внутри лунный свет выложил узоры на полу. Мох был на кухне. Стоял пряный запах кардамона и гвоздики. Простая чистая комната, вогнутая колода для рубки мяса, скромная газовая плита и кладовка. Всей мебели — деревянный стол с единственным стулом. «По-корабельному», — подумал Мох.

В следующей комнате он почувствовал под ногами листья и мелкие камешки. Кто-то опередил

его. Но кто и когда? Из единственного окна пробивалось слабое свечение. Ещё несколько шагов — и он оказался у основания витой лестницы. Оттуда стала видна входная дверь, где под почтовой прорезью крепился чайный поднос, на котором домиком складывалась забрасываемая почта. Комковатые формы обитой мебели и книжные полки таились в тенях, словно спящие звери. В циферблате часов над камином искажённо отражалось лицо ходившего по комнате Моха.

У основания лестницы он вслушивался в звуки на верхних этажах, но там стояла тишина.

— Радужник? — Никакого ответа. — Радужник, ты здесь? — Опять ничего. Он стал подниматься. Отшагал половину ступеней, когда услышал, как по кухонному полу со скрипом прошёл кто-то очень тяжёлый. Мох поспешил подняться наверх, сжимая зубы от пульсирующей боли в голени.

Он попал в мастерскую, устроенную вокруг верстака, покрытого самыми разными чертежами и эскизами. К стенам стойками прислонялись пиломатериалы. На крючьях с потолка свисали плотницкие инструменты. Модель снаряжённого судна (по-видимому, «Сомнамбулы») стояла на столе. В воздухе стойко держался крепкий запах опилок и клея.

Согнув ноги в коленях и сев на ноющие пятки, Мох через открытый лестничный проем осмотрел комнату внизу. Среди мебели двигалась теперь уже знакомая фигура. Её голова, непропорционально большая, раскачивалась из стороны в сторону. Клочья дыма от сгоревших листьев лезли Моху в нос, вызывая желание чихнуть. Чудище (поскольку видеть в нём человека было нельзя) на своём пути крушило мебель, оставляя за собой на полу её обломки. Оно по-звериному всхрапнуло, выпустив из пасти горячее облако с тлеющими угольками, как болотные огоньки, взметённые внезапным порывом ветра. Мох едва дышал. Он боролся с желанием забиться куда-нибудь поглубже в ниши здания. Чудище пропало из виду.

Холодная рука зажала Моху рот. Он извернулся и оказался лицом к лицу с мужчиной, лицо которого пряталось в глубокой тени. Внезапно рёв чудища сотряс здание. Незнакомец прижал палец к губам. Мох глянул в комнату внизу, но чудища уже видно не было. Вонь от палёной древесной гнили уменьшилась. Когда он повернулся обратно, то увидел, как мужчина идёт к открытой двери, где силуэтом на фоне ночного неба виднелся подвесной блок. Мужчина был

худ и невысок, немногим выше Эндрю. Всклокоченные чёрные волосы спадали на высокий лоб и рассыпались по воротнику его пальто. Когда он поворачивался, Мох видел узкий нос, мазок белого между близко посаженными глазами, тонкие губы и заострённый подбородок.

Мох догнал его, и они вместе смотрели вниз на сад.

— Что это? — шёпотом спросил Мох.

Мужчина покачал головой и поднял руку, давая знак Моху: молчи. Пальцы у него были тонкими, как палочки, и необыкновенно длинными. Мох ощущал какой-то ужасный жар в груди и неприятную расслабленность во внутренностях. Воздух искрился вокруг него. «Чёрт, только не всё заново», — подумал он и оглянулся на сад.

Чудище вышло наружу и стояло в подымавшемся тумане. Тяжёлое пальто скрывало его фигуру. Плечи и руки его были покрыты биолюминесцентными лишайниками и грибками, которые, казалось, вырастали и тут же отмирали, осыпаясь тонким, но нескончаемым шлейфом спор. Покрытая голова чудища тлела. Неожиданно оно пошло из сада, выказывая странное слоновье возбуждение, свидетелем которого Мох уже был на сортировочной станции.

Мужчина отошёл от двери. Проницательные глаза его сверкали.

— Его зовут Эхо. — В голосе его сквозила печаль. — Он прислужник Элизабет. Её демон.

— Оно вернётся, — сказал Мох. Он всё больше запутывался и слабел. Воздух вокруг головы мужчины, казалось, завихрился.

— Не сегодня.

— Я дверь за собой на запор закрыл. Как оно сюда попало?

Губы мужчины тронула едва заметная улыбка:

— Нет запора, способного удержать Эхо.

Комната поплыла кругом. Мох, чтобы удержаться, потянулся рукой к стене.

— А вы кто? — произнёс Мох.

Мужчина взял его за руку.

— А мы уже встречались, хотя меня не удивляет, что вы этого не помните. Я друг Скворца, того, кого вы Радужником зовете. Меня зовут Умелец Ворон.

— Я знаю Скворца. — Уже много времени минуло с тех пор, как Мох услышал настоящее имя Радужника.

— У вас кровь течёт, — сказал Умелец Ворон. Он смотрел на доски пола. Они были покрыты тёмными пятнами. Подошвы Моха стали липкими.

— О-о, — шепнул он. Свет в глазах померк, и он привалился к стене.

Рука Умельца Ворона схватила его, но Мох был чересчур тяжёл. Он рухнул, теряя сознание. И что-то неразборчиво прошептал в доски пола.

Пробудился он от боли в плечах — следствие проведённой ночи на полу без сознания. Он был укрыт одеялом. В комнате было тихо, не считая призывных кликов голубой сойки в саду. Умелец Ворон ушёл. Мох был совершенно один. Пол пах деревянными стружками. Хотелось пить. Рана на ноге отдавала далёкой болью. Он сел и увидел, что голень ему почистили, рану зашили. Поверх смазали какой-то горькой на запах мазью. Мох робко потрогал швы. Опухоль вокруг пореза опала, кожа, судя по всему, стала восстанавливаться.

Поискав, Мох нашёл в гардеробе старую одежду. Он сбросил наряд Сифорта, как гадкую кожу, признательно выбравшись из сваленной у ног кучи. По счастью, у них с плотником размеры были схожи. Мох натянул пару рабочих штанов, потрёпанную футболку и свитер злополучной домашней вязки. Утолил жажду из чугунного рукомойника на кухне. Отирая воду с бороды, распахнул кухонную дверь. Солнце и нежный ветерок смягчили раннее утро сада. Кроме неко-

торых поломанных стеблей, не было видно никаких следов того чудища, которого Умелец Ворон звал Эхом. Следов самого Умельца Ворона тоже не было, что вызывало сожаление: у Моха накопилась тысяча вопросов.

Он сел на ступеньку и свернул сигарету. Табак разгорался с приятным потрескиванием, когда он делал затяжку. Он пустил дым в солнечный свет. Скворец скакнул на тропинку с жёлтой улиткой в клюве. Он колотил ракушкой об основание флагштока, пока та не раскололась, а потом сглотнул корчившееся лакомство. Мох вспомнил про слизняка, увиденного предыдущей ночью, и это вызвало в памяти каскад отрывков из его разговора с Оливером.

— Привет, — произнёс Мох. Птичка оглядела его, склонив головку набок, и улетела. Мгновение спустя она вернулась с ещё одной улиткой — и представление повторилось. Проглотив улитку, скворец раскидал клювом кусочки ракушки. Удостоверившись, что ничего не осталось, птичка громко пожаловалась Моху. Он пригнулся, когда она пролетала мимо него, через дверной проём и в дом. Поражённый Мох швырнул окурок в сад и поковылял за птицей.

Он нашёл её в комнате с камином. Скворец

скребся на мраморной каминной полке, стараясь вытащить из-под часов конверт. Мох отогнал птицу. Она отлетела на спинку кресла, где нахохлилась и заверещала на него. Мох рывком высвободил конверт. На лицевой стороне были отпечатаны его инициалы. Внутри обнаружился плотный листок бумаги с запиской, аккуратно написанной теми же синими чернилами: «Подарок от общего друга». Подписи не было, просто — «Икс». Он перевернул листок, но обратная сторона была пуста. Птица вскрикнула. Мох повернулся, всё ещё держа перед собой записку, а сумасшедшая птица взметала в воздух пыль и перышки. Потом Мох увидел его. Из-за кресла выглядывал походный сундук, с угла которого свисала его сумка с лямкой через плечо.

Чердак города

В тот день Мох убил Агнца. Он явился на Полотняный Двор поздно. Ещё раньше сходил в Птичий переулок в поисках Оливера. Из предосторожности он тогда оставил сундук в доме корабельного плотника, спрятав его за пиломатериалами в мастерской. Оливера в переулке не было, а Мох не мог рисковать, расспрашивая всех вокруг. Он позвонил в книжный магазин из телефонной будки, но никто не ответил. В отчаянии он в конце концов сам пошёл в магазин и всего лишь убедился, что тот заперт и погружён во тьму. Конечно, Оливер мог быть и там, но войти внутрь Мох не мог никак — к тому времени час уже был поздний. Мох вернулся в дом корабельного плотника и взял сундук. Куском мешковины и бечёвкой, найденной под верстаком дома плотника, он обмотал, маскируя, сундук, потом пошёл на стоянку такси, таща его за собой на скрипящих колесиках.

Когда такси доставило Моха на Полотняный Двор, деловая активность рынка по большей части уже спала. Фермеры и поставщики очи-

щали прилавки, готовясь к следующему дню, или болтали, собравшись кучками. Мох миновал грузовые двери незамеченным, несмотря на скрипящие колеса, и прошел до грузового лифта. Раскрыл предохранительную решётку перед входом в кабину и нажал затёртую кнопку. Пол под его ногами вздыбился, слегка просел, и кабина поползла вверх.

Этажи над главным залом выглядели опустевшими. Два из них были завалены сломанными ящиками, поддонами и прочим рыночным хламом. На третьем широко раскинулось пространство, выложенное твердой древесиной, — танцзал минувших лет. Оркестровая площадка возвышалась в дальнем углу, стулья стояли вдоль стен. Плотно сложенный мужчина подметал пол, держась спиной к лифту. Двигался он лениво, шаркая вбок, словно слушал музыку. Через мгновение он пропал из виду. Раздумывая во время подъёма лифта о неожиданном отсутствии Оливера, Мох сообразил, что раз уж он Агнца убьёт, то и с Оливером вести разговор о делах будет с совсем иных позиций. Лифт, клацнув, прибыл на чердак.

Мох сдвинул обратно решётку, открывая проход в вестибюль, освещённый мигающими

настенными светильниками. В углу были свалены в кучу порванные коробки, резиновые трубки и мешки с солью. Напротив лифта остатки настенной росписи окружали дверь вдвое выше Моха и почти настолько же шире. Изображалась жизнь животных за тысячелетия. Над росписью каллиграфически выведенная надпись оповещала: «Музей естественной истории — Хранилище коллекций». В росписи были щедро представлены китообразные. Мох подумал, не была ли роспись произведением того покойного художника, которого высмеивал Шторм?

Смотровой глазок был вделан в глаз, нарисованный на двери. Мох нажал кнопку, повисшую на двух проводках, и подумал, не лучше ли было подняться по лестнице. Двинув сундук, он понял, что с ним на ступенях было бы утомительно и шумно. Он шагнул в сторону, когда внутри стен заскрежетал металлом о металл механизм. Дверь открылась вовнутрь. Тощая обезьянка в красном фраке артистично выплыла в дверной проём и протянула лапку.

«Естественный привет Музея посетителю истории!» — произнёс высокий уверенный голос, тонувший в треске статических разрядов. Мох всё ещё дивился странному порядку слов, когда

заметил, что обезьянка лапку не опустила. «Посетитель Музея привет истории!» Морщинистая мордочка обезьянки ничего не выражала. Сквозь давным-давно изношенную перчатку проглядывали проволочные пальцы с металлическими суставами. Что-то загремело внутри, обезьянка поползла назад по ржавому полозу в полу куда-то за дверь и скрылась. Дверь двинулась, но Мох успел подставить ногу в проём, вызвав тупой удар, за которым последовал звук, словно внутри стены посыпался песок, пока сопротивление передавалось по скрытой цепи механизма.

Зал имел примерно пятьдесят футов в высоту и двести футов в длину[13]. Мох не разглядел никаких признаков присутствия Радужника. Слон, которого он в последний раз видел в темноте, высился перед ним, закутанный в пластиковую плёнку. Коллекции птичьих гнёзд, яиц, зубов, окаменелостей и всяческих иных мыслимых останков, некогда принадлежавших какому-нибудь живому существу, стояли на полках, детально обозначенные на этикетках по сложной музейной системе. Дополнительные шкафы и макеты крупных животных занимали центр

[13] Сноски: 13
Соответственно более 15 и 60 метров (*прим. пер.*).

помещения, создавая лабиринт из противопоставлений, какие во сне видятся. За лабиринтом, в дальнем конце зала, виднелся пустой вольер, развалина из металла и стекла, служившая дополнением к безжалостным признакам разрушения в городской выси. Хранилище когда-то устраивало публичные экскурсии, но складывалось впечатление, что посетителей здесь не было уже десятки лет. Мох поднял мешковину на сундуке и освободил его от упаковки, которую сам скреплял клейкой лентой. Положив её на пол, он задвинул сундук в глубокую нишу между двумя шкафами с окаменелостями. «Куда, к чёрту, Радужник подевался?» — думал он, работая пальцами.

Торопясь вывести Имоджин из квартиры Сифорта, Мох оставил там свой револьвер. Теперь он вынужден был придумать что-то новое, чтобы прикончить Агнца. Одно пришло ему в голову в тот день с утра пораньше, когда он осматривал набор инструментов корабельного плотника. Встав на колени перед слоном, Мох развернул кусок парусины, в котором лежали сапожное шило и пробойник для отверстий. У инструмента имелась гладкая деревянная рукоять, оказавшаяся настолько Моху по руке, что могла бы сойти

за её отсутствующее продолжение. От рукояти отходили два металлических штыря. Тот, что подлиннее, был размером с указательный палец Моха, тот, что покороче, был металлическим долотом размером с его же мизинец. И шило, и долото были смертельно заточенными.

Агнец был хитроумен и опасен, но его подводило великое желание. Мох выдумал историю. Он скажет, что отыскал Меморию в доме у Благовонного Стока и после радостного воссоединения сумел уговорить её прийти к нему на Полотняный Двор под тем предлогом, что живёт там (ведь на самом деле там жила Имоджин). По пути к Полотняному Двору Мемория перепугалась и на перекрестке выскочила из такси. История была хиленькая, но ему просто надо было оказаться достаточно близко к Агнцу, чтоб наброситься на того с шилом. Он намеревался воткнуть шило в висок и перебить проходящую за ним артерию. Мох не особо ловко обращался с инструментами, но он видел один раз, как их использовали в тюремном сортире — результат был губительным. До этого убивать человека Моху не доводилось, зато он убил бешеного пса и при всех своих познаниях о том, кто такой Агнец, не видел меж ними никакой разницы.

Мох отбросил парусину в сторону и убрал шило в карман пальто. Встав, бросил взгляд на лестницу, что вела в мезонин, где находилась квартира Имоджин. Там горел свет. В то же время Мох опять слышал какие-то булькающие звуки, знакомые по ночи побега с чердака. Он протиснулся между несколькими чучелами животных и шкафами, набитыми окаменелостями. Идя на звуки, в конце концов вышел на большое открытое пространство, занятое баком из стекла размером с железнодорожный вагон. Бак покоился на железном основании, к которому вели широкие ступени. Железо, принадлежавшее прошлому веку, было тёмное, изъеденное ржавчиной. Верх бака крепился цепями с потолка. Шланги змеились внутри аквариума и исчезали в тенях наверху. Источниками звуков были насосы и фильтры бака. От воды, холодной и голубой, исходил биолюминесцентный свет, испускаемый несчётными морскими организмами.

Стайки рыб и одиночные твари двигались за толстым стеклом. Медуза колыхала нитками своих жалящих щупалец среди живых кораллов и анемон. По дну бака, тычась носом в грунт, двигалось нечто на листовидных конечностях, испускавшее пучки света. Мох был поглощён рас-

сматриванием этого чуда, когда из находившейся слева от него кладовки вышла Имоджин.

Её волосы были убраны назад. Локтём она прижимала к себе пару технических резиновых перчаток. В руке была зажата сдохшая рыба — бледно-розовая, с молочно-белыми глазами и жабрами, распластавшимися по пальцам девушки, как лепестки хризантемы. Движения Имоджин были скованными. По шее тянулась багровая черта.

— Вы здесь, — глуповато изрёк Мох. Он был поражён.

Она резко повернулась на его голос. Выражение удивления на лице сменилось гневом. Она пошла к нему, поводя головой, с губами, бледными от злости. Мох отступил на шаг — и вовремя: дохлая рыбина полетела в него. Пролетела мимо, но вполне близко, чтобы он учуял её запах. Времени смотреть, куда рыбина упала, не было. Имоджин попыталась шлёпнуть его по лицу. Мох отстранился, и удар пришёлся ему по правому уху. Её брыкнувшая нога попала ему в раненую голень.

— Имоджин, перестаньте. Что вы делаете?

— Какого чёрта вам здесь нужно?

— Что с вами?

— Вы бросили меня лежащей на этой грёбаной

дороге!

— Я подумал, что вы мертвы. Меня пытались пристрелить.

— Нас пытались пристрелить! — Имоджин, тяжко дыша, заходила взад-вперёд. От резких движений волосы распустились, и их пряди легли ей на лицо. Она завела их за уши. — Так вот, я явно не была мертва. — Она подхватила с пола упавшие резиновые перчатки.

— У меня выбора не было, — сказал Мох. — Если б я остался, то сейчас тут не стоял бы.

— Вот только не надо давить на жалость. — Резиновая перчатка шлёпнула его по щеке, оставив на ней след от рыбьей слизи и чешуи. Оттирая их рукавом пальто, он попробовал ещё раз:

— Что вы-то тут делаете?

— Я здесь живу и работаю. Где же ещё прикажете мне быть? — ярилась Имоджин.

— Оливер отпустил вас?

— Не понимаю, о чём вы, Мох.

— Оливер Таджалли. Он сказал мне, что похитил вас.

Что-то похожее на забавное смятение промелькнуло по лицу Имоджин.

— В самом деле?

— Я только повторил то, что он сказал.

— И вы ему поверили?

— Ещё раз: я думал, что вы мертвы. И испытал такое облегчение, узнав, что живы, что соображать не мог. Что произошло?

Имоджин уставилась на рыбину на полу. Мох напрягся.

— Я очнулась на земле, когда этот урод — управляющий домом — хлестал меня по лицу и велел вставать. Всё твердил, что меня посадят в тюрьму. Двое мужчин с оружием побежали за вами, подняв страшный шум. Им показалось, что они вас увидели, но это оказался просто привлечённый суматохой прохожий. Начался полный бардак. Этот урод всё орал на меня, оскорблял по-всякому. — Она подняла рыбину.

— Имоджин, я сожалею…

— Вот я и врезала ему по дыхалке.

— Вы — что?

— Мне удалось встать и забраться в такси, невзирая на то, что его псина пыталась оторвать мне ногу. К тому времени к месту происшествия уж народ повалил. Я велела таксисту везти меня оттуда подальше, что он проделал с радостью. Договорились, что он отвезет меня в клуб под названием «Левиафан».

— Опасное место.

— Разве? Так вот, там женщина одна есть, её Эстель зовут. В комнатах на четвёртом этаже она проделывает негласные аборты и всякую хирургию, которую народ в «Миноге» любит называть штопкой. Там много всего жуткого происходит. Короче, она меня знает: мои татуировки — её рук дело. Она же и вам на руке наколку сделала, и снадобье дала, каким я вас попотчевала. В порядок она меня привела, только минус в том, что Агнец непременно про то прознает, а значит, в принципе, меня прикончат.

— Потому я и здесь.

Имоджин нахмурилась:

— Что?

— Агнец будет здесь через несколько часов. Я намерен сообщить ему кое-какие плохие вести.

— Звучит, как таинственный намёк. — Имоджин бросила дохлую рыбу и перчатки на тележку, загруженную щётками, трубками и прочими причиндалами.

— Это я устроил.

Имоджин, сжав губы, взяла со спинки стула свитер и натянула его через голову.

— Ну и поступили опрометчиво. Я пришла к вам с Радужником за помощью.

— И мы обязательно вам поможем!

Имоджин смотрела мимо Моха, и глаза её всё больше наполнялись страхом. Мох обернулся посмотреть, что так привлекло её внимание.

Перед возвышавшимся аквариумом стояла та самая девочка, которую Мох видел у канала, ее поднятое вверх лицо омыл свет от всего плавающего живого. Воронова крыла волосы завитками ложились ей на плечи, укрытые засаленным красным бархатом платья. Лицо её хранило отсутствующее выражение, губы были приоткрытыми, взгляд — рассеянным и немигающим. Странно было при таких обстоятельствах заметить такое, но девочка не делала глотательных движений. Казалось, она не замечала их присутствия, словно были они существами за пределами исключительной сосредоточенности кого-то спящего. Её молочно-белые руки с бесцветными ногтями были прижаты к поверхности стекла аквариума, где сбились в кучу голодные организмы и следовали за её перебирающимися пальцами.

Обитавшее на дне существо, замеченное ранее Мохом, поднялось, приветствуя её рядами голубых огоньков, пробегавших по всему его телу. Рыбки поменьше тыкались ей в ладони через стекло, возбуждённые такой диковинкой. Они поджимали плавники, силясь оказаться ещё бли-

же к ней, давя при этом более нежные организмы вроде креветок с паучьими лапками и морских коньков. Вспыхивающее огоньками существо двигалось напролом через хаос, таща за собой свои усищи, как поезд.

— Это она, Мох. Это Элизабет, — произнесла Имоджин, выходя вперёд.

Мох взял её за руку и потянул назад, но она осталась на месте. Лицо её побелело. Внимание Элизабет переместилось. Безразличие на её лице сменилось раздражением, но с несколькими непонятными переходами от одного состояния к другому. Моху на ум пришло словцо «отбор»: некое лицо перебирает одну за другой маски, пока не находит одну подходящую. Произошло это едва уловимо и заняло всего пару секунд. Она отступила назад. Ограждение основания не дало ей упасть. Имоджин высвободила руку, но осталась стоять рядом с Мохом. Сборище морских созданий передвинулось на середину, где и зависло в подвешенном состоянии единой копошащейся массой.

Имоджин взглянула на Моха:

— Что происходит? Какой дьявол занёс её сюда?

— Не знаю, — сказал он. — Может, за мной

следом шла.

Воду в баке замутило илом, оторванными плавниками и чешуйками. Расплывчатая муть обрела форму, пока животные старались оказаться поближе к центру, где царило сверкающее огоньками существо. Отдельные особи сделались неразличимы в неистовом целом. Мох разглядел человекоподобную фигуру. Испуганный возглас Имоджин подтвердил, что это не просто его воображение. Минули мгновения, и фигура обрела равновесие. Удлинённая рука, составленная из сотен мечущихся рыб, удерживаемых сверхъестественной силой, протянулась и тронула изнутри то место на стекле, где остался след руки Элизабет. Стекло вздулось.

Мох, остолбеневший, не замечал, как Имоджин отходит от него, пока не увидел, что она обходит бак кругом за спиной Элизабет. В вытянутой руке она держала револьвер, в котором Мох узнал свой. Должно быть, она стянула револьвер из квартиры Сифорта, когда того не было дома.

— Подожди! — крикнул он, чувствуя, что они балансируют на лезвии ножа. Положим, за медлительность пришлось бы платить, внезапное же действие разрушит чары, грозя, по-видимому, последствиями, которые невозможно предвидеть.

Имоджин не ответила. Взгляд её был прикован к лицу девочки.

— Убирайся отсюда, — выговорила она. Голос её был хриплым от сдерживаемой злобы. Элизабет сощурила глаза в бесчеловечные щели и подобралась телом, будто готовилась к прыжку.

— Брысь! — Имоджин придвинулась ближе, держа оружие на уровне плеч. И выстрелила в Элизабет, застав Моха врасплох. Пуля прошила поднятую ладонь девочки и вошла в чучело козерога, подняв облачко пыли. Кровь появиться не спешила. Двери чердака раскрылись. Со своего места Моху не было видно, зато он услышал, как в проход вкатила обезьянка-робот и принялась за своё искажённое приветствие. Она умолкла на половине фразы.

— Быстро сюда! — крикнул Мох. Секунды спустя в проходе появился Радужник меж двух укрытых в пластик экспонатов. Имоджин уронила руку с револьвером и без сопротивления дала Моху забрать его. Над головой Радужника плотным кругом летали оцелусы. Элизабет стояла не двигаясь, явно ожидая, когда фигура в баке совсем вырастет.

Чудище вытянулось и теперь взирало на них сверху вниз. Оцелусы оставили Радужника и

полетели к стеклу, где принялись парить и лавировать возле отпечатка ладони. Пчелиное поведение оцелусов в очередной раз поразило Моха. В прошлом он уже видел смертоносное применение оцелусов, впрочем, что они могли поделать против толстого стекла и чудища в подвешенном состоянии за ним — было неясно. Внезапно один оцелус метнулся в сторону и ударил Элизабет, которая повернулась спиной к чудищу, чтобы посмотреть на Радужника. Качнувшись, она повалилась вперёд с невероятным воплем, эхом прокатившимся по всему залу. Фигура в баке мигом утратила цельность, предоставив ошарашенным рыбам и организмам со всех сил карабкаться или расплываться прочь в подкрашенной кровью воде.

Имоджин побежала к Элизабет, явно считая её мёртвой. Девочка с трудом поднялась на ноги, ухватив её за плечо. Тёмная жидкость скопилась в выемке её ключицы. Имоджин подалась вперёд и схватила её за руку. Элизабет отбросила руки с поразительной силой. Имоджин, отступив перед таким сверхъестественным проявлением силы, сжала руки в кулаки, но не была уверена, что делать дальше. Между тем Радужник отозвал оцелусы к себе.

Мох поднял револьвер, пока разум его волчком крутился, стараясь постичь произошедшее.

Элизабет пошла через зал, пока не оказалась в нескольких шагах от Радужника. Недоумённо глянула вверх, разглядывая его. Она охватывала Радужника взглядом, как капканом, а у него на лице отразилось напряжённое раздумье, словно бы ему была видна через неё какая-то почти достижимая бóльшая истина. Черты его сделались мраморными. Элизабет набрала побольше воздуха и открыла рот, произнося слова на свистяще-шипящем языке, какого Мох в жизни не слыхивал. Глаза у неё вращались под закрытыми веками. У Радужника кожа сделалась, как никогда, прозрачной, но дикий этот натиск он воспринимал со спокойствием. Поток слов иссяк. Девочка открыла глаза.

— Кто я? — спросил Радужник.

Этого Мох от него не ожидал. Он почувствовал, как волосы зашевелились по всему его телу.

Мох, следовавший за Элизабет на безопасном расстоянии, теперь отодвинулся в сторону. Для того чтобы пуля, прошившая её, не попала в Радужника.

— Аурель, — произнесла Элизабет.

Выражение лица Радужника померкло. Он от-

вернулся от Элизабет. Мох видел, что его глубоко затронуло произнесённое ею имя.

— У неё нож, — шепнула Имоджин, подошедшая сзади к Моху. Тот сделал несколько всё ещё разделявших их шагов и прижал дуло револьвера к виску Элизабет.

— Брось!

Элизабет повела глазами на Моха и засмеялась, дразняще высунув язык.

— Мох, ради бога, — взмолилась Имоджин, — жми на грёбаный курок.

Ещё миг — и Мох исполнил бы её желание, но тут он расслышал шум шагов нескольких человек, доносившийся из многочисленных проходов между хранимыми музейными коллекциями. Радужника схватили сзади за шею и дёрнули назад — таким стало продуманное начало партии. Даже когда двое утащили его из виду, оцелусы продолжали нападать.

Подметальщик из танцзала шагнул, пригнувшись, в проход, за ним следом Агнец и ещё трое. За их спинами прятался вцепившийся в шляпу Оливер, лицо которого было разбито в кровь. Подметальщик нагнул покрытую шрамами голову и ринулся на Имоджин, расставив руки, — как человек, выбегающий из моря, когда воды по по-

яс. Что-то подсказало Моху, что ему было велено напасть именно на Имоджин. Мох выстрелил нападавшему в голову, но сумел лишь срезать ему ухо. Элизабет, толкнув его, сбила с прицела и проскочила мимо. Краем глаза он увидел, как Агнец сцапал Элизабет за запястье, а ещё один мужчина натянул ей на голову мешок. Бесценные секунды были потеряны. Подметальщик ухватил Имоджин за волосы и ударил по лицу. Девушка рухнула без звука. Мох почти добрался до неё, когда подметальщик принялся за него. Мох почувствовал, как бойцовский кулак обрушился ему на голову — быстро и жёстко. Всполох белого света, кровь со слизью вырвались у Моха изо рта и носа. Он потерял равновесие. Нога, одетая в сапог, врезалась ему в раненую голень, когда он падал. Мох перекатился на спину и выстрелил из револьвера в левую сторону груди нападавшего. Он успел откатиться в сторону, когда подметальщик рухнул. От его падения из щелей меж половых досок взметнулась, искрясь, пыль, укрывшая их обоих.

Мох лежал на полу наполовину без сознания, не в силах двинуться. Ручка шила врезалась ему в ребра. Он слышал звуки борьбы рядом, крики нескольких голосов. Особенно визгливо звучал

голос Оливера, в панике протестовавшего и умолявшего. Его оборвал выстрел, отозвавшийся звоном в ушах Моха. Встряхнувшись, он поднялся на ноги, скользя по крови. Оливер лежал на полу, мёртвый, с полуоткрытыми глазами. Трое его убийц отбрасывали в сторону защитное покрытие, собираясь уходить. Мох погнался за ними. Двое первых скрылись из виду, зато третьего ему удалось ухватить за корпус и прижать к ящику. В борьбе он старался ударить того шилом, но потерял хватку. Тот же, танцуя, сделал несколько шагов спиной вперёд, а потом побежал догонять сообщников. Шагнув несколько раз, Мох понял, что даже если он их и догонит, то в таком состоянии не сможет противостоять троим вооружённых бойцам.

Он повернулся, отыскивая взглядом Имоджин. Ожидал найти её без сознания, но она уже сидела, склонившись вперёд и сплёвывая кровь меж расставленных ног. Ни Агнца, ни Элизабет видно не было.

Мох осмотрел раны Имоджин. На лице у неё багровела отметина от удара подметальщика, но в остальном повреждения были мелкими. Кровь шла из прикушенного языка. Он уселся, привалившись спиной к основанию аквариума, и

уложил девушку рядом, пристроив её голову себе на колени. Держал её за руку, переплетя пальцы. Перед ним ничком лежал подметальщик, вжавшись лицом в доски пола. Ручейки тёмной крови расползались по трещинкам в дереве. Оливер лежал на спине, отверстия в его голове образовали аккуратное двоеточие. Как раз на его-то крови Мох и скользил. Он прислонился головой к основанию и закрыл глаза. Тихим голосом рассказал Имоджин о событиях, что последовали за их поспешным бегством из квартиры Сифорта, о сделке и страхах Оливера из-за ведьмы. К тому времени, когда оцелусы своим жужжанием возвестили о возвращении Радужника, Мох был без сознания.

Доносчик

Имоджин влажной тряпкой отёрла засохшую кровь с лица Моха. Дневной свет был нестерпим. Прикрыв ладонью глаза, Мох старался сообразить, где он. Тело Оливера повисло в воде аквариума. Съежившийся, будто личинка, с подобранными руками, книготорговец медленно поворачивался вслед лёгкому движению воды, оставляя за собой красноватый шлейф. Весьма мало что осталось от мягких тканей: знак того, сколь долго Мох был без сознания. Птичьи ноги Оливера лежали на дне бака. Мох прижал ладонь ко лбу, и на несколько секунд весь мир сошёлся в прохладе этого прикосновения. Мысли его обратились к Радужнику. Он огляделся, но друга нигде не было видно.

— Мох, — произнесла Имоджин. Она указала на бак, не глядя на него. — Жалко, что Оливера постиг такой гадостный конец.

— Кто это сделал?

— Радужник. Я помогала, — ответила она. — Это самый быстрый способ избавляться от тел. Выглядит мерзко, но, по сути, немногим отличается от

того, что происходит, если тело закопать в землю или бросить в море.

Мох недоверчиво уставился на неё, но Имоджин отвернулась, втянув щёки.

— Где Радужник? — спросил наконец Мох, стараясь не смотреть на плавающее тело.

— Он там, — ответила Имоджин и указала в конец зала, где дневной свет лился в двери, ведшие к вольеру. Вставая, Мох застонал. Имоджин бдительно следила за ним. — Спасибо вам за помощь. Этот головорез меня убил бы. — Она встала, теребя в руках влажную тряпку.

— Уверен, что он так и планировал, — сказал Мох. — Мне нужно поговорить с Радужником.

Он пошёл к вольеру. Имоджин за ним. Вольер был гордостью музейного хранилища, геодезическое стекло и металлический купол использовался для выращивания образцов для Зала птиц. Среди пышной растительности когда-то жили сотни птиц со всего земного шара. С земли стекло вольера и медные отблески сияли при восходе солнца как пойманная звезда. После войны от вольера остались одни руины.

Мох с Имоджин вышли из дверей на обширную площадку, блестевшую битым стеклом. Вид был захватывающий. Радужное море раскинулось

гладким голубым полотном. Чуть ближе располагалась великая лестница, запруженная людьми, которые шли по обычным своим утренним делам. Фуникулёры, расставленные на расстоянии по бокам лестницы, перевозили людей и грузы туда и обратно, из города до доков в сотнях футов внизу. На ступенях всё ещё были заметны шрамы войны. Выбоины в известняке, кучи щебня и разрушенные артиллерийские укрепления, видимые с верхотуры Полотняного Двора, позволяли рассмотреть историю города, не занесённую ни в какие бесчисленные книги, написанные на эту тему. Воздействие ветра и воды сгладило многие шрамы, в камне появлялись раковины и пустоты. Местами они стали обиталищем морской жизни, пополнявшейся с каждым приливом. Радужник стоял перед этой панорамой. Стоял опасно близко к краю площадки, выдававшейся над крышами Полотняного Двора.

Имоджин осталась в дверях. На открытой площадке было очень свежо. Заслышав приближение Моха, Радужник отвернулся от города, обратившись лицом к нему. Его потрёпанное пальто было забрызгано кровью. Это было то самое пальто, в котором Мох увидел его впервые за стенами брикскольдской тюрьмы. Тогда

голову Радужника скрывал чёрный капюшон, зато сейчас вся она была подставлена сиянию дневного света.

— Радужник, что случилось?

— Я освободился от двух мужчин, которые набросились на меня сзади, и пытался проследить за Агнцем, но он сбежал.

— Я спрашивал, что это было такое, с девочкой?

— Я всё ещё сам стараюсь это понять. — Бриз долетел с океана. Полы пальто Радужника захлопали по его ногам. — Мне нужно было стоять в стороне. Я пришёл сюда наблюдать.

— За чем? — Впервые Мох четко различил шестой оцелус. Тот был темнее других: «дымчатый», такое слово пришло ему на ум.

Радужник поднял вверх руку и взял тёмный оцелус пальцами. Вложил его Моху в ладонь. На ощупь тот был тёплым, как взятое из гнезда яйцо.

— Хочу, чтоб ты взял камешек и берёг его. — Радужник сжал пальцы Моха вокруг оцелуса. — Я нашёл его в походном сундуке. Пока ещё не понимаю, что это значит, но после того, что произошло сегодня, мне необходимо оставить его с тем, кому я могу верить. — Он сжал руку Моха. — Ты един-

ственный, кому я верю, Мох.

— Я позабочусь о нём, — сказал Мох. И положил оцелус в карман. Выглядело это жестом незначительным, но он от растерянности не знал, что ещё сделать.

— Я вышел сюда полюбоваться океаном, — произнёс Радужник.

Мох долго стоял рядом с другом, прежде чем почувствовал руку Имоджин на спине.

— У нас посетитель, — сообщила она.

Эндрю стоял перед шкафом, наполненным брахиоподами[14]. На нём было оборванное не по росту пальто. Взгляд обежал беспорядок, учинённый схваткой с бандой Агнца.

— Бойня, — произнёс мальчик.

— Ты говорил, у тебя есть что рассказать Моху.

Эндрю, не обращая на неё внимания, повернулся прямо к Моху:

— Он тебя продал. — И указал на плавающее в аквариуме тело Оливера.

— Я это вычислил, — кивнул Мох.

— Я был с ним, когда вчера вечером Агнец пришёл в старую пекарню. Квакуша рассказал ему,

[14] Сноски: 14

Брахиоподы, или плеченогие — тип морских беспозвоночных животных (*прим. ред.*).

что как раз там Оливер прятался от людей, когда его разыскивали. — Эндрю сел на край стула и скрестил ноги, по-видимому, он был привычен к потёкам засохшей крови на полу. Малый он был не брезгливый.

— Оливер рассказал ему всё: про сундук со старыми книгами и про то, как навешал тебе лапшу на уши про похищение этой леди. — Он ткнул большим пальцем в сторону Имоджин. — Только чтоб вынудить тебя отдать ему сундук. Только это не сработало. Господин Агнец сказал, что он всегда не выносил доносчиков.

Это имело смысл. Мох верил мальчику.

— Где Агнец сейчас? — спросил Мох.

— Они привели чудачку-девчонку обратно в пекарню. Господин Агнец думает, что она ведьма. Он сказал, что она, может, что-то знает про ещё одну другую леди, какую он разыскивает. — Эндрю поднял взгляд на Моха. — Она и впрямь?..

— «Она и впрямь» — что, Эндрю?

— Девчонка… и впрямь ведьма?

Слово травило душу. «Ведьма» — это слово было у Моха не в чести. Его родная сестра, Дженни Сахар, была целительницей, изучала магию наряду с наукой. Сама частенько, не шутя, звала себя ведьмой. Мох знал, что было множество других,

подобных ей. Знал он и то, что у него нет времени растолковывать значение этого слова мальчику с широко раскрытыми глазами.

— Улики, как представляется, подтверждают такой вывод, — выговорил Мох со вздохом.

— Фантастика!

Эндрю ушёл, едва бросив косой взгляд на Оливера Таджалли. Мох сел на стул, освобождённый мальчиком, раздумывая о разговоре с Радужником. Оцелус покоился у него в кармане. Радужник был там, где они оставили его. Пока Мох, повернувшись в сторону вольера, соображал, что делать дальше, на колени ему упало что-то тяжёлое. Не глядя, он понял, что это револьвер.

— Он на полу лежал. Удивительно, что никто из них не прихватил его, — сказала Имоджин.

Мох взял револьвер и задумчиво взвешивал его в руках.

— Я должен найти Агнца. Его люди уже успели доложить, что мы ещё живы. Вы знаете, что он этого так не оставит.

— Знаю лучше любого другого, — сказала Имоджин. Она сидела на стопке грузовых поддонов.

— В том-то и дело, так? Агнец — угроза для нас всех: для вас, меня… Мемории.

— В данный момент он отвлёкся на Элизабет,

но это ненадолго. Благодаря Оливеру теперь он знает ещё и то, что сундук до сих пор существует. И сундук ему тоже понадобится.

Где он?

— Спрятан около входа. Они бежали аккурат мимо него.

— Тогда нам надо уходить и взять его с собой, — сказала Имоджин. — Мне он, положим, не очень-то нужен, но ещё меньше мне нужно, чтоб им владел Агнец, и нам нельзя допустить, чтобы сундук попал в руки Элизабет. В доме я слышала, как вы говорили с Радужником о путешествии на остров Козодоя для поиска Мемории. Я с вами.

— Прежде я должен убить Агнца, — заметил Мох. — Иначе как же ещё я могу быть уверен, что он оставит нас в покое и никогда не отыщет Меморию?

— Так убейте его, — сказала Имоджин. — Он чудовище, он и меня тоже обратил в чудовище.

— У тебя с Агнцем было шансов не больше, чем у Мемории под властью твоего отца. И сейчас не с одним человеком ты борешься, а со всей своей нынешней действительностью. Ты не чудовище. Просто ты блуждала в дебрях с одним из них.

— Я иду с тобой, — заявила Имоджин.

— Тебе следует остаться тут. Собери всё необхо-

димое. Нам придётся когти рвать быстро… после. Поговори с Радужником, если сможешь. Что-то случилось. Он сам не свой.

Смертельная отсрочка

После разговора с Имоджин Мох покинул Полотняный Двор и вышел под кусачий ветер улиц. Его тянуло постоять на великих ступенях, в дымке и проблесках моря, успокоить взбаламученный разум. Вместо этого он пошёл дворами и садами, пока не оказался возле книжного Таджалли. Магазин был тёмен, находившееся за стёклами было неопределённо, как блуждающая в потемках память.

Мох бегом обогнул дом по наклонной дорожке, ширины которой едва хватало для фургона доставки. Стоя среди картонного мусора у заднего входа, он бухнул в дверь рукой, покрасневшей от холода, выждал несколько минут, терпя напиравший в спину ветер, ощущая тяжесть револьвера и шила в надетом бушлате. Наконец служанка Оливера открыла дверь. Известие она выслушала с волнением, которое выдало лишь то, что она сжала носовой платок в покрытой цыпками руке.

— Вам лучше зайти, — пригласила она.

Полчаса сидели они за шатким столом, вдыхая запах газа и прогорклого растительного масла.

Столешница была усыпана крошками и придвинута к стене крохотной кухни. Мох пил чай, отдававший средством для мытья посуды, а женщина лила слёзы, прижимая к горлу отвороты тоненького жакета. Попугай Оливера сидел в свисавшей с потолка клетке, выискивая сор у себя в корме, и время от времени вскрикивал.

— Спасибо вам, — выговорила женщина. — Он не был так плох, как вам могло показаться.

Позже, в сумерках, Мох вернулся к пекарне «Чёрная крыса». Она маячила, изломанная тенями, которые воспринимались неявным подтверждением присутствия Агнца. Приближаясь, Мох держался узких прожилок темноты. У него не было никакого желания вновь попасть в угольный подвал. Пробираясь по лужам, отражавшим полированную сталь неба, он, путая следы, бочком шмыгнул в стоявшее рядом административное здание, которое в нескольких этажах над землёй соединял с пекарней пешеходный мост.

Пожарная лестница привела на третий этаж, где ржавый висячий замок не смог противиться шилу. Внутри он пробирался пыльными кабинетами, то различая что-то, а то и ощупью, и вскоре вышел на главную лестницу. Он поднялся, ступая по краям, где доски меньше всего могли бы

заскрипеть, и держась рукой за перила. Наверху лестницы он оказался в лабиринте кабинетов, заваленных гниющей бумагой, перевернутой мебелью и засохшим чёрным калом.

Мох отыскивал выход на мост. Он не зажигал света, который выставил бы его как на ладони. Вместо этого он уповал на внутреннюю логику здания и любую выявленную им подсказку. Движение воздуха привело его в последний из нескольких смежных кабинетов. Вход на мост находился за стенкой из сплющенных лотков с написанным от руки требованием не входить. Мох взялся за ближайший лоток и отодвинул его в сторону. Десять минут работы в поте лица — и расчищено отверстие достаточно широкое, чтобы он мог протиснуться. На другой стороне (одной пуговицей на бушлате корабельного плотника стало меньше) перед ним предстал пешеходный мост.

Мост, образчик состояния далеко зашедшей запущенности, тянулся почти на тридцать футов[15]. Первым побуждением Моха было пересмотреть свой план, однако мысль подобраться к Агнцу через подвал показалась ему неудачной, чем-то

[15] Сноски: 15
Чуть более 9 метров (*прим. пер.*).

легко ожидаемым. В лунном свете настил моста зиял дырой. По краям её дерево раскрошилось и просело. Мох подумал, уж не было ли причиной закрытия моста то, что кто-то провалился сквозь него? Более тщательный осмотр выявил, что прогнила вся конструкция. Битое стекло покрывало доски настила. Несчётные летучие мыши обосновались на потолке над холмиками наслоений гуано. Моху предстояло перепрыгнуть дыру с солидным запасом — при том, что качества его как атлета вызывали сомнения.

Он убрал ещё несколько лотков, расширив проход. Отойдя назад в кабинет, он тронул револьвер в кармане и положил палец на предохранитель. Ступенчатое шило беспокоило больше, и Мох перебросил его на другую сторону моста. Осмотрел болевшую голень и старался не рисовать в своем воображении, как его ноги проваливаются сквозь доски.

Не обращая внимания на висевших вниз головой летучих мышей, он сделал глубокий вдох и рванул вперёд; доски прогнулись под ногами. Он прыгнул, вызвав панику среди мышей. Они заметались вокруг него, устремившись к дыре в настиле. Мох прогнулся в воздухе и ужасно приземлился: летя вперёд, он врезался ладонями

в доски. Лежал, с трудом переводя дух, пока летучие мыши беспорядочно метались над ним. В конце концов они улетели или угомонились. Он сел, оценивая повреждения. Руки кровоточили от десятков порезов и проколов. По всей левой руке тянулась ссадина. Под повязкой намокала голень. На бушлате стало ещё пуговицей меньше. Он не мог не радоваться, стоя и отряхивая гуано с одежды и волос. Мох поднял шило. Путь в пекарню был для него открыт.

Верхние этажи оказались пусты. Он осторожно спустился ниже, постоянно останавливаясь и вслушиваясь. Минут десять обыскивал помещения, пока, заслышав ритмические удары, не вышел в конце длинного коридора на Эндрю. Мальчишка, стоя на коленях и расставив ноги в стороны, всё своё внимание уделял резиновому мячу. Тот отскакивал от пола, ударялся о противоположную стену и, пролетев по дуге, оказывался точно в ждущих мальчишеских руках.

— Эндрю, — тихонько позвал Мох. Мальчик поднял взгляд, узнавая Моха, и его глаза округлились. Он встал и пошёл в другую сторону. В конце коридора глянул через плечо, прежде чем скрыться за углом.

— Эндрю, подожди, — произнёс Мох. Мёртвый

воздух впитал его слова. Он дошёл до места, где он играл. Цепочка следов пролегала в пыли, а мяч катался вдоль кромки пола и стены. Мох вытащил из кармана револьвер — неуклюже от волнения — и спустил предохранитель. Агнец должен был быть неподалёку.

Заходя за угол, Мох увидел распахнутую дверь и услышал затихающие шаги мальчика, вжался в стену. Глупо было бы ошибиться, ринувшись вперёд. Вел ли Эндрю его к Агнцу или в ловушку? Мох затаил дыхание. Он решился. Его доверие — на стороне мальчика.

Мох прошёл в распахнутую дверь, поводя перед собой дулом револьвера. Он полагал, что помещение за дверью будет продолжением коридора. Вместо этого он обнаружил освещённое открытое место, заполненное рабочими столами и почерневшими стеллажами для выпечки. Комната была больше кухни, в которой он побывал в прошлый раз. Стены переходили в пространные галереи, наполненные бочками и наборами оборудования. Мука усыпала всякую поверхность. Следы ног Эндрю вели между башен из кастрюль и противней, громадных мешалок и лопаток. Мох вгляделся, определяя, где мальчишка спрятался. Когда придёт время стрелять, он хотел бы точно

знать, в каком месте сидит Эндрю.

Мох почуял, что сверху падает что-то тяжёлое. Оно ударило по столу в каких-то дюймах от его руки. Всё вокруг потонуло в муке. Один за другим быстро раздались ещё два удара. Мох, глянув вверх, увидел Квакушу, который готовился сбросить через перила мезонина четвёртый мешок муки. Эндрю, кашляя, выбежал из-под стола неподалеку. Мох взметнул револьвер над головой и, не целясь, успел сделать два выстрела до того, как мешок ударил его по плечу. Удар сбил с ног. Плечо пронзила боль, но ничего не было сломано или выбито. Звуки выстрелов всё ещё звенели у него в ушах. Стараясь укрыться под столешницей, он глянул вверх, но пятого мешка не последовало. Мох покрепче встал на ноги на слое муки и водил револьвером во все стороны. Уж не убил ли он Квакушу? Выяснять не было времени. Перед ним меж двух длинных столов появился Агнец. Кулон с лисой был обёрнут вокруг обрубков его пальцев. Элизабет, без сознания, лежала у него на руках. Голова её переваливалась по его груди. А так Агнец был один.

— Ты что притащил с собой, мерзавец? — заорал Агнец. В растерянности Мох выстрелил в карикатурно лысую голову противника. Прене-

брегая опасностью, Агнец пошёл на него, шумно вдыхая носом воздух. Он бросил Элизабет на пол, будто она вдруг обрела для него второстепенное значение. Мох промедлил спустить курок — Агнец этим воспользовался. С непостижимой точностью он сделал выпад, ударив коленом Моху в грудь. Противники сцепились. Мох старался высвободить револьвер, запутавшийся в одежде Агнца. Его пальцы пережало перекрученной тканью к стволу так, что ему показалось, как затрещали кости рук. В отчаянии он жал на спуск, а Агнец сыпал ударами ему по голове, пока вдруг не осел и не отвалился от Моха. Согнулся в клубок, зажимая живот, рот его широко раскрылся, и крохотные глазки заметались в агонии.

С силой, какой он в себе не ведал, Мох двинул ботинком Агнцу в скулу. Тот отшатнулся и упал. Обуреваемый ненавистью, Мох оседлал Агнца и с силой ткнул дуло револьвера ему меж скул. Кровь побежала по зубам Агнца, потекла по подбородку. Даже когда Мох бахнул Агнца затылком об пол, он ощущал себя беспристрастным, благодушным — вольным. Он уже не себе лично угрозу отражал, он карал — за Меморию, за Имоджин, даже за Оливера. За всех, кому Агнец загубил жизнь. Держа револьвер в одной руке, закрыв

другою лицо Агнца, он спустил курок.

Воздух огласился знакомым гулом. Мох поднялся. Ошеломлённый и оглушённый, он попятился, обходя столы на ощупь. Фигура Эха материализовалась из мглы мучной пыли. Вот, значит, что так перепугало Агнца. Мох выпустил в громадную голову чудища остававшиеся в барабане пули — безо всякого видимого результата. Появление Эха подняло ещё больше пыли, пока его фигура не обратилась в качающуюся тень. Мох швырнул в чудище бесполезным револьвером и бросился назад через распахнутую дверь. Споткнувшись обо что-то на полу, он увидел, как чудище распахнуло свою сутану и направило фонтан искр в рассеянные в воздухе частички. Мука взорвалась. Взрывная волна захлопнула дверь и покатила Моха по полу. Оставшись в сознании, он пополз на четвереньках, пока не упёрся ещё в одну дверь — в кладовую. Встал в темноте среди метёлок и рукоятей швабр и подглядывал за происходящим через крохотное окошечко в двери. Сердце едва успело сделать ещё удар, как мимо проскочило чудище с корчившимся телом Элизабет на руках. Та уже очнулась, повернула голову и перехватила взгляд Моха через стекло. Он отпрыгнул назад, едва не потеряв равновесие, но глаза его неот-

рывно следили за спиной удалявшегося чудища.

Тело Эха от взрыва пострадало. На левом боку чудища с усиков чего-то ссохшегося, похожего на виноградную лозу, свисали волокнистые сгустки. Эхо двигался по коридору, клонясь вправо, пока тело его восстанавливалось. Тесёмка, мелкие машинные детали, кости, что-то, напоминавшее массу опалённых гнездилищ животных, и даже пожелтевшие страницы старинной книги — перекрученные и сложенные в подобие мускулов и сухожилий. Окончательные формы зарывались в Эхе, как животные, рвущиеся убраться со света и исходящие зловониями, от которых Моха корчило за дверью. Облегчение, которое он ощутил, когда завершилось избавление от ненависти на Агнца, сменилось неожиданным участием к нему как к человеческому существу. Он схватился за дверную ручку, вымазав её кровью Агнца, но каким-то волшебством, творимым в коридоре, оказался не в силах хоть сколько-нибудь повернуть её. Холодный пот стекал по ложбинке у него на спине, что-то прошлось по его щеке, на всём теле волосы встали торчком. Что-то тыкалось ему в слуховые каналы, в ноздри, в рот. Невидимое присутствие разделяло с ним крохотное помещение — нечто несуразное,

сокровенное и ужасающее. Мох глянул вниз и обнаружил зажатый в другой руке кулон с лисой. Сунул, не удосужившись стереть с него кровь Агнца, в карман бушлата, где лежал отданный ему Радужником оцелус. Присутствие бросило Моха в темноте среди пауков и шмыгающих крыс. Он вытащил шило и колотил по дверной ручке, пока та не упала на пол, оставив после себя круглую дыру.

Эхо с Элизабет пропали. Пол за дверью кладовки был усыпан мусором и тонким слоем муки. Мох понял, что и он тоже обсыпан. Стряхнул муку с волос и одежды и отправился назад, где, как он ожидал, лежало тело Агнца. Взрыв как вспыхнул, так сразу и погас, но всё равно учинил в пекарне разгром. Столы завалились набок. По всему полу разлетелись миски и сковородки. Камни почернели от дыма, по-прежнему висевшего в воздухе. Тело Агнца, ужасно скорченное, лежало на полу. По счастью, никаких признаков Эндрю видно не было. У Моха не было никакого желания лезть на мезонин высматривать, к чему привела его беспорядочная пальба. Стоя среди последствий произошедшего, он лишь неверяще поводил головой.

Улица была пуста. Из пекарни он вышел через

ту же дверь, в какую не так давно проходил с Оливером. Трудно было увязать полнейший хаос внутри пекарни с отсутствием снаружи полиции или хотя бы членов «Красной миноги». Держась настороже, он отправился в долгий обратный путь к Полотняному Двору, оберегая раненую ногу. Последствия взрыва всё ещё сказывались: голова кружилась, Мох наполовину оглох. Дорога, казалось, вспучивалась и волнами катилась под ногами, но он шагал твердо и сумел миновать несколько парадных, не спотыкаясь. Мох разбирался в фактах. Перечислить их было легко, зато как объяснить живое существо, лишённое плоти? Слова Агнца: «Ты что притащил с собой?» — преследовали его. Из головы не выходил образ Эха, восстанавливающего своё тело.

Небеса разверзлись, ниспослав холодный дождь, который вытемнил кирпичи и довершил его мучения. Завороженный ручейками, стекавшими между булыжниками, он не замечал девочку, пока не оказался всего в шаге от неё. Она стояла на возвышении дороги. Красное бархатное платье, теперь насквозь промокшее, обрело цвет тёмной венозной крови. На сплошной дождь девочка, казалось, не обращала внимания. По обличью, ей было лет девять-десять, но лицо,

презрительно кривившееся, хранило выражение превосходства, делавшее её совсем взрослой. Кожа была мертвенно-бледной. Пряди чёрных волос змеились по лицу, оживая под потоками воды. Губы посинели.

— Тебе чего надо? — спросил Мох, останавливаясь.

— Так прямо. — Она накрутила прядку волос на палец, и жуткий этот жест напомнил ему Имоджин в штольне. Зрачки её глаз походили на замочные скважины.

— Чего ты хочешь? — Мох рукавом отёр дождь с лица. — Какого дьявола тебе от меня надо?

— Я тут затем, чтобы один-единственный раз предостеречь тебя, Ламсден Мох. Ты больше в эту игру не играешь. Мемории давно нет, скоро и Радужника не станет. На тебя я никакого зла не держу, однако, если будешь упрямиться, пеняй на себя — поплатишься.

Мох фыркнул:

— Не играю в какую игру?

— В игру возмездия. — Из горла её донеслось негромкое пощёлкивание.

Мох сплюнул:

— Загадками говоришь.

— Радужник отыскивает смысл, который

обернётся для него лишь мучением. Он будет доискиваться истины о самом себе, но я буду его поджидать, чтобы завершить то, что должно было быть сделано давным-давно.

— Да пошла ты! — хмыкнул Мох. Голос его почти пропал в шуме дождя.

— Ну ты и диковинка! — рассмеялась Элизабет. — Кто ты такой, чтобы защищать его? Приятель на пять минут, беглый преступник. Различие между вами не на поверхности лежит, Ламсден. Твоей дружбы недостаточно, чтобы завладеть его вниманием. Он не способен вступать в человеческие отношения. Не способен любить тебя. — Она дразняще склонила набок головку. — Ты злишься? Взбодрись! Он для тебя потерян. В любом случае это рано или поздно случилось бы. — Девочка качала головой, словно бы утверждала то, что следовало бы воспринимать как очевидное. — Жизнь — это нитка тёмных бус. Мы проживаем жизнь, прибавляя этих бусин, одну за другой, составляя их вместе, наши маленькие бусинки мучения. Потом однажды нитка рвётся, и все они вновь закатываются по тёмным местам. Вот тогда-то и понимаешь, насколько бесплодно всё это было.

Мох заметил, что у парадной сидит пёс, наблю-

дая за их беседой. Девочка щёлкнула языком, не спуская глаз с Моха. Пёс под дождём подошёл к ней. Мох вдруг дико пожалел, что у него нет с собой револьвера. А девочка разжала кулачок, и из него выполз светлячок, прополз по костяшкам и взмыл в воздух, сверкнув, прежде чем исчезнуть.

— Запомни, что я сказала: одно предупреждение. Оставь их.

— Никогда, — сказал он.

Девочка расхохоталась и забралась на пса, будто на пони. Она повернула животное прочь от Моха, и пёс потрусил сквозь туман, уже начавший заползать на улицу через крыши и пасти переулочных проходов.

— Никогда, — хрипло крикнул Мох вслед исчезающему безобразному чудищу. — Никогда! Катись к чёрту.

Павильон носорогов

Дождь хлестал с яростной силой. Пара фар высветила Моха на середине однополосного моста. Бежать было некуда. Под мостом тридцать футов[16] до железнодорожных путей. Мох вжался в металлическую ферму. Стародавний военный грузовик затормозил, отчего тряска прошлась по всему настилу моста. Мох закашлялся от облака дизельного выхлопа. Скользнул вдоль фермы к кабине и прочёл: «Музей естественной истории»; буквы были выведены поверх закрашенной военной эмблемы. Распахнулась пассажирская дверца, едва не ударив его по голове.

— Ты садишься или нет? — крикнула Имоджин, перегнувшись через сиденье и опершись на ручку переключения скоростей. Мох забрался на подножку и плюхнулся на сиденье. Оно было твёрдым и лопнувшим посередине, но приятно было сидеть после часа хождения пешком. Печка гнала горячий воздух, насыщенный ароматами дизеля. Вымокшая одежда облегала его свинцовым покровом.

---

[16] Сноски: 16
Почти 10 метров (*прим. пер.*).

— Ты что тут делаешь? — кричал Мох, перекрывая грохот двигателя.

— Проверить решила, не пойдёшь ли ты этим путём. Не знаю, что делала бы, если б не пошёл. Нам надо убираться из города. Теперь оставаться здесь нельзя. — Грузовик покатил вперёд.

— Где Радужник?

— Ушёл, — ответила Имоджин.

— Ушёл? Куда?

— Без понятия. Мне он этого не сказал. Велел только передать тебе, что он ждать не может. Вещи твои в кузове. Компания такси доставила чемодан после того, как ты ушёл. Радужник об этом заранее позаботился. Там есть кое-что из одежды. Походный сундук тоже в кузове, вместе с твоей сумкой и книжкой про птиц. — Имоджин махнула рукой назад, не отрывая глаз от дороги. Кузов от кабины отделялся лазом, завешенным брезентом. Мох кивнул, но остался сидеть. Имоджин взглянула на него. — Я прошлась по рынку, осмотрелась. Кругом полно парней из «Красной миноги». Радужник уже ушёл к тому времени, когда я вернулась на чердак. Собрала кое-что из вещей, прибралась. Потом отправила письмо в Музей, сообщая, что умоталась и еду на юг повидаться с семьёй. Пока они выяснят, что это чушь

собачья и что я грузовик угнала, мы уже далеко-далеко уедем в противоположную сторону.

— Ты, похоже, совсем в себя пришла, — сказал Мох.

— Не говори так, будто тебя это сильно огорчает.

Мох смотрел на дорогу. То состояние, что довело его до убийства Агнца, не вернулось. Жгло всплывавшее в сознании воспоминание о своей руке на глазах Агнца. Он возвращался к ощущениям: как его палец давил на спусковой крючок, как череп Агнца вдруг выскользнул из-под его ладони, представлялся Оливер в аквариуме, плавающий, как какой-то обрубок в формальдегиде. Взорвало злостью. Мох вдарил кулаком по передней панели, выругался, локтем долбанул в боковое окно, а Имоджин отшатнулась к дверце со своей стороны. Остановила машину. Мох прижал руки к бокам, сцепив пальцы в кулаки так, что костяшки побелели, и выкрикивал проклятия в ветровое стекло. Он чувствовал её руку на своей, но не мог взглянуть на Имоджин. Вместо этого отвернулся к окошку в пассажирской дверце и уставился в темноту.

Имоджин надавила на педаль сцепления, двинула ручку переключения скоростей вперёд.

Сняла машину с ручного тормоза, и грузовик двинулся. Несколько минут они ехали в сторону, откуда он только что пришёл, потом резко свернули на север. Мох оцепенел. Лоб его бился о стекло. Имоджин своё внимание делила между рулевым колесом и ручкой переключения скоростей, время от времени бросая взгляды на масляный манометр на приборной доске. Проехав несколько миль, они свернули налево на более широкую дорогу и поехали от моря. Застроенный городской центр сменился усадьбами, и лесные участки доходили до самых обочин дороги. Мох провалился в сон без сновидений.

Внезапный громкий шум разбудил его. Он потёр руками глаза и бороду. Одежда спереди высохла и заскорузла, зато всё, касавшееся сиденья, оставалось влажным. Хотя Мох чувствовал, как ноюще дёргает низ спины и голень, всё же, похоже, он мало-мальски отдохнул. Среди угрюмых облаков замелькали промоины светлого неба. Он посмотрел на Имоджин. Та, направив взгляд строго вперёд, покусывала нижнюю губу, объезжая самые страшные выбоины. Волосы у неё были всклокочены, под глазами грязные подтёки. Она навалилась на руль и увильнула от туши какого-то мёртвого животного на дороге.

— Ты куда едешь? — спросил он голосом, который сам не узнал.

— Куда-нибудь, где мы сможем дух перевести. Вроде бы. — Сказано было с раздражением, так что больше вопросами он счёл за благо не надоедать. — Мне показалось на какое-то время, что за нами слежка. Чёрная машина.

Мох глянул в большое боковое зеркало, но ничего не разглядел.

— Отлипли, если кто в самом деле следил за нами. Может, и совпадение, — заметила Имоджин.

Он ухватился за петлю над головой, когда грузовик встряхнуло на подвеске. Они выехали на запущенный проезд, мощённый гравием. Имоджин остановила грузовик перед высокими железными воротами.

— Этот чёртов грузовик меня угробит. — Имоджин потянулась, положив руки на поясницу.

— Давай я поведу, — предложил Мох.

— Уже приехали.

— Куда приехали?

— Городской зоопарк. Здесь у них запасной въезд. По этой служебной дороге никто не ездит. — Без дальнейших разъяснений она подалась вперёд, порылась в кармане кожанки и достала связку ключей. Перебрала их. — Вот этот.

Мох взял связку за выбранный ею ключ. Открыл дверцу кабины грузовика, впустил в неё запах мокрого сена и навоза. Он выпрыгнул и отпер ворота. Имоджин миновала на машине ворота, и Мох опять запрыгнул в кабину. Десять минут спустя она перевела грузовик на медленный ход и мастерски повела его по разбитой дороге на площадку позади здания. Машину она остановила на сухой стороне частично затопленного двора.

— Расскажи мне, что произошло, — попросила Имоджин. — Хочу услышать об этом всё.

— Я сразу вернусь, — сказала она. Оставив двигатель работающим, спустилась на землю и побежала под дождем. Мох смотрел, как она заходит в здание. Она, главным образом молча, выслушала его рассказ о смерти Агнца, взрыве и уходе Эха с Элизабет. Рассказал он ей и про оцелус, который дал ему оберегать Радужник. Под конец она сложила руки и попросила во всех подробностях описать Эхо. Если она так или иначе что-то и почувствовала при известии о смерти Агнца, то хорошо это скрыла. Две большущие двери отворились изнутри, и появилась Имоджин. Мох позволил себе улыбнуться, когда она раскланялась. Цель достигнута. Опять сев за руль, она повела грузовик в раскрытые двери. Двигатель

взревел, как паровоз, в большом пролёте, прежде чем она заглушила его.

— Неплохое укрытие, — произнёс Мох. Внутри кабины вдруг стали ощутимы близость и неловкость.

— Это старый павильон носорогов. Раньше, когда в зоопарке были носороги, их содержали здесь, когда не показывали публике. Для этой цели строение больше не использовалось, поскольку животины вымерли пятьдесят лет назад. Браконьерство сократило поголовье до опасно низкого уровня, а какое-то респираторное заболевание прикончило оставшихся. С тех пор сюда свозили старое оборудование. Когда-то у Музея здесь была своя контора. — Она пальцами убрала за уши мокрые пряди волос. — Позади у Джона был кабинет на двоих со старшим зоологом по имени Филип. Это Филип помог мне получить работу в хранилище — под некоторым нажимом со стороны Агнца. Он был одним из немногих, кто действительно любил моего отца. Теперь он уже умер. Джон пользовался кабинетом, пока вдруг не исчез. Филип всё ещё приходил сюда после этого, обрабатывал свои полевые записи. Они до сих пор здесь, думаю. Никто никогда не утруждал себя выяснением этого. Я подумала, что мы могли

бы здесь укрыться.

— Утром мне нужно будет отправиться на Козодой, — сказал Мох.

— Ладно, — кивнула она. — Путь долгий. И лёгким не будет.

— Всё указывает туда. Книги и карты в моём старом доме — это одно, но когда я узнал то, что ты рассказала, как Джон похитил Меморию, это убедило меня, что она попытается вернуться туда.

Они выбрались из грузовика и смотрели, как дождь бьёт по заливавшей двор мерзкой на вид воде. Обернувшись, он увидел рядом Имоджин с самокруткой в углу рта. Она щелчком отправила погасшую спичку во двор.

— Гашиш, — пояснила, протягивая косячок.

Мох взял её, вдохнул дым — голова закружилась, зато сделалось легче. Он выдохнул:

— Спасибо.

— Это у Филипа было такое представление о табаке. Он и его дружки курили это. Гашиш своё дело знает. В хранилище приличный запас, в чучело страуса запрятан. Типа побочного промысла для «Красной миноги».

Мох покачал головой и сделал ещё затяжку. На этот раз у него в крови взыграло. Странно было

стоять тут с Имоджин в качестве его неправдоподобной союзницы. Украдкой бросил взгляд. Она была очень красивой. Чтобы отвлечься, Мох стал рассматривать воронье семейство, пререкавшееся на дереве.

— Ты уверен, что он был мёртв? — спросила Имоджин. Лицо её посерьёзнело.

— Да. — Ему стало неловко под её пристальным взглядом, а потому Мох смотрел на деревья.

— А тот мальчик, Эндрю?

— Не знаю. Наверное, мне следовало бы сделать больше. Надо было остаться и осмотреться.

Имоджин взмахом руки прервала его:

— Дать себя убить — от этого было бы не очень-то много пользы.

Он поднял взгляд на бегущие в небе облака.

— Я не смог открыть дверь.

— Какую дверь?

— Кладовки. Просто не смог ручку повернуть.

— Было заперто?

— Нет. Я не знаю. — Голос Моха звучал громче, чем ему хотелось бы. — Я не смог повернуть её, а потом всё было кончено. Так быстро.

Дождь утих, в тучах открылась яркая полоска. На мгновение показалось, будто и солнце может выглянуть, но новые тучи закрыли брешь, и

воздух наполнился светом, похожим на разлитый чай. Лягушки, невидимые среди деревьев, выводили трели. Цапля пролетела над самыми высокими ветками, величественно выгнув шею, и скрылась.

— Элизабет говорила со мной, — сказал Мох. — После, на улице. — Он чувствовал на себе пристальный взгляд Имоджин. — Она предупредила меня, чтоб держался подальше. Она за что-то мстит Радужнику. — Он погладил ладонью оцелус. — Намеревается убить его.

— Тебе она ничего дурного не сделала?

— Нет, — повёл Мох головой. — Всё было как-то непонятно, до странности по-деловому. Она сообщила мне, что хотела, и уехала.

— И что ты думаешь?

— Думаю, что у Радужника было дурное предчувствие о её намерениях. — Он повернулся лицом к Имоджин. — Зачем мы на самом деле сюда приехали? Могли ведь куда угодно направиться.

— Здесь есть кое-что, что мне хочется тебе показать. Когда-то, когда я была ещё маленькой, я иногда убегала от Агнца и приходила сюда поболтать с Филипом. Это было место для размышлений. У него в запасе всегда были ве-

ликолепные истории про моего отца, ещё с тех времён, когда тот был легальным сборщиком для Музея. Однажды я пришла, а Филипа не было на месте. Я сама облазила всё в кабинете и нашла нечто занимательное. Надеюсь, это всё ещё здесь.

Выписки из вахтенного журнала «Сомнамбулы» для личного дневника.

Даты, местонахождения, расстояния и направления ветра опущены.

9:00. Шторм выдохся вскоре после четырёх утра. С того времени нас носило по бурному морю при бездействующем двигателе. Господин Коннер и господин Лютц последние несколько часов не покладая рук чинили двигатель, а мы за это время неуклонно продвигались ближе к острову Козодоя. Воды здесь полны мин и обломков, которые мы приписали шторму. Господин Джеймс того мнения, что некое судно выбросило на берег и оно разломилось на куски, однако поблизости нет обозначенных на карте рифов или песчаной мели. Мы должны принимать в расчёт, что судно подорвалось на одной из множества мин, кишащих в этих водах.

* * *

9:30. Двигатель вновь заработал, хотя и с перебоями. Мы определили, что обломки в воде являются остатками самолёта. Никаких опознавательных знаков обнаружить не удалось. Есть большая вероятность, что им пользовались искатели сокровищ, действующие на Козодое. Господин Джеймс и юный Чарльз спустили спасательную шлюпку — поискать, нет ли выживших. Состояние обломков не внушает оптимизма, и, пока я высказывал опасения в благополучии Чарльза, капитан разрешил им вести поиски. Мы держимся на безопасном расстоянии.

* * *

10:15. Опять поломка двигателя, и мы дрейфуем опасно близко к Козодою. Нас занесло далеко в запретные воды. Мы видели несколько мин, плавающих в море. Если в течение часа не починить двигатель, то судно будет барахтаться, вынудив нас бросить его и высадиться на остров. Господин Джеймс с Чарльзом останутся сами по себе, поскольку состояние моря не позволит им догнать нас. По моему мнению, капитан совершил

ошибку, позволив им идти на шлюпке. Опасаюсь, что день ещё не угаснет, как мои собранные за годы и годы образцы морской жизни окажутся утраченными.

* * *

10:35. Двигатель работает благодаря героическим усилиям господина Коннера и господина Лютца! Мы на полной скорости идём к господину Джеймсу с Чарльзом. Они, конечно, захотят продолжить осмотр обломков, но капитан уже сказал, что не примет во внимание ни единого слова протеста ни от одного из них. Мы должны выйти в открытое море до наступления темноты.

* * *

11:35. Замечательно: господин Джеймс с Чарльзом выловили в море мальчика. Капитан говорит, что море слишком холодное и он не в силах объяснить, как тот выжил. Нашли мальчика плавающим без сознания и опутанным такелажными тросами. По всем законам он должен был бы утонуть, но, похоже, не слишком-то и пострадал. Внешность его необычна, плоть

напоминает дымчатое стекло. Его сопровождают 5 плавающих огоньков. Команду обуревает ужас от суеверной чепухи. Мы никак не можем добиться от мальчика объяснения, каким образом он оказался в море. Господин Джеймс с капитаном согласились в том, что как то ни кажется невероятным, но мальчик, должно быть, с острова Козодоя. Осмотр обломков привёл их к выводу, что те плавают на поверхности воды уже несколько месяцев. Это исключает возможность того, что мальчик — уцелевший после катастрофы.

Лишённый возможности высадиться на остров капитан решил, что мы продолжим следовать курсом на юг до Ступени-Сити, где станем на ремонт и дозаправку. С мальчиком будем разбираться там. Господин Джеймс громогласно возражает, настаивая на попытке высадиться, невзирая на условия. Он ищет разгадку этой тайны. Господин Джеймс и капитан обменялись гневными выражениями, и капитан в ходе перепалки предложил ему воспользоваться яликом[17]*. Предложение было отклонено, и господин*

---

[17] Сноски: 17

Небольшая двухвёсельная шлюпка, как правило, для наружного осмотра судна, якорь-цепи и т. п. (*прим. пер.*).

Джеймс в дурном расположении духа удалился к себе в каюту. Ему не будет предложено продолжить плавание после Ступени.

— Вот и всё, что здесь есть. — Имоджин вновь сложила листы бумаги и вернула их в жестяную коробку. Место, где лежали страницы из дневника, они обнаружили после часового поиска. Кабинет заполняли стол с креслом при нём, несколько полных книжных шкафов и покрытая плесенью кушетка. Сквозь укрытое плющом окно сочился свет. Имоджин прибавила к нему зажжённую свечу и сидела рядом с Мохом на кушетке.

— Филип был там, когда Радужника выловили из океана. Джеймс, должно быть, и был тем человеком, что отдал Радужника Джону, — говорил Мох. — Джеймс был корабельным плотником.

— Джон знал многих сомнительных типов. Спорить готова, что Джеймс украл Радужника и предложил его Джону. Джон был хорошо известен своими сделками по диковинам, никаких вопросов бы не возникло. — Имоджин поставила коробку на пол.

— Радужник рассказал мне, что обмен пошёл в погашение карточного долга, — сказал Мох.

Мох скользил взглядом по названиям на

корешках книг, втиснутых в шкафы. В иных обстоятельствах он бы весь день провёл, листая кое-какие из них. К удивлению Моха, Имоджин прильнула к нему и накрыла их обоих тяжёлым одеялом. И рассмеялась.

— Что смешного? — подал голос Мох.

— Одеяло шерстяное. Его нельзя стирать, не то оно собьётся в кусок фетра, как это. Кто стирает шерстяные одеяла? Чистюля Филип. — Она пристроилась щекой у него на плече. Через несколько минут её дыхание стало глубже. Убедившись, что она совсем уснула, он поцеловал её в голову.

Мох сидел, откинувшись, на кушетке, обнимал одной рукой Имоджин и следил, как догорала свеча. Пламя и фитиль колебались, растапливая и искривляя воск. Он думал о свечении внутри Радужника. Рукой, зажатой меж их тел, Мох достал из потаённого места оцелус и подбросил его в воздух, где тот завертелся монеткой. Неожиданно почувствовав холод, Мох крепче прижал к себе девушку. Из свечи плевком вырвалась вспышка, и она угасла, выпустив тонкую струйку чёрного дыма. За окном ветер в листве деревьев шумел как море.

Северная дорога

Когда они выехали из города, Имоджин погнала грузовик безо всякой жалости. Автомобиля, который, как показалось ей днём раньше, следовал за ними, видно не было. В то утро она научила Моха, как заправить машину дизтопливом ручным насосом на территории зоопарка. Сама же, пока он занимался исполнением этого поручения, заполонила весь кузов ненужным, но убедительным исследовательским оборудованием и очень нужными принадлежностями для разбивки лагеря. Научное оборудование было призвано подтвердить их легенду на тот случай, если их остановят: мол, они совершают выезд в поле для исследования щелевых разновидностей крабов в приливных зонах к северу от города. Когда приготовления были закончены, она подошла к нему, проверявшему все шкафы и буфеты в павильоне носорогов на предмет наличия в них хоть чего-то съестного.

— Не теряй время, — сказала Имоджин, протягивая бутерброд и крышку от фляжки, наполненную кофе.

— Ого! — воскликнул он, приятно удивлённый. — Ты где это взяла?

— Мох, это не первый мой выезд на изучение щелевых видов. Я уложила это в грузовик ещё до того, как с рынка уехала. Ну разве я не величайшая из всех коллег в поле?

— Насколько позволяет судить мой ограниченный опыт, так и есть. Не думаю, что когда-нибудь ел бутерброд вкуснее этого. — Мох затолкал в рот остатки хлеба.

Имоджин улыбнулась:

— Мог бы сначала хоть руки помыть. Пойдём. Хочу показать тебе кое-что.

Мох пошёл за нею по широкому кирпичному коридору, увешанному мёртвыми светляками и высохшими полосками липучек для мух. Она толкнула тяжёлую дверь. За ней находилось большое помещение, освещаемое через покрытые водорослями слуховые окна.

Имоджин, пританцовывая, отдалилась от него и, раскинув руки, повернулась в центре комнаты.

— Что скажешь? — Голос её отдавался эхом.

— Похоже на ванную комнату Оливера, — скептически заметил Мох.

Голый бетонный пол шёл под уклон к боль-

шому сливу. Зелёные полосы покрывали стены. Воздух в комнате стоял тёплый и влажный.

— Как представляется, местечко это хлебнуло свою порцию требований по обеспечению здоровья и безопасности, — произнёс Мох, запрокидывая голову, чтобы рассмотреть слуховые окна.

— Так здесь же отмывали носорогов! — За спиной Имоджин пушкой стояла металлическая труба с натянутым на неё потрескавшимся резиновым шлангом и большой душевой лейкой на конце.

— Прелестно.

— Под павильоном природный термальный источник. Потому здесь так жарко. До того как зоопарк построили, здесь были городские бани. — Внезапно она встала прямо перед ним. — Я думала, мы могли бы душ принять, прежде чем отправиться в дорогу. Как тебе это?

Мох опешил.

— Хм, не уверен. — Имоджин откинула назад голову, храня улыбку на лице. — Ещё и подцепим чего-нибудь, — рассуждал Мох.

— Говори-говори, — отозвалась она. — Я слушаю.

— Какая-нибудь ужасная носорожья болезнь

сидит в трещинах на полу. В местах вроде этого бактерии вечность жить способны.

— Угу.

— Можно и поскользнуться. Ногу можно тут сломать.

— Тогда, полагаю, тебе достанется лишь роль зрителя. — Имоджин принялась раздеваться. Потащила снизу вверх футболку.

— Ну-ка, дай я тебе помогу, — сказал Мох, растягивая футболку у неё над головой.

— В целях безопасности, — выговорила Имоджин из-под ткани.

— Не совсем, — отозвался Мох.

Позже, чистые, одетые, согретые, они распрощались с павильоном носорогов. Получив согласие Имоджин, он уложил странички вахтенного журнала к себе в сумку вместе с «Певчими птицами острова Козодоя». Мох надеялся поделиться этими страничками с Радужником, если он встретится им по дороге. Теперь они держали путь на север, катя по двухполосной дороге, что следовала всем извивам побережья с несколько большей точностью, чем то было по нраву Моху, помнившему про обрывистые скалы.

Северное Радужное море было бурным и грязным. Дождь прошёл, но упрямый ветер по-

прежнему напирал в борт машины, требуя от Имоджин полного внимания. Первые несколько часов вся дорога была в их распоряжении, если не считать редких грузовиков, с рёвом проносившихся в обратную сторону. К середине дня стали попадаться небольшие группки людей, шедшие по обочине с причиндалами для разбивки лагеря. Ещё несколько миль — и продвижение замедлилось едва ли не до скорости пешехода из-за пробки, созданной другими средствами передвижения: грузовиками с оборудованием, мотоциклами и даже каретами, запряжёнными лошадьми. Люди и животные передвигались по дороге взад-вперёд и поперёк. Казалось, они попали в самую гущу передвижного карнавала. Выхода не было, оставалось следовать за всеми, пока было светло, и чем гуще становилась толпа, тем сильнее росло ощущение беспомощности. Когда дневной свет угас на западе, появились звёзды и зажглись факелы.

В сумерках объявились гуляки в карнавальных костюмах. Группа в тёмных плащах и с высокими белыми воротниками носила маски птицы авдотки с длинным загнутым книзу клювом. Имоджин замерла, когда мимо прошла фигура

ростом никак не меньше восьми футов[18], голова которой была усыпана золотыми чешуйками. Красные усики свисали с широкого брюха под бумажной маской сазана. Маска раздавала всем, казалось, самые настоящие глаза, но когда насильно всучила один в окошко Моху, то глаз оказался сахаристой конфеткой. Только когда маска прошла, они увидели, что к её спине была привязана девочка-альбинос, игравшая с посохом в виде гигантского насекомого. Карлики в конических чёрных бархатных колпаках с нарисованными выше лиц черепами прокладывали себе дорогу через толпу на ходулях, бросаясь в других странников связками шутих-хлопушек.

— Радужника в такой толпе и не заметно было бы, — сказал Мох.

На особенно крутом участке какой-то пьяный странник запрыгнул на подножку грузовика и, вопя во всё горло, размахивал ревущим факелом, расчищая дорогу. Мох привстал было на сиденье, но почувствовал на своём плече руку Имоджин. В конце концов мужик спрыгнул или свалился. Мох плюхнулся обратно, потирая ладонями колени. На вершине холма двигаться дальше

---

[18] Сноски: 18
Почти 2 метра 44 сантиметра (*прим. пер.*).

стало невозможно. Машины стояли в пробке, а люди кучками рассаживались по полотну дороги. Земля в стороне превратилась в большой бивуак, полный палаток и трещащих костров, сыпавших облаками искр в холодный вечерний воздух. Как ни устал Мох, а желудок его призывно заворчал на запах обжариваемого мяса.

— Мне здесь в темноте податься некуда, — пожаловалась Имоджин. — Я или вывезу нас прямиком со скалы в океан, или перееду кого-нибудь.

— Попробуй тут. — Мох указал в сторону от дороги. — В ту сторону огней меньше.

Имоджин повернула руль и повела грузовик по пастбищу. Трясло неимоверно, когда они ползли вперёд. Мох выскочил из кабины, когда машина была ещё на ходу. Освещаемый фарами, он привёл Имоджин к раскидистому буку в довольно тихом уголке поля с ровной землёй.

— Можем тут остановиться, — крикнул он.

Имоджин вылезла из грузовика. Вместе они хорошенько осмотрели огни и костры близ дороги.

— Здесь нас никто не побеспокоит, будем надеяться, — сказала она.

— Хотел бы я знать, что тут происходит.

— До той поры, пока люди остаются там, я

слишком устала и голодна, чтоб об этом заботиться. — Зевнув, Имоджин опять подалась в кабину и выключила двигатель. Вдалеке слышались крики и улюлюканье. Имоджин полезла через лаз и исчезла в кузове. Вскоре появилась вновь с рулоном брезента. — Мог бы вполне костёр разжечь и расслабиться.

Мох собрал хворост и устроил маленький костерок, пока Имоджин выбрала место для подстилки и принесла корзинку с едой. Сидя на свёрнутых спальных мешках, они ели бутерброды и по очереди прикладывались к бутылке красного вина. Сырое дерево стреляло в пламени. Когда с едой было покончено, Имоджин пинком раскатала спальник и растянулась на нём. Свернула себе косяк с гашишем, но не закурила. Мох вслушивался в шум ветра в деревьях и ёрзал. Бутерброды мало помогли утолить его аппетит, а ничего другого до следующего города быть не могло. Мох, изучая старую карту из бардачка грузовика, высчитал, что это будет где-то к обеду.

— Я пройдусь к одному из костров и выясню, что происходит, — сказал он. — Хочешь со мной? — Не услышав ответа, он повернулся и понял, что Имоджин уже уснула. Мох вытащил из кабины бушлат и пошагал. Он шёл по следам в

траве, оставленным их же шинами, и поднимался по склону к дороге. Оттуда он увидел море, всё ещё дикое от почти недели штормов. Небо было тёмно-синее, высыпало полно звёзд, но ветер дул пронизывающий, так что Мох не долго стоял, любуясь. Он шёл мимо кучек народа, веселящегося вокруг костров, но его присутствие, похоже, никого не интересовало. Застегнув бушлат, он поплёлся сквозь грязь и траву к особенно большому костру. Человек двадцать стояли кружком, попивая вино из общих бутылок и тыкая палками в кучу горящих брёвен. Дым разносил запах готовящегося мяса и, похоже, каждые несколько секунд менял направление. В одной стороне костра лежала металлическая решётка, уложенная шкварчащими кебабами и покрупнее нарезанными кусками мяса.

— Хорошо пахнет, — сказал он юноше со свалявшимися волосами, стоявшему слева от него. Тепло костра приятно ощущалось ладонями.

— Там под углями поросёнок. Днём ребята уволокли его с фермы. — Подросток накинул на себя одеяло, как плащ. — За несколько минут стянули. Пьёшь? — Мох повёл головой, отказываясь от предложенной бутылки, в которой, судя по расширенным глазам парня, было кое-что

покрепче вина. — Как хочешь. — Малый сделал долгий глоток.

— Что тут происходит? — спросил Мох.

— Происходит?

— Вот это всё. Все эти люди?

Парень заорал кому-то через костёр:

— Этот малый хочет узнать, что происходит. — В разных местах раздались смешки, но ответа не последовало: люди по другую сторону костра препирались с кем-то, кто решился попытаться походить по горящим угольям. Собеседник Моха покрутил головой и швырнул пустую бутылку сквозь пламя. Мох поморщился, когда кто-то вскрикнул: — Зяблик. — Мох пожал протянутую руку. Она была липкой.

— Лес.

— Лес, ты правда не знаешь? Это ж Чистка-протест. Каждый год происходит, чел. Все мы направляемся в городок Морских Сосен, где идёт большое празднество. Из тех людей, что тут, многие — самые настоящие предки.

— Потомки, ты хочешь сказать.

— Да всё равно, чел. Это их родичей выперли с острова Козодоя. Об этом-то ты слышал, а? Фигня, чел, полная.

— Городок этот далеко отсюда?

— Пешком ещё денёк шагать. У меня уже ноги убийственно ломит. — Перебранка по другую сторону костра приняла более серьёзный оборот, что безошибочно подтверждали удары врезавшихся в тела кулаков, которые было слышно даже сквозь громкие крики. Зяблик подбадривающе орал и пинал ногами огонь, насылая снопы искр на разошедшихся спорщиков. В пламени костра его лицо пылало огнём. Моху обращение к насилию было не по нраву, он махнул снизу рукой, прихватил пригоршню кебабов, рассудив, что они вряд ли станут возражать. Он попытался опять раствориться в темноте, но убедился лишь в том, что за это время вокруг костра собралось ещё больше народу, мешавшего ему уйти. Чья-то грубая рука схватила его за бушлат. Это был Зяблик. — Ты куда это? Веселье только начинается. — Взгляд малого метнулся на полоски ещё дымящегося мяса.

— У меня там друзья, я должен вернуться. — Мох оттолкнул руку Зяблика.

— Спокойно, чел. Ты странный какой-то. Вроде как весь на взводе. Ты что, коп или как? — От Зяблика несло вином и синиспорой. Мох отвернулся.

— Ничего подобного. Я просто учёный-исследо-

ватель. Мы… я направляюсь на север и застрял тут в пробке на дороге. — Объяснения его были избыточны, и он понял это. В толпе образовался проход, и Мох вышел из света костра. Зяблик проорал ему вслед какое-то ругательство, но Мох, не обращая на это внимания, уже двигался в сторону грузовика. Несколько минут спустя он оказался в открытом поле, а костёр мерцал лишь далёким огоньком. Ничто не говорило о том, что по его следу кто-то шёл. Он куснул мяса с кончика шампура.

Мох стоял неподвижно, жевал. Возбуждённые крики доносились сквозь шум прибоя и ветра. Море было от него справа, а грузовик где-то слева, невидимый за тёмными зарослями деревьев. Земля перед ним шла наклонно к точке, где дорога виляла влево, обходя скалу. Он уже собрался уходить, как вдруг кое-что привлекло его внимание. Силуэт на фоне неба: большая карета, которую тащила по дороге неуклюжая фигура. Мох непроизвольно присел на корточки. Сомнений не было: то был Эхо.

Чудище пряталось на самом виду, поскольку его принимали всего лишь за ещё одного персонажа карнавала. Пёс с хорошо видной фигурой наездницы на спине двигался, петляя, то оказы-

ваясь на виду, то пропадая. Мох выжидал. Они вновь появились впереди кареты и продолжили путь по дороге.

Мох направился к грузовику. Ступив на небольшое возвышение, он оглянулся, но увидел лишь свет костров. Ещё несколько шагов — и что-то сильно ударило по затылку. Кебабы вылетели у него из рук, когда он упал на колени в ирригационную канаву. В нескольких шагах от него по земле покатилась бутылка и звякнула о камень. Мох зажал одной рукой затылок, отыскивая взглядом нападавшего. Он был слишком близко к земле, чтобы разглядеть как следует. Рука, отнятая от головы, была тёплой и липкой. Глядя под ноги, он побежал по другую сторону канавы, где наткнулся на штабель из деревянных ящиков. Жужжание внутри и дрожание крылышек на неприкрытой коже поведали, что он налетел на улей. Ещё несколько ульев расположились рядами. Выбрав один, поближе к середине, Мох присел за ним на корточки. Сбитые с толку пчёлы ползали по его одежде и даже по бороде, но Мох оставался недвижим.

Показались несколько мужиков с палками. Они громко переругивались и толкались, и в пьяном раже время от времени молотили палками

по траве. Голос Зяблика звучал громче других. Мох, пригнув голову пониже, вслушивался, как они проходили меж ульями. Он не сомневался: ищут его. Двигаясь вперёд и наталкиваясь на ульи, мужики себе во вред опрокидывали их, а потому вынуждены были разбежаться кто куда, не добравшись до места, где прятался Мох. Крики стихли, но он выждал ещё несколько минут, прежде чем встать. Даже в темноте было видно, что ульи разорены. Он сделал, что сумел, чтобы их выправить, засадив себе в руки несколько заноз. Предоставив пасеку своей судьбе, Мох вернулся к грузовику окружным путём, избегая встречи с бандой Зяблика. Ныл затылок, чувствовалось, как за воротник стекает кровь.

Приближаясь к грузовику по осевшей земле за буком, Мох увидел в темноте точечку света. Не понимая, то ли это и правда свет, то ли оптический обман (результат удара бутылкой по голове), он шагал неспешно и разборчиво. Подойдя ближе к комлю бука, Мох разглядел припавшего к земле мужчину, наблюдавшего за грузовиком. Рука мужчины лежала на ружье, прислонённом к дереву. Мох залез в карман и извлёк шило. Подкрался к чужаку. В этот момент тот почувствовал, что кто-то крадётся к нему, и обернулся. Мох

бросился вперёд, ухватил мужчину за волосы и ткнул его головой о ствол дерева. Поднёс острие шила под его левое ухо. Основанием большого пальца он почувствовал, как бьётся пульс в сонной артерии.

— Перестаньте, — прошипел мужчина. — Это я, Шторм.

Мох пинком отбросил ружьё и шагнул назад. Шторм лежал, раскинувшись, среди сухих листьев и буковых желудей и тяжело дышал.

— Вы какого чёрта тут делаете? — спросил Мох, наставляя шило на Шторма.

— Тише, ещё будет время объясниться. Я на вашей стороне. Юная леди в беде. Слушайте.

Мох расслышал голоса позади, прямо у ствола.

— Вставайте, — сказал он Шторму. Пока тот, корячась, вставал на ноги и вытряхивал листья с желудями из бороды, Мох подхватил из травы ружьё. Это было тяжёлое, большое охотничье ружьё, и он не понимал, как с ним обращаться. Пользуясь случаем, ткнул стволом Шторму в грудь. Донёсся крик Имоджин: она звала Моха. Мох поднёс шило к лицу Шторма.

— Выждите пару минут и потом идите за мной, — сказал он.

Шторм решительно кивнул, вцепившись в

ружьё обеими руками. Тут Мох вышел из укрытия за раскидистым деревом и обошёл грузовик спереди.

Имоджин лежала на земле лицом вниз, а сверху на ней сидел крупный мужик. Из царапины у него на лбу лилась кровь. Зяблик и ещё один ногами раскидывали костёр.

— Убедись, чтоб ничего не осталось, — орал Зяблик своему напарнику. — Нам никакие свидетели не нужны.

Ещё один мужик, постарше и небритый, встал коленями на землю возле Имоджин. Потёр щёку, словно бы прикидывал свои возможности. Имоджин перестала бороться. Мужик вытащил фонарик на батарейках из кармана спадающих штанов и направил луч прямо ей в лицо.

— Прочь от неё, мигом! — потребовал Мох.

— Это он, — указал Зяблик. — Он коп. Долбаный коп-ворюга, самое малое.

Мужик с фонариком обратился к Моху и спросил:

— Он прав?

— Меня зовут Лес. И с вами тут моя подруга. Вели этому кретину слезть с неё, — сказал Мох. Зяблик похотливо поглядывал на Имоджин. Мох метнулся вперёд и вонзил шило ему в бедро.

Зяблик, вопя, упал. Мужик с фонариком и ухом не повёл, остался где и был. Мох слышал, как силилась Имоджин дышать свободнее под тушей нападавшего. Мох пошёл к ней, оставив извивавшегося на земле Зяблика. Он рассчитывал, что, видимо, вполне может навалять мужику постарше, чтобы заставить его более тучного спутника слезть с Имоджин.

— Пошёл! — закричал он. Мужик рассмеялся и, будто сдаваясь, поднял фонарик. Прежде чем Мох смог среагировать, мужик попытался ударить Имоджин по лицу. Та дёрнулась, предвидя нападение. Фонарик ударил толстяка по колену достаточно сильно, чтобы из ручки вылетели батарейки, а лампочка с отражателем, кувыркаясь, полетела в траву. Обливаясь потом, ушибленный свалился с Имоджин. Она перекатилась и ударила его в скулу камнем величиной с кулак. Слышно было, как хрустнула кость. Мох прыгнул на мужика постарше, надеясь сбить его на землю и получить преимущество. Шило взрезало лицо мужика, как кусок мяса. Тот взвыл и в ответ ударил Моха кулаком в грудь. Мох отлетел в сторону. Шило выскользнуло из его пальцев и укатилось в траву. Зяблик поднялся на ноги и заухал, словно истеричный шимпанзе, видя, как

меж его пальцев течёт кровь. Прозвучал выстрел. Сначала Мох решил, что кто-то из нападавших прибег к оружию. Толстяк с отвислой челюстью уже матерился, убегая от грузовика в темноту и поддерживая окровавленную руку.

— Что ж, по-моему, этого вполне хватит, — сказал Шторм. С богато украшенным ружьём, прижатым к плечу, он наступал на мужика, который одной рукой вцепился в ручку сломанного фонарика, а другой прижимал вспоротую на щеке кожу. — Я могу убить тебя на месте. Предлагаю тебе, прихватив своих друзей, убираться, пока я не поддался искушению. — Мужик отбросил фонарик и побежал. Зяблик — за ним следом, волоча ногу и вопя благим матом. Толстяка уже и след простыл.

Шторм опустил ружьё. Мох подбежал к Имоджин и помог ей сесть. Он обвил её руками. Она говорила ему в плечо. Позади них Шторм закурил сигару.

— Что она о себе говорит? Всё у неё в порядке? — спросил Шторм, окутанный густым дымом. Мох склонил голову к Имоджин.

— Она сказала вам спасибо, — сообщил Мох.

— Был рад помо…

— Шторм, что вы тут делаете?

— Полагаю, вы могли бы быть более признательным, — ответил Шторм.

— Отдайте мне это ружьё.

С наигранной обидой Шторм отступил назад и поднял ружьё, словно собираясь передать его. Ложе и ствол украшали золотые узоры. Спусковая скоба напоминала Моху эфес церемониальной сабли.

— Обращайтесь с ним осторожно. Довожу до вашего сведения, оно стоит целое состояние. Ружьё принадлежит чёртову Музею, — сообщил Шторм с хитрой улыбкой.

— Он следил за нами, — прошептала Имоджин.

Предложение

— Нам надо поговорить, Шторм, — сказал Мох.

— Согласен, Мох.

Едва забрезжил утренний свет, они вернулись к дороге и обнаружили, что ехать по ней можно. Большинство путников разбрелись спать по окрестным полям, скорее всего из-за дующего с моря холодного ветра. Поход на север был продолжен. Шторм, ссылаясь на поломку своей машины, попросил проехаться до Морских Сосен. Несмотря на ядовитый взгляд Имоджин, Мох согласился. Его занимала загадка Шторма, одолевало желание потребовать объяснений, почему тот следовал за ними от самого Ступени-Сити.

— О да, ваше настоящее имя мне известно. — Мужчины сидели в кузове грузовика. Вокруг от движения и ветра громко хлопал брезент. Шторм сидел на ящике, положив на колени незаряженное ружьё. Охотничий наряд, свободные штаны со многими карманами и новые сапоги, пахнущие норковым жиром, — всё это больше подходило для отстрела кроликов, нежели для преследования головорезов. Мох устроился на

свёрнутом спальном мешке, прислонившись спиной к металлической трубе, служившей одной из опор для брезентового тента. Имоджин, молчаливая, вся в синяках, сидела за баранкой, ещё раньше всем своим видом показав, что не настроена участвовать в разговоре.

— Мне из-за вас ногу прострелили, — сказал Мох. — Мне бы сейчас и живым-то не быть, если бы тот коп прицелился хорошенько.

— Я тут ни при чём — уверяю вас. Это всё служащий Сифорта, господин Сморчок, дал делу ход. Хабих рассказал мне, что у Сморчка неделями копились серьёзные подозрения по поводу вашего поведения. Особенно любопытство его обострилось, когда кто-то привёз вас домой в наполовину бессознательном состоянии и в крови.

— Он видел это? Вот Сморчок, склочник эдакий, — не удержался Мох.

— Согласен. Сожалею о вашем ранении в ногу. Сыщик перестарался.

— Так вы это называете? Он был маньяком, помешанным на убийстве.

— Судя по тому, каким я увидел его лицо после того раза, вы громко заявили о себе. Вы сломали ему нос и, по-видимому, повредили челюсть. На вашем месте я бы избегал возвращаться в город.

Отметая всё это в сторону, я вовсе не был обрадован вашей попыткой сторговаться с Оливером за моей спиной. Это был очень плохой вариант. У меня, Мох, инстинкт коллекционера, глаза на затылке. Вы что думали, что я останусь безучастен к выяснению, не водят ли меня за нос? Я к своему собирательству отношусь серьёзно.

— У меня не было намерения отдавать книгу Оливеру. Пытался выторговать на неё кое-что другое.

— Побольше тех занимательных рисунков, рискнул бы я предположить. Ваши рисунки, Мох, у меня из головы не выходили. Таков уж я. Когда вижу что-то, вызывающее во мне интерес, чувствую, что движим желанием получить это. Оно — как камешек у меня в туфле. Из себя выводит одна только мысль, что это может попасть в руки кого-то ещё, кто, возможно, и не в силах постичь истинной его ценности. Естественно, стоило мне увидеть тот рисунок, я уже не мог из своих рук его выпустить. И другие тоже. Ведь были же другие, так? — Шторм избрал солидный тон. — Человек с моей чувствительностью движим погоней за редким и необычным. Как бы мне ужиться с самим собой, если б я позволил возможности ускользнуть из моих пальцев? К

сожалению, я не обладаю добродетелью терпения. — Двое мужчин сидели, глядя друг на друга, пока грузовик трясло. — Наверное, если вы попробуете взглянуть на меня в более благоприятном свете, мы оба могли бы извлечь что-то из этой ситуации.

Мох отвёл взгляд:

— И что бы это было?

— До того как умереть, — сказал Шторм, — Оливер Таджалли рассказал мне занимательную историю. Он был убеждён, что столкнулся со сверхъестественным. — Шторм добродушно рассмеялся. — Ведьма. Я думал, что он подшучивал надо мной, пока не встретился с тем мальчишкой, Эндрю, неподалеку от старой пекарни «Чёрная крыса». Понадобилось некоторое время, прежде чем малый заговорил, зато потом я остановить его не мог. Интересная оказалась история. Он поведал мне о событиях на Полотняном Дворе, о том, что вы убили Агнца, — обо всём. Похоже, особо сильно его впечатлил демон и ведьма, разъезжающая верхом на чёрном псе.

— Эндрю жив, — облегчённо выговорил Мох.

— И вполне здоров. Ведьма и её спутник, они вам мешали?

— Уточните.

— Я знаю, что они реально существуют. Я сам видел их на дороге. Чудище тянет большую чёрную карету без окон, очень зловещую. Так вот, перехожу к своему предложению.

— Так скоро?

— Язвить незачем. Попросту говоря, я обязательно помогу вам освободиться от этих сомнительных спутников. Я смогу. В прошлом я вдоволь наохотился — по-крупному. — Он похлопал по ружью.

— И что вы ожидаете извлечь из этого? — Мох боролся с желанием взглянуть на ящик, на котором сидел Шторм и в котором находился сундук с книгами.

— Остальные рисунки.

Мох засмеялся.

— Что вас так рассмешило?

— Ладно, разговора ради, как бы вы это проделали?

— Я намереваюсь истребить их, — сказал Шторм, поглаживая ружьё. — Не время для полумер. По всему судя, с этими субъектами шутить нельзя. Они против естественного порядка, и я предам их смерти.

— Шторм…

— Призрак, не более того, — говорил Шторм. —

Необходимо с практической точки зрения, чтобы я присоединился. Понимаете вы это или нет, но вы теряете время.

— Почему?

— Мы направляемся на север. Я делаю вывод, что мы едем следом за ними к острову Козодоя. Сражаться с ними там будет бесконечно труднее, чем рассчитаться сейчас. Даже если вы попадёте на остров, местность там сложная, и есть множество другого рода опасностей вроде неразорвавшихся мин, диких зверей и отшельнических схронов со времён Чистки. — Шторм подался вперёд. — Позвольте мне помочь вам рассчитаться с ними, Мох. Давайте заключим соглашение. Вижу по вашим глазам, что вы хотите сказать «да».

Этот человек просто лучился одержимостью. Мох знал, что у Шторма очень невелик шанс исполнить своё предложение. Он чувствовал силу невидимого прикосновения Элизабет. Шторм в студень обратится ещё до того, как хоть одну пулю выпустит из своего идиотского ружья. Слушая Шторма, Мох понял: вот она, золотая возможность навсегда отделаться от этого назойливого приставалы. Пусть Шторм тычет палкой в осиное гнездо, а Мох с Имоджин смогут использовать это как отвлекающий манёвр, чтобы исчезнуть на

острове для поиска Мемории.

— Они направятся к старому паромному причалу, — сказал Шторм. — Это единственная полоска воды вокруг острова, которую хотя бы на словах можно пересечь.

— Никогда о нём не слышал, — признался Мох.

— Сейчас там не так-то много и осталось, волноломы да старые свайные сооружения. Это место отправления парома на Козодой, самая ближняя точка между материком и островом. Воды там коварны, полны скал и обломков, оставшихся от войны, незакреплённых мин, не говоря уж о жутких течениях. Опрометчиво было бы пытаться переправляться там. Но есть там ещё и туннель. В равной мере опасный, если на деле он ещё не обрушился. Спорить готов, что туннель — истинный пункт их назначения. Вам нельзя позволить им перебраться на остров, любым путём. Стоит им оказаться там — они исчезнут. Вы утратите преимущество бутылочного горлышка. Отсюда до паромного причала ведёт всего одна дорога. И мы должны перехватить их на этой дороге.

В этот момент грузовик внезапно остановился, опрокинув Шторма на кипу брезента. В кузов заглянула Имоджин.

— Мы прибыли, — прокричала она, перекрывая

рёв работавшего вхолостую двигателя.

Гостиница

— Ну, мне это не нравится, — говорила Имоджин. — И плевать мне на то, что ночью он помог отпугнуть этих козлов. Я ему не верю. Всей этой его дутой ахинее под трубку и ликёрчик. Он выслеживал нас. Это не наводит тебя на мысль, что у него есть возможности? Он неминуемо связан с «Красной миногой». — Она швырнула тяжёлую сумку с одеждой на стол. Выбранный ими номер в гостинице был мал для двоих, пропах уксусом, с которым отмывали окна. Между несколькими сумками, которые они взяли с собой из грузовика, и походным сундуком едва осталось место для прохода. Мох предпочёл бы ночевать в грузовике, но Имоджин после вчерашнего нападения нужна была ванна и настоящая постель.

— Я тоже ему не верю, но только сейчас, когда он тут, разве не лучше держать его на виду? — Мох сел за стол, беспокойно поигрывая ручкой.

— Поверить не могу, что ты хочешь иметь со Штормом хоть какие-то дела. Я годами много раз встречала парней вроде Шторма. Они куда более опасные субъекты, чем откровенные гангстеры.

Он — угроза. Это у него на лице написано. Он пошлёт нас ко всем чертям в ту же секунду, как учует в том выгоду.

Мох рассеянно раскрутил корпус ручки. Капсула с чернилами и пружинами выскочила из неё.

— Я не оспариваю ничего из тобой сказанного, — сказал он. — Однако стоит рискнуть. По мне, уж лучше пусть он считает себя с нами заодно, чем плетёт интриги у нас за спиной. И потом, возможно, у него есть сведения, нужные нам. Он уверяет, что знает, как попасть на Козодой. Помнишь, ты как-то сказала, что у Джона имелся чёрный ход? Шторм говорит, что есть туннель. — Он вложил капсулу, снова извлёк её, забросил в корпус ручки пружину, потом вновь вложил капсулу. Две части корпуса ручки теперь не свинчивались вместе как следует.

— И ты ему веришь? — негодовала Имоджин. Она сидела на краешке деревянного кухонного стула, качавшегося на короткой ножке, сложив руки на груди. Одна сторона её лица была исцарапана, оттого что её силой тыкали в землю, руки были покрыты синяками. После нападения она держалась отстранённо. Не стало больше добродушно-весёлой Имоджин из зоопарка. Мох отложил ручку в сторону.

— Я не недооцениваю его жадность.

— Ты сам говорил, что карета где-то рядом. Нам нужно двигаться осмотрительно. Шторм какую-нибудь глупость выкинет. Это сообразить мы и сами способны.

— Ты чего сердишься? — спросил он.

— А ты чего меня одну оставил? — ответила она вопросом на вопрос, меняя тему.

— Что?! — недоумённо воскликнул застигнутый врасплох Мох.

— Ты меня слышал. Вчера ночью. Ты почему оставил меня, спящую на свежем воздухе, одну?

Мох взглянул на Имоджин, поражённый её злой горячностью, но довольный, что наконец-то узнал главную причину её злости.

— Как я мог предугадать, что произойдёт? Всё выглядело вполне безопасно. Вокруг никого не было. Ты уснула.

— Уснула я потому, что думала, что ты рядом, Мох. А проснулась с этим боровом на себе, кусающим меня за шею. Он собирался меня насиловать. — Имоджин перешла на крик.

— Это не совсем справедливо, — подал голос Мох.

— Тебе полагалось бы с тыла меня беречь. А не оставлять лежащей в открытую, словно наживку

для какого-нибудь ополоумевшего насильника. — Она уже плакала, оттирая руки, словно стараясь счистить с них паутину. — Этого дерьма я досыта с Агнцем нахлебалась.

— И это говорит женщина, опоившая меня дурью.

— Пошёл к чёрту! — Она пихнула стол в его сторону.

— Имоджин, я каюсь, — произнёс он.

— А я не шучу. Поверить не могу, что ты меня бросил — опять.

— Прекрати, — выговорил он, чувствуя, как поднимается гнев.

Имоджин придвинулась ближе, на пылающем лице слёзы проложили бороздки.

— Хочешь знать настоящую причину, почему ты одинок? Это не из-за ошибок, каких ты наделал, и не из-за того, что с тобой стряслось. — Голос её сделался хриплым. — Это из-за того, Мох, что ты не знаешь, как вести себя с людьми. Ты до того одинокий, что так и кажется, словно голова твоя всё ещё в той тюрьме сидит. — Она уже разгорячилась и тыкала в него пальцем. — Ты злой.

— Тебя послушать, так ты будто о себе самой говоришь, — горестно заметил он.

Глянул в окно на гостиничную стоянку. Долго-

вязая девочка-подросток развешивала на верёвке выстиранное бельё. Морской ветер облеплял ей платьем спину. Длинноногая собака шарила носом в траве. Молчание у него за спиной наваливалось глыбой мрамора. Достав из кармана тряпку, он принялся протирать очки. Тикали часы на стене. От ветра с моря подрагивали стены гостиницы. Внизу во дворе долговязая запустила в рот указательный палец, будто пытаясь удалить что-то, застрявшее меж зубов. Она закашлялась и сердито зыркнула в небо. Ещё через мгновение она уже опиралась на старый мотоцикл, распевая что-то себе под нос.

— Мох, прости, — прошептала Имоджин, придвинувшись к нему вплотную. — Тот засранец схватил меня за волосы и рванул, когда я спала как убитая. Когда я оглянулась и не увидела там тебя… — Она обошла стол и попыталась дотронуться до его щеки.

— Имоджин, — вскинулся Мох, отталкивая её руку. — Ты права, всё, что ты сказала, правильно.

— Ты ранен? — Выражение раскаяния на её лице сменилось беспокойством. Она опять попыталась коснуться его головы, но Мох увернулся.

— Всё у меня в порядке, — буркнул он. Ощупы-

вая затылок, отыскал место, куда пришёлся удар бутылкой. Сжал выпачканные кровью пальцы и опустил кулак на стол, оставив пятно.

— Чёрт. — Он пошёл по направлению к двери. Пузырёк с синиспорой выпал из бушлата и покатился по полу. Он был наполовину пуст. Мох погнался за ним, понимая, что выглядит, должно быть, смешно. Когда пузырёк оказался в ладони, он встал и перевёл дыхание. Не глядя на Имоджин, произнёс: — Пойду отыщу Шторма.

Несмотря на сказанное, Мох, в общем-то, не знал, куда податься. Знал только, что нужно идти, шагать, чтобы развеять злость. Сидеть, как в западне, в номере, видеть, как меняется настроение Имоджин от озлобления к печали — было больше, чем он мог вынести. Он *и впрямь* был одинок. Оставаться одному — таково было наказание, какое он наложил на себя в тот день, когда не сумел помешать падению Мемории с волнолома. Оставить Имоджин одну, по-видимому, было бессознательным проявлением его неспособности чувствовать ответственность за другого. Элизабет лишь наполовину была права, утверждая, что Радужник не способен любить его: Мох не был способен принять любовь. Он вышел со двора гостиницы опустошённый и в ярости на самого

себя, увернувшись от долговязой, проходя в ворота. Без особой на то причины повернул налево.

Чистка-протест охватил пространство между выходящими к морю зданиями городка и обваливающимся волноломом. Палатки и телеги создавали фон для импровизированного уличного театра и музыкального шутовства. Вечерний воздух был наполнен запахом от открытых жаровен. Перед гостиницей пешеходы запрудили улицу. Мох проталкивался среди нетрезвых странников, пока не нашёл естественный коридор среди тел. И тут тоже кругом — костюмы, только воспринимались они не в волшебной дымке, а в каких-то зловещих красках, и Мох отводил взгляд. Натерпевшись вдоволь от настоящих монстров, он не находил забавы в этих чудищах. Он разыскивал какую-нибудь тропку к относительно тихой гавани, когда слева от него показался переулок. Широко шагавший мимо мужчина толкнул его сзади. Мох, спотыкаясь, заскочил в переулок. Выправился, выпрямился, стряхнул пыль с одежды. Масса тел продолжала толкаться мимо входа. Повернув в обратную сторону, Мох залез в карман и достал пузырёк с синиспорой. После схватки с бандой Зяблика он отыскал пузырёк в траве за грузовиком. При-

слонившись спиной к стене, он ногтём большого пальца сковырнул пробку. Пузырёк скользнул в ладони, и снадобье потекло меж пальцев. Мох разжал их и бросил его на землю.

Фреска

Моха чересчур взволновал спор с Имоджин, чтобы находиться среди людей. Вновь оказаться в толпе значило лишь усугубить раздражение. Вместо этого Мох решил срезать путь, пройдя дворами, в поисках тихого безлюдного пути к гавани. Все надежды на простой проход были омрачены, когда он оказался в цветнике внутреннего дворика. Первым его порывом было пойти по своим следам обратно, но его привлекла тишь самого места. Извилистая тропа перед ним была выложена из видавших виды булыжников. Он взвесил один на ладони. Камень был гладким и холодным. С самого детства Мох был заядлым собирателем камней, ни одного пляжа не мог пройти, не набив ими карманы так, чтобы швы трещали. Булыжник в его руке был овальным, цвета сизого голубя с тёмными, похожими на пёрышки отметинами. Приятный на ощупь, он напомнил оцелусы Радужника. Мох вернул камень на тропу.

В дальнем углу цветника находилась глубоко посаженная дверь. Мох шёл по тропе, во мно-

гом чувствуя себя злоумышленником. И всё же булыжники приятно скользили под его подошвами. Ароматные растения, зелёные, вопреки близкой осени, радушно манили к себе. Лишь молитвенные богомолы, раскачивавшиеся на стручках дурмана и по-боксёрски молотившие воздух, словно предостерегали: не подходи.

Дверной молоток в виде мечехвоста висел по центру двери. Морской воздух и бездействие застопорили петли. Мох легко постучался пальцами, а потом, не получив ответа, забарабанил сильнее. Ничего. Он повернул ручку, хотя и терялся в представлениях, что надоумило его сделать это. Может, чары места подействовали или просто любопытство одолело. Как бы то ни было, он был вознаграждён: дверь раскрылась, и за ней неожиданно оказалась часовня.

Потолок темнел синевой, пронизанной незнакомыми золотыми созвездиями. Фрески покрывали стены трёх приделов живописными повествованиями с повторяемыми персонажами. Крылатые чудовища и уроды художника напоминали Моху о татуировках Имоджин, и он пожалел, что её нет рядом, чтобы разделить с ним такое открытие.

Деревянные полы были чисто выметены, от

досок пахло пчелиным воском. Моха удивило отсутствие лавок, но, пройдя к алтарю, он нашёл ответ. Расчёт был на то, чтобы успокоить, заставить посетителя приостановиться и пройти иной путь, с тем чтобы он, дойдя до алтаря, отрешился от всех уличных забот и предался размышлениям. Иной путь начинался уже с существования переулка, где грубый кирпич уступил место мягкому камню.

Алтарь был слегка приподнят и служил опорой для десятков свечей. Лишь немногие из них были зажжены. За алтарём в стене, словно ящики на почте, тянулись ряды встроенных ниш. Мох насчитал их сто сорок четыре. У каждой ниши имелась дверка, хотя лишь немногие были открыты. Мох видел что-то похожее на улицах старого города в Ступени-Сити. То было место, где оставлялись записки или значимые для людей предметы. Записки обычно содержали вопрос, сообщение или признание на сложенном клочке бумаги. Иногда оставлялись более основательные предметы. То был обряд высвобождения. В конце концов невидимые руки с другой стороны стены забирали подношения и сжигали их в яме. После этого дверцы на пружинках открывались вновь.

Часовню окружали толстые стены. В тишине

Мох слышал, как шуршала его одежда, слышал своё дыхание и звон в ушах. Он вдруг осознал, сколько энергии тратят его чувства, фильтруя и сортируя окружающий мир. Злость и обида иссякли в нём. Он сел на табуретку перед алтарём и пристально разглядывал ниши. Прошло несколько минут, после чего справа от него отворилась дверь, выпустив мужчину в серой рясе. Хотя на его обветренном лице не было заметно признаков удивления, глубоко посаженные глаза внимательно всматривались в Моха. Он тронул бороду, в которой среди седины проглядывали пучки рыжих волос, и поставил на алтарь перед Мохом пустой пузырёк из-под синиспоры.

— По-моему, вы уронили это в переулке. — Мужчина присел на край алтаря. — Мое имя Джонатан, я — смотритель этой часовни.

— С этим я покончил, — произнёс Мох, отворачиваясь от пузырька.

— Это, наверное, ко благу, — сказал Джонатан. — Только всё равно мусор. — Улыбка его была ободряющей, но голос звучал серьёзно. В последовавшем неловком молчании Джонатан вперил взгляд в свои вытянутые ноги и помятые садовые башмаки. Испытывая неловкость, Мох решил, что пора уходить. Когда он встал, Джона-

тан поднял взгляд.

— Вы не согласились бы помочь мне кое в чём? Много времени это не займёт. Я пишу книжицу об истории этого здания, которое мне, признаться, предстоит скоро закрыть. В ней есть раздел о фауне, изображённой на фреске. Вам, случайно, не известны птицы?

— Некоторые, — ответил Мох. — В тюрьме, чтобы скоротать время, я играл в игру — ни много ни мало — с одним орнитологом. У того была колода карт с картинками вроде тех, что на сигарные коробки клеят. На картинках были отпечатаны птицы. Он выпытывал у меня их названия. — Мох сам себе удивился, до чего легко упомянул о тюрьме.

— Фантастика. — Джонатан развернулся и окинул взглядом фреску справа от себя. — Вон. — Он указал на пятно в среднем приделе. — Что это?

— Что-то вроде синицы. Отсюда разглядеть трудно, — сказал Мох.

— Ну так встаньте и поглядите. Где ваша любознательность?

— Хорошо, хорошо. — Моху, вопреки самому себе, стало забавно. Он уважил просьбу Джонатана, подойдя к стене. — Наверняка не скажу. Похоже на канадского поползня.

— Подождите здесь. — Джонатан скрылся за дверью и через минуту вернулся, неся заляпанную краской стремянку. — Попробуйте это.

— Вы серьёзно? Да на этой штуке угробиться можно.

— Она вполне надёжна. Я ею только сегодня утром пользовался. — Джонатан помог Моху установить стремянку перед стеной. Гадая про себя, во что он только ввязывается, Мох взобрался по лестнице, а Джонатан поддерживал створки. Встав на вторую сверху ступеньку, Мох оказался на одном уровне с птичкой.

— Точно, канадский поползень, — сказал он.

— Отлично, — воскликнул Джонатан. Он извлёк из кармана рясы небольшую записную книжку. — Так, теперь та, что слева.

— Это легко. Древесная ласточка.

— А над ней? — Джонатан указал ручкой. — Нет, выше, среди лиан.

— Белоглазый виреон.

И так продолжалось полчаса. Мох, передвигаясь с лестницей вдоль стены, назвал всех птиц до единой. Временами мужчины спорили по поводу конкретной птицы, но Мох в своих знаниях был уверен. Он читал лекции Джонатану о местах обитания, голосах, питании и методах

гнездования. Франклин Бокс в своей муштре был безжалостен. После того как была названа последняя птица, Мох развернулся на стремянке. Ему было жарко от бесконечных хождений вверх-вниз по лестнице.

Джонатан взмахом руки показал: спускайтесь. Что-то красное мелькнуло и пропало в просторных рукавах Джонатана. Мох сделал вид, что ничего не заметил.

— Спускайтесь. Я сделал набросочек фрески и пометил всех птиц. Это фантастика. Как мне отблагодарить вас?

— Глоток воды. У меня голос садится.

Джонатан вернул стремянку в кладовую. Мох уже готов был снова усесться, когда появился Джонатан в проёме двери:

— Давайте поговорим тут, где посидеть можно. Сказать правду, в часовне чуток прохладно. Тут когда-то школа была. Можете представить, ученики зимой до смерти замерзали. — За дверью шёл проход из неотёсанного камня. Мох прошёл за широкой спиной Джонатана мимо нескольких закрытых дверей, прежде чем они зашли в скромную столовую. Джонатан предложил Моху взять стул от поручня на стене и присаживаться к столу. Пока тот проделывал это, Джонатан

достал ещё тёплый каравай хлеба с хрустящей корочкой, чашу с оливковым маслом на травах, корзинку варёных яиц, несколько сырных головок, копчёную рыбу и фрукты. Налил им обоим по большому стакану вина. — Надеюсь, вы не возражаете. Я уже поесть собирался, когда вы пришли. Прошу вас, угощайтесь. Это самое малое, что я могу.

Мох поблагодарил его, думая про себя, что еды для одного было многовато.

Он старался не упустить возможности взглянуть на запястье Джонатана. Решил потянуть время за едой. Еда была отменно хороша. Он уложил на толстый кусок хлеба козий сыр, а поверх него сардины и погрузил его в оливковое масло, которое Джонатан поставил между ними.

— Итак, — произнёс Джонатан с полным ртом хлеба. — Что привело вас в город?

— Любознательность, — осторожно ответил Мох. — Захотелось увидеть остров Козодоя с берега. — Этот вопрос он уже ждал и решил, что ложь, близкая к правде, будет лучше полной выдумки.

Джонатан пожал плечами:

— Надеюсь, вы не будете разочарованы. С берега это всего лишь ещё одна груда безжизненных по виду скал. Вам-то что интересно?

— Я приехал с женщиной, которая работает на Музей естественной истории в Ступени-Сити. Я просто помогаю ей. Она изучает что-то там такое, называемое щелевыми видами, каковы бы они ни были, — поведал Мох.

Джонатан перестал жевать:

— Её с вами нет.

— Мы слегка повздорили.

Собеседник сочувственно пожал плечами:

— Неудивительно, что вы сидите на синиспоре.

Оба расхохотались. Джонатан отрезал кусочек какого-то твёрдого жёлтого сыра и протянул его Моху:

— Попробуйте этот. Он изумительный. На родине мы делаем его сами.

— Вы живёте не здесь? Где же?

— Нет, я просто завершаю свой срок как смотритель. Завтра я всё запираю — надолго, может, навсегда.

«А на мой вопрос ты не ответил», — подумал Мох. Он взял кусочек, бросил его в рот, одобрительно кивая:

— Вы правы. Как он называется?

— «Сыр», — проревел Джонатан со смехом. Мох при этом прикрыл лицо и склонил голову к столу.

Он смеялся, пока в рёбрах не появилась боль, а слёзы не смочили ему ладони. Мох почувствовал на плече чью-то тяжёлую руку. Он тосковал по Имоджин, которая когда-то испробовала этот жест. — Вы здорово называли птиц, друг мой, но я хотел бы знать, каким именем вы бы назвали себя. Могло бы это быть Чужак, Трус, Предатель или Пораженец? Это некоторые из наиболее предпочтительных.

Мох откинулся на спинку стула, отёр лицо грубым полотенцем, врученным ему Джонатаном.

— Убийца.

Джонатан глазом не моргнул.

— У вас глаза не убийцы, — выговорил он сквозь забивший рот хлеб.

— Когда-то я был учителем. В заведении, которое называлось Трубным институтом.

— Слышал о таком. Его закрыли немало лет тому назад.

— В первый же мой семестр произошёл несчастный случай. Один из учеников, из моих учеников, утонул весной в половодье. Расследование установило, что имел место несчастный случай, но я-то знал: если бы я был там, следил за ребятами, такого бы не случилось. Он был всего лишь мальчишкой, надоедливым маленьким мальчишкой.

Вблизи реки он оказался потому, что так находил уединение для себя, когда другие дети его дразнили. — Мох умолк, ожидая отклика Джонатана, но тот лишь отмахнулся, мол, продолжай.

— Несколько лет спустя произошёл ещё один несчастный случай, когда в школе появилось неестественное живое существо. — Мох уставился на свои руки.

— Дальше, — выговорил Джонатан, хмурясь.

— Оно… он выглядел, как мальчик, только не был им в полном смысле… он был… чем-то другим. Если честно, я действительно не знаю чем. Ну, естественно, другие дети принялись издеваться над ним безо всякой жалости. Наконец, однажды всё приняло совсем скверный оборот. Дети, дразнившие мальчика, были убиты во время прогулки по лесу — итог спора, хотя тогда я этого не знал. Когда власти нагрянули, мальчик исчез. Меня нашли сидящим на пне — в шоке, а вокруг повсюду тела. Меня обвинили в убийстве и бросили в тюрьму.

— А где вы были, когда первый мальчик утонул? — спросил Джонатан.

— В постели учительницы арифметики — получал образование.

— Вы знали, что мальчик находился возле

реки?

— Нет. Это было уже после того, как всюду погасили свет. Но я должен был проверять спальни.

— Можно ли было ожидать такого?

Мох пожал плечами:

— Нет.

— А дети на лесной прогулке?

— Это был безнадзорный выход в лес. Я готовился к урокам в библиотеке.

— Стало быть, вина не ваша, — сказал Джонатан. Он стряхнул с рук крошки. — Истории трагические, разумеется, только вряд ли их бремя нести вам одному. — Джонатан налил им обоим ещё вина. — Кстати, мальчик, тот, кого вы так лестно назвали живым существом, его нашли?

— Он объявился годы спустя и помог мне покинуть Брикскольд, а потом помог пробраться обратно в город. Сам я никак не сумел бы сделать этого в той местности. Как раз от него я и узнал о том, что произошло в тот день в лесу.

Джонатан подался вперёд и положил крепкую ладонь на руку Моха.

— Выпейте ещё вина. Я сам его готовил.

И Мох выпил. Он понимал, что пьянеет, но ему было всё равно.

— Те события, о каких вы рассказали, я бы

убийствами не назвал, — говорил Джонатан. — Оставляя в стороне жалкое судопроизводство, подлинное убийство требует умысла.

— Я и до этого дотягиваю. Я убил человека в городе. — Мох пристально следил за Джонатаном. — Негодяя по имени Агнец. — Мох ясно видел, что весть эта собеседника тронула. Было ли промелькнувшее на его лице выражением ярости, страха, облегчения или чего-то другого, Мох сказать не мог.

— Так вот, — проговорил Джонатан уже серьёзно. — Что-что, а о людях судить я хорошо умею. Вы человек хороший, а потому я говорю: этот самый Агнец, несомненно, получил то, что ему подобало.

Некоторое время оба ели в молчании. В конце концов вновь разговорились. Джонатан жаловался на плохой водопровод в часовне, не утихающую битву с мышами, признавался в своей любви к сложным шахматным задачам. Постепенно разговор перешёл на настольные игры вообще. Мох говорил, как эти игры, хранимые в изорванных коробках, служили утешением в тюрьме. Он описывал обыденность своей жизни в ней, некоторых известных ему людей, временное облегчение, какое внесла синиспора в

его то томительное, то буйное существование. Говорил о своих всё нараставших трудностях с наркотиком.

Было уже поздно, когда разговор истощился и замер. На столе стояли три пустые винные бутылки. Мох помог Джонатану прибраться на кухне. Он вытирал тарелки, которые мыл Джонатан, складывал их стопкой у раковины. Каждая тарелка довольно звякала, угнездившись на той, что снизу. Блюда были покрыты пятнами и выщерблены, глазировка на них потрескалась. Мох в жизни предметов видел отражение того, как сам мог бы жить и умереть, влача существование тщательно оберегаемой кухонной тарелки. Он был пьян, движения его были медленными и нарочитыми. Он огорчился, когда работа была закончена и Джонатан зевал уже так, что усомниться в смысле этого жеста было невозможно. Часы, проведённые ими в разговорах, пролетели, казалось, вдвое быстрее, но теперь, когда уже стемнело и ничего не оставалось делать, как следить за Джонатаном, развешивавшим на батарее мокрое посудное полотенце, Мох ощутил, как веки налились тяжестью. Он ни на мгновение не задумывался, где будет спать. Джонатан указал на дверь рядом с кладовкой.

Вслед за Джонатаном Мох одолел пролёт лестницы и попал в простую, но уютную комнату. Матрас на простой деревянной раме стоял возле открытого окна. Из крана рукомойника капала вода, разъевшая эмаль раковины и железо под нею. И опять он в жизни предметов видел своё отражение. Мох высчитывал, где был он, когда устанавливали рукомойник. Был ли он хотя бы рождён? Он сел на край кровати и зевнул.

— Не роскошно, но выспаться тут вы должны хорошо, Убийца, — сказал Джонатан не без добродушия.

— Мох. Меня зовут Ламсден Мох, но вам это уже известно. — Он следил, как отреагирует Джонатан.

Джонатан сделал вид, что обдумывает услышанное с полнейшей серьёзностью.

— Не многим лучше, вообще-то, — выговорил он наконец. Оба мужчины хмуро хмыкнули.

— Я знаю, кто вы такой, Джон. — Мох не собирался раскрывать этого до утра. Просто само выскочило: порыв, подбодрённый спиртным. Джонатан присел на край кровати. Он глянул на Моха повлажневшими глазами.

— Разумеется. Я так и полагал, — сказал он. — Так что, пришёл убить меня?

— Нет, — сказал Мох. — Я тут не за тем, чтобы убить вас. Понятия не имел, что вы тут. Откуда мне было знать? Но раз уж мы нашли друг друга, я и впрямь припас несколько вопросов.

Джон Машина протестующе поднял руку и покачал головой:

— Вопросы ещё хуже.

— Почему?

— В своей жизни я натворил много ужасного. Надругался над теми, кто меня любил. Мои поступки привели к чудовищным последствиям, у меня никогда не хватало силы придержать их наступление. Единственный выход, какой я сумел отыскать, это сделаться призраком.

— Это не выход, это трусость. События не остановить, если отрешиться от самого себя. Вы просто оставляете другим разгребать чёртово месиво.

— Это я знаю. Только в конечном счёте все выравнивается, и жизнь может продолжаться. — Джон потянулся всем телом. — Я отвечу на один вопрос. Всего один.

Мох сердито тряхнул головой.

— Задавай его, — произнёс Джон.

— В тот день на волноломе я впервые в жизни почувствовал себя замешанным в смерти.

Те истории, о каких я рассказал вам, они были ужасными, но они просто подтвердили мои опасения: сквозь меня проходит тёмная нить. Потому как, Джон, откровение вроде этого не просто результат дурного выбора. Оно приходит основательным раскрытием чьей-то истинной природы. Оно отравляет всё, что наступит потом, оно бездонно.

— Ламсден. Один вопрос…

— Вы когда-нибудь любили Меморию? Или она была просто источником дохода?

Джон, похоже, опешил. Он скрестил руки и уставился в пол. И наконец выдавил из себя:

— Да.

— Тогда почему?

— Как ты прозорливо заметил, Мох, я трус. Трусость толкает человека на поступки, которые он никогда не сможет себе простить.

— Вам известно, что она жива?

Джон тяжело вздохнул:

— Да, слышал.

— Я собираюсь найти её. Думаю, она вернулась на остров Козодоя.

— Возможно. Может быть, тебе следовало бы оставить её в покое.

— Вы не первый, кто говорит мне это. Не мо-

гу. Пойдёмте со мной, Джон. Исправим, что можно. — Глаза Моха загорелись внезапной страстью. — Помогите мне найти её. Мы совершим это вместе.

Джон покачал головой, грустно улыбаясь.

— Мне нельзя. Я всё ещё трус, понимаешь? Ты иди, если должен. Я уже стар. Я не в силах больше смотреть на то место. Оно заколдовано. — На лице его выступил пот, кожа всё больше бледнела, обретая жёлтый оттенок. — Я не могу. Прости меня.

— Не знаю, смогу ли, — вздохнул Мох.

Джон взорвался хохотом и выпрямился. Поправил на себе рясу.

— По мне, этого не должно было быть. — Он хлопнул в ладоши. — Хватит россказней на сон грядущий. Мы оба немало выпили. Надо поспать. Я уеду рано. Должен перебираться к себе в монастырь. Тебе я не скажу, где он находится. Пользуйся, чем захочешь, только, пожалуйста, прибери за собой. Мыши, ты же понимаешь. — Уже из коридора, закрывая за собой дверь, он сказал: — Уборная — вниз по коридору, налево.

Какое-то время Мох лежал, уставившись в штукатурку с водяными разводами над кроватью. В углу комнаты паук перебирал свою паутину.

В доме было тихо, зато на улице в отдалении слышалась музыка, которую, казалось, ветер сбивал в комок и уносил прочь. Один раз у него под окном раздался громкий крик, за ним — звон разбитой бутылки и смех.

В комнатке, похожей на келью, Мох чувствовал себя отделённым от потока своей жизни, то погружаясь в сон, то выходя из него, осознавая, что, пока он спал, в окно барабанил дождь. Донёсся далёкий раскат грома, под конец его задрожали створки окна. Дрожание прервало его поверхностный отдых.

Отрешившись ото сна, он сел, опершись спиной о подушку. Бегущая по стеклам вода отражалась на стене — призрак, которому не дано вполне материализоваться. В голове его вновь прокручивался вечерний разговор, и он сожалел, что рассказал Джону о себе гораздо больше, чем собирался. А может, оно и к лучшему. Его излияния были под стать очистительному поту при лихорадке. По наитию он выдвинул ящик небольшого бюро. Там нашёл бумагу и обшарпанную авторучку, которая, скрипя, стала писать после нескольких небрежных росчерков.

Полчаса писал, прежде чем позволил себе признаться, что пишет Имоджин. До этого он пытался

отыскать смысл в событиях последних нескольких дней. Но потом увидел, что забирается всё дальше и дальше обратно во времени, повторяя то, о чём рассказывал Джону. Наконец он выразил свои чувства к ней. Рассказал, что думал о ней всё время, что жалел о том, как они расстались. Мох успел лишь половину рассказать из того, что было у него на уме, когда кончилась бумага. Сложив листы, он сунул их в карман бушлата. Остальному придётся подождать. На улице окна светлели от наступающего рассвета. В доме было по-прежнему тихо. Неужели Джон ещё спал?

С головой, кружившейся от распускающегося похмелья и недосыпа, Мох вышел из комнатки и побрёл по дому обратно, тем путём, каким пришёл. На кухне не было никого, в часовне царили холод и покой. Он стоял в дверях, глядя, как туман его дыхания воспаряет, словно отходящая душа. Пузырёк из-под синиспоры стоял там, где поставил его Джон, гладкое стекло, прижатое к кирпичу. Мох отнёс его к стене с нишами. Среди углублений размером с обувную коробку отыскал одно с открытой дверкой и сунул пузырёк как можно дальше в затянутую паутиной темноту. Через некоторое время, глубоко продышавшись на прохладе, Мох проделал обратный путь к

гостевой спальне. Лёг на кровать, собираясь нагнать пару часиков сна, прежде чем отправиться на поиски Шторма. Стоит ему узнать, где обитает коллекционер, Мох от него избавится.

Проснулся он на много часов позже и трижды испытал удивление. Он был укрыт одеялом, на бюро рядом с авторучкой находился конверт, а ещё в комнате стоял безошибочный запах охваченного пожаром здания.

Пожар в оперном театре

Золочёный театр на прибрежной части городской окраины был объят огнём. Мох следом за зеваками дошёл до прогулочной набережной, как раз когда рухнула крыша. Из каждого окна с рёвом вырывались огненные языки. Пламя ввинчивалось в ясное утреннее небо, а чёрный дым перекатывался по шиферным плитам соседних крыш. Мох стоял спиной к морю, смотря на то, как с неба сыпались горящие бумага и тряпки, устилая улицу мягким пеплом. Люди в панике бегали с места на место, сгибаясь под тяжестью шлангов и вёдер, но тем, кто стоял, чувствуя жар на своих щеках, в чьих глазах отражались сполохи пламени, было очевидно: здание пропало.

Мох безуспешно выискивал в толпе Имоджин или Шторма, хотя раз ему показалось, что он увидел шныряющего среди зевак Зяблика. Зная, что Шторм не устоит перед искушением полюбоваться на шум-гам, Мох нырнул в толпу, разыскивая его.

Он пробежался до менее запруженной народом части набережной, откуда мог оглядывать толпу

с возвышения. Раздались крики, когда часть театра рухнула, обрушив на дорогу кирпичи и куски статуй. Большая часть толпы отпрянула, тогда как охотники за сувенирами бросились хватать дымящиеся осколки, не думая об опасности. У Моха не было времени для такого представления.

Он услышал своё имя — окликал Шторм, который, казалось, был сам не свой. Весь в грязи и всклокоченный. Вместо охотничьего наряда на нём было пальто, усыпанное пеплом. Брюки прорвались в нескольких местах, а руки и лицо были перемазаны сажей.

— Где вас черти носят? — спросил он, подходя к Моху. — Я вас по всему городу разыскивал.

— Что случилось? Вы что, в огне побывали? — выпалил в ответ Мох. Он оглядывался, ощущая неловкость от внимания, которое они привлекали.

— В огне? Да я запалил его, лошадиная вы задница, — сказал Шторм.

Мох схватил Шторма и подтолкнул его к лестнице. И следовал за ним до прибрежной полосы.

— Что значит, вы огонь запалили?

— Я отыскал их, Мох. Отыскал большую чёрную конную карету. Её припрятали позади театра, прикрыв брезентом. Я искал повсюду, но вас не

нашёл. И что мне делать, спросил я себя. Не хотел, чтоб они ускользнули. Мне надо было действовать. И уж я устроил!

Мох тряхнул его за плечи:

— Что вы натворили?

— Я часами ждал, надеясь, что они покажутся. План мой состоял в том, чтобы перестрелять эту проклятую дьявольщину из окна здания позади театра. Но, вы думаете, они объявились? Нет, карета просто стояла там. Тогда я придумал выкурить их.

— Идиот, — застонал Мох.

— Идиот? Да вы неблагодарный негодяй! Я ради вас это сделал! — Шторм вытянулся во весь свой рост, скрестив руки на груди.

— Что сделали-то? Полгорода в огне спалили?

— Как только вполне светло стало, чтобы видеть, что делаю, я полил солому вокруг кареты бензином. Моя, что ли, вина, что в театре столько мусора было? Огонь с соломы перекинулся на декорации, прислонённые к стене; я и сообразить не успел, что к чему, как всё чёртово здание заполыхало. Я думал, что эта ведьма-дьяволица по меньшей мере выскочит, но вместо этого откуда ни возьмись появилось её чудище и уволокло карету. Сильное, как ломовая лошадь. Тогда-то я

и разглядел хорошенько этого чёртова… а, зовите его демоном, если нравится.

— Что вы видели?

— Как я уже сказал, оно взялось совершенно ниоткуда. И состояло изо всяческой ерунды. Кости, тряпки, волосы, опилки — не знаю, что ещё. — Шторм истерично размахивал руками. — У него были самые необыкновенные глаза. Необыкновенные!

— Вы это не ради меня устроили. Вы меня понимаете? Понимаете? Вы сами это устроили. В театре могли быть ни в чём не повинные люди. Где же карета сейчас?

— Откуда мне знать? — Шторм негодующе сплюнул. — Мне свою шкуру спасать надо было.

Мох прижал Шторма к свае. Поднял кулак, чтобы врезать, но в последнюю секунду отпустил его.

— Держитесь от меня подальше, — рыкнул Мох. — Не желаю вас больше видеть. Вы с ума сошли! Нам конец!

Шторм отряхнул одежду и сплюнул на землю у ног Моха.

— Конец, Мох? Мы уже сторговались. Не забывайте этого. Если я своего не получу, вам лучше в Ступени-Сити больше ни ногой, не то конец как

раз вам придёт. Это не пустая угроза. Вы снова окажетесь в брикскольдской тюрьме, где вам и положено быть, уж я позабочусь об этом. — Шторм рассмеялся. — Это в том случае, если «Красная минога» не отловит вас первой. Думаете, они простят вам убийство Агнца? А? Они уже разыскивают вас, Мох. И полиция — тоже.

Мох повернулся к нему спиной и пошёл прочь. Делать из Шторма врага было ошибкой. Он чуял это, как бы зол ни был. Кто знал, какие у Шторма связи или что и в самом деле движет им? Ведь удавалось же Шторму до сих пор как-то выслеживать их. И всё же хитрость, с какой было обставлено его неожиданное появление в поле, похоже, напрочь пропала в этой жуткой оплошности с пожаром. Пропала ли? Не подталкивал ли Шторм Моха к тому, чтоб тот осознанно недооценил его? С их первой встречи в книжном магазине Мох чувствовал, будто им крутят и вертят. Ему даже приходило в голову, что Имоджин, возможно, права, опасаясь, что Шторм входит в «Красную миногу»; может даже, он из тех, кому Агнец поручал приглядывать за тем, что вокруг творится. Мох отнёс рубиновую заколку к совпадению, но, наверное, совпадением это не было. Он дошёл уже до начала лестницы, когда Шторм выкрикнул:

— Удобно, наверное, быть таким болваном.

Мох открыл было рот, чтобы ответить, но потом понял, что ему больше нечего сказать Шторму. В голове лишь одна мысль сидела: найти Имоджин и катить дальше по северной дороге как можно быстрее. Если бы им удалось опередить карету, они сами могли бы найти способ перебраться на остров и отыскать Глазок. Наверняка они могли бы передвигаться по коварной местности острова быстрее, чем Эхо с каретой. Он поднял ногу и взбежал по лестнице.

Большой пожар Оперного театра был, скорее всего, самым захватывающим событием для целого поколения жителей городка. Из-за ажиотажа вокруг рухнувшего здания обезлюдели окружающие улицы. Мох добежал до гостиницы, не встретив ни души, и, задыхаясь, вбежал в ворота. Сердце у него ёкнуло: грузовика на месте не было.

Выкрикивая имя Имоджин, он ворвался в пустой номер. Тот казался сумрачным и незнакомым. Постель была не заправлена, на полу валялась бумажная тарелка с остатками еды. Ручка, вновь собранная, в целости лежала на периле кресла. Мох распахнул шторы и глянул во двор, надеясь, вдруг — каким-то чудом — гру-

зовик вновь появится там. Возбуждение спадало, он пытался думать. Номер был не прибран, но явных следов насилия не заметно. Мох осмотрел стол, надеясь найти записку. И был разочарован. За спиной скрипнул пол. В дверях стояла девочка, дочка хозяина гостиницы, переминаясь с ноги на ногу.

— Это… сэр?

— Да?

— Это вам. — Девочка протянула сложенную бумажку. — Вот… э-э… эта леди велела отдать это вам.

Мох нетерпеливо кивнул, просматривая записку.

Мох!

Сожалею, что мы повздорили. Меня обида терзала. Это единственное оправдание тому, как я поступила, и словам, что сказала. Я что угодно сделала бы, чтобы взять их обратно. Короче, мне тут неспокойно. Я не верю Ш., а мужики, напавшие на нас вчера, разыскивают нас по городу. Знаю, что ты вернёшься, но ждать тебя не могу. Я двину дальше в надежде, что ты меня догонишь: само со-

бой, я не могу вернуться в Ступени-Сити, этот мост мы решительно сожгли. Агнца теперь уже нашли и моё исчезновение заметили. Непременно буду ждать тебя на сужении пути столько, сколько смогу. Если не приедешь, попробую отыскать М. сама. У меня пожар за спиной. Мох, прошу тебя, поторопись. Буду выглядывать тебя на всём пути.

До встречи.

С любовью,

Имоджин.

Мох поднял взгляд:

— Она сама дала тебе это?

Девочка кивнула:

— Я же только что это сказала.

Он положил бумажку в карман и, оттеснив девочку, вышел.

Во дворе заметил старый мотоцикл, прислонённый к стене дома. Девочка нерешительно мялась у него за спиной.

— И что вы теперь делать собираетесь? — спросила она, широко раскрыв глаза, больше от любопытства, чем от испуга.

— Эта штука работает?

— Ещё как.

— Я могу одолжить его?

— Можете, думаю, если только успеете вернуть до того, как мой брат с работы придёт.

— Обязательно, — соврал Мох. — Достань мне ключи, ладно?

— А они в нём торчат. Всегда оставляет, чтоб не потерялись или ещё зачем.

Пока Мох смотрел на неё, у него появилась идея.

— Слушай, а нет тут какого-нибудь оружия, которое я мог бы одолжить, а? — Он театрально корчил рожи, надеясь, что девочка примет это как извинение за те неудобства, в которые он её ввергал.

— Есть, на кухне. Хотите, я посмотрю? — спросила она.

Мох кивнул с терпением, какого в нём не было вовсе.

— Было бы просто здорово, спасибо.

Он проводил её взглядом за сетчатую дверь на гостиничную кухню. Когда она скрылась, он оседлал мотоцикл и ударом завёл двигатель. Машина ожила с рёвом такой силы, которая опровергала все её вмятины и ржавчину. Девочка вышла из кухни с древней винтовкой, заряжавшейся с ка-

зённой части и болтавшейся на ременной лямке, и патронташем.

— Эта подойдёт? — спросила она. — Отец ею крыс убивает, какие на помойку забрались.

Мох двумя руками взял у неё винтовку. Несмотря на почтенный возраст, содержалось оружие заботливо. Он проверил магазин и нашёл в нём семь патронов. Перекинув лямку через голову, повесил винтовку наискосок за спиной.

— Лучше не бывает, спасибо тебе. — Мох дал газу, и мотоцикл тронулся с места. Прежде чем выехать со двора, он, оглянувшись, бросил на девочку прощальный взгляд. Та стояла, раскрыв от восторга рот и зажав уши обеими руками.

У моря

К северу от городка пейзаж с каждой милей становился все более пустынным. Пока мотоцикл тарахтел по крошащемуся асфальту, Мох высмотрел среди качающегося вереска непонятные фермерские постройки. В последние часы дома попадались всё реже. Эти изолированные частички города были серебристыми оболочками, растерявшими свою кровельную плитку в высокой траве, с провисшими внутрь крышами.

Мох выехал на подъездную дорожку скособоченного фермерского дома возле обочины дороги. Дощатая обшивка его была покрыта поблёкшими граффити. Позади стоявшей рядом доильни он ознакомился с боевыми свойствами винтовки. Хотел быть готовым при встрече с какими-нибудь подобиями банды Зяблика. Он произвёл выстрел и едва плечо себе не вывихнул от отдачи. Молочная бутылка, в которую целился, осталась нетронутой. Не желая попусту растрачивать патроны, аккуратно положил винтовку на седло мотоцикла и стал искать воду. Утолять жажду пришлось зеленоватой дождевой водой со дна

цинкового корыта. Каким же он был болваном, отправившись в дорогу без самых необходимых припасов. Вернувшись к мотоциклу, он вспомнил о конверте Джона Машины.

Дорогой Ламсден, я посчитал, что это тебе понадобится.

Джон Машина.

На чёрно-белой фотографии два ребёнка на стене канала у Благоуханного Стока. Мемория повернулась как раз тогда, когда был сделан снимок, волосы её взметнул ветер. Мох лежал на спине с книжкой на груди. Глубоко тронутый, невзирая на свою пожизненную привычку злиться на Джона, он опять вложил фотографию в записку. Смотреть на неё было невыносимо. Несколько минут спустя он выехал обратно на дорогу, чувствуя, что готов, насколько только мог быть готов, иными словами — совсем не готов.

Часы с грохотом летели прочь, монотонно трясло — до самых костей. Море всегда виднелось справа, тогда как на земле поросшие низкой растительностью болота сменялись скалистыми пустошами, а под конец безграничным хвойным лесом. Сквозь деревья воду уже не было видно,

хотя воздух был напоён острым привкусом соли. Проехав по лесу час, Мох вынужден был сбавить скорость: состояние дороги внушало опасения. Дневной свет померк, и меж стволов деревьев надвигался туман. Теперь было ясно, что пройдёт ночь, прежде чем он нагонит Имоджин.

Торопясь уехать, он не взял с собой ничего, кроме винтовки. Надеясь проехать как можно дальше до прихода тумана и темноты, которые сделают передвижение невозможным, Мох поддал газу, однако мотоцикл не рванул вперёд: двигатель чихнул, а потом разом смолк. Мотоцикл прокатился по инерции и остановился. Ещё не веря себе, Мох упёрся ногами в землю и открутил крышку топливного бака. Хотя света было уже мало, чтобы разглядеть, что там внутри, металлический лязг поведал ему обо всём, что требовалось узнать.

— Кретин! — воскликнул он. Деревья заглушали его голос. Несколько невидимых ворон выразили своё сочувствие. — Невероятно. Почему я бензин не проверил? — Дорога впереди уходила вдаль, теряясь среди деревьев. Он откатил мотоцикл на обочину и поставил на подножку, подумав при этом: «Полнейшей глупостью себе же навредил».

Некоторое время Мох стоял, прикидывая возможности. Двигатель мотоцикла потрескивал, остывая. Сова-сипуха с ближайшего дерева следила за человеком, держа в клюве безнадёжно дергавшуюся мышь. Вместе с туманом подступал пронизывающий холод. Того и гляди замёрзнешь. Чем пережидать ночь в лесу, Мох решил идти дальше пешком. Так можно было согреться, а при дневном свете по-настоящему сообразить, что предпринять. Бросив скорбный прощальный взгляд на мотоцикл, он с трудом потащился по дороге, которая сделалась до того разбитой и топкой, что казалась путём в иной мир, вымощенным булыжником.

Лунный свет наполнил туман призрачным свечением. Чем дольше длилась ночь и неповоротливее становились части тела, тем больше Моха охватывало странное чувство, будто шагал он по морскому дну. В полубессознательном состоянии он воображал себя морским существом, пробиравшимся через густую глинистую грязь в лесу из бурых водорослей. Поняв, что засыпает на ходу, он пошарил в бушлате и достал сбережённый косячок. Его ещё Имоджин скрутила. Никотин поможет прогнать дремоту. Он понюхал самокрутку, надеясь, что в ней один только

табак.

Из леса донёсся резкий звук. Мох замер, нагнувшись, так и не донеся спичку до схваченной губами цигарки. Всю ночь слышались какие-то шумы, но он посчитал, что вызывали их падения на землю то ли сосновых шишек, то ли сухих веток. Только тут шумело по-иному: не удар, а хруст, будто под тяжестью кость сухая ломается. Мох прикурил-таки цигарку. От этого одиночество его словно уменьшилось. Уже много часов мысли терзало одно: карета Элизабет. Если она направлялась на Козодой, то ушла ли вперёд или остаётся сзади? Вполне могло быть, что Элизабет верхом на собаке или Эхо были где-то рядом, и в этом случае наполнять воздух табачным дымом, возможно, не стоило. Наверняка они отстали. Эхо не мог передвигаться быстрее. Чудище в своём хомуте тащилось вперёд с неумолимой предсказуемостью вращения Земли. Хотя следы грузовика Имоджин (или какой-то другой тяжёлой машины) какое-то время были заметны, следов кареты не было. Местами обочина дороги была вытоптана тяжёлой поступью. Булыжник выворочен силой машинных колёс. Мох вглядывался в туман, не рискуя кричать. Потом, будто сила его сосредоточенности материализовала

предмет, под соснами появилась фигура большой собаки. И пропала так же быстро, как появилась. Это был не мускулистый пёс, на котором ездила верхом Элизабет, а крупное крадущееся животное с густой шерстью. Волки. Замечательно.

Едва эти мысли успели утвердиться в его сознании, как среди деревьев замелькал свет фар, следом послышался безошибочный звук автомобильного мотора. Мох стоял на возвышении дороги и размахивал руками над головой. Машина одолела поворот и рванула на него, сияя огнями. Водитель не ожидал увидеть кого-то и слишком промедлил затормозить. Мох прыгнул с дороги, а машина вильнула в другую сторону. Её занесло и накренило, она въехала в лес и остановилась в каких-то дюймах от громадного ствола древнего дерева.

Мох побежал к машине. Та увязла в слое хвойных иголок с локоть толщиной. Дальний свет фар глубоко пронзал заросли мелколесья. Он дёрнул ручку водительской двери, но она была заперта. Он застучал в окошко. К его облегчению, водитель зашевелился, и стекло опустилось.

— Ну до чего ж приятно вас видеть! — произнёс Шторм.

Ламсдена Моха мучила головная боль. Она

началась с затылка, проползла по всему черепу и обосновалась на челе. Самодовольство, с каким Шторм отыскал Моха в гуще леса, в милях от всего вокруг, делало его нахождение внутри крохотной машинки непереносимым. Рассвет принёс с собой грозу. Постоянное сверкание молний и хлещущий ливень заставляли двух мужчин сидеть без дела за мокрыми стёклами. Мох отказался от одеяла, которым Шторм предложил прикрыть им обоим колени, однако нехотя согласился взять копчёной сельди из банки и чай из термоса. Когда гроза утихла до моросящего дождика, Мох стал толкать машину спереди, пока Шторм сидел в ней, переключая скорости и давя ногой на газ. Наконец крошка-машина вырвалась из своего пропитанного влагой лесного заточения и выбралась обратно на дорогу. Мох, едва удержавшись на ногах, чтобы не шлёпнуться лицом в землю, опять уселся на пассажирское сиденье и уставился на спутника, губы Шторма тряслись, очки перекосились. Шторм в ответ лишь улыбнулся, растянув свои красные губы, блестящие от селёдочного масла. Чистая правда: в тот момент Мох ненавидел человеческое существо, как никогда прежде.

Уже час, как они ехали по прибрежной дороге,

высвободившись наконец-то из гнетущего леса. Мох, пребывая в дурном расположении духа, смотрел в окошко, устав пялиться на отделанную орехом переднюю панель.

— Причина, по которой вы их не нагнали — я имею в виду карету, — вполне проста, — сказал Шторм.

— Просветите меня, — пробурчал Мох.

— Они сели в городке на шаланду. Просто поразительно, насколько дёшево местный капитан порта с готовностью уступил мне эти сведения.

Такая возможность не приходила Моху в голову. Он повернулся к Шторму.

— Ни одна наёмная шаланда не повезёт их на Козодой.

— Это точно. Такое плавание стало бы самоубийством. В воде полно незакреплённых мин. Они направятся к причалу и тому старому туннелю, о котором я вам говорил.

— Может, Имоджин будет там, — произнёс Мох. Он уже успел рассказать Шторму про пустой номер в гостинице. — Сколько нам ещё осталось?

Шторм притормозил и съехал к обочине.

— Давайте посмотрим. — Оба вышли из машины и потянулись. Мох повесил винтовку через плечо.

Вид был красочный. Они стояли на скале над морем, глядя на отдалённый изгиб суши на севере, который терялся в дымке. Вода была сплошь покрыта белыми пенистыми гребешками и взбаламучена илом, который поднял со дна шторм. Морские чайки, оседлав крутой ветер, взмывали на большую высоту, а потом бросались в волны и выскакивали, держа в клюве серебристую рыбку.

— Посмотрите туда, — кричал Шторм, перекрывая рёв моря. — Видите? — Мох силился разглядеть что-либо там, куда указывал палец спутника. Взгляд его скользил по изгибу суши, пока тот не обратился в тонкую коричневатую линию на фоне олова моря. — С тонкого конца.

Потом он увидел тёмное пятно в океане. Остров Козодоя.

— Вот, возьмите. — Шторм вручил ему бинокль.

Остров всё равно мало чем отличался от пятнышка, плясавшего в затуманенных линзах вверх-вниз. Мох отрегулировал фокус, и остров вдруг стал виден чётко. Из воды вздымались скалы, которые, учитывая расстояние, имели высоту в сотни футов. Одна оконечность выглядела гористой. С точки зрения Моха, остров

формой походил на гигантский слоновий бивень, который он видел в кабинете Джона в зоопарке. Шторм взял из рук Моха бинокль и осмотрел океан вблизи.

— Вон! Там, — разглядел он. И сунул бинокль опять Моху. Мох осматривал воду, пока не увидел шаланду, идущую на север, с каретой, привязанной канатами к палубе. Фигура Эха, в какой нельзя было ошибиться, стояла ровно, словно мачта.

— Если мы будем держать хорошую скорость, то должны прибыть туда первыми. Море неспокойное и будет мешать их продвижению. — Он, щёлкнув, спрятал бинокль в футляр.

Край света

Мысль пройти последние две мили[19] до причала пешком подал Мох, не видевший смысла в том, чтобы возвещать их прибытие. Местность и без того не отличалась гостеприимством, а тут ещё поблизости могли оказаться и другие люди. Если таковые будут, то Мох хотел бы обнаружить их первым. Ещё ему нужно было наблюдать за подходом шаланды из какого-нибудь удобного укромного места, а делать это из машины было бы невозможно.

Мох понял, что «сужение пути» означало туннель, ведущий на остров Козодоя. Имоджин пришлось бы бросить грузовик. Заходить же в туннель одной опасно. Она написала, что намерена ждать его, но появление шаланды многое меняет. Имоджин не позволит Элизабет с Эхо войти в туннель первыми. Представляется идеальная возможность устроить западню, с тем чтобы спасти походный сундук. Иллюзий у Моха не было: такой схватки Имоджин не пережить. Им, Моху и Имоджин, обязательно надо соединиться до

---

[19] Сноски: 19
Примерно 3,2 км (*прим. пер.*).

того, как карета выгрузится на сушу, а именно это казалось всё менее и менее возможным.

Мох стоял на обочине по колено в прибрежной траве, продолжая наблюдать, а Шторм тем временем прятал машину в ивовой рощице. По одну сторону дороги поросшие травой и мелким кустарником дюны вздымались до далекого водораздела, за края которого цеплялись деревья со свисавшими наружу корнями. Такие же дюны простирались и по другую сторону дороги, скрывая из виду море.

Шторм появился из рощи с рюкзаком и своим ружьём.

— Вы готовы? — спросил Мох.

— Да, я готов, — улыбнулся Шторм. — Вам не стоит обо мне беспокоиться. Что бы ни случилось, вы ведь не забудете о нашей договорённости? Когда с этой самой Элизабет и её демоном будет покончено, рисунки и книга станут моими. Я жду от вас верности своему слову.

— Мы попусту теряем время, — сказал Мох, уже вышедший на дорогу.

— Тогда ведите. Каков ваш план?

Мох не обратил на эти слова внимания, решительно шагая и внимательно выискивая в дюнах признаки движения. Шторм последовал за ним,

шаркая подошвами по гравию.

За поворотом дороги они вышли к грузовику Имоджин, стоявшему на обочине. То, что он был на виду, встревожило Моха. Было в этом что-то от заброшенности. Трава вокруг грузовика была примята. Сидевшая на брезенте кузова хищная скопа взлетела. Пронеслась над дюнами к засохшему дереву. Брезент слабо колыхался от ветра. Мох выждал, но больше никакого движения в грузовике не было.

Он подошёл сзади, указывая, чтобы Шторм оставался на страже и прикрывал его. Придерживаясь места, которое, по его расчёту, не просматривалось кем бы то ни было сидящим в кабине, Мох побежал, крепко сжимая в руках винтовку. Присел у заднего борта кузова и прислушался. Ритмичное постукивание брезента о металл стало громче, но внутри не было слышно ни звука. Он осторожно пошёл на корточках со стороны водителя, внимательно поглядывая на зеркало. Пройдя быстро, встал и сунул винтовку в открытое окно. Кабина была пуста. Видны были следы торопливой трапезы. Ключи свисали из-за противосолнечного щитка, это позволяло считать, что Имоджин оставила машину без паники. Что же тогда заставило Имоджин оставить грузо-

вик полностью на виду? Рядом появился Шторм.

— В кузове никого, — сообщил он. Что-то в том, каким тоном это было сообщено, обратило на себя внимание Моха. Похоже, у Шторма появился объект заботы, который он сам не заметил. — Так что?

— Она делает то же самое, что и мы, — сказал Мох. — Идёт пешком, чтобы не выдать себя, стараясь хорошенько ознакомиться с местностью. — Мох оглядел дюны. — Ветер дует с воды. Мы заберёмся туда, уклонившись от прямой дороги на причал. — Он указал на лежавший на боку траулер, наполовину занесённый песком. — Вон туда, к холму позади той развалины. Нам следует сохранять возможность наблюдать, а самим оставаться невидимыми.

На полпути к траулеру Шторм тронул Моха за плечо и указал на точку по другую сторону дороги. Разглядеть можно было только старый грузовой фургон, свезённый в кусты.

— Мы не одни? — спросил Шторм.

Оба шагали по траве, стараясь не проглядеть и обойти рваные осколки, которые лезли из песка, казалось, во всех мыслимых направлениях.

— Он ещё с войны, — громко произнёс Шторм.

— Говорите потише.

— Эти берега перепаханы шрапнелью от обстрела когда-то стоявшего здесь морвокзала. Вероятно, в песке до сих пор полно всякой готовой взорваться гадости, так что хорошенько пораскиньте умом. Вы уверены, что нужно идти именно этим путём?

Мох продолжал шагать.

— Тогда вы первый. Я здесь гость. Если услышите щелчок, не поднимайте ногу, пока я хорошенько не укроюсь.

Они миновали траулер, пробираясь в осыпающемся песке к краю дюны. На вершине на них набросился жгучий ветер, резко возрос шум океана, похожий на ритмичные электрические разряды, почти невыносимые на пике мощности. Вдали в море за стаей качающихся на волнах бакланов по чёрной воде плыл дом. Он всё крутился и крутился в вихревом водовороте, неустойчивый и разваливающийся. Порыв ветра ударил во всё тело Моха. Тот отвернулся, прикрывая лицо: ему никогда не удавалось дышать легко под сильным ветром. Держа винтовку между колен, он закрывал уши, пока вой от шума внутри не был приглушён рёвом океана. Издавна знакомое завывание волн позволяло ему унять расходившиеся было нервы. Выравнивая дыхание, он

следил за Штормом, который в нескольких шагах от него вычищал из глаз песок. В воздухе запахло мертвечиной. Мох постепенно отнял руки от ушей, вполне способный переносить шум. Дом в море пропал, как и не бывало.

Воспользовавшись полоской перекрученных хвойный деревьев, они сумели добраться до вершины, откуда был виден причал. Тот своей кирпичной кладкой выдавался в море, как поражённый артритом палец. На идущей вдоль берега дамбе стоял Радужник, голова которого была укутана в чёрную ткань. Оцелусы кружили вокруг него на дистанции семи футов[20]. Мох краем глаза заметил, как Шторм внимательно вглядывался в его лицо: ждал реакции. Имоджин была поодаль, тоже на дамбе, но там, где она продолжалась по другую сторону причала. Она разглядывала море в военный бинокль, знакомый Моху по снаряжению в грузовике. Она опустила его на грудь и, сложив пальцы, свистнула Радужнику. Вытянув руку, словно пистолет, указала на что-то в море. Тот медленно склонил голову, но не посмотрел: ему давно уже было известно то, что она разглядела. Мох до того

---

[20] Сноски: 20
Немногим более двух метров (*прим. пер.*).

засмотрелся на друзей, что едва не пропустил появление шаланды. Было ясно видно карету, привязанную к палубе тяжёлыми канатами. Эхо расположился на носу: чудище вместо резной фигуры. Радужник нерешительно шагнул вперёд.

Судно опасно накренилось на волне, канаты на пределе удерживали карету. Вода заливала палубу. Разлохмаченные тракторные шины, развешанные по борту шаланды, были единственным, что защищало её при соприкосновении с древним камнем причала.

Шторм шагнул вперёд, выйдя из-за деревьев. Мох рванул его обратно.

— Не сейчас, — сказал он. Шаланда была ближе к берегу, чем он ожидал, и Радужник, похоже, решился на противоборство.

Взгляд Шторма словно говорил, что он готов бросить вызов Моху, но вместо этого он отошёл на несколько шагов назад. Мох, отступив, присоединился к нему, прячась за стволом самого большого дерева.

— Они ждут шаланду, — сказал Мох. Сквозь ветки судно казалось похожим на игрушку на фоне моря и темнеющего острова Козодоя вдалеке. — Туннель далеко отсюда?

— С милю. Может, меньше.

— Почему они не прячутся? — задался вопросом Мох, не ожидая ответа.

— Женщина прячется, — сказал Шторм.

И это было правдой. Имоджин передвинулась в тень старой лебедки, установленной на круглом бетонном блоке. Она стояла, не двигаясь, прильнув к ржавому колесу диаметром вдвое больше её роста. Шторм протянул Моху свой бинокль.

— Подруга ваша выглядит не очень-то.

Это-то Мох мог разглядеть даже без бинокля. Радужник прошёлся по дамбе и поднялся на причал. Сделал несколько шагов и пал на колени, будто для молитвы. Оцелусы сплотили свой круг.

— Что он задумал? — гадал Мох.

— Когда они свезут эту карету на причал — вот где наш шанс. Нам нужно нанести им удар до того, как они сориентируются, но не раньше, чем шаланда отойдёт назад. Нам нужно, чтобы за их спинами была вода. — Шторм чертил схемы на песке. Мох не обращал на него внимания.

— Он намерен побороться с ними, — произнёс Мох.

— Это было бы большой ошибкой. Он не соперник этому чудищу. Я сам убедился в его силе. Оно в клочки его разорвёт.

Вода с поразительной мощью заливала прилив-

ную полосу берега, поглощая лужи и покрывая обсиженные казарками скалы. Шаланда неуклюже переваливалась с волны на волну. По-видимому, на её борту было всего два члена команды. Они двигались по палубе, готовясь причалить. Дым, валивший из единственной трубы, несло ветром на берег. Мох заметил третьего моряка в рулевой рубке, напоминавшей скорее сарайчик из гофрированного металла.

Мох вышел из-за деревьев и заскользил по обращённому к морю склону дюны, направляясь к причалу. Голову будто обручем сковало. Он вцепился в винтовку обеими руками, чтобы они перестали дрожать. Для него больше не существовало Шторма, меньше всего его заботило, идёт тот за ним или нет. Опасность и ужас того, что он задумал, переносить ему одному. Он встанет плечом к плечу с Радужником.

Почва стала твёрдой. Он побежал вдоль основания дюны и присел, согнувшись, за дамбой. Имоджин находилась меньше чем в двух десятках шагов, но была до того поглощена событиями, разворачивавшимися на причале, что не заметила его. Шаланда добралась до причала и прильнула к кирпичной кладке. Скрежет раздался оглушающий. Столб воды вознёсся высоко

в воздух и осыпался дождём на Радужника. Тот, казалось, этого и не заметил. Канаты, державшие карету, натянулись. Эхо влез в свою упряжь. Один из матросов вскочил на край борта и прыгнул на причал. Другой бросил ему причальный конец. Намотав его на плечо, первый затрусил вдоль шаланды. Было видно, как третий матрос суматошно выскочил из двери своего сарайчика. Клуб дыма вырвался из трубы, когда замолк двигатель и движение судна замедлилось. Наконец шаланда причалила, сокрушая защитные шины о кирпич причала. Матросы разнесли тросы на два причальных кнехта. Когда тросы были закреплены, матросы вскочили на палубу и вытащили металлические сходни, перекрыв ими пространство между шаландой и причалом. Криком оба матроса подавали друг другу команды. В голосах их явно ощущался страх: работать приходилось в состоянии, далёком от устойчивости. Они умело освободили карету от пут и выбили клинья из-под колес. Когда все канаты спали, Эхо налёг на упряжь. Карета двинулась вперёд. Матросы, работая, старательно отводили взгляд. В дюжине шагов от Эха теперь стоял, опустив руки, Радужник. В мрачном свете над его головой оцелусы зло горели каплями расплавленного серебра.

Крутая волна с силой ударила в судно. Эхо вновь напрягся, таща за собой карету. Та мучительно, шатко и валко сползла по металлическим сходням на причал. Как только она освободила шаланду, матросы сняли канаты с кнехтов. Винты вспенили воду, и шаланда отошла от причала в облаке дизельного дыма, бросая сходни, которые полетели в тёмную воду. Матросы даже голов не повернули, чтобы посмотреть, что за беду вызвал их отход.

Карета покатилась по причалу. Подвеска и обитые сталью колёса нещадно скрипели под кузовом. Морские водоросли, зацепившись за резные украшения, тащились следом за каретой. Радужник пошёл ей навстречу.

Времени бежать уже не было. Мох вскинул винтовку к плечу. Задержав дыхание, он прицелился в Эхо, совмещая его голову с прорезями мушки на стволе. Ладони его, державшие винтовку, покрылись потом, пришлось поменять хватку. Он слегка надавил на спуск. Высокий неумолкающий визг в ушах, казалось, грозил разорвать ему череп. За спиной взревел двигатель. Мох не обратил на него внимания, посчитав за акустический выверт, порождённый отходящей шаландой. Закричала Имоджин. Опустив винтовку, Мох

обернулся. Впереди длинного облака пыли на них мчался грузовик Имоджин. За ветровым стеклом, заляпанным грязью, виднелось лицо Шторма — ошибиться было невозможно. Он направлял грузовик на причал, но слишком уж быстро мчался. Ещё несколько мгновений, и он сшиб бы Радужника. Мох, не целясь, пальнул в грузовик, но пуля пролетела мимо. Вторая пуля разнесла ветровое стекло на тысячу осколков, но не смогла остановить движения машины.

— Беги! — гаркнул Мох Имоджин. Сам побежал, размахивая руками и крича, но голос его потонул в грохоте грузовика, въезжавшего на причал. Мох прыгнул и приземлился на каменистом песке. Имоджин пропала за стеной пыли. Шторм потерял управление. Грузовик сильно накренился влево. Летя по инерции, он завалился набок, сорвав брезентовое покрытие кузова, и отправил в воду кувыркавшиеся ящики и оборудование. Большой кусок престарелого причала, не выдержав веса, рухнул под остановившимся грузовиком, кабина ушла под воду, колёса крутились в воздухе.

Мох замер. Из оцепенения его вывели крики Имоджин. На одной стороне разрушенного причала Эхо изо всех сил вытаскивал карету на

прочную поверхность. Нос её был опасно задран, и какое-то время казалось, что она неминуемо упадёт в воду. Внезапно карета выправилась, с её древней подвески дождём посыпалась ржавчина.

Радужник лежал недвижимо на земле перед Эхом. Его либо грузовиком ударило, либо летавшими обломками. Мох с ужасом смотрел, как распахнулся плащ Эха, и из переливчатой пустоты внутри тела демона выпросталась Элизабет. Движимая одной-единственной целью, она направилась к Радужнику. Обе её руки сжимали меч. Дойдя до тела, она уселась ему на ноги и разрезала на нём одежду. Не колеблясь, опустила клинок и, проткнув живот, направила вверх, взрезая весь торс, будто рыбу разделывая. Жидкость брызнула ей в лицо. Имоджин завизжала, но Мох её не видел. Радужник буйно забился на обшарпанных камнях, когда Элизабет запустила руку в отверстую рану. Мох побежал к ним, крича и швыряясь камнями. Исполнив задуманное, Элизабет, пошатываясь, отошла от Радужника, держа в одной руке какой-то чёрный орган, опушенный пульсирующей филигранью белых живых нитей, а в другой руке меч, который тащила за собой. В первый раз взглянула она на Моха. Даже издали

ему было видно выражение торжества на лице, с каким она смотрела, как он швыряет камни, как катятся по его щекам слёзы. Мох споткнулся. С проворством обезьяны Элизабет вспрыгнула на крышу кареты и исчезла в отверстии наверху. Эхо, остававшийся все это время недвижимым, отшвырнул тело Радужника в сторону и потащил карету на сухую почву, объезжая перевёрнутый грузовик.

Мох думал только о своём друге. Стряхнув с себя песок, он быстро покрыл расстояние до причала, не обращая внимания на развороченные кирпичи и торчащую арматуру. Радужник лежал на боку и едва дышал. Оцелусы кружили над ним в воздухе.

— Радужник, — произнёс Мох. Он не знал, что ещё можно было сказать. Ясно было, что жить другу оставалось секунды.

— Мох, теперь я вспомнил всё. Имя, произнесённое ею на Полотняном Дворе, оно позволило вспомнить, кем я был, — выговаривал Радужник. Мох взял его за руку, но Радужник вырвал её и прижал к ране. — Времени на представления нет. Мне нужна твоя помощь.

— Что угодно, — выговорил Мох сквозь жгучую боль. Рука была холодной, как море.

— Отнеси тёмный камешек на могилу моей сестры в Глазке.

— Сестры?

Радужник закрыл глаза и едва заметно повёл головой.

— Аурель… в Глазке. Это очень важно.

— Радужник, какая сестра? — кричал Мох, обхватив ладонями голову друга. — Какой камешек? Я ничего не понимаю. — Мох встряхнул Радужника, но друг был мёртв.

Когда Мох осторожно опустил его голову на землю, то почувствовал, как что-то забегало по его коже. Невзирая на горе, он отдёрнул руку и принялся с силой оттирать её о рукав. Что-то поднималось от обнаженной кожи Радужника. Что-то, похожее на пар или очень мелкую пыль. Мох отпрянул, но пыль уже осела на волосах его рук. Она вызывала зуд. Зуд чувствовался и в глазах, от него веки краснели, вспухали и тяжелели. Через некоторое время тело Радужника утратило отчетливость, словно бы разлеталось вокруг в форме мелких частиц. Они проникли Моху в гортань, вызвав удушье. В панике он попробовал встать, но сумел подняться лишь на четвереньки. Когда же он попытался позвать на помощь, то обнаружил, что голос пропал.

Имоджин бежала к Моху, зовя его по имени. Мох с трудом поднялся на ноги. Одежда Радужника валялась на земле, но тела его нигде не было видно. Не осталось и следов таинственной пыли. Растерявшись, Мох подбежал к краю причала и неистово вглядывался в набегавшие волны, но видел одни лишь обломки ящиков с грузовика. Он облазил груду кирпича, образованную обрушением, держась за арматуру, резавшую ему руки. Он выкрикивал имя своего друга, пока не охрип. Когда он, забыв об опасности, едва не свалился в воду, то опять забрался туда, где было поустойчивее. Он помнил, как призрачная пыль липла к волосам на его руках. Отчаянно ища подтверждение пережитому, он пристально рассматривал руки. Ничего. Он отвернулся, дрожа под налетавшим с моря ветром, терпеть который уже почти не было сил. Имоджин ждала поблизости, волосы у неё спутались и намокли, лицо сковало выражение, бывшее отражением его горя. Не говоря ни слова, он подошёл к ней. Через некоторое время она нежно отстранила его.

— Мы его потеряли, — выговорил он, борясь со слезами.

— Мох. Смотри, — произнесла она, глядя мимо него.

— Что там?

Взгляд её метнулся в сторону, и она отошла. Повернув голову, Мох увидел, как слева от него в воздухе висел тёмный оцелус. Каким-то образом он сам высвободился. Едва дыша, Мох простер руку ладонью вверх. Камень мягко опустился на ладонь. Из сплетения пальцев, как из клетки, он рвался наружу — к острову Козодоя.

Навыворот

Шторм стоял по пояс в ледяном океане и верещал, как безумный. Руки у него были заняты вещами, выпавшими из грузовика. Мох понять не мог, как этот человек выжил в катастрофе, но жалел, что тот выжил. Он нянчил винтовку, извлечённую из песка, и убедился, что в ней ещё остались патроны.

— Ты ничего не смог бы поделать, — сказала Имоджин. Она стояла на дамбе, держа у ног походный сундук. Они выловили его из воды после бесплодных поисков Радужника. Волосы её затвердели от солёной воды и песка.

— Знаю, — вздохнул Мох. Он погрузился в глубокое раздумье и весь прошедший час мало на что был способен, кроме как вглядываться через воду в остров Козодоя.

— Я его тут нашла, — рассказала Имоджин и улыбнулась. — Сам он добрался сюда на старом хлебном фургоне. Представляешь? Удивился, по-моему, увидев, что я одна, и много не говорил, только о том, что ему нужно попасть в монастырь на Глазке. Он искал туннель, о котором рассказал

тебе Шторм. Знаешь, она ножом его ударила после того, как Агнец заявился на Полотняный Двор. Он был очень слаб. По-моему, понимал, что у него осталось очень мало времени.

Сразу Мох не ответил. Наконец заговорил:

— Интересно, откуда он узнал про туннель?

— Он есть на картах.

— Каких картах?

— Радужник рассказал мне, что наведался в твой старый дом после того, как ушел с Полотняного Двора, взглянуть на какие-то старинные карты. — Имоджин пожала плечами. — Когда я сказала ему, что видела, как карета Элизабет покинула город на шаланде, он настоял на том, чтобы подождать и встретить её.

— Он хотел сразиться с ними? — спросил Мох.

Имоджин покачала головой:

— Нет. Сначала я так же подумала, но он хотел поговорить с Элизабет. У него были вопросы о его прошлом, на которые ему нужны были ответы. Он считал, что сможет убедить её.

— Но зачем?

— Я пробовала отговорить его от этого. — Имоджин села на дамбу, стараясь скрыть слёзы. Мох сел рядом. — Со мной всё в порядке, — сообщила она. — О чёрт, вот и он идёт.

Шторм прошёл по склону от кромки воды и бросил на землю кучу вещей.

— Остров сокровищ, — сказал он. Вид его оставлял желать лучшего: лицо осунулось, глаза покраснели от лопнувших сосудов. В бороде застряли водоросли. По левой стороне туловища тянулись полоски засыхающей крови. Мох нагнулся и взял из кучи у своих ног сумку на лямке. Сумка была сухой.

— Где вы это нашли? — Имоджин взяла у него сумку обеими руками и вытащила «Певчих птиц острова Козодоя».

— А-а, я её в грузовике нашёл, — выговорил Шторм, тяжело дыша. — Совершенно сухая после всего происшедшего. Вы её не получите. Она моя, по условиям нашей сделки. Кстати, и этот короб, и его содержимое — тоже мои. Мы сделку заключили. Расскажите ей, Мох. — Шторм указал на сундук.

— Катитесь к дьяволу, — вспыхнула Имоджин. Она встала и закрыла сундук собой. — После того что вы натворили? Вам не видать их никогда. Ничего вы не получите. — Дрожащая улыбка тронула губы Шторма. Во рту у него было полно кровоточивших зубов.

— О, я получу. Мы сделку заключили. Нашу

сделку. Скажите ей, — настаивал он, глядя на Моха.

— Не было никакой сделки. Это вам показалось, — сказал Мох. Сжав кулаки, он пошёл на Шторма. — Вы тут только то и наделали, что всё стало хуже. Вы болван, Шторм. Вы помогли как раз тем, кого мы пытались погубить.

Шторм широко раскрыл рот.

— А как быть со всем тем, что я для вас сделал? — Голос у него был дрожащий, умоляющий. — Вы до сих пор блуждали бы по лесу, если бы не я. Уж как самое малое, я дело к главному подтолкнул, отпугнул их. Такое точно стоит награды! — Гримаса боли исказила его лицо. — Ой, я должен сесть. Так голова кружится. — Шторма повело назад, и, сделав несколько неуверенных шажков, он, как начинающий ходить карапуз, плюхнулся и сел, вытянув ноги. Внезапно он бросился в прыжке на сундук, но здорово промахнулся. — Миленько, — произнёс он, загребая пальцами песок. — Так миленько. — И откинулся на бок. Песок тоненькими струйками сыпался у него из кулака.

Когда Шторм перестал дышать, Мох присел около него на корточки и обыскал карманы. Из внутреннего кармана заляпанного кровью пиджака он извлёк большой кожаный бумажник.

Поверхность его покоробилась, приняв форму хранившихся внутри документов. Мох раскрыл его, ожидая увидеть деньги или личные бумаги.

— Что это? — спросила Имоджин, встревоженная выражением лица Моха.

— Он был копом, детективом. Смотри. — Мох развернул бумажник и показал ей щедро украшенный печатями документ. В центре бумаги красовалась чёрная лошадь — эмблема Полицейского управления Ступени-Сити.

— А значит?

— А значит, он все время играл нами, — вздохнул Мох. Он посмотрел вниз на дюны, наполовину ожидая, что из-за них появится цепочка полицейских. — Должно быть, время своё экономил, используя нас, чтобы увидеть, что ещё он мог бы раскрыть.

— Или пользоваться расследованием для тайного пополнения своей коллекции, — презрительно бросила Имоджин.

Мох вернулся к карманам Шторма. На этот раз он извлёк чёрную записную книжку с пружиной по верхнему краю, листы которой удерживала посредине податливая резинка. Мох взялся листать странички, подтверждая свои подозрения, время от времени он задерживался, чтобы про-

честь ту или иную запись. Имоджин нетерпеливо подтанцовывала у него за спиной.

— Ну что? — теребила она.

— Он всё подробно описывал. Видишь, тут начинается с признания, что книготорговец Оливер Таджалли в ходе допроса показал, что судье Хабиху Сифорту была продана определённая контрабанда — редкие книги. — Мох быстро пролистал странички. — Вот, тут говорится… трам-трам-трам… некий представитель судьи Сифорта, нанятый на работу, Ламсден Мох, беглый узник из брикскольдской тюрьмы. Мох действует под именем Джозефа Леса. Мох, по-видимому, приобретает контрабандный антиквариат от имени судьи Сифорта. — Мох сунул записную книжку и бумажник в карман бушлата. — Ему, похоже, достался, как говорится, не тот конец палки.

— Может, как раз Сифорт и был центром его расследования? — предположила Имоджин.

— Может быть, поначалу. Я вот думаю, не надеялся ли он набрести на нечто куда более интересное, нечто более существенное для него лично? Последние несколько дней он явно действовал в одиночку. Как человек, увидевший нечто, что ему хотелось прикарманить.

— Никто, будучи в здравом разуме, такого не натворил бы, — сказала Имоджин, оглядываясь.

— Я вот думаю, когда именно он сообразил, кто я такой… — произнёс Мох.

— Теперь это не важно, — заметила Имоджин. — Он больше нам бед не доставит.

Мох поднял на неё взгляд:

— А в этом я не так уверен. Нет способа узнать, кому он рассказал о нас, или не работал ли он с кем-нибудь ещё.

— Понимаю, — кивнула Имоджин. — Теперь уже «Красная минога», наверное, выяснила, что Агнец мёртв, а полиция, несомненно, нашла то, что осталось от Оливера. Возвращение никогда не было возможным, так?

— Сожжённые мосты, — напомнил Мох её записку. Ногой он перевернул Шторма так, чтобы больше не видеть его лица. — Мы собираемся найти Меморию, и я собираюсь отнести этот оцелус в Глазок. Это мой долг перед Радужником.

— Время года меняется. У нас подходящих шмоток нет.

— Ты говоришь, что не хочешь идти? — спросил Мох.

— Да нет же, чёрт, — игриво бросила Имоджин. — Ты забыл про третье.

— Третье?

— Нам ещё надо ведьму убить. — Она указала на походный сундук.

— Но прежде нужно сжечь это, потому как, что бы там ни случилось, этого дерьма она увидеть не должна.

Под прикрытием дамбы они развели костёр из мусора, собранного на берегу. Мох раскрыл сундук и извлёк из него рисунки. Их он бережно положил в свою наплечную сумку рядом с «Певчими птицами острова Козодоя». Когда это было сделано, Имоджин помогла Моху закатить сундук в огонь. Он почти ожидал увидеть, как из пламени с воем вылетят злые духи, но в конце концов поднялся лишь большой клуб чёрного дыма, и раздались хлопки. Пока сундук горел, Мох подобрал одежду Радужника с причала. Он положил её в огонь вместе с бумагами Шторма и задумался, что делать с трупом Шторма.

Сожжение тела заняло бы слишком много времени и потребовало бы куда больше дров, чем они могли собрать. В конце концов избрали для захоронения уединённое местечко, весьма далёкое от прибрежной полосы, и воспользовались походной лопатой, которую нашли среди обломков грузовика. К тому времени когда Мох

закончил, Имоджин уложила в пару рюкзаков всё необходимое для их путешествия.

Муки адовы

Несколько часов Мох с Имоджин отыскивали вход в туннель, и навели их на путь к нему жёлто-чёрные осы. Осы одна за другой вылетали из отверстия в земле, скрытого в зарослях золотарника. Вялые на осеннем воздухе, они отлетали на небольшое расстояние и карабкались по окружающим растениям. Осмотр места показал, что осиное гнездо было пристроено к вентиляционному колодцу, от решётки которого несло протухшими яйцами. Поблизости нашли они и рельсовые пути под слоем разросшихся вьюнков. Рельсы шли между опорных стенок до входа в туннель. Над ним были вырезаны закопчённые сажей буквы: «КОЗОДОЙ». Барьер из арматуры, когда-то приваренный здесь для предотвращения прохода, был насильно сломан и прибит к одной стороне.

Имоджин зажгла керосиновую лампу, спасённую с грузовика. Несколько минут поисков были вознаграждены: отыскался фонарь тормозного кондуктора, лежавший на боку у самой стены. Мох налил в него немного керосина из лампы.

Стеклянная оболочка фонаря треснула, но, когда Мох поджёг фитиль, туннель осветило красным светом. Вглядываясь вдаль, они разглядели круги дневного света, проглядывавшего вдоль редеющих связок. Проникал свет через такие же колодцы, как и тот, что облюбовали осы. За пределами дневного света туннель шёл вниз под уклон, воздух сделался влажным и холодным. Мох глянул на сочившийся влагой потолок и прикинул вес толщи моря над ним.

— И что? — неуверенно произнесла Имоджин.

— Этот путь — единственный, — сказал Мох.

Идти было нелегко. Участки, залитые ледяной водой и затоплявшие целые секции рельсового пути, попадались часто. Одолевали их, устраивая пешеходные мостики из свалившихся обломков. Трудно было вообразить, как карета Элизабет одолевала этот путь. Потребовалась бы огромная сила, и тем не менее доказательство было налицо, колеи от колёс, заполненные маслянистой водой. Страх натолкнуться на карету в туннеле вызвал недолгий спор. Мох хотел потушить фонарь с лампой и пользоваться только маленьким электрическим фонариком из грузовика. Имоджин возражала. Решено было, что без основательной освещённости риск падения или

ещё какого-нибудь несчастного случая окажется слишком большим. Компромисс был достигнут: погасили керосиновую лампу. Путь продолжили в пузыре красного света от кондукторского фонаря. Решив вопрос с освещённостью, они пошагали как могли энергично. Шли бок о бок, поначалу молча, каждый погрузившись в свои собственные мысли. Но некоторое время спустя взялись за руки и торопливо заговорили о минувших днях. Вода беспрестанно капала на них, ветер с вежливой настойчивостью прижимал одежду к телу. Прошёл час. Затем другой. Моха какое-то время била сильная дрожь, но потом и это прошло. Внезапно туннель резко свернул влево. Мох, который устало тащился, упершись взглядом в рельсовый путь перед собой, и видел себя в мечтах мальчиком, читающим книжку на дереве, расслышал своё имя.

Он остановился, поняв, что Имоджин выпустила его руку. Поднял фонарь над головой. Туннель расширился до большой естественной пещеры. Имоджин стояла возле рельсов, скрестив руки на груди. Качающийся красный свет прошёлся над десятками лежавших на земле скелетов. Они были одеты в распадающуюся военную форму. Вокруг во множестве валялись пустые канистры

из-под горючего. В некоторые вцепились одетые в перчатки руки. «Самоубийство», — подумал Мох. Он опустил фонарь и обнял Имоджин. Стояли, обнявшись, и через плечо друг друга постигали всю печаль этого места, пока — по молчаливому согласию — не продолжили путь, не в силах больше выносить этого.

Через милю-другую[21] наткнулись на ящики с боеприпасами, прохудившиеся бочки, вонючие лужи горючего и смазки, а также части техники, узнать которую не смог ни один из них. Понимая, что фонарь может вызвать взрыв, задерживаться не стали. Пройдя чуть дальше, поделились друг с другом печеньем, уцелевшим при крушении, и захотели хоть чем-то запить его. Мох подумал о том, как они будут пополнять запас еды, когда выберутся из туннеля. С собой, в котомках, что они несли, упрятано было немного: несколько банок консервов и набор высушенных блюд в пакетиках. Имоджин закупила кое-какие припасы в поселке, но большая их часть пропала, когда грузовик сбросил свой груз в море. «Я с пути не сверну», — эту фразу Мох повторял про себя бесконечно, однако чашка кофе была бы делом

[21] Сноски: 21
Миля равна 1609 метрам (*прим. пер.*).

расчудесным.

Ещё мёртвые. Ещё ржавеющие боеприпасы. Ни у Имоджин, ни у Моха часов не было, но вместе они сошлись на том, что отшагали шесть часов. Пока пробивались дальше, Мох прикидывал в мыслях всё, что можно было бы сделать за шесть часов без того, чтобы шагать по колено в ледяной воде.

Наконец вышли на сухое место и решили отдохнуть. Мох уговорил Имоджин лечь первой и укрыл её их единственным одеялом. Её голова покоилась у него на коленях, а он сидел в красном свете и писал на полях «Певчих птиц острова Козодоя». Странички книги отсырели. Он бездумно гладил Имоджин по голове. Волосы её коробились у него под пальцами. Ухо её было красным. Он попробовал убрать прядку у неё со щеки, но волосы прилипли к коже. Имоджин не шевелилась. Её вполне можно было бы принять за мёртвую. У Моха от сердца отлегло, когда она открыла глаза на минутку и повела ими вокруг, так и не проснувшись по-настоящему. Он улёгся рядом с ней и попытался вникнуть в смысл распада Радужника. Раз за разом он воскрешал в памяти неистовство действий Элизабет. Имоджин сжала его руку.

— Я видел твоего отца, — произнёс Мох. И рассказал ей обо всём.

— Не удивляюсь, что он всё ещё жив. Впрочем, для меня он уж много лет как мёртв, — холодно заметила Имоджин. — Он, видишь ли, прав.

— В чём?

— Он трус.

Конец туннеля подступил неожиданно после ещё нескольких часов ходьбы. Уклон пошёл вверх, воздух слегка потеплел. Появился яркий круг. На него было едва ли не больно смотреть после стольких часов почти в темноте. Теперь, когда появилась зримая цель, они задули фонарь. Ближе к выходу спрятали оба светильника в нише, накрыв их прогнившим брезентом.

— Глазам не верю, — произнёс Мох, выходя из туннеля.

— Снег! — ахнула Имоджин.

Мох пошёл обратно к огню. Примерно в миле от выхода из туннеля среди деревьев они нашли крохотный фургончик. Всё ценное с него давным-давно сняли и унесли, зато осталось то приятное преимущество, что фургончик был почти незаметен с любой стороны благодаря похожему на чашу углублению, в котором находился. Мох от-

ходил проверить, виден ли дым. Хотя местность и выглядела пустынной, рисковать попусту им не хотелось. Имоджин разогрела над пламенем банку консервированных бобов. Снег падал пушистыми снежинками, которые таяли, едва коснувшись земли.

— Знаешь, когда ночью температура упадёт, снег останется, — сказал Мох, глядя в небо. Он высунул язык, стараясь поймать снежинку, а та вместо этого скользнула ему за очки и попала в глаз.

— Красиво, — сказала Имоджин. — Бобы готовы.

— Спорить готов, они ушли с рельсового пути и пошли вон той дорогой на север. Абсентия на севере. Думаю, нам следует направиться на восток к середине острова. Как раз там и отыщем Глазок.

Имоджин кивнула:

— Безумие. Что, если они не пошли на север? Что, если мы проскочим монастырь? Остров-то обширный.

— Выглядит он куда больше, чем с того берега, — согласился Мох.

— Сколько, по-твоему, времени понадобится, чтобы дойти до Глазка?

— Три дня, может быть. Зависит от местности.

— А если мы наскочим на Элизабет с Эхом?

— Тогда придётся быть готовыми драться.

— Ей нужен сундук. Если она считает, что мы здесь, то рано или поздно пойдёт по нашему следу.

— Это точно.

— А у нас весьма скоро кончится еда, — заметила Имоджин. Она дала Моху ложку. — Что ты имеешь в виду, говоря «быть готовыми драться»?

— Никаких колебаний, — пояснил Мох. С того времени, как они вышли из туннеля, у Моха из головы не выходила угроза Элизабет около пекарни. — Нам нужно быть такими же беспощадными, как и они. И даже больше, если такое возможно.

Ночь они провели вместе в фургончике, укрывшись своим одеялом, а снаружи падал снег. Имоджин разбудила его на рассвете.

— Смотри, — сказала она. Он вылез следом за нею из фургончика. Земля была укрыта белым покрывалом. Над ним серело небо. В нескольких шагах от них снег был покрыт следами башмаков.

— Кто бы то ни был, — рассудил Мох, — тут побывали не больше двух часов назад.

— Элизабет?

— Следы ног слишком большие.

К середине утра температура слегка повысилась, отчего снег со щебёночной дороги стаял, и идти по ней стало легко. Они шли бок о бок, рассказывая друг другу всякие истории и доедая печенье, оставшееся после туннеля. Осматривались постоянно, но не заметили никаких признаков, что за ними следят.

Имоджин указала на оцелус, который повсюду следовал за Мохом:

— Я так и не поняла, что это за штуки, когда Джон привёз его домой; мы были ещё маленькими. Они были у Радужника даже тогда. Моя мать, Сильвия, перепугалась до смерти. Поэтому-то его и отправили в саду сидеть. Мне она не позволяла гулять с ним, хотя я этого хотела. Приходилось тайком выбираться через чёрный ход, пока родители спорили.

— Порой кажется, что у них есть собственный разум, — сказал Мох. — Этому вот уж точно сказать нечего.

— Ты же знаешь, что означает слово «оцелус», так?

— Джон их так называл. Радужник звал их камешками.

— «Оцелус» означает «глазок», частичку такого составного глаза, как у стрекозы, например.

— Знаю, смотрел в словаре, — сказал Мох. — По-моему, Джон давным-давно связывал Радужника с Глазком. — Ещё в туннеле в разговорах они обсуждали такое открытие, как наличие у Радужника сестры, но подпитать эту новость было нечем, а потому разговор о ней просто ходил по кругу.

— Я тоже связывала. Как у тебя с меткостью? — спросила Имоджин.

— Прости, что?

— Стреляешь ты метко? Посмотри вон туда. — И она вытянула руку. Мох прикрыл ладонью глаза от слепящего света. — Дикие индюшки. Я их десять штук насчитала.

— А из чего, по-твоему, я должен в них стрелять? — пожал плечами Мох. — Эта винтовка — полное дерьмо.

Имоджин рассмеялась. Сбросила свою котомку на дорогу и достала что-то, завернутое в материю. Это было ружьё Шторма.

— Из этого.

Мох улыбнулся и решил не отпугивать пробудившуюся в Имоджин жизнерадостность своим унынием.

— Из такого я не стреляю.
— Это почему же?
— По эстетическим соображениям.
— Предпочитаешь умирать с голоду?

Они целый час прогонялись за индейкой, у которой оказалась едва ли не сверхъестественная способность чуять их присутствие. Наконец Моху удалось выстрелить. Грибковый нарост на дереве футах в двадцати[22] над птицей упал вниз, ломая ветки, и с глухим стуком ударился о землю. Птица отошла на несколько футов в сторону. Мох развернул ружьё и опять выстрелил — на этот раз хирургически срезав индейке голову у основания шеи.

В ближайшем ручье Имоджин выпотрошила и ощипала птицу, пока Мох разводил костёр. Мясо они нарезали полосками и обжарили на зелёных ветках. Наевшись досыта, завернули мясо, сколько смогли, в чистую тряпку и положили в котомку Моха. К тому времени, как закончили, день уж стал клониться к вечеру. Небо начало темнеть, а снег, которого не было целый день, повалил снова.

Они шли по дороге уже после наступления

---

[22] Сноски: 22
Выше 6 метров (*прим. пер.*).

темноты, и снег кружился вокруг них. Мох шагал в каком-то мысленном тумане. Когда он споткнулся о незамеченный корень, то оглянулся посмотреть, как Имоджин справляется. Её позади не было.

Собаки во тьме

Он держал на заросли деревьев. Лес действовал как тормоз и избавлял от ощущения головокружительного кувыркания, появлявшегося, когда Мох смотрел на снег. Деревья было видно: чёрные в сиянии выпавшего снега. Небо обрело оранжевый оттенок. Он выкрикивал её имя, шагая назад тем путём, каким, как ему представлялось, они сюда пришли. Слева от него деревья, казалось, дышали, словно бы сознавали, что среди них бродит человек. Укутавшись в бушлат, держа руки под мышками, он продвигался с великим трудом. Снег набился в сапоги, будто мокрое тесто. Он брёл вперёд, оставляя за собой парок своего дыхания, и ему всё время казалось, что лес за спиной смыкается, не давая пройти обратно.

Снег сменился дождём, до блеска полируя любую поверхность. Почва под ногами Моха покрылась режущей коркой. Листья хрустели. В лесу скоро все ветки на деревьях покрылись слоем льда. Не выдерживая его тяжести, сухие ветки шумно летели вниз.

Мох остановился под дубом, на котором всё ещё

сохранилось немало листьев. Он потряс кистями рук, разгоняя кровь, чтобы оживить онемевшие кончики пальцев. Поднял взгляд. Совы — десятки сов — снялись с дерева и разлетелись по всему полю, где их поглощал поднимающийся туман. Мох подул в ладони и опять выкрикнул её имя. Где-то вдали ему послышался её слабый голос. Забыв про холод, он бегом бесшабашно бросился по снегу.

— Я тут, я тут, — кричал Мох.

Нашёл её у подошвы холма. Когда обхватил Имоджин руками, ледок на её пальто ломался с треском, как яичная скорлупа.

— Ну же, пойдем, — говорил он. — Мы должны двигаться дальше. — Имоджин оставалась там, где и была, сильно дрожа.

— Ты как к животным относишься, особенно к собакам? — Она указала на путь, по которому пришла.

— Ты видела собаку?

— Скорее, двадцать. Думала, это поможет скрыться от них. Теперь-то не уверена, затея была не из лучших.

— Я никаких собак не видел. Иди за мной. Держись рядом, — сказал Мох. Он пошёл впереди.

— Подожди. По-моему, нам туда надо ид-

ти. — Имоджин указала на запад. — Я видела приличных размеров дом, стоящий прямо у леса. С виду до него не так и далеко было. Мох, я замерзла, — пожаловалась Имоджин. Волосы её липли к голове, их прядки прихватило льдом. Мох посмотрел на посиневшие губы Имоджин и блестящую кожу. В таком состоянии ей долго не протянуть. Внезапный ужас охватил его: он понял, до чего легко они могут тут погибнуть. — Мох, я правда замерзла, и я боюсь этих собак. — Зубы девушки стучали. Она сбила языком капельку с верхней губы, улыбнулась отрешённо и потеряла сознание.

Времени раздумывать не осталось. Ноги у Имоджин подогнулись, и она стала падать вперёд и на бок. Сознание вернулось, но сама Имоджин была совсем беспомощна. Встав покрепче, чтобы не упасть, Мох подхватил её на руки: одной под коленками, другой за спину. Осторожно поднял её — так чтобы она головой уткнулась ему в воротник.

— Не уходи от меня, — тяжко выдыхал он, взбираясь на холм. Имоджин что-то бормотала ему в шею. На вершине она дёрнулась у него на руках. На мгновение ему показалось, что у неё конвульсия, но скоро он понял, что она пытается стянуть с себя куртку. Мох поскользнулся и упал

вперёд, накрыв Имоджин собой. Голова её упала в снежный сугроб. Она опять была без сознания. Он пробовал привести её в чувство, тёр щёки — бесполезно. Вновь поднял её. Бежал, держа её на руках, вот только чувство ориентации он утратил и дома не видел. Обливаясь потом, Мох повернулся и побежал в другую сторону. Ноги едва двигались, и он чуть снова не упал. «Куда, куда?» — кричал он в ночь. Единственным ответом ему были порывы ветра в заснеженном поле. Потом вдруг он увидел его — массивную глыбу на фоне неба.

Собака между Мохом и входной дверью заколоченного дома стояла не шевелясь. Напружинившаяся зверюга с чёрной маской и покрытой рубцами мордой. Шерсть у неё на загривке стояла дыбом, но уши были плотно прижаты к голове. Ошибиться в том, что значил рык, вылетавший из глубин широченной груди собаки, было невозможно. Мох встал, ступни и колени ломило от пробежки в полмили по льдистой земле с Имоджин на руках. Так и тянуло положить её, снять напряжение со спины, но он боялся, что это будет равносильно сигналу собакам напасть. В ушах звучали её слова: «скорее двадцать». Нет ли там, за пределами снежного сияния, других, ещё де-

вятнадцати крадущихся тварей вроде этой? Или Имоджин, как и его, сбил с толку холод?

Собака припала к земле и сделала круг, оказавшись у него за спиной. Когда он сделал шаг, чтобы половчее подхватить Имоджин, собака оскалилась. Клыки у неё были будто из слоновой кости. Один был сломан. Мох подумал о ружьях и только тут понял, что котомка Имоджин осталась там, где он её нашёл.

— Пошла вон отсюда! — рявкнул Мох. Собака гавкнула и зарычала. Из ночи вышли ещё несколько собак. Большинство, как и первая, были крупными, но были среди них и такие, что поменьше, повизгивающие по краям кольца. Имоджин забормотала. Мох подхватил её покрепче. И пошёл вперёд, ожидая нападения в любой миг. Сразу же поднялась возня за его ногами, кто-то тыкался в заживающую рану на икре. Позади раздался резкий свист. Мох резко обернулся, но никого не увидел. Наверное, послышалось. Стая собак сорвалась вон следом за невидимым вожаком в подлесок.

Мох поднялся по широким ступеням к входной двери. Она была заколочена, но нескольких ударов ногой хватило, чтобы отбить прогнившие доски. Он внёс Имоджин в темноту и прислонил

её к первым ступеням лестницы. Пристроил её голову к стойке перил, как к подушке. Удостоверившись, что девушка не повалится вперёд, вернулся к двери и, как мог, надёжно забаррикадировал её сорванными досками. Прежде чем приколотить последнюю, выглянул наружу. Тощая человеческая фигурка показалась на секунду, но потом исчезла в пурге.

— Обалдеть, — пробормотал он, вбивая на место последнюю доску.

Даже при плохом свете было ясно, что громадные куски пола прогнили и провалились. Мох стоял у стен большой гостиной и старался не думать про то, что лежало внизу. Он перенёс Имоджин в северный конец комнаты и положил её на плитки перед громадиной камина. Она была недвижима, а руки её были холодны, как камень. Мох укутал её в одеяло и навалил сверху всю одежду из своей котомки. Сделав это, взялся разводить огонь, воспользовавшись деревяшками, найденными в комнате. Вскоре отблески пламени заиграли на керамической подставке в камине. Мох вернулся к Имоджин и устроил её подальше так, чтобы она была защищена от прямого жара, но всё равно находилась бы в тепле. Сидя, скрестив ноги, возле неё, он держал

девушку за руку и подбрасывал в огонь куски сухого сгнившего дерева.

Снаружи около дома надрывалась лаем стая собак, пока донёсшийся издалека свист не угомонил их.

Дом кукольника

Когда забрезжил дневной свет, Мох закончил многочасовой спор с самим собой и поднялся по лестнице, чтобы осмотреть остальные помещения дома. Он давал слово лежавшей без сознания Имоджин, что станет отлучаться каждый раз не больше чем на пять минут. Ночь была полна почти неодолимого напряжения от незнания, что или кто лежит себе спокойненько в тёмных комнатах. Как только глаза его стали различать окружающее, он поцеловал Имоджин в холодный лоб, подбросил дров в огонь и вновь направился к лестнице.

Всё его воображение не смогло бы подготовить к тому, что он обнаружил. Наверху оказалось восемь комнат, заполненных пропылёнными куклами и задниками-декорациями, изготовленными изо всех мыслимых материалов. Многие из задников — магазины, гостиные, оперные сцены — лежали почти разрушенными под воздействием времени, дождя, сочившегося сквозь крышу, или, судя по какашкам на полу, любопытства енотов. Куклы в искусных костюмах

свисали с тянувшихся от стены к стене проволок или были запиханы в ящики и шкафы. Инструменты часовщика беспорядочно валялись по лавкам. Обрезки ткани горами возвышались вокруг швейных машин, тронутых ржавчиной. Допотопные фотоаппараты кивали на треногах, а линзы их объективов пялились из картонных коробок. В последней комнате среди беспорядка он отыскал кровать. Расчистив завалы, нашёл вполне подходящий матрас. Поблизости стоял сундук из кедрового дерева, в котором нашлось несколько одеял, каким-то чудом сохранившихся почти нетронутыми.

Мох очень постарался поудобнее устроить постель и разжег небольшой очаг. Когда в комнате стало тепло, он перенёс Имоджин наверх и положил в одеяла. Из одежды, которой уже не нужно было укрывать, он соорудил подобие подушки и подложил её девушке под голову. Та была без сознания уже несколько часов, и Мох опасался, что она не переживёт ночь. Он лёг с нею рядом, дав обещание, что больше от неё не отойдёт.

Утром солнце пробилось в комнату. По лицам кукол двигались тени, на мгновение придавая им жизнь. Должно быть, подобное представление разыгрывалось много раз в такие дни за

годы, пока дом стоял заброшенным. Было ясно, что кукольник покинул его в спешке. Высылки с острова Козодоя были скорыми и грубыми, и нигде они не были скорее и грубее, чем в сельских районах, на землях которых семьи жили столетиями. Мох лишь вообразить мог, на что это было похоже: кукольника выпроваживают из дома, хранилища дела его жизни, а то и в самом деле стволами винтовок подталкивают — вот как это происходило.

К середине дня комната опять погрузилась в сумрак, когда подоспел новый снежный фронт. Мох поел индейки с печеньями из своей котомки. Ранним вечером он опять лёг на кровать рядом с Имоджин и смотрел за игрой пламени на стенах.

В течение дня собаки и свист как-то выпали из его сознания, словно воспоминание о дурном сне. Теперь же, когда вновь стемнело, раздайся эти зловещие звуки снова, не было бы в них для него ничего приятного. Когда час спустя они раздались, Мох ощутил всю тяжесть прежнего страха, напавшего на него. Кто-то ходил там, снаружи, и ходившие знали, что он тут и Имоджин с ним. Мох не сомневался в том, что мелькнувшая тогда фигурка видела, как он внёс Имоджин в дом. Была ли это Элизабет? Эхо? Он выбрался из посте-

ли и выглянул в окно. За домом на бесплодном просторе никто не подавал признаков жизни. Отпустив замызганную занавеску, он вернулся к кровати. На этот раз ложиться в постель не стал, а пристроился на краешке. Если бы кто-то вошёл в комнату, он увидел бы их и ударил первым.

Проходили часы, свиста он больше не слышал, хотя собаки скорбно выли во тьме. Мох бросал в огонь куски крохотного задника, когда услышал, что дерево, забаррикадировавшее входную дверь, упало. Он бросился на лестничную площадку и глянул вниз. В брешь просунулась рука с фонарём, потом пропала.

— Здесь теплее, — произнёс старушечий голос.

— Осторожнее, полы прогнили, — сказал мужчина.

— Ну ты, я здесь не в первый раз. Свети лучше, не то я в стену упрусь, — сказала женщина.

— Кто там? — выкрикнул Мох.

Крохотная женщина, закутанная в громадный шарф, в мужской шапке на голове и в сапогах посмотрела вверх по лестнице, сложив губы и сморщив нос. Очки её сверкали в свете фонаря. В руке она держала чёрный докторский саквояж. За её спиной встал мужчина и, убедившись, что женщине ничего не грозит, тоже глянул вверх.

Одет он был в шерстяное пальто до колен и с капюшоном. Кожаные сапоги у него поднимались выше колен. Мох узнал его сразу же: это он был в доме корабельного плотника в ту ночь, когда Мох увидел Эхо. Дыхание обоих пришедших белым паром поднималось в воздух.

— Меня зовут Мэй, — назвалась женщина. — Где девушка?

Что-то в уверенности её голоса заставило его понять: смешно было бы говорить что-либо, кроме правды. Он так и сделал.

— Здесь, наверху.

— Тогда я иду наверх. — Заявив так, Мэй поднялась по ступеням с грацией жука-скарабея, взмахивая руками и оступаясь.

— Мэй, осторожней, — остерёг мужчина.

— Умелец Ворон, ты больше старуха, чем я.

Мох не сводил с этой пары глаз, пока они не поднялись на площадку. Он отступил от Мэй, а та смотрела на него, будто был он ещё одной причудливой куклой среди украшавших стену у него за спиной. Вблизи Мэй выглядела на все восемь десятков с большим лишком лет. Никогда не видел Мох женщины с такой густой сетью морщин. Он бросил на Умельца Ворона вопрошающий взгляд.

— Позже, — отозвался тот. — Прежде всего нам надо увидеть Имоджин.

— Ну, и где она? — Взгляд Мэй устремился в конец длинного коридора, к комнате, освещённой огнём очага. — Не важно. — Она прошла мимо Моха с видом женщины, привыкшей к повиновению других. Умелец Ворон вежливо пропустил Моха вперёд и лишь потом последовал за всеми. Едва войдя в комнату, старуха сняла с головы шарф и разложила его в ногах кровати. В замешательстве стоял Мох в сторонке, пока Мэй раскрывала веки Имоджин, осматривала её рот и проверяла пульс.

— По-моему, у неё переохлаждение, — сказал Мох.

Мэй глянула на него, как на придурка, потом перевела взгляд на Ворона. Открыла свой саквояж, достала стетоскоп и выслушала звук её сердца. Мэй понюхала её дыхание, осмотрела её ладони. Ещё раз заглянула в саквояж и вынула пузырёк, заполненный какой-то сушёной травой. Мэй вручила пузырёк Моху.

— Что это? — спросил он.

— Чай. Убить готова за чашечку.

— Мэй… — начал Мох. Было странно с такой фамильярностью называть её по имени, когда

познакомились они всего пять минут назад. Он почувствовал, как Умелец Ворон мягко взял пузырёк из его руки.

— Если б это было переохлаждением, она умерла бы много часов назад, — заявила Мэй.

— Что же тогда?

— Насколько хорошо ты знаешь эту юную леди? — спросила Мэй, разглаживая волосы Имоджин.

— Достаточно хорошо, — ответил Мох. И, говоря это, осознал, как мало на самом деле ему известно.

— Хорошо. — Мэй села на край кровати. — Прости меня, я стара, и никто не предложил мне стул. — Она сердито глянула на Умельца Ворона, который, отыскав старый чайник, по-видимому, направился куда-то за водой. Взгляд Мэй вновь обратился на Моха. — Так ты не знаешь, случалось ли это раньше?

— Что случалось раньше?

— То, что её сознание переносилось[23].

— Что это значит?

— Раньше я уже видела такое. Это значит, что кто-то отделил её сознание от физического тела и перенёс в чьё-то другое.

— Быть не может, — выпалил Мох.

— Как я говорю, так и есть. Она, может, даже и не знала, что происходит. Умелец Ворон сказал, что она лишилась сознания из-за холода. В тот момент она, должно быть, испытывала слабость, никакого сопротивления. Кто-то воспользовался этим и урвал. Суть её вылетела из тела, оставив его позади, как слетевшую разношенную тапочку.

— Куда? — спросил Мох, не уверенный в том, что ещё долго сможет выносить всю эту чепуху. Вернулся Умелец Ворон с чайником, набитым снегом. Он расчистил место в угольях и, опустив-

---

[23] Сноски: 23

В данном случае описывается (в весьма упрощённой форме) подобие того, что принято называть реинкарнацией. Буддисты утверждают, что истинное живое существо — вечная душа, которая посредством серебряной нити, сутрамы, соединяется вначале с тонким телом ума, разума, а далее — с грубым физическим телом. Перенос сознания в иное тело происходит путём обрезания сутрамы одного тела и присоединении её к другому. Для того чтобы это осуществить, нужно обладать особой техникой, которую буддийские монахи держат в строгом секрете. Очень немногие способны провернуть подобный фокус. Опровергать его возможность пока всерьёз никто не брался. Верить в это или не верить — личное дело каждого (*прим. пер.*).

шись на колени, стал готовить чай.

Мэй пожала плечами:

— Можно только гадать. Незачем даже пытаться понять это.

— Кто мог бы осуществить перенос?

Мэй пожевала нижнюю губу:

— Что сказать, Чёрная Карета вернулась. Так что, думаю, погадать мы можем.

Мох с гудящей головой рассеянно бродил по комнате. Подошёл к столу, заваленному бумагами и книгами. На нём стоял серебряный чернильный прибор в виде головы циркового слона на круглом основании из дерева. Мох поднял его и прикинул на руке вес. На слоновьей голове сидела крошечная обезьянка. Она откинулась, открыв скрытую чернильницу. Чернила высохли давным-давно. Мох поставил прибор обратно.

— Чем я могу ей помочь? — спросил он.

— Вы должны побыть с ней тут, — сказал Умелец Ворон. Он дал Мэй и Моху по чашке чая. Мох посмотрел на фарфоровые чашки, любопытствуя, откуда они взялись, но ему было не до расспросов. — Если не останетесь, другие убьют её. В их глазах она будет выглядеть порченой. Дурным знамением.

— Другие? Так вас ещё больше?

— Ну конечно же нас больше, — сказал Умелец Ворон. — Милях в пяти отсюда есть небольшое селение. Мэй — одна из старейшин. Они уцелели при Чистке. В последнее время в селении многие умерли таинственной смертью, и народ верит, что это делает ведьма, которая живёт в монастыре, в заболоченном лесу. Понимаю, звучит это как нелепая сказка, только они понесли подлинные утраты и живут в жутком ужасе. Один из мужчин так дочь потерял. Если они увидят Имоджин, они не позволят ей жить. Суеверия тут укоренились слишком глубоко.

Из этого объяснения Мох понял, что Умелец Ворон скрывает их общение в прошлом. Умелец Ворон, что ни говори, был тем человеком, кто распознал Эхо в доме корабельного плотника. Мох догадывался, что с селением уцелевших у Умельца Ворона связи временные. Ему припомнились следы вокруг фургончика, и он подумал, как давно Умелец Ворон идёт за ними следом. Не от самого ли Ступени-Сити идёт? Известно ли ему, что Радужник умер? Знает ли он про тёмный оцелус?

Чай обжигал, но Мох выпил его быстро. Никогда ещё жажда так не мучила его.

— Ведьма эта, — спросил он, — её Элизабет

зовут?

— Это не настоящее её имя, — заметила Мэй, довольно громко прихлёбывая чай. — Но произносить его я не стану. Ты прав. Она носит имя той несчастной девочки, в чьем теле обитает, Элизабет. Бедная малышка Джэнсона, такая была хорошенькая… до того, как утонула.

От прихлынувшей крови у Моха запылали уши, когда он взглянул на Имоджин. И как только Элизабет распорядилась её сознанием так ловко?

— Что за ночь, — произнесла Мэй. — Ветер аж завывает. — Она отдала свою чашку Умельцу Ворону и опустилась в кресло, которое тот отыскал для неё. Сев, поморщилась. — Ох, ноги мои.

В этот момент Имоджин подскочила на кровати и закричала. Мох запустил свою пустую чашку в потолок. Умелец Ворон отпрыгнул назад, потерял равновесие и полетел на кучу театрального реквизита. Имоджин колотила себя руками по голове, пока Мох не схватил их обе и силой не прижал к своей груди. Она вновь вскрикнула, взгляд её дико метался по комнате.

— Боже правый, — причитала Мэй. — Вот это переполох.

Ловушки

Моху чудилось, что он на судне, зажатом во льдах замёрзшего океана. За каждым окошком дома расстилался белый простор, нарушаемый лишь островками деревьев. Холмы в отдалении виделись побережьем никем не хоженой земли. Сам дом, подтверждая ощущения, трещал, словно судно на поднявшемся ветру.

Мэй с Вороном уехали утром на собачьей упряжке. Имоджин постепенно приходила в себя благодаря уходу и успокаивающим рукам Мэй, пока Мох с Умельцем Вороном стояли на страже возле кровати. В конце концов она погрузилась в глубокий, но естественный сон. Мэй заботливо поучала Моха не выпытывать у Имоджин, что с нею произошло, опасаясь, как бы это снова не травмировало девушку. Мох это понял, но всё равно не оставлял мыслей о том, что же пережила Имоджин.

Она пробудилась, когда день уже догорал. Температура в доме повысилась, и ветер завывал в камине. Мох вывернулся из спирали мрачных мыслей — он раздумывал об убийстве Радужни-

ка — и сразу попал под её пристальный взгляд.

— Боюсь, что теперь ты обо мне по-другому думать будешь, — сказала она.

— Ты это про что?

— Мох, кто мы такие, а?

Мох заёрзал под её взглядом. Пожал плечами:

— А кто мы такие?

— Ты меня любишь?

— Да, — не колеблясь, ответил Мох. И это было правдой. Он понял это с той ужасной ночи, когда думал, что она умрёт.

— Я тебя тоже люблю. — Имоджин опустила взгляд. По щекам её потекли слёзы.

— Ты от этого как-то не выглядишь очень счастливой, — заметил Мох.

Она взглянула на него:

— Я сейчас расскажу тебе, что со мной произошло. Надеюсь, после этого твои чувства не переменятся.

Мох подался вперёд и подбросил в огонь две дубовые балясины. Потом сказал:

— Бомби.

Она как-то странно посмотрела на него и заговорила.

Раньше ей замерзать никогда не приходилось. Ой, ей бывало холодно, само собой, но в

сравнении с этим то было сущими пустяками. Воздух пробирался ей под одежду, будто та была из туалетной бумаги: он студил её до мышц, до костей. Противнее всего была дрожь. Механизм переохлаждения Имоджин понимала: дрожь была предвестником, что впереди гораздо худшее. Впрочем, даже понимание этого не вызывало такой боли, как страх и озабоченность во взгляде Моха. Какими же им надо было быть дураками, чтобы оказаться здесь, неподготовленными, гоняясь за монстрами во тьме. Элизабет убила бы их — глазом моргнуть не успеешь. Была б жива Мемория, как могли бы они надеяться отыскать её среди этой беспредельной опасности? То, чего оба они страшились в душе своей, невольно вело Элизабет к Мемории. Меморию похитили из Глазка в то же время, когда Джон забрал злосчастный сундук. Невысказанным хранили оба они в себе страх, что Элизабет охотится не за одним сундуком и что есть здесь какая-то им не понятная связь. Есть и ещё одна очень серьёзная причина. С чего бы это Мемория станет говорить с ними, даже если они сумеют её найти? Речь-то шла о женщине, не желавшей быть найденной, если вообще такая существовала. Имоджин приходило в голову, что Мемория на деле существовала

в одних только умах переживших несчастье мужчин. Была ли она реальностью или каким-то тёмным отображением? После смерти Радужника промахи Имоджин стремительно пошли вглубь. Элизабет была монстром. Имоджин, положим, не была трусом, как её отец, тем не менее не была она — даже близко — и победительницей монстров. Если б была, так сама бы убила Агнца много лет назад.

«Мох, я правда замерзла, и я боюсь этих собак».

Собак она всегда боялась. Порой казалось, что весь город целиком полон этих одичавших шавок. В городе была возможность не попадаться им на пути, только здесь не было ничего, кроме открытой земли. Она облизала губу. И получилось, будто это мгновенное действие вызвало катастрофу. Вдруг она стала падать. Что-то тянуло её. Охваченная ужасом, она прыжком вырвалась и побежала. Ощутила лёгкость, такую чувствуешь весной, когда надеваешь легкие туфли после нескольких месяцев хождения в сапогах. В мыслях она видела себя на краю леса. Так это и ощущалось: желание, исполненное ещё до того, как было высказано. Пальцы ног едва касались тонкой корочки льда. Неужели она летела? Опуская глаза, видела, что она голая. Её груди, живот,

бёдра и ноги дымом вились в прозрачной оболочке её тела. Как странно! Под деревьями она остановилась и оглянулась. Что стряслось? Мох стоял над телом какой-то женщины. Он поднял её на руки. «Он боится, — подумала она. — Думает, что я умерла».

«Не жди», — шумели деревья. «Иди», — шелестела трава. «И как можно быстрее», — бормотали наполовину проснувшиеся кроты под землёй. Сам ветер звал её за собой. Она взмыла в воздух, расставив руки, как крылья, одна нога поднята, как у танцовщицы, и повернулась. «Поспеши отсюда, — раздался голос сверху. Она глянула вверх и на секунду увидела луну в разрыве облаков. — Уходи».

И понеслась она в самую чащу, как заяц, как косуля, как птица. Было ощущение, будто она сделала всё это разом. Ветки и колючки, что располосовали бы ей тело, проскакивали прямо сквозь неё, оставляя за собой разве что шелест сухого листа. Углубившись в лес, она облетала вокруг каждого ствола дерева. Веточки вызванивали крохотными колокольчиками. Её не столько несло, сколько вздымало: так некогда, когда ей пять лет было и Джон поднял её на руки. Он держал её на вытянутых руках и крутил до

того быстро, что, если бы отпустил, они бы оба, крутясь, влетели в кусты роз.

Впереди неё показался просвет. Там что-то лежало, не двигаясь. Оранжевое, рыжее. Лиса. Лежит на боку, шкура побита так, что сомнений нет: мёртвая. Не раздумывая о том, что делает, она запрыгнула в шкурку.

Имоджин понятия не имела, как или почему она совершила такое. Поместиться в лисицу — это шло от инстинкта, словно зарыться в укромное место, чтобы уйти от преследователя, но стоило ей оказаться внутри, как её охватил ужас. Тот убийственный голод, который совсем недавно привёл лисицу к гибели, теперь стал её голодом. Он пронизывал всё её существо и толкал к отчаянию. Попала ли она в западню? Застряла? Она подняла голову и осторожно поднялась, хватаясь замерзшими подушечками лап, отыскивая зацепки на льду, что покрывал всё вокруг. Она навострила уши. Мох кричал откуда-то из-за деревьев. Она встряхнулась, наполнив воздух капельками: телесное тепло растопило ледок на шкуре. Она не могла возвратиться к нему — только не в таком виде. Он же её не увидит.

На незаметной тропке, что пробегала несколько сотен футов по лесу, она поймала мышь. Та

ещё дергалась, когда она проглотила её.

Ледяной дождь опять превратился в снег. Он искрился на меху, когда она трусила по середине дороги. Что-то расслышала: звяканье металла о камень. А вот опять. Пошла на звук, вышла на открытую полянку в лесу и присела в тени лиственницы.

Карета Элизабет образовала задник разворачивавшейся сцены. Её тяжёлые колёса были заляпаны грязью. На боку её виднелось свидетельство событий на причале: глубокая борозда тянулась по корпусу от начала до конца. Эхо стоял в месте, защищённом от ветра корпусом кареты. Орган, вырезанный Элизабет из Радужника, плавал в воздухе, испуская лёгкое сияние. Двигался он медленно, а нити, извиваясь, переплетались друг с другом. Имоджин припомнилась медуза из громадного аквариума в хранилище Полотняного Двора. Шёпот. Перед органом стояла Элизабет. Волосы у неё, спутанные и нечистые, висели космами, укрывая её склонённую голову. Имоджин не было слышно, и она крадучись подобралась за деревьями поближе, пока не оказалась всего в нескольких шагах от рваного подола Элизабет.

— Ты помнишь имена моих глухих сестёр, Виолетты, Шарлотты, Анны, Магды, Челлы и

Аллисон? Они жизни отдали, чтобы следить за тобой. Они все ушли. Ты пережил их всех. Теперь всего одна я осталась. Уверена, сестринская обитель Глазка не ждала, что я стану последним Смотрителем, — говорила Элизабет. Она сгорбилась и зашипела на парящий орган. — Тебе вообще незачем было жить. Тебя следовало бы убить все те сотни лет назад, когда тебя и Аурель нашли, ошарашенных и перепуганных, на вересковой пустоши. — Элизабет обошла вокруг чёрного органа. — После того как убили Аурель, ты прельстил сестер своими чудесами, вот как оно было. Ты оставался в своём детском теле, никогда не рос, вот они и жалели тебя. Только ты был ядовитой находкой, избавиться от которой у них не было сил. Они звали тебя Скворцом, Ужасным Ангелом. Держать тебя в заточении было роковой ошибкой. Меня совесть совсем не мучает за то, что я старалась убить тебя, после того как все остальные были убиты, и некому сейчас покончить с этим делом. Я отнесу тебя обратно домой, в Глазок, Скворец, и похороню тебя рядом с твоей мёртвой сестрой. — Элизабет подала знак Эху. Чудище тяжело поволочилось вперёд, оставляя глубокие следы в слое сосновых иголок под снегом. Девочка отступила, когда Эхо

подняло орган. Чудище понесло его к карете, в которой идеально квадратная панель скользнула в сторону. Появилась тонкая белая рука и забрала орган. Рука ушла обратно, и панель закрылась с громким щелчком.

Имоджин недолго было позволено обдумывать то, что она увидела. Элизабет вдруг резко повернулась, словно бы услышала что-то. Детский взгляд принялся шарить по полянке, пока не остановился на Имоджин.

— Лисичка, — прошептала Элизабет. — Пришла, значит. — Имоджин почувствовала, что взгляд Элизабет держит её. Лапы словно паралич разбил. Элизабет подошла поближе, подол её платья тащился по мокрому снегу. — Иди сюда, лисичка, я сожгу тебя, как твою мать сожгла. — Тепло разлилось по телу Имоджин. Она тяжело задышала, не в силах шевельнуться, когда палец Элизабет отыскал мягкую впадинку у неё за ушами и принялся легко поглаживать её. — Жизнь полна маленьких неожиданностей и поворотов. — Элизабет прекратила свои гипнотические поглаживания и шлёпнула Имоджин по морде так сильно, что у той зубы лязгнули. Она схватила Имоджин за загривок. — Гори, лисичка, — цедила, брызгая слюной, Элизабет. Имоджин впилась

зубами в руку девочки. Чудом этого вполне хватило. Она вывернулась из хватки маленькой ручки, скакнула на землю и побежала. Вслед ей летел смех Элизабет.

Имоджин бежала по оленьей тропе через лес. Небо за облаками начало светлеть. Пока она слушала странный разговор, температура вокруг неуклонно падала, и теперь вновь пошёл снег. Меж деревьев сыпалась искрящаяся пыль. Над головой каркали вороны. С веток слетали льдинки. Толчки по колкой земле отдавались болью в лапах. Она замедлила бег до трусцы только тогда, когда убедилась, что далеко ушла от Элизабет и её спутника. Оленья тропа вывела её из леса к покосившемуся забору из проволочной сетки. Что-то вроде плана сложилось у неё в уме. Она будет искать старый дом, который раньше видела, и посмотрит, не укрылся ли в нём Мох. Она представления не имела, что делать дальше, но по крайней мере она будет рядом с ним.

Забор был слишком высок, чтобы его перепрыгнуть, и она стала искать лазейку снизу. И нашла. То был низкий, по размеру тела, лаз, глубоко уходивший сквозь снег и траву, густо росшую возле забора. Наверное, дыру проделали кролики. Недолго думая, она скользнула в лаз. И сразу

же осознала свою ошибку — едва петля капкана захлестнула ей тело. Чем больше она билась, тем туже затягивалась петля.

Прошли часы. Одно время свет стал ярче. Наметало снег. Имоджин лежала на брюхе, не в силах высвободиться. Трава вокруг неё покрылась кровавой кашицей. Пытаясь перегрызть проволоку, она порезала себе язык и десны. Дышать стало тяжело. Она хватала воздух маленькими глоточками. Попробовала выскочить из своего лисьего тела, так же как выпрыгнула из своего собственного. Но умения делать этот трюк у неё не было — возможно, боль до того не давала сосредоточиться, что она больше не могла вообразить себе этого. Она попала в капкан.

Ночью сзади раздались шаги по скрипучему снегу. Имоджин ослабела настолько, что голову не могла поднять. Она просто заскулила и вздёрнула уши. С другой стороны лаза подошёл паренёк. Он был закутан в латаное пальтишко и шарф. За собою тащил санки, на которых смёрзшейся кучей лежали тушки кроликов, норки и ещё одной лисицы. На передке санок стоял фонарь, отбрасывавший дикие тени. Движения мальчишечьего тела говорили, что он не чаял

найти живую животину, пусть и настолько близкую к смерти. Двигаясь крадучись, как будто она могла улизнуть от него, паренёк отпустил санки и прижал к плечу ружьё. Прицелился тщательно и нажал на спусковой крючок.

— Ты всё ещё любишь меня? — спросила Имоджин.

— Да, — ответил Мох.

Карты и легенды

Ночью ветер с юго-запада принёс оттепель. Их разбудило журчание воды от таявшего льда. Мох выпутался из объятий Имоджин и покинул тепло постели, чтобы выглянуть в окно. Тропинка за домом через поле, ещё накануне утоптанная в снегу, теперь была полоской красноватой земли. Мальчик на пони и мужчина, шагавший сбоку, направлялись к дому.

— У нас гости, — сказал Мох, пряча оцелус в карман.

— Меня зовут Джэнсон. Мы пришли сюда отвести вас к Мэй. — Мужчина был рыжеволосым. Раздавленный ноготь на большом пальце левой руки переливался густыми оттенками чёрно-синей сливы. Одет он был в рабочую одежду — крестьянскую одежду. На его домашней вязки свитере было полно видимых прорех, на ногах ботинки военного образца. Взгляд тощего мальчика, сопровождавшего его, был неотрывно устремлён на гривку пони. У него была бледная кожа домашнего затворника, по которой от скулы к уголку рта бежала голубая жилка. На голове

волосы, словно молочайный шёлк, колыхались под дуновением ветра. Мальчик был слеп. Когда он заговорил, Джэнсон поправил на его плечах соскользнувшее одеяло.

— Пойдёмте с нами, — сказал мальчик.

Все они повернулись, когда из дома вышла Имоджин. Волосы у неё были нечёсаны, веки всё ещё припухали ото сна. Она обернулась в одеяло. Джэнсон, казалось, ощетинился, увидев все эти подробности. Осмотр свой он остановил на её длинных ногах, где кончик татуированного зелёного щупальца заканчивался завитком.

— Зачем? — спросила Имоджин.

— Сейчас дойти легче, пока снег тает, — сказал Джэнсон.

— Куда направляемся? — поинтересовался Мох.

— В Дубовый Дворец. Так решило собрание. Умелец Ворон сказал, что никакого вреда от этого не будет. Там считают, что вы должны прийти взглянуть на карты. — Глаза Джэнсона так и буравили Имоджин.

— Всё в порядке, господин Джэнсон? — спросила Имоджин.

— Да вот, мальчишка. Он просил куклу. Мэй сказала, что, может, он и получит одну за то, что

пришёл.

— Куклы, — произнёс мальчик.

Имоджин повела пятнистого пони с мальчиком, Лютером, на нём, а Мох с Джэнсоном пошли сзади. Лютер под своим одеялом крепко прижимал к себе куклу так, чтобы деревянное лицо с глазами из чёрного коралла высовывалось, словно второй наездник. Моху лицо куклы некстати и неприятно напоминало лицо Агнца. Мох с Имоджин уложили всё, что смогли, в котомку Моха и сумку. Возвращаться в дом кукольника им было незачем. Путь до деревни занял несколько часов. Всё это время Лютер говорил с Имоджин, не умолкая. Джэнсон сказал мало. Он, похоже, был человеком практичным: заметил, что добрый рабочий день пожертвовал на то, чтобы привести чужаков. Единственным его желанием было отделаться от этой обязанности и вернуться на своё поле.

— Что он говорит? — спросил Мох, когда они шли по каменистой дороге. Только что они миновали брошенную деревню, которая успела сильно зарасти всяческими растениями. На повреждённых стенах виднелись следы боевых действий. Мох искал, на что бы отвлечься.

— Он ей сказки рассказывает. Он на память

знает все эти старинные россказни.

День уже догорал, когда они подошли к небольшому скоплению строений, отделённых от окружающих полей стенами, сложенными из камней всухую. В воздухе носился сладковатый запах дыма горящего дерева. Джэнсон повёл всех к строению, бывшему существенно больше остальных. Надпись на двери гласила: «Дубовый Дворец». Внутри это был сельский дом собраний. Стены увешаны поимёнными списками необходимых работ, разбитыми по домам: жильцы голубого дома, жёлтого дома, зелёного дома. Мох и Имоджин стояли в коридоре, притоптывали, сбивая холод, пока Джэнсон отводил пони в сарай. Лютер исчез вместе со своей куклой.

— И что теперь? — спросила Имоджин.

— Теперь вы поедите, — прозвучал в ответ незнакомый голос. Принадлежал он мужчине лет тридцати с длинными каштановыми волосами. Выглядел он так, будто донашивал обноски Джэнсона. — Я — Лесок. Остальные там.

Возвратился Джэнсон и, похоже, был доволен свалить с себя груз обязанности, после того как двое мужчин обменялись, как показалось Моху, многозначительными взглядами. В конце коридора они прошли через дверь во вторую комнату,

поменьше. Примерно человек тридцать сидели за длинным столом и ели, а другие мужчины и женщины подавали еду из клубящихся паром котлов. Спёртый воздух насквозь пропах варёными овощами. В дальнем конце находилась кухня, где в полном разгаре была суета часа кормления. Лесок повёл их к свободному месту за столом. Мох чувствовал, как его исподволь разглядывают, но, когда он смотрел на других, то его приветствовали уклончивыми кивками или обычными, осторожными улыбками.

— Гости тут редки. Естественно, вы им любопытны, — сказал Лесок.

— Иначе и не скажешь, — пробурчала Имоджин.

Они сели, и им сразу же принесли поесть. Прогулка вызвала в них зверский голод, и они ели, не тратя время на разговоры. Ещё и до половины ужина не добрались, как по полу заскребли стулья: другие поднимались и покидали комнату или присоединялись к мытью посуды. Вскоре они остались почти одни. Лесок принёс из кухни чайник с кофе. Когда всем было налито, он обратился к Джэнсону:

— Спасибо, что привел их.

Джэнсон кивнул и вышел из-за стола, оставив

свой кофе нетронутым.

Лесок перенёс внимание с Имоджин на Моха:

— Вам следует знать, что в этой комнате проходило очень шумное собрание. Многие из тех, кто ели тут сегодня, склонялись к тому, что вас отсюда надо прогнать. Мэй и Умелец Ворон преуспели только в том, что убедили людей, что вас нужно сюда привести.

— Не очень-то утешительно, — сказал Мох. — Мы тут не останемся.

— Люди напуганы. Ходит слух, что ведьма, известная как Элизабет, вернулась. Люди здесь считают, что это связано с вашим присутствием. Говоря прямо, ваше пребывание в доме кукольника виделось как дурное предзнаменование. В нашем селении исключительно высок уровень детской смертности, а вместо научного объяснения этого некоторые, менее образованные, вновь ударились в суеверия. Таких кучка небольшая, но, каковы бы ни были их верования, эти люди наши друзья и родня, и мы должны уважать то, во что они верят.

— Зачем же вы нас ужинать пригласили? — спросила Имоджин, поводя головой.

— Причина вашего приглашения сюда, — терпеливо разъяснял Лесок, — в том, чтобы дать вам

необходимое для продолжения вашего путешествия. Другими словами, мы вас снабдим. Мы народ не плохой, просто осторожный. Взамен мы просим вас никогда не возвращаться и не упоминать о нашем существовании. Вам нельзя располагаться тут или в доме кукольника.

— Что дает вам право жить тут? Остров Козодоя — территория запретная, — сказал Мох.

— Эти люди пережили грязную войну. Почва заражена химикатами, но это наша родина. Их семьи крестьянствовали тут из поколения в поколение. Им некуда больше идти.

— Как они уцелели в Чистке? — спросил Мох.

— Этого я не готов вам рассказывать, — сказал Лесок. — Никогда не знаешь, что будущее тебе уготовит.

— Вполне справедливо. Тяжкая, должно быть, это жизнь.

— Люди живут тут недавно, — заметил Лесок. — Женского полу рождается куда больше, чем мужского. Есть болезнь, которая забирает большинство в раннем детстве. Врать не стану, бывает тяжко. — Он повернулся к Имоджин. Хотя до сих пор держался он спокойно, тень смирения легла на его лицо. — Некоторые люди верят, что вы — такая же, как Элизабет.

— Почему? — спросила Имоджин и испуганно глянула на Моха.

— Сочетание всякого. Тот факт, что сознание ваше переносили, татуировки…

— Чушь собачья! Не нужна нам ваша помощь, — заговорил Мох. Он встал. — Мы сейчас же уйдём. Никогда и не собирались оставаться.

— Подождите, — остановил его Лесок. Он повернулся к двери. — Ладно, входи.

Крупный седовласый мужчина, которого Мох видел за ужином, вошёл в дверь с ружьём в руках.

— Тьфу! — вспыхнул Мох, глядя на Имоджин.

Из-за спины мужчины выбежал Лютер в ночной рубашке. В одной руке он держал куклу, в другой жестянку из-под печенья и картонку с нарисованной шахматной доской. Мальчик сел напротив Имоджин. Моха поразили дружелюбие и уверенность, с какими он проделал это. Воистину, Лютер был у себя дома.

— Имоджин останется тут и поиграет с Лютером в шахматы, — сказал Лесок. — Ты пойдешь со мной. Меньше чем через час оба вы отправитесь своей дорогой. Провизией вас снабдят.

— Имоджин я тут не оставлю, — заупрямился Мох.

— Всё в порядке, Мох, — успокоила его Имоджин. — Я поиграю с Лютером в шахматы. Сходи выясни, что им нужно.

— Ладно. — Мох обратился к Леску: — Пошли.

Мужчина с ружьём сел за стол и закурил сигарету. Имоджин взяла у Лютера жестянку, выбрала в ней две фигуры разного цвета и положила их на ладони.

— В какой руке? — спросила она мальчика.

— В левой, — ответил Лютер. И усадил куклу рядом с шахматной доской — молчаливым свидетелем.

Мох чувствовал себя неловко, оставляя Имоджин, но пошёл за Леском через кухню, понимая, что иначе может дойти до перепалки. Ему хотелось узнать побольше, и в глубине души он не верил, что ей грозит опасность в присутствии Лютера. Пройдя кухню, они через дверь вышли наружу. Тропа, обрамлённая слабо светящими электрическими лампочками, вела к примыкающему строению. Оно было меньше и намного старее, стены сложены из полевых камней, а края крыши покрыты травой. Строение смотрелось как единое целое с окружавшим ландшафтом.

В тесном коридорчике Лесок попросил Моха снять ботинки. Поначалу Мох подумал, что это

предосторожность, чтобы не дать ему убежать, но потом увидел ещё шесть пар сапог, стоявших возле обшитой деревом стены. Лесок снял свою обувь и ждал, пока Мох расшнуруется. Ступая в одних носках, оба мужчины вошли в основное помещение. В нём главенствовал старинный обеденный стол. Большинство стульев пустовали. Пятеро сидевших обернулись. Шестая, Мэй, сидела в конце стола с вязаньем и считала петли. Умелец Ворон сидел напротив неё, на другом конце стола. Он кивнул Моху. Среди остальных были две женщины и двое мужчин. В центре стола лежал чёрный обтекаемый предмет. Его вычерненная огнём форма напоминала Моху ската. Медные проволочки свисали в том месте, где располагались бы жабры. Предмет был уложен на круглое деревянное основание. Между двух распростёртых «крыльев» была глубокая дырка, достаточно широкая, чтобы Мох при желании мог засунуть в неё палец.

— Никто не знает, — сказал один из мужчин, заметив его любопытство. — Это бригада по расчистке привезла из глубины острова.

Мох продолжал стоять. Все терпеливо ожидали, пока Мэй закончит вывязывать ряд. Мох дивился этому, но понял, что так они выражают

почтение. Наконец Мэй вздохнула и положила вязанье на стол.

— Эти рисунки с вязкой косичками меня изведут, — произнесла она, ни к кому особо не обращаясь. Вдруг Мэй подобралась, словно только-только осознала, что в комнате ещё семь человек, неловко ёрзающих. — Доктор Лесок, благодарю вас за то, что привели нашего гостя на заседание. Вы уже оповестили о затруднении, в котором мы оказались?

Доктор кивнул:

— Более или менее.

Мэй повернулась к тем четверым, с кем Мох не был знаком.

— Это Джэйсон, Эдриан, Сьюзен и Сара. — Мох раскланялся с ними по очереди. — Господин Мох и доктор Лесок, прошу вас, устраивайтесь поудобнее. — Когда они уселись, Мэй отодвинула вязанье в сторону и хлопнула ладонями по столу. — В нашем селении живут люди стойкие, связанные тяготами жизни.

Мох вглядывался в лица сидевших за столом и гадал, что за судьба была у каждого из них.

— Сколько вас? — задал он вопрос.

— Те, кого за ужином видели, — ответила Мэй, — плюс ещё немного тех, кто в городе про-

визией запасается. Осталась лишь половина той численности, что была пять лет назад.

— Доктор упомянул о какой-то болезни, — сказал Мох.

— Это верно. Эдриан объяснит.

Эдриан был печальным с виду молодым человеком с острыми чертами лица и руками механика.

— Благодарю, Мэй. Ещё пятнадцать лет назад число жителей было довольно стабильно. Так, обычные заболевания, какие можно ожидать в любом небольшом, закрытом сообществе.

— Что случилось?

— Однажды, в день, ничем не отличавшийся от нынешнего, — заговорил Эдриан, — одна из наших бригад по расчистке забралась в район в центре острова. Обычно-то мы держимся прибрежных областей, так легче передвигаться, да и завалов не так много. Несколько членов бригады помоложе рвались осмотреть обломки потерпевшего крушение воздушного судна, известного как «Горнило». Мы слышали, что на «Горниле» имелась работающая техника связи, которую мы могли бы использовать. Так вот, после многих дней блужданий по чащобе они таки нашли его. В конечном счёте ничего в рабочем состоянии не

извлекли. Они и принесли вот это — своего рода память об их приключении. — Эдриан указал на лежавший на столе предмет. — Вот так он выглядит, этот реликт техники, которую у нас нет никакой надежды понять. Как бы то ни было, бригада ещё больше углубилась в лес, вышла к большому затопленному району. В заброшенном монастыре, известном как Глазок, они наткнулись на нечто совершенно необычное. На мальчика, лежавшего в небольшом углублении, заваленного листьями и землёй. Он свернулся в клубок, как впавший в спячку зверёк, корни оплели его члены, будто пролежал он там уже немало лет. Когда тело мальчика освободили, он проснулся.

— Как он выглядел? — спросил Мох, у которого бешено забилось сердце.

— Как мальчик, какого мы не видали никогда, — сказал Эдриан. — Он был прекрасен, умён и прозрачен, как медуза. Двое из бригады приняли его за нечто сверхъестественное и попытались убить на месте. Они тут же погибли, пронзённые в десятке мест светящимися камнями, которые парили вокруг головы мальчика и, очевидно, исполняли его приказы. Остальные, охваченные ужасом, убежали. На следующий день они по-

пробовали вернуться, но, как ни старались, не смогли отыскать дорогу. — Эдриан положил руки на колени. — Мальчик же появился в их лагере и сказал, что сможет вывести их из леса. Слово своё он сдержал, только вот на обратном пути к селению несколько человек умерли от геморрагической лихорадки[24].

— Жаль только, что все они не подохли до того, как сюда добрались, — зло бросила женщина по имени Сара.

— Простите эту горячность, господин Мох, — сказала Мэй. — Сара на прошлой неделе потеряла сына.

— После того как оставшиеся члены бригады вернулись в селение, ещё многие умерли от этой болезни. Считалось, что мальчик принёс болезнь с собой, может быть, умышленно.

Джэйсон, мужчина, первым заговоривший с Мохом, продолжил:

— Недели спустя кто-то подговорил жителей селения самим решить дело, отведя мальчика к морю во время шторма. Ночью он уложил маль-

---

[24] Сноски: 24

Группа заболеваний вирусного происхождения со сходными проявлениями, при которых ведущая роль отводится поражению сосудов с развитием тромбозов или кровоточивости — в результате повышенной или пониженной свёртываемости крови (*прим. пер.*).

чика на плоский выступ, и разбушевавшиеся волны унесли его в океан. Больше мы его не видели.

— Если вы не знаете, кто это сделал, откуда знаете, что произошло? — спросил Мох.

— Я это видел своими глазами, — произнёс Умелец Ворон. — Только ночь была такая, что разглядеть лицо мужчины было невозможно.

— Тогда откуда нам знать, что это не был ты? — выкрикнула Сара.

— Тихо! — произнесла Мэй. — Что сделано, то сделано. У всех нас есть свои подозрения, кто это был.

— Джэнсон? — Мох не понял, как имя этого крестьянина вдруг сразу пришло ему на ум. Остальные не отвечали, но взглядами обменивались.

— Незадолго до того, как мальчик появился среди нас, — заговорил Эдриан, — произошёл несчастный случай. Дочь Джэнсона, Элизабет, упала в колодец и утонула. Она была красивой девочкой, и утрата её воспринималась мучительно. Тело её положили в Дубовый Дворец в ожидании похорон, и тут случилось нечто ужасное. — Мужчина умолк и издал нервный смешок. — Все находившиеся там ощущали в

помещении какое-то присутствие. Ощущение передавалось от человека к человеку. Всякий раз, когда оно покидало кого-то, человек без чувств валился на пол.

— Это накатывалось невидимой волной, — сказала Мэй. — Пока не дошло до мёртвой девочки. Нетронутыми оказались лишь те, кто скорбел, сидя за столом. Когда это дошло до девочки, та стала оживать. Она сошла со стола и пошла отсюда прямо в лес — невозмутимо, как принцесса.

— Джэнсон был раздавлен. Мы уверены, что, когда Джэнсон видел того мальчика и бедствие, которое тот намеренно навёл на нас, то убеждался, что это связано с произошедшим.

— Не могу вам сказать, правда это или нет.

— Не важно, что правда. Важно то, во что люди верят, — сказал Лесок. — Вас с Имоджин увидели задолго до того, как вы добрались до дома кукольника. Ещё мы знаем, что у вас есть один из таких странных камней. Этого вполне хватает, чтобы изгнать вас, принимая во внимание нашу историю.

Мох посмотрел в упор на Умельца Ворона, но тот не отводил глаз от техники на столе. Был он другом или врагом?

Раздался спокойный голос Мэй:

— Эти люди, наверное, обречены — большинство из них во всяком случае, вот только если они не поверят, что вся община думает одинаково, не будет никакой возможности поддерживать единство. Людям вроде Джэнсона никак нельзя предоставлять возможность разобщать людей. Вы должны поспать несколько часов, а потом уйти ещё до утра, иначе мне не обеспечить вашу безопасность. Прошу извинить. Эдриан, будь добр, собери карты из другой комнаты.

Зернохранилище

— Я с вами пойду, — сказал Джэнсон. — Моя ферма там, на взгорке. — Он стоял у двери в пальто, пропахшем табаком, и в шапке-ушанке. Ещё не светало. Единственная яркая звезда светилась сквозь разрыв в облаках. Мох не ответил, был слишком занят, запихивая в свою котомку оставленное на последнюю минуту. Имоджин тоже молчала, кутая себя в тёплое залатанное пальто и вглядываясь в разбрызганную чернильную тьму далекой линии деревьев. За несколько минут до этого Мох заметил, как Джэнсон поглядывает на Имоджин, и не смог определить, были то взгляды укора или чего другого. Мужчина отошёл в сторону и занялся своей трубкой.

— Вы меня слышите?

— Спасибо, но в этом нет необходимости, господин Джэнсон. Мы справимся, — сказал Мох. — Уверен, у вас есть дела поважнее. — Он подтянул завязки на котомке и перекинул её через плечо.

— Мне всё равно туда подниматься. Есть путь покороче, он избавит вас от того, чтобы пыхтеть

через коровье пастбище, где полно грязи и конского навоза.

— Имоджин, — позвал Мох. Та обернулась и, увидев, что Мох готов отправиться в путь, взяла свою котомку. — Прекрасно, господин Джэнсон, идите первым. — Никого из других жителей во дворе не было.

Они шли по дороге, которая уводила их от строений к зарослям кустарников позади. Мох с Джэнсоном шли впереди, а Имоджин поспевала за ними сзади. Она тоже чувствовала на себе внимание Джэнсона.

— Остров этот — место зловредное, тут вопросов нет, — говорил Джэнсон.

— Места зловредными не бывают, а вот люди — да, — возразил Мох. И подумал, далеко ли ещё до фермы Джэнсона.

— Ты про ведьму говоришь?

— Просто рассуждаю философски, господин Джэнсон.

— Она — не человек. Но, ручаюсь, есть смысл в твоих словах про то, что люди зловредны. Человек должен осторожно выбирать, с кем компанию водить.

Мох остановился и повернулся к Джэнсону.

— Вы о чём-то сказать мне хотите?

Джэнсон продолжал идти.

— Просто время провожу, — буркнул он. — Не заводись.

Мох пропустил Джэнсона вперёд, а сам пошёл рядом с Имоджин.

— Для запретного острова в этих местах слишком много народу толпится, — говорила Имоджин. Она тыкала своей палкой-посохом в дорожную грязь. — Здесь, похоже, очень высокий уровень безумия.

— Как и на любом острове, полагаю, — отозвался Мох. — Всё уплотнено. — Он продолжал идти рядом с нею. Уже час прошёл с рассвета. Джэнсон шагал впереди, вне пределов слышимости, и жевал бутерброд с холодной говядиной, который достал из кармана.

— Зачем он здесь? — спросила Имоджин. — Как далеко может быть его ферма? Мы уже вечность шагаем.

— Я не знаю. — Мох сбросил котомку и стал пить из фляжки. Имоджин остановилась, поджидая его.

— Спроси его про Меморию. Спорить готова: эти люди знают.

— Уже спросил. Говорит, что не знает. Никогда не слышал о ней.

— Врёт, по-моему. Женщина, в одиночку передвигающаяся по этому острову, недолго будет оставаться тайной. — Имоджин опустила котомку на землю и села на неё сверху. — Ты говорил, что они всё время за нами шпионили.

— Та же мысль и мне в голову пришла. — Мох обхватил пальцами оцелус, который держал подальше от чужих глаз. Тот был гладким и приятным на ощупь.

— Давай отстанем от него. Не может быть, чтоб этот путь — единственный, — предложила Имоджин.

— Что он сейчас делает? — спросил Мох.

Джэнсон остановился и стал ощупывать дорогу длинной палкой.

— Тычет палкой в грязь, — сообщила Имоджин. Мох не отозвался. Он разглядывал землю по обе стороны от места, по какому они только что прошли.

— Не шевелись, — предостерег Мох.

— Что ещё?

— Вон там. Видишь? — Мох направил её взгляд к точке шагах в десяти от них.

— Не вижу… — Глаза её широко раскрылись. — Это что, мина?

— Это противопехотная мина, — сказал Мох. —

Предназначена, чтоб ноги у тебя оторвать. Я мальчишкой несколько таких находил на пляже. Эта, похоже, из старых. Джэнсон завёл нас на старое минное поле.

Имоджин окинула взглядом поле.

— И сколько их?

— Сотни, наверное. А там поди знай. Большинство из мин уже похоронены под многолетними слоями травы. Ту, должно быть, морозом выперло.

Мох приложил сложенные ладони ко рту:

— Джэнсон! Это минное поле. — Провожатый был довольно далеко впереди. В ответ он пожал плечами и махнул Моху рукой. — Джэнсон!

С вершины холма Джэнсон прокричал:

— Мы знаем, кто она такая. — Он указал на Имоджин. — Кое-кто из нас с Мэй не согласен. Неправильно отпускать её на свободу. Это беду накликает. Я положу конец этой ерунде. Теперь доброго вам дня. — Клок его седых волос трепыхался на ветру, как петушиный гребень. Мужик повернулся спиной и закурил трубку. Мох орал ему вслед, но тот запетлял по неторёной тропке, сунув руки в карманы.

— Он блефует. — Имоджин не спускала глаз с Моха. — Мох, ведь правда?

— Я в этом не уверен. Я вижу край ещё одной, там. Бери свой рюкзак. Мы пойдём назад тем путём, каким сюда пришли. По нашим же следам можем пройти. Земля довольно мягкая. — Мох медленно повёл обратно по грязной дороге. Имоджин шла за ним след в след, положив руки на его котомку. Через двадцать минут они дошли до места, где скалы выходили на поверхность. И пошли по каменистой, хорошо протоптанной тропе прочь от поля. Повернув за угол, наткнулись на несколько селян с ружьями, нервно поджидавших в том месте, где скалы уходили в землю. В рассветном зареве вся группа выглядела одноцветной. Они перекрыли тропу.

Мох с Имоджин остановились. Один мужик с жутким оскалом поднял винтовку к впалому плечу и наставил её на Имоджин.

— Этим путём вам возвращаться нельзя. Таков был уговор.

Мох взглянул мимо мужиков, определяя, нет ли поблизости других или эти действовали сами по себе. На петляющей тропе показалась фигура велосипедиста, трясшегося в их сторону. Ошибиться было невозможно: Умелец Ворон. Все обернулись на громыхание двухколёсного чуда и звуки звонка. Никто слова не сказал, пока Умелец

Ворон не подъехал и, задыхаясь, не слез с велосипеда. Велосипед грохнулся о столб ограды, как ни старался ездок прислонить его осторожно.

— Бернард, опусти эту штуку, — выговорил Ворон. — Ты ж не собираешься застрелить безоружную женщину.

— Ты же знаешь, Умелец Ворон, кто она такая, и в Дубовый Дворец она не вернётся. — Мужик в растерянности слегка опустил ружьё. — Не смотри ей прямо в глаза.

— Этим путём Джэнсон завел нас на минное поле, — сказал Мох. Некоторые из мужиков понимающе ухмыльнулись. — Мы не хотим возвращаться во дворец. Просто хотим обойти его другой дорогой.

— Что с вами такое? — обратился Умелец Ворон к толпе.

— Ты ж знаешь. Ты сам это видел. — Бернард опустил ружьё, предостерегающе глянув на Моха с Имоджин. И подошёл поближе к Умельцу Ворону. — Её утащили, и она вернулась. После такого собой не вернёшься.

Мох с Имоджин переглянулись.

— Ты-то что про это знаешь? — усмехнулся Умелец Ворон.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что не все вокруг такие большие дураки, как ты, Бернард Приёмыш.

— Ещё поглядим, кто дурак, — огрызнулся Бернард. Он быстро повернулся и, подняв ружьё, выстрелил в Имоджин. Та уже начала поворачиваться. Пуля пролетела мимо и порвала её котомку. Мох прыжком подскочил к Бернарду и ударом направил ствол его ружья в небо. И с лёту ударил согнутым коленом мужику в живот. Бернард бросил ружьё. Мох оттолкнул его, а Имоджин тем временем бросилась за оружием. Раздался второй выстрел. Бернард вздрогнул и попятился обратно по тропе. Кто-то подстрелил Бернарда издали. Он шагнул три раза и осел на бок. Остальное мужичьё поспешило к укрытию.

— Бегите! — заорал Умелец Ворон.

Мох схватил Имоджин за руку и потащил её с тропы, подальше от минного поля. Они побежали под укрытие берёзовой рощицы. Грянул ещё один выстрел и прокатился эхом. Один из бежавших укрыться мужиков распростёрся на земле. Мох с Имоджин бежали, Умелец Ворон у них за спиной.

— Кто стреляет? — выпалила, задыхаясь, Имоджин.

— Мне не видно. Должно быть, забрались по-

выше, — ответил Умелец Ворон. — Может, из зернохранилища. Кто бы то ни были, они, похоже, на вашей стороне.

— Поднажмём, — бросил Мох через плечо. — Мужики тянуть не будут и скоро опять соберутся.

Они остановились перевести дыхание под прикрытием деревьев. Солнце осветило верхушки деревьев, но подлесок всё ещё оставался в глубокой тени. Мох стоял у корней большого дерева и оглядывал место, откуда они выбрались. Вдалеке на земле лежал Бернард Приёмыш, не двигаясь. Другого погибшего видно не было. Зернохранилище, о котором говорил Умелец Ворон, омывалось золотом на фоне неба, но никакого движения на нём заметно не было. На мгновение Мох наполовину ожидал увидеть Шторма, пока не вспомнил, что тот погиб.

— Чёрт, близко прошла, — раздался у его плеча голос Имоджин. Мох обернулся и обхватил её.

— Ты ранена? — Он сунул палец в дыру в её котомке.

— Просто тряхнуло. Эти люди безумны.

— Они перепуганы, — поправил Умелец Ворон. — У Бернарда двое детей было. Ему известно, что стряслось с дочерью Джэнсона.

Имоджин подошла к Умельцу Ворону и наставила палец ему в лицо.

— У меня что, такой вид, будто я настроена на справедливое и взвешенное обсуждение? Да не повернись я, пуля этого засранца сидела бы у меня в печёнке.

— Я сожалею, — выговорил Умелец Ворон.

— Держитесь от меня подальше. — Имоджин вернулась к Моху: — Ну и?

— Теперь мы направляемся в центр этого острова и стараемся отыскать Меморию прежде, чем кто-то ещё доберётся туда первым. — Он вынул из кармана оцелус и подбросил его в воздух. Камешек крутанулся волчком, прежде чем завис прямо над Мохом.

— А с этим как?

— Я иду с вами, — сказал Умелец Ворон, следя за светящимся камнем. — Я знаю, как привести вас к Глазку. — Он многозначительно глянул на Моха. — Ты не единственный, кто обещание давал.

«Горнило»

После трёх дней хождения по лесам они вышли к обломкам «Горнила». Вогнутая оболочка из серого металла была зажата между двумя стенами узкого ущелья, по дну которого в пятидесяти футах[25] с оглушительным рёвом неслась река. Оболочка образовала неглубокую чашу со стоялой водой. Имоджин сказала, что самолёт смотрится, как мост, но, на взгляд Моха, выглядел он больше как произведение искусства. Трудно было вообразить себе ремесло, которому подошла бы столь невероятная форма. Было опасно, если вообще возможно, добраться до места крушения, поскольку обломки лежали по меньшей мере на тридцать футов[26] ниже той узкой тропы, какую Мох с Имоджин только что обсуждали.

Они сидели на краю скалы, свесив ноги над пустотой. На другой стороне ущелья деревья были редкими, и лесную почву усыпали листья с иголками. Солнце ласково грело кожу. Повсюду

---

[25] Сноски: 25
Немногим более 15 метров (*прим. пер.*).

[26] Сноски: 26
Нескольким более 9 метров (*прим. пер.*).

вокруг них птицы сбивались в шумные стайки или быстро проносились от дерева к дереву. Воздух был напоён ароматом сосновой смолы. Умелец Ворон забрался позади повыше их, чтобы рассмотреть, что можно было увидеть. Они всё больше привязывались к этому тихому человеку. У него, как оказалось, было чутьё на самый лучший путь. Главное беспокойство у Умельца Ворона вызывали мужчины, которые шли за ними от Дубового Дворца. Мох никаких свидетельств этого не замечал, но был признателен их спутнику за бдительность.

— Внизу в ущелье ещё обломки есть, — произнёс Мох. Имоджин откинулась на ковёр из хвойных иголок, подложив под голову край своей котомки, как подушку. Она сняла с себя куртку и задрала футболку: солнышку позволялось погреть девичий живот. Имоджин сонно мурлыкала. Мох легко очерчивал пальцами линии татуировки на её коже. Имоджин улыбнулась.

— Веди себя пристойно, — произнесла она не очень-то убедительно. Мох лёг рядом с нею, положив щёку ей на живот. Тот был упругим и тёплым. Он чувствовал, как бьётся её сердце, и от этого его собственное билось учащённо. — Как по-твоему, долго Умелец Ворон будет отсутствовать? — Мох

почувствовал её пальцы на своей шее.

За их спинами затрещал валежник. Мох вздохнул. Он сел и обернулся, ожидая увидеть Умельца Ворона. Увидел же вместо него Джэнсона, крадущегося по лесу всего в двух десятках шагов. Мох тряхнул Имоджин. Та тут же села.

— Что? Что стряслось? — спросила.

Поняв, что его заметили, Джэнсон поднялся, ухмыляясь, и пошёл к ним. Мох с Имоджин встали. Краем глаза Мох видел, как Умелец Ворон спускался по склону холма за спиной Джэнсона.

— Тебе чего надо? — спросил Мох.

Джэнсон шагал на него, неодобрительно крутя головой. В правой руке он сжимал камень. Хватка была такой, что побелели костяшки пальцев.

— Знаешь, а ты был прав, — заговорил Джэнсон. — Всё зло от людей. И нет большего зла, чем от таких, как она.

— Осади, засранец, — выпалила Имоджин. Мох старался удержать её у себя за спиной, но она и не думала прятаться. Вперёд вышла. — Что ты знаешь обо мне?

— Имоджин, — произнёс Мох, предостерегающе протянув к ней руку.

Джэнсон подошел ближе. То место на его губе, где обычно покоился мундштук трубки, сильно

посинело и отливало глянцем.

— Это такая, как она, забрала мою девочку. Чтоб пусто было и тебе, и твоей чокнутой магии. Тебя сжечь надо. Ты — болезнь.

Мох встал между Джэнсоном и Имоджин со словами:

— Она никакого отношения не имеет к тому, что случилось с твоей дочерью. Давай-ка успокоимся и поговорим.

Джэнсон, дёрнувшись, отступил. Мох понял, чего ждать. Что-то в стойке, в движении мышц плеча бросилось ему в глаза.

— Имоджин, ложись! — выкрикнул он.

Но было уже поздно. Джэнсон бросил камень. Тот на две половинки распался, ударившись о голову Имоджин, и отлетел в ущелье. Крови не было, только красная отметина, которая тут же стала набухать, и Имоджин, зашатавшись, упала Моху на руки.

— Ты что наделал, безмозглый кретин! — заорал Мох. Джэнсон метнулся к Имоджин и ухватил её за волосы. Мох развернулся, врезав кулаком Джэнсону под затылок. А тот, не отпуская Имоджин, шатаясь, стал пятиться к краю ущелья.

— Стой. — Мох прыгнул вперёд, изо всех сил ухватив Джэнсона за ноги. Имоджин безвольно

переставляла ноги. — Джэнсон, прошу тебя, — умолял Мох. — Прошу!

Джэнсон упал навзничь и увлёк Имоджин за собой. Мох рванулся к краю и последовал бы за ними, если бы две крепкие мужские руки не обхватили его и не отшвырнули в сторону.

— Мох! Ей конец, — сказал Умелец Ворон. Мох вырвался из его рук. Глядя вниз, он видел тело Джэнсона, лежавшее под водой — в чаше, на обломках «Горнила».

Никаких признаков Имоджин видно не было. Она упала в стремительный поток.

— Я должен спуститься туда, — заклинал Мох Умельца Ворона.

— Выжить она не могла. Там слишком много валунов, Мох.

— Я не оставлю её. — Мох ухватил Умельца Ворона за руку. — Помоги мне спуститься туда.

— Ладно, — ответил тот. — Это будет нелегко.

И это было нелегко. Ущелье оказалось глубоким, сплошь в трещинах. Держась руками за ветки и корни, они спустились по крутой тропке, едва находя на скалах опору для ног. Мох рвался вперёд, пренебрегая опасностью. Умелец Ворон двигался осмотрительнее, но постоянно держал своего спутника в поле зрения. Чудовищность

того, что произошло, волнами ошарашивала Моха. Он даже представлять себе не хотел, что Имоджин погибла. Когда Умелец Ворон в конце концов отстал, Мох криком заторопил его, укоряя, что не слишком-то тот старается. Полчаса спустя после нападения Джэнсона Мох спрыгнул со скалистого выступа высотой в два его роста на кучу глинистого сланца. Окровавленный и оглушённый, он по пояс забежал в речную воду, от которой у него дух перехватило. Перебирался с камня на камень, выкрикивая имя Имоджин. Ответа не было, один нескончаемый рёв речных порогов.

Они прошли обратно по реке до тени от «Горнила». Мох чувствовал, как течение двигало камни под ним. Вода была, словно живая, так и обвивалась, стараясь сбить его с ног. Он не был в своей стихии, но мысль, что Имоджин в этой стихии одна, была непереносима. Мох осмотрел отвесные стены ущелья. Сама природа этого места, казалось, была настроена против него. Он стоял в холодной тени самолёта, вымокший до нитки. А Умелец Ворон сидел на берегу, упершись локтями в колени и низко свесив голову.

В конце концов Умелец Ворон развёл костёр под укрытием ржавеющего реактивного двигателя. В

смеркающемся свете он поднялся на ту сторону ущелья, где они оставили свои вещи. Мох пробудился, когда три котомки ударились о землю в нескольких ярдах[27] от него. Стоявшего наверху Умельца Ворона не было видно. Разглядеть Мох смог лишь звёздную речку, обрамлённую деревьями. Несколько минут спустя Умелец Ворон крикнул вниз, но разобрать что-либо в его крике было невозможно. Мох подбросил хвороста в огонь и вновь улёгся спать. Во сне ему виделась Имоджин и её рассказ о том, как она была лисицей. Парящий орган, бывший некогда частью Радужника, ускользнул от него, когда Мох попытался стащить его у Элизабет. Мох проснулся от собственного крика во тьме и больше уже в ту ночь не смыкал глаз.

С первым светом они поделили всё необходимое из поклажи Имоджин. В одном из карманов Мох нашёл кубик гашиша. Уложил его и кое-что из её одежды к себе в рюкзак, завернув в одну из её рубашек «Певчих птиц острова Козодоя» и рисунки. Покончив с этим, Мох спрятал котомку Имоджин под груду камней.

— Мы пойдём по течению, — сказал Мох. — Мо-

[27] Сноски: 27
Один ярд равен 91,44 сантиметра (*прим. пер.*).

жет быть, найдём её, если есть отмели. — Умелец Ворон кивнул.

— Ты уверен, что хочешь найти её? — спросил Умелец Ворон.

— Да, — сказал Мох. — Возможно, она ранена.

Немало часов прошагали они, выкрикивая имя Имоджин, сквозь медленно густеющий туман. Внимательно осматривали воду, проверяли торчащие брёвна, за которые могла бы зацепиться её одежда, но всё напрасно. Увидеть все части реки было никак невозможно. Некоторые её изгибы скрывали глубокие омуты, в которых вода казалась чёрной, а в других местах в белой пене на скалы взмывали гейзеры. Тело Имоджин могло быть в любом из них.

К исходу утра они подошли к водопаду в форме подковы, вода в котором падала с высоты около сотни футов[28]. В отдалении ландшафт принимал равнинный характер. Река терялась в море деревьев. Мох сел на сланцевую плиту.

— Посмотри туда, вниз, — сказал Умелец Ворон, присаживаясь рядом с Мохом.

Тот посмотрел в сторону, куда указывал палец спутника. Поначалу это казалось очередным

---

[28] Сноски: 28
Почти 30,5 метра (*прим. пер.*).

пятном почерневшей скалы на краю омута, питаемого водопадом. В поредевшем тумане вырисовалась форма кареты Элизабет. Эхо стоял несколько в стороне, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вид кареты сразу же вернул Моха к его снам в прошлую ночь и к рассказу Имоджин о встрече с Элизабет в лесу. Одна картинка встала перед глазами: белая рука, появляющаяся из кареты, чтобы забрать светящийся орган. И вдруг он понял, почему им не удалось найти тело Имоджин.

— Она в карете, — с твёрдой уверенностью произнёс Мох. — Река вынесла её прямо ведьме в руки. Мы должны вызволить её.

Предмет желаний

— Уверенным быть нельзя. — Умелец Ворон следил, как туман вился вокруг основания водопада. Эхо исчезал, вновь появлялся и опять исчезал. Он знал, что собой представлял Эхо, и чудище его ужасало. В глубине его желудка шевельнулась, словно уговаривая, стеклянная куколка, лежавшая в нём с тех пор, как он украл её у ведьмы — много лет назад. Она хотела присоединиться к другим куколкам, сидевшим внутри Эха. Они были жизненной силой демона. Он понимал, что и демон тоже ощущает такое же шевеление от близости Умельца Ворона. Эхо пропадал в тумане, наверняка чувствуя такое же дёрганье у себя в животе.

— Я уверен, — упорствовал Мох. — Элизабет следила за нею с самого начала. Ждала своего шанса, как паук. Это наказание за дела её отца.

Умелец Ворон с этим согласился. Мох выглядел ужасно. Кожа на его руках и лице была иссечена рубцами после срывов на спуске со стены ущелья. «Так, глядишь, — подумал Умелец Ворон, — он на острове и не выживет». Мох был бы не первым,

кого сводило с ума помешательство на предмете своих желаний в лесистых дебрях острова Козодоя.

— Что, по-твоему, он делает? — спросил Умелец Ворон.

— Ждёт. Охраняет карету. Не вижу ни Элизабет, ни её пса.

Час прождали они наверху водопада, бдительно следя за каретой и Эхом. Элизабет не появлялась. Неослабевающий каскад воды, всё время меняясь, всё же оставался неизменным.

— Насколько это для тебя важно? — задал вопрос Умелец Ворон.

Мох, хранивший молчание, полоснул его взглядом.

— Если хочешь уйти, уходи, — сказал он. — Обиды на тебя держать не стану.

— Я не о том спрашивал.

— Я не уйду отсюда без неё.

— В живых она никак не могла бы остаться. Слишком с большой высоты падение. Как я уже говорил, чересчур много валунов, — рассуждал Умелец Ворон.

— Возможно, — отозвался Мох. — Только я не оставлю её тело в руках этих монстров. — Он помолчал. — Чего бы это ни стоило.

— Понимаю, дружище. — Умелец Ворон положил руку на плечо Моха. Он закрыл глаза и вобрал в себя шум водопада, прохладную влагу на коже и густой сладкий запах сосновой смолы. Куколка дёрнулась.

— Думаю, я сумею отвлечь Эхо, во всяком случае, на несколько минут.

Мох дружески хлопнул по руке на своём плече:

— Спасибо тебе.

— Жди тут. Когда увидишь, что Эхо отошёл, иди по той тропке влево. Похоже, это самый короткий путь вокруг водопада. Я с другой стороны буду спускаться среди деревьев, чтоб меня видно не было.

— Будь осторожен, — предупредил Мох. — Элизабет может быть где-то поблизости.

Умелец Ворон подмигнул:

— Мох, знаешь, мне никогда не доводилось никого любить. И всё же горе мне понятно. Уверен, что Имоджин не захотела бы, чтоб ты причинил себе ещё большую боль. Есть много способов воздать честь умершим. Возможно, один из них — просто идти дальше, оставив её в покое. Не делай ничего, о чём позже мог бы пожалеть. Жизнь длинна, и пусть сейчас она, возможно, такой не кажется, это ещё не всё. Всё не сходится воедино

в одной точке времени. Твоя жизнь — впереди. Я вижу это в твоих глазах.

— Береги себя, — твёрдо выговорил Мох.

Умелец Ворон несколько секунд смотрел на него, надеясь, что тот передумает, надеясь, что решимость его угаснет. Когда этого не произошло, он надвинул на голову капюшон и юркнул в гущу деревьев.

Эхо стоял на пространстве чёрного сланца, о котором когда-то Умельцу Ворону рассказывали как об окаменевшем иле. Окаменевший ил крошился под ногами чудища, и, хотя с места, где стоял Умелец Ворон, этого видно не было, он знал, что в иле полно трилобитов и брахиопод, этих останков древнего мира до эры человека и машин. Они создали жирную грязь.

Эхо был укутан в тяжёлое пальто, из которого вылезали несчётные тонкие выросты, разраставшиеся на влажном воздухе. Выросты напоминали Умельцу Ворону похожих на волос червей, которых он видел змеившимися в разрушенных прудах Абсентии. Кожей Эху служила кора. Там, где было видно, она была толстой и корявой. Ноги его были трёхпалыми тумбами, наподобие носорожьих, с удивительно светлыми ногтями. Из всего лица Умельцу Ворону был виден лишь

единственный глаз. В сравнении с размерами чудища был он на диво маленьким и окружённым толстыми вздутиями и складками грубой кожи, опушёнными щетиноподобными ресницами. Немигающий взгляд Эха, казалось, омрачала бесконечная печаль. Позади чудища гремел водопад. Умелец Ворон одолел искушение поискать Моха на верхних скалах.

Не было сомнений: Эхо его увидел. Чудище перестало раскачиваться. Умелец Ворон бросил притворную игру в прятки и вышел из лесного укрытия. Забрался на шаткий сланец. Тот качнулся у него под ногой, и Ворон едва не полетел в омут. Вибрация падающей воды отдавалась дрожью в его теле. До Эха он добрался насквозь мокрым и тяжело дышащим. Забираясь на выступающую с одного конца плиту, он видел, как вспенивается под ней вода, бесконечно растекаясь по тёмным пустотам. Эхо стоял на противоположном конце спиной к водопаду. Чёрная карета стояла в нескольких ярдах на твёрдой почве естественного берега реки. Позади неё лес поднимался почти чёрной стеной, изредка прерываемой проблесками красного: птица-кардинал перелетала с дерева на дерево. Умелец откашлялся, собираясь заговорить, но Эхо опередил его.

— Ворон. — Чудище моргнуло. Пар поднялся от его тела, искры засверкали в его дыхании. У Умельца Ворона задрожали ноги. На задворках сознания появилась мысль, не настал ли последний миг его жизни. В этом месте ошеломляющей красоты, в месте, где он слышал ток крови планеты, видел её выступающие кости.

— Да, — произнёс Умелец Ворон. Ему приходилось кричать, чтобы было слышно. Голос же Эха доносился до него голосом в собственном ухе.

— Ты пришёл вернуть то, что украл? — спросил Эхо. Умелец Ворон ощутил шевеление у себя в животе. — Освободить наконец-то меня от этого?

Такого он не ожидал. Не зная, как ответить, произнёс:

— Освободить тебя?

— Мне это тело навязали, меня не спросив. Только ты можешь это исправить.

Умелец Ворон опешил:

— Я? Да как я могу исправить такое? Искусству волшбы я никак не обучен. — Куколка у него в животе затрепетала так, будто, того и гляди, в панику ударится.

— Нужно лишь разбить её, но отдать её надо своей волей. Ты вёрнешь мне стекляшку? — Струйка искр лизнула мокрый камень и обожгла

ноги Умельца Ворона.

Пришёл, значит, день, когда он вернёт куколку, день, когда он перестанет быть человеком, а то и вовсе перестанет быть. Несметное число раз представлял он себе, каким он будет, этот день. С самого начала знал, конечно же, что, когда приспеет время, он вернёт украденное им, и с каждым толчком в его теле куколка ныла всё сильнее. Он уже едва ли помнит, как это — быть вороном. Он так сильно переменился. Старая его жизнь была всего лишь памятью его памяти. Мысль вернуться к прежнему, пожертвовать тем, чего он достиг, ужасала его. Только, хоть он и привык к своему человеческому обличью, он всё время чувствовал себя каким-то самозванцем. Умереть, притворяясь не тем, кем ты был рождён, всё равно что предать самого себя. Да. Он взглянул в небо и улыбнулся. Мысленно увидел мальчика — Монстра, Скворца, Радужника. Там, в Ступени-Сити, Радужник разыскал Умельца Ворона. Радужник взял с него слово помочь Моху, наверное, предвидя именно этот день. До чего же прекрасно было бы сейчас суметь одним движением загладить свою вину и сдержать данное слово.

— Да. — Он сунул два пальца себе в глотку. —

Да. — Слёзы брызнули из глаз. Куколка билась на самом верху желудка. Он согнулся пополам и взвыл. Что-то внутри лопнуло, и кровавый пузырь появился в уголке рта. Слишком всё быстро происходит, надо бы отвести чудище подальше от кареты. Он повернулся, готовый бежать. Ботинок поскользнулся на водоросли, и он упал всем телом на одно колено. Куколка сидела уже в пищеводе. Зажав одной рукой горло, другой он подталкивал себя к краю скалы. Эхо двигался за ним.

— Седьмая стекляшка покончит с этим. — Рёв Эха слился воедино с рёвом водопада — Ну, прошу тебя.

И тут, словно обжигающий слиток, она вновь оказалась в горле у Умельца Ворона. Тот перевернулся на спину не в силах ни крикнуть, ни вздохнуть. Сунул в рот два пальца, почувствовал её гладкую поверхность. Кровь ленточками стекала с его пальцев, когда он вытащил их. Кулаки сжались у виска, он перевернулся и ткнулся головой о камень. Стеклянная куколка скользнула по скале к воде.

— Нет! — взревел Эхо. — Хватай её! Разбей её!

Умелец Ворон протащился вперёд, хватая ртом воздух. Пальцы его нащупали куколку в неболь-

шом углублении. Он бил ею по земле, пока в кровь не содрал кожу на пальцах. Вдруг куколка лопнула, обратившись в облачко стеклянной пудры. Он слышал у себя за спиной вой, но судьба Эха больше его не заботила. Руки его тряслись. Он чувствовал, как дробились зубы, когда стала вытягиваться передняя часть черепа. Собрав все оставшиеся силы, Умелец Ворон протащился до края затвердевшего ила и бросился в бушующую реку.

Стоя высоко над водопадом, Мох видел, не веря своим глазам, как тело Умельца Ворона упало в воду и пропало из виду. От рёва, который вырвался у Эха, на руках у Моха вздыбились все волосы. Громадная голова чудища склонилась вперёд. Миг-другой Мох ждал, что Эхо опять взвоет, но чудище умолкло. Тело его рушилось внутри, будто сырость воздуха растворяла его. Пальто отлетело в сторону, будто сброшенная кожа. Палки, кости, бумага, ракушки и останки животных подвисли и кучами рухнули на землю. Всё это сгорело в столбе голубого огня. А потом Эхо исчез, оставив после себя дымящийся курган.

Рука тьмы

Карета оказалась больше, чем виделась издали. Безоконный возок крепился на ходовой части, предназначенной выдерживать громадный груз. Тяжёлые колёса глубоко ушли в покров из мха, на котором в данный момент стояли. Сама карета была сделана из дерева, под пальцами Моха оно казалось таким же твёрдым, как железо. Все части соединялись друг с другом так же плотно, как на корабле. Больше это походило на гробницу, нежели на карету, и всё же, рассуждал Мох, где-то должен быть вход. Он сделал несколько кругов, исследуя замысловатую резьбу, покрывавшую каждый дюйм поверхности кареты. Эротические сцены и даже демонические пирушки украшали дерево с поразительной сложностью. Впечатление было отталкивающим, и впервые он пожалел, что Шторму не удалось сжечь эту карету.

Оглядев водопад и лес, чтобы удостовериться, что никто не подглядывает, Мох полез на карету. По спицам забрался на высокое заднее колесо. Оттуда было легко перейти на крышу, держась за

фантастический орнамент, как за ручки. Покрытый грязью, мокрый, чувствуя себя наполовину помешанным, он опустился на четвереньки и оглядел окружающую местность с крыши кареты. По-прежнему не было заметно никаких признаков ни Элизабет, ни её дьявольского пса.

Посреди крыши находилась латунная ручка-кольцо с ключом-бабочкой в центре. Сделав пол-оборота, Мох почувствовал сопротивление ключа, но стоило ему поднажать, как раздался отчетливый щелчок. Мох открыл круглый люк и отвернулся, когда изнутри вырвался густой запах тления. Внутри кареты было темно. Мох надеялся на пучок слабого дневного света, проникавший через люк. Лесенка из кости и латуни вела в странный провал, бывший частично спальней, частично могилой. Стенки были обиты шёлком и тёмным бархатом. С удивлением Мох обнаружил, что пространство, в каком он находился, намного превосходило внешние размеры кареты. Мох двигался украдкой, чуя, как нервно бьётся в ушах пульс.

Меч, которым Элизабет рассекла Радужника, висел в нише, красиво украшенной резьбой по дереву. Пол тоже был из дерева, до того отполированного, что в нём, как в стоячей воде,

отражалась внутренность кареты. В одном конце пространства располагалась встроенная кровать с опущенными занавесками. За тканью лежал кто-то — спящий, судя по звукам дыхания. Мох заставил себя на время не обращать внимания на звуки. Перед кроватью на полу лежала Имоджин. Она была обёрнута в белый муслин и обвязана красной верёвкой. В воздухе стоял сильный запах диких трав и потревоженной плесени. Мох погладил Имоджин по щеке сквозь тонкую ткань. На его взгляд, она и в самом деле походила на добычу паука. Пульс у неё бился — слабенько. Слёзы признательности навернулись на глаза, когда он прижал её к себе.

— Я тут, — шептал он. Поднял её, дивясь тому, насколько она легка. Поднять её по лесенке было непростой задачей, но он с ней справился. Прижимая её к себе, выбрался из кареты и соскользнул на землю. Отнёс её на несколько шагов в сторону и с величайшей бережностью уложил на подстилку из сосновых иголок. Действуя быстро, развернул ткань. Имоджин задышала ровнее.

Мох вернулся к карете и ещё раз спустился вовнутрь. Когда приблизился к опущенным занавескам кровати, из-за них высунулась рука. Рука была женской, с длинными пальцами и

голубоватыми сильно отросшими ногтями. Кожа была белой, как личинка жука. С бешено колотящимся сердцем Мох осторожно снял меч со стены. И выровнял его острие по телу за занавесками. Бледные пальцы шевельнулись, медленно, будто воздух ощупывали. Руку Моха била жуткая дрожь. Стиснув зубы, он приготовился нанести удар через ткань. Это была настоящая Элизабет, монстр, втиснувшийся в тело утонувшей девочки, монстр, убивший Радужника.

Он ощутил горячее дыхание на шее. Быстро обернулся, но там никого не было. Царапающие звуки раздавались снаружи кареты. Белая рука, слепо шаря, хлестнула его, оставив красные царапины на предплечье. Потом она ухватила его — крепко. Сила её была поразительной. Пальцы сомкнулись вокруг запястья, и он почувствовал, как кости трутся друг о друга, будто камни. Что-то невидимое и горячее змеёй скользнуло ему в открытый рот. Он давился, не в силах дышать. Из-за занавески появилась вторая рука. Она ткнула большим пальцем ему прямо в нёбо, а бледные пальцы потянулись к его глазам. Дёрнув головой, Мох покрепче сжал в руке меч. Понимая, что всего секунды отделяют его от смерти, он ударил мечом сквозь занавеску в то, что лежа-

ло за нею. Раздался ломящий уши визг, и руки ослабили хватку. После третьего удара лезвие вернулось покрытым кровью. Руки отпали, и Мох отлетел назад, уронив меч из рук на пол. Он жадно задышал. Звуки снаружи кареты смолкли.

Несколько секунд — и Мох вполне пришёл в себя, чтобы стоять на ногах. Подняв меч, остриём его откинул занавеску. Среди шелков лежала окровавленная женщина. Таких длинных волос, как у неё, Мох не видел никогда — белые, запутанные в узелки. Её глаза были окрашены светлейшим из оттенков голубого. Мох упал на колени и схватил недвижимые руки, вытянул их в слабом свете. Каждую руку покрывали тонкие белые шрамы, как браслеты из ниток. Это была Мемория. Она закричала и вырвала свои руки. Сила рывка качнула Моха вперёд. Мемория вцепилась в него и свалилась на пол кареты. Он ухватил её за колено, но она откатилась прочь. Ударила в пол кулаком, и потайной люк, провалившись, скрыл её из вида. Пока Мох добрался туда, люк встал на своё место. Он колотил по нему нещадно, но люк так и не открылся.

Ошалевший от увиденного, Мох выбрался из кареты на прохладный, омытый дождём воздух. И только когда его ноги оказались на земле, он

понял, что вынес с собой меч. Мемории нигде не было видно. Глянув на Имоджин, убеждаясь, что она в безопасности, он торопливо завернул меч в рубашку и закрепил его на рюкзаке. За спиной громоздилась карета. Что бы ни скреблось снаружи — оно пропало. Возможно, ему показалось. На опушке было тихо. Мох поискал Мемории в близлежащем лесу — безуспешно.

Потрясённый, он пошёл обратно, туда, где Умелец Ворон сражался с Эхом. Мох не понял, что тут произошло. Понял только, что Умелец Ворон пожертвовал собой, чтобы дать Моху возможность спасти Имоджин. Как именно пришёл он к такому решению, сказать было невозможно. Глядя в воду, бегущую под скалой, Мох понял, что, и не понимая всего, он не мог не быть признательным за добро.

На куче того, что осталось от исчезнувшего Эха, Мох нашёл шесть стеклянных куколок. Он чисто вымыл их в луже и глянул в них на просвет. Сначала решил было положить их себе в рюкзак, но потом передумал. Они ему не нужны. Невзирая на ужасающее обличье Эха, была в этом чудище какая-то глубокая печаль. Одну за другой Мох побросал стекляшки в воду. Те вспыхивали на мгновение, перед тем как пойти на дно. Опустив-

шись на колени, он склонился перед водопадом. Прижав голову к камню, позволил себе неторопливо разобраться в скрытом смысле того, что в карете оказалась Мемория. Она и была ведьмой, всё время. Мох перевернулся на спину, и капли дождя смешались с его слезами.

Опасаясь возвращения ведьмы, он поднялся. Медленно пошёл обратно, туда, где оставил Имоджин. Она пропала. Он обежал карету, выкрикивая её имя, пока не услышал её голос, зовущий его. Идя на голос, он пришёл к глубокой выемке в скале. Имоджин сидела на корточках, мягко убирая пряди чёрных волос с серого личика Элизабет. Когда Мох спустился к ним, то заметил, что ногти на руках Элизабет поломаны и покрыты кровью. В подушечках пальцев застряли занозы от деревянной обшивки кареты.

— Когда я нашла её, она лежала лицом вниз, — сказала Имоджин. — Мёртвая.

— Имоджин. — Только это он и смог выговорить, крепко обняв её. И долго держал так. — В карете была Мемория, — сказал, отпустив Имоджин. — Она и была ведьмой.

Имоджин в замешательстве глянула на него.

— Мох, как?

— В этом есть смысл. Джон увёз её из Глазка,

того же места, где он нашёл сундук. Он был там всё время.

— Я очнулась в карете после того, как Джэнсон сбросил меня с утёса, — сказала Имоджин. — Я видела её. Ужас!

— Она убежала.

— О боже.

— Нам надо найти её, в лесу поискать. Я её ранил.

Имоджин решительно тряхнула головой. Лицо её было в кровоподтёках и царапинах от падения, но, похоже, серьёзных ранений не было.

— Нет. Мы должны похоронить Элизабет. Мы должны похоронить их обоих. Элизабет и Джэнсона.

— Что?

— Джэнсоном лишь горе двигало.

— Он же убийца, — недоумевал Мох.

Имоджин взяла его за руку.

— Если мы не отнесёмся к нему с достоинством, будем всю оставшуюся жизнь носить в себе ненависть к нему. Он не был монстром, как бы сильно нам ни хотелось, чтоб был.

— Я не смогу. Имоджин, он пытался убить тебя, — с горечью убеждал Мох.

— Верно. Только у него на уме была причина,

настоящая причина, Мох. Он был заблудшим болваном, но не монстром. Нам нужно уважать человеческое в нём. Я прошу, ради меня.

— Будет трудно достать тело, — сказал Мох. Он посмотрел вдаль — на деревья по другую сторону водопада, где на ветке лиственницы сидел пегий ворон. Тело его поплавком дёргалось вверх-вниз.

— У нас есть верёвка.

Ворон громко каркнул, выгнув вниз голову.

— По-моему, эта птица говорит, что нам пора идти, — заметил Мох.

Ворон нетерпеливо ходил по земле взад-вперёд.

Достать тело Джэнсона было делом опасным, но они действовали осторожно и последовательно. Тяжкий спуск в ущелье и приготовление могилы дали Моху время умерить свой гнев и если не простить, то по крайней мере начать подходить к пониманию событий. Работать пришлось в поте лица, одной лишь туристической лопаткой и голыми руками разгребать землю. Когда они закатили тело Джэнсона в могилу, Мох вытащил из его сапога пистолет и положил в карман бушлата. Под конец, когда Джэнсон с его дочерью были похоронены вместе, Имоджин разбросала по земле осенние цветы. Потом они помылись в

реке и безмолвно ели, сидя у костра.

— Теперь третье, — задумчиво произнесла Имоджин.

Мох вынул из кармана свой оцелус.

Они возвратились к карете. Мох залез в неё — в последний раз поискать тот орган, который Мемория извлекла из Радужника. Отыскал его среди простыней — наполовину съеденным. Когда Мох выбрался, он запер верхний лаз, а ключ-бабочку швырнул в водопад.

Глазок

— Безнадёжно. — Мох расправил карту на земле, где складывал её потрёпанные части в целое. В Дубовом Дворце Мэй вручила ему карту в старой папке, перехваченной прорезиненной тесёмкой. Складки карты давно истлели, и Моху досталась лишь кипа прямоугольных кусков. Последние несколько дней он терпеливо разбирал их, сравнивая получаемый результат с топографией местности. Было позднее утро. Ранняя прохлада отступила перед солнцем. Они расположились под яблоней, на которой всё ещё оставались листья. Воздух был сладок от брожения.

— По-моему, у тебя вон тот кусок слева вверх ногами, — сказала Имоджин.

— Нет, смотри, тут это сходится, — возразил Мох, указывая на голубую закорючку, проходившую через оба листка бумаги, прежде чем заметил её удивлённый взгляд.

Карта изображала территорию, какой та была много лет назад. Со времён Чистки процесс экологического замещения неустанно и действенно сглаживал большую часть следов человеческой

деятельности. Маленькие городки и дороги, соединявшие их, распадались под деревьями и кустарниками. Иногда оседание почвы или геометрически правильный выход пород выдавали места прежнего обитания. Мучительные сами по себе, эти «ключевые ориентиры», как оказалось, ещё и трудно было сверять по потрёпанной карте. В каком направлении надо двигаться, они знали, однако сознавали и то, что можно было дни потратить понапрасну, чтобы установить достоверность причуд ландшафта. Не попадалось никаких следов Мемории. Если она выжила, то по-прежнему оставалась грозной и тоже пробиралась к Глазку. Мох слегка отрешился: мысленно ему виделась Мемория, колотящаяся в собственной крови.

— Мох?

— Дальше этого идти некуда. — Он покашлял, избавляясь от хрипоты в горле. После схватки в карете он боролся с подавленностью. Убедиться, что Мемория жива, увидеть, какой она стала, было тяжким испытанием. Частенько он ловил себя на том, что тоскует по забвению, какое даровало бренди Сифорта. Имоджин опустилась на колени рядом с ним.

— По-моему, мы где-то здесь, — сказал он. И

палочкой очертил район на карте. — Исходя из этого, центр острова — это заболоченная низина.

— Болото.

— По словам Мэй, именно так мы и отыщем Глазок. — Мох аккуратно сложил куски карты. — Нам надо двигаться дальше.

Два часа спустя они нашли в овражке зайца, разорванного до костей. Вокруг него видны были следы, которые могли быть человечьими. Шкурка на тушке уже сделалась жёсткой, как пергамент. Когда Мох поддел тушку палкой, в нижней её части копошились личинки. Охотился тут кто-то давно, однако находка их расстроила.

По молчаливому согласию путь они продолжали с большей настойчивостью. Имоджин шла первой. На ней были залатанные армейские обноски, извлечённые из картонного ящика в Дубовом Дворце, и чёрная футболка. Когда девушка пробиралась по оленьей тропе, футболка задиралась, обнажая какого-то гоблина в водовороте цветов, наколотого у неё на пояснице. Тот пялился на Моха немигающими глазами, пока Имоджин не скрылась за поворотом тропы.

Он остановился поправить рюкзак. Имоджин крикнула ему с вершины подъёма:

— Мох, я что-то вижу.

Ворон, ставший постоянным спутником Моха, плавно пролетел над ним вверх по тропе. Завидуя крыльям птицы, он, пробираясь через корни деревьев, забрался наверх. Имоджин стояла у основания какого-то почерневшего памятника. Каменное изваяние изображало человека в военной шинели, защитных очках и в шлеме авиатора. Стоял он, одной рукой прижимая к себе книгу, а другую подняв в небо. Кисть поднятой руки была отбита у самого запястья. Стояла фигура на пьедестале из известняка, на котором была выбита эпитафия, стёршаяся до лишённых смысла чёрточек и углублений.

Ворон взлетел на голову статуи. Имоджин посмотрела вверх, прикрывая глаза от солнца. Пеший поход сделал её худой и сильной, возвращая тот задор, который она растеряла за время своих испытаний в снежной буре. Она повернулась к нему, моргая, чтобы дать глазам привыкнуть.

— Эта птица пытается что-то нам сказать. Она скачет по кругу на одной ножке, как испорченный флюгер.

— Кому-то из нас надо залезть наверх, — сказал Мох. — Оттуда видно лучше и дальше.

— Ты с ума сошёл? — воскликнула Имоджин. —

Уж, по крайности, дай я полезу. Я лёгкая. Ты сможешь подсадить меня до самого верха пьедестала.

Мох вжался плечами в холодный известняк и сложил ладони, образовав подставку для её ног.

— Будь осторожна.

— Даже не попытаешься отговорить меня от этого? — Имоджин встала перед ним.

— Я научился не спорить с умалишёнными, — хмыкнул Мох. Она ухватилась за его плечи и поставила одну обутую в сапог ногу ему на ладони. — На счёт три. — Считали вместе. Мох подкинул её вверх. Выдержал целую серию тычков и ударов по плечу, по шее, по голове. Она гикнула. Мох спустился по ступенькам и обернулся, чтобы следить за подъёмом под менее изнурительным углом. Имоджин проворно забиралась на гигантского каменного авиатора. — Скрытые возможности? — крикнул он.

— Дрессировка и постоянные упражнения, спасибо некоему господину Агнцу, — прокричала она.

— Ну разумеется, — пробормотал Мох.

Ворон слетел с головы авиатора и, хлопая крыльями, с карканьем перелетел на росший поблизости каштан.

— Ого, а мир-то отсюда совсем другой. — Имоджин, подтянувшись, одолела остаток пути. Используя книгу как опору для ног, она обвила рукой шею авиатора. — Уууиии!

— Лады, — произнёс Мох, отступая. — Этого хватит. — У него дыхание перехватило, когда Имоджин в прыжке закинула одну ногу на плечо статуи. Мгновение спустя она уже сидела верхом на памятнике, словно ребёнок, смотрящий на парад с отцовских плеч. Мыски её сапог были втиснуты в складки шинели. Держась одной рукой за авиаторский нос, она указывала другой и вопила:

— Я вижу центр острова! Я вижу Глазок!

Её вопли подействовали как электрический разряд. Мох разом ощутил, как подавленность мраморной глыбой свалилась с него.

Они съехали вниз по каменистому склону. Это было всё, что осталось от стенки древнего кратера. Воздух на дне был промозглым. Они дивились обилию насекомых, несмотря на время года, и надоедливому шуму от лягушек и птиц. Пустив в ход меч, Мох прорубал проход в увядающем травостое. Когда стенка кратера за их спинами почернела в угасающем свете, они, держась природной тропы, пошли в лес. Тени удлинялись,

но Мох с Имоджин продолжали идти. Что-то невидимое зашумело и затрещало в подлеске, Имоджин остановилась.

— Олень, наверное, — ответил Мох на её незаданный вопрос. Звук заставил его припомнить волка, которого он увидел в ту ночь, когда взятый им напрокат мотоцикл встал без горючего на северной дороге. Минут через десять они прошли мимо башенок и стволов брошенного артиллерийского оборудования, выбеленных, как гигантские позвонки. Местами тропа вилялa в овраг или пропадала в заполненной водой воронке, но всегда вновь появлялась дальше. В конце концов они добрались до края громадного болота. Тропа неприметно исчезла под поверхностью ржаво-коричневой воды.

Болото раскинулось среди деревьев, старее которых ни она, ни он в жизни не видели. Уродливые стволы торчали из воды на узловатых почерневших корнях, как армия чудовищ, сверхъестественно застывших посреди сражения. Путаница форм растворялась в фосфоресцирующем сиянии и темноте. Где-то в этой темноте лежал Глазок, остров внутри острова.

— Похоже на вход в Преисподнюю, — сказал Мох.

— Да ещё и с комарьём, — добавила Имоджин, прибив одного у себя на руке.

— Ну что, дальше на ночь глядя нам идти нельзя, — рассудил Мох.

Имоджин уже собирала хворост для костра.

Ворон разбудил их на рассвете хриплым карканьем. Сонные, они распинали остатки костра в болото. Сквозь лесной полог виднелось небо, жёлтое, угрожающее. Обследовали берег в надежде найти какую-нибудь возвышенность, по которой можно было бы пробраться вглубь. После часа бесплодных хождений Мох, пристально рассматривавший лесной полог, тронул Имоджин за плечо, указывая, куда смотреть. Внимание его привлекли разрывы в мозаике ветвей: отрезки уложенных впритык коротких досок. То был проход по вершинам деревьев, подвешенный на перекрученных ветках и узловатых верёвках. Взглядом они окинули проход, висящий над водой, до точки, где всегдашняя дымка поглощала всё.

— Староват по виду, — заметила Имоджин. — Думаешь, потянет наш вес?

Мох взглянул на неё, удивлённо взметнув брови:

— Ты ж скакнула на нашего друга-авиатора.

— Я не скакнула, — обиделась она, сильно

ткнув его кулаком в плечо. — Я не скачу.

Мох потёр плечо.

— Ничего другого у нас нет. По-моему, надо попробовать.

Имоджин взбиралась вверх с тем же проворством, что и на памятник. Мох завидовал ей, пусть на его поднятое лицо и сыпалась дождём кора. Добравшись до висячего прохода, она крикнула вниз:

— Давай, тут легко залезть.

Лезть было нелегко, но через несколько минут, ободрав руки до крови, он присоединился к Имоджин. Балансируя широко расставленными ногами на громаднейшей ветви, Мох с сомнением тряхнул излохматившуюся верёвку. Дощатый проход тянулся от дерева к дереву, пропадая в дали болота. Он исчезал в тесном переплетении ветвей, которые невозможно было различить.

— Самоубийство, — сказал он.

— Они крепче, чем кажутся, — ободрила Имоджин, стоявшая чуть поодаль на той же ветви.

— Я пойду первым. Если он меня выдержит, то с тобой всё будет прекрасно, — сказал Мох. Имоджин закатила глаза и грустно оглядела его. — Или, если хочешь, иди ты первой.

Сойдя с относительно безопасного дерева, она

опустилась на ближайший пролёт из досок. Крепко держась за верёвки, опробовала свой вес. Сооружение заскрипело и закачалось, но — держало.

Имоджин взглянула на него, нервно хохотнула и скомандовала:

— Пошли.

Он выждал, пока она добралась до следующего дерева, и пошёл за нею. Осторожности ради они уговорились держать между собой двадцать футов[29]. Имоджин опробовала каждый шаг, прежде чем перенести весь вес на ноги. Несколько прогнивших досок упали вниз, в воду. У каждого нового дерева они устраивали отдых, переводя дыхание и оценивая проход впереди. Так шагая, скоро они уже потеряли из виду твёрдую землю.

Довольно часто висячий проход опускался до каких-нибудь нескольких футов над водой. В таких местах они видели плывущего через муть скорбного карпа, тянущийся за ним шлейф ила и пробудившихся головастиков. Виднелись также и признаки присутствия людей в прошлом: крошащиеся фундаменты, ржавеющие орудия сельского труда, корпус перевёрнутой лодки,

---

[29] Сноски: 29
Немногим более 6 метров (*прим. пер.*).

поросший водорослями. Такие предметы наводили тоску на Моха. Он почувствовал облегчение, когда проход повёл их выше по деревьям. Ворон летел впереди, его карканье терялось в несмолкающем шуме земноводных. Когда Мох с Имоджин вынужденно замедляли своё продвижение, ворон усаживался на ветку и поджидал их.

Впервые они увидели Глазок сквозь моросящий дождь. Основное монастырское здание, высокий величественный храм, увитый плющом, поднимался из массы строений пониже и главенствовал над островком. Окружающие постройки клонились, подпирая друг друга, как деревянные колоды, оставленные отхлынувшим половодьем. Теперь Мох с Имоджин пробирались бок о бок, укрываясь в деревьях. Она положила руку ему на плечо — для равновесия. В безотчётном порыве он прижался губами к её пальцам. Листья шуршали по каменной кладке, когда немногочисленные птицы срывались с переплетённых веток, но в остальном никакое движение не выдавало, что монастырь обитаем.

— Такое ощущение, будто мы в ловушке, — сказал Мох.

Имоджин подалась назад на каблуках и заглянула ему в лицо.

— Ты зачем здесь? — Мох удивлённо смотрел на неё. — Я знаю, зачем я здесь. А ты здесь зачем? Потому как, если туда идти, надо быть уверенным, что тебе это нужно.

На мгновение Мох задумался:

— По-моему, совсем не случайно Радужник вошёл тогда в мою жизнь: он спас меня, попросил вернуть оцелус в Глазок. Конечно, ему теперь никогда не узнать, сделал я это или нет. Понимаешь, я должен сделать это для него, но не потому, что он меня об этом попросил. Я делаю это потому, что сам он этого сделать не сможет.

Они осторожно прошли до края островка. Доски были скользкими, местами в трещинах. Невзирая на опасность, Мох горел желанием вновь почувствовать под ногами твёрдую землю. Подвесной проход окончился переплетением верёвок у площадки на большой иве. Мох спрыгнул на землю, чтобы осмотреть монастырь. Рядом с ним бухнулась и Имоджин. Они пошли вдоль берега, уходя от прохода на деревьях (всегда опасались, что за ними крадутся), пригибаясь под болотным камышом. Имоджин, приложив палец к губам, указала на землю. В грязи отпечатались лапы большого пса.

— Давай посмотрим, не найдётся ли какой-ни-

будь незапертой двери, — сказал он. И в тот же миг оцелус стал светиться.

Головастик

— Боже, ну и местечко, — вздохнула Имоджин. — Чуешь, даже в воздухе горечь стоит, — выговорила она в спину шедшему впереди Моху. Они взбирались по тропе, шедшей по склону, где болотную жёлтую калужницу сменяли лиловые венерины башмачки и зелёные папоротники. Над головой Моха в воздухе мигал оцелус. Дождь утих, оставив после себя звуки роняющих капли растений да душераздирающие восторги лягушек. Мох высматривал любые признаки Мемории или её пса. Глазок был средоточием её мира. Уязвимым она его не оставила бы. Пистолет Джэнсона покоился в кармане бушлата Моха.

Глазок, чувствовалось, выбивался из времени, время года на островке никак не вязалось с погодой на всём остальном белом свете. Над головой — небо, заполненное разрозненными облаками. Оно вызывало у Моха впечатление, будто он смотрит со дна глубокого колодца, ощущение, сходное с тем, что охватывало на прогулочном дворике брикскольдской тюрьмы. В дальнем конце тропы на столбе сидел, поддерживая рав-

новесие, ворон и следил за их приближением, перья птицы блестели от росы.

— Это плесень, — пояснил Мох. — Не трись об неё. И старайся в себя не вдыхать. — Мох чуял, что растения составляют первую линию обороны, её назначение — сбить с толку и отвратить незваных гостей. Довольно просто было обнаружить и обойти обычные виды ядовитых растений и грибков. Его же больше всего беспокоила незнакомая микрофлора вроде нитевидного мха с едва заметными вздутиями цвета крови или зловонная оранжевая слизь, расползавшаяся по каменной стене.

Имоджин перешагнула через лишайник, колыхавшийся на камне нитями тонкого кружева на лёгком ветру.

— Мох, я слышу частое дыхание собаки.

Мох обернулся и потащил её вперёд, убеждая:

— Имоджин, нет никакой собаки. Это галлюциногенное воздействие растений. Я его тоже чувствую. Иди не останавливаясь. Ни за что не останавливайся.

Мох ощупывал тропу палкой, не вполне доверяя глазам. Имоджин шла следом, теряясь среди растений, которые качались с обеих сторон в такт её дыханию. Что-то бросилось ей в глаза

внизу — под зонтиком из игольчатых листьев.

— Агнец? — вырвалось у неё. — *Ты-то* здесь зачем? — В тени листьев голова Агнца с глазами, завязанными какой-то мерзкой тряпкой, вгрызалась в землю, перетирая её грязными зубами. Она хотела предупредить Моха, но, когда снова поглядела, голова пропала. Мох взял её за руку. Сама того не сознавая, Имоджин сошла с тропы.

— Нет его тут, — сказал Мох. — Не отпускай мою руку.

Она посмотрела на тёмный оцелус, зависший над головой Моха. Он поразил её своей злобностью, этот выходец из здешнего, чуждого ей мира. Она кивнула Моху: мол, поняла, — но словами ответить так и не смогла.

У вершины склона они, пробравшись через рощу серебристого тополя и развалины, вышли прямо к строениям монастыря. Деревья проросли через булыжники мостовой и из водосточных канав. Мрачные отблески слетали с прожилок металла в старых камнях. Ворон пролетел мимо них к самой высокой точке монастыря Глазка, перемахивая через крыши окружающих строений. У Имоджин не было никакого желания посмотреть, что находилось за стенами.

Воздействие растений понемногу пропало.

Усевшись на кусок скалы, пили воду из бутылки, которую Имоджин достала из своей котомки, и соображали, куда идти дальше. Радужник не сказал им, где находится могила Аурели. Можно было потратить много дней, но так и не отыскать её. Хотя островок и был невелик, не больше пары акров, архитектура Глазка была взаимосвязана и плотна, эдакая мозаика из осыпающегося дворца, переулочков и лестниц. Увидев всё это пред собой во всей полноте, Мох ужаснулся. А что, если, забравшись в такую даль, он не сможет выполнить данное Радужнику обещание? Что им делать с этим оцелусом? Немые здания монастыря готового ответа не давали.

Он силился представить себе, как вообще могла бы тут протекать обычная жизнь. Эти камни и земля под ними олицетворяли жуткую историю немыслимых преступлений, которые, казалось бы, отрицали самоё жизнь. Он попытался увидеть Меморию, маленькую девочку, какой знал её в Ступени-Сити, пережившую одному только Богу известно что, среди этих развалин после зверского истребления её народа. Попытался увидеть Радужника, годами спящего в неглубокой ямке, как какой-нибудь впадающий в спячку зверь. Вода разъедала ему желудок, будто кусок соли.

Ворон гаркнул с верхушки монастыря, ставя точку в рассуждениях, куда им идти.

Они прошли под аркой, выбранной потому, что она была шире других, и, не тратя слов, забрались на самый верх узкой лестницы. Мох остро сознавал — если кто-то зайдёт со спины, то они окажутся в ловушке. Лестница выходила на дворик, обнесённый стенами без окон со знаками, в которых угадывалась система, но не поддающимися расшифровке. Мох заметил, что тот, кто наносил их, должен был пользоваться высокой лесенкой.

— Что это? — спросила Имоджин, выходя во дворик вслед за Мохом. Мох взял с проволочной подставки какой-то предмет. Отливка из зелёного стекла в форме зародыша. На ум пришли взятые из останков Эха стеклянные куколки, кувыркающиеся в холодной воде реки. Стекло шевельнулось в его руках, будто просыпающийся младенец. Мох вскрикнул и непроизвольно отбросил его. Предмет упал на мокрые каменные плиты и взорвался облачком мелких частичек.

— Ни фига себе фигня! — воскликнула Имоджин, отпрыгивая назад.

— Это место… — сказал Мох. — Тут словно в каждой молекуле что-то зловредное сидит и рвёт-

ся вырваться наружу.

— Хотела бы я наружу вырваться, — заговорила Имоджин. — Когда в карете была, сны видела. Сны, что тянулись бесконечно, пласт за пластом и, чую, были на это место похожи. Не будь тебя рядом, клянусь, я бы решила, что всё ещё во сне.

Мох повернулся к ней, но она, склонив голову набок, рассматривала нанесённые углём символы, которые покрывали каждый дюйм стен.

— Пойдём, — сказал он. И пошагал к другой лестнице мимо незавершённого стекольного производства, ржавого металла, костей и высохших стручков. — Нам нельзя задерживаться.

Имоджин пошла за ним. По ступеням второй лестницы они поднялись на плоскую крышу. Оттуда видно было окружавшее Глазок болото и стенку кратера в дымке расстояния. По гребню крыши дорожка вела к резным деревянным дверям малопривлекательной паперти. Они нашли вход в главное здание монастыря.

Имоджин, опершись на парапет, смотрела в сторону стенки кратера. Мох тронул ладонями её плечи, и она повернулась к нему лицом. В утреннем свете черты её лица поблекли, губы и веки стали почти бесцветными.

— Повернись кругом на минутку, — попросила

она. И когда он сделал, как она просила, вытащила что-то из его рюкзака.

Когда Мох повернулся, Имоджин держала в руке меч Мемории. Он скинул с себя рюкзачок и прислонил его к парапету. Направился к дверям, но Имоджин задержалась сзади. Обернувшись, Мох увидел, что она по-прежнему стоит у парапета на фоне расстилавшегося у неё за спиной леса. Рукоять меча она сжимала в правой руке. Острие его упиралось в землю.

Он шагнул обратно.

— В чём дело? Ты что, не идёшь?

Она бросилась ему навстречу, обняла, прижавшись щекой к его груди. Потом оттолкнула. Лицо её было серьёзно. Мох заговорил было, но она перебила:

— Я жду здесь. Хватит с меня тёмных местечек. — Перекинула волосы за спину и глубоко вздохнула. — Не уговаривай меня, не то придётся тебя пырнуть. — Она ухмыльнулась. Мох почувствовал, как меч больно воткнулся в мысок его сапога. Он прижался лбом к её лбу. Остриём меча она заставила его отпрянуть. — Перестань. Я буду стоять здесь на страже. Ты видел отпечатки псиных лап. Нам обоим известно, что Мемория в монастыре — либо там, внутри, либо здесь,

снаружи. Мы обязаны быть готовы к любому раскладу. Я бы предпочла умереть при дневном свете, спасибо тебе большое.

Внезапно крышу залило солнечным светом. Мох был поражён, как преобразующе воздействовал свет на кожу Имоджин. Солнце рассыпало ей по лицу веснушки. Её губы, потрескавшиеся за время путешествия, вновь обрели цвет. Он погладил кровоподтёк у неё над левым глазом: то ли от камня, каким запустил в неё Джэнсон, то ли от падения в ущелье.

— Ты это заранее придумала? — поинтересовался Мох. И они оба рассмеялись.

Он понимал: в такую даль она пошла только из-за него одного. Пусть у неё нрав дурной, пусть её так и тянет его подколоть, пусть она порой… да, ладно, чаще, чем порой… на язык не воздержана, впервые ему забрезжила жизнь за нынешними событиями, жизнь, в которой нечего беспокоиться из-за Мемории или, коли на то пошло, даже Радужника. Для Моха невыносима была мысль оставить Имоджин одну на крыше, но на этот раз она сама того хотела. Разубеждать её он не станет.

— Я спрячусь и, если увижу что, заору так, что мёртвым тошно станет, — убеждала она. — Обе-

щаю. Тогда ты придёшь и спасёшь меня, если захочешь.

Он засмеялся:

— Что ж, постарайся не поранить себя этой штуковиной.

— Шёл бы ты, пока цел, Мох.

— Если что увидишь…

— Проваливай.

Мох упёрся руками в двери и толкнул их. Створки распахнулись, открывая путь во мрак нутра. Клубы пыли взвились в полосках света, падавшего сквозь щели между стропилами. Голуби вспорхнули в воздух и вновь расселись по высоким выступам, курлыча и воркуя. Древность зданий обступила Моха, глубокая тишина и запах старинного дерева. Мох толчком затворил за собой двери.

Когда зрение его привыкло к мраку, он различил в центре семь образовавших круг фигур, обращённых лицом друг к другу. Рука Моха нащупала пистолет, но фигуры не шевельнулись, а по-прежнему парили в воздухе, не сдерживаемые тяготением, пальцами ног выписывая вензеля в пыли. Мох опустил пистолет: слишком уж недвижимы фигуры, чтобы быть живыми. И всё же Мох чуял, что им, каким-то сверхъестествен-

ным образом, известно о его присутствии. Он вступил в круг, сопровождаемый оцелусом. Деревянные лица были обращены вниз, пустые, но сверкающие под тонким слоем чего-то люминесцирующего, молокообразного. Их руки, которым были приданы положения, присущие для беседы в подвешенном состоянии, были соединены подвижными шарнирами из почерневшей меди и серебра. Насекомые изгрызли в кружева некогда великолепные наряды. У Моха не было сомнений, что эти создания были прислужницами Мемории. Их парение было свидетельством её присутствия, как и вновь слышимое лёгкое учащённое собачье дыхание.

Пёс, на котором Элизабет ездила верхом, припал к земле, туго подобрав все мышцы, в неверном четырёхугольнике дневного света. Морду его покрывали капельки кровавой пены. Пёс не сводил с Моха глаз. У того в голове прозвучал голос юной Мемории: «В древних мифах пёс охраняет вход в подземное царство мёртвых». Вот и он тут. Пульс выбивал дробь внутри уха Моха. Доставить оцелус домой — значило иметь дело с Меморией. Он не свернёт с пути перед уродцем, из-за которого принял смерть Оливер, существом, убившим Радужника и преследовавшим Имод-

жин. Сердце его грозило разорваться от трагедии того, что с нею стало: восставшая из мёртвых в его надеждах — и ставшая призраком, бледным и неистовым. А теперь, завершая ужасный круг, она умрёт от его руки. Мох поймал взгляд пса. Есть счёты, какие следует свести тут. На этот раз он не даст маху.

— Где ты? — Слова отразились от стен, но ответа не последовало. Пёс беззвучно ощерил тронутые желтизной клыки. Глаза его уставились в одну точку. Собака-чудище умирала. Наверное, она жила в симбиозе с Элизабет или, возможно, стала жертвой какого-нибудь ранения, насланного Меморией.

— Тебе не место здесь. Ты зачем пришёл? Я же говорила тебе, пусть идёт как идёт. — Её голос всколыхнул воздух, как взмах крыльев.

Мох обернулся:

— Почему ты прячешься? Неужто боишься без своих чудищ, оберегавших тебя?

— Я предупреждала тебя: держись подальше.

— Зачем ты убила Радужника? — упорствовал Мох. Одежда на парящих фигурах забренчала под дуновением ветра.

— Это была необходимость, долг, для исполнения которого я была рождена.

— Мучить Имоджин тоже было долгом?

Голос жестоко рассмеялся.

— Это была расплата за нечестивость Джона Машины.

— Как может быть долгом убийство? — Мох тянул время, вращаясь по кругу, пробуя определить, где затаилась Мемория.

— Я была последним *Смотрителем* Глазка. Последней в долгой передаче владения — всегда ребёнку, способному на волшебство, всегда ритуально лишённому слуха, чтобы не попасть под обаяние голоса Скворца. То была честь.

— Как же это стало убийством? — Мох понял, что пёс перестал дышать.

— Вечером накануне лишения меня слуха пришли войска. Они изнасиловали и зверски убили всю сестринскую обитель, к которой я принадлежала. Я спряталась и уцелела, питаясь насекомыми и запивая их водой из болота, потому что водоёмы и хранилища воды были отравлены. Я знала, что должна уходить, но Скворцу было запрещено покидать Глазок. Вот я и решила освободить себя от бремени долга. — Голос, казалось, плыл по комнате. — Я ударила его ножом и спрятала тело в углублении в земле. Завершить дело мне помешало появление Джона

Машины, полного лжи и пустых обещаний. Я не знала, что не сумела убить Радужника, до того самого дня на Полотняном Дворе.

— Тогда ты попробовала ещё раз.

— Где эта вещь? — спросила Мемория, теряя терпение.

— Какая?

— Тёмный камень Аурели.

— Спрятан, — ответил Мох. И подумал: «Среди голубей».

— Ничто не спрячешь навсегда, — произнёс голос. Голос звучал так, что Мох понял: разговор её утомляет. Громкий стрекот цикад зазвучал в комнате. Мох не сразу сообразил, что исходит он от парящих женщин. Что-то, будто щупальцами, охватило его конечности. Он сильно ударил по ним, помня, как легко проникла она в его тело, пока он стоял в кладовке пекарни «Чёрная крыса». Воздух делался всё холоднее. Он увидел, как блеснуло серебром, словно рыба, попавшая под солнечный свет в тёмной воде. Мемория появилась в нескольких шагах от него, выступая из воздуха. Она была изнурена и одета в белое платье-рубаху с длинными рукавами. Платье покрывала кровь, в нём виднелась прореха. Кожа на лице и шее Мемории утратила всякий цвет. Мох

видел призрачные движения костей у неё под кожей. Позади неё пыль завихрялась в воздухе. Ему было понятно, что поддерживать и скрывать своё разбитое и раненое тело стоило Мемории чудовищных усилий. Все следы девочки, какой он её знал, исчезли.

Она уронила на пол каплю слюны, идеальный шарик лишенной света черноты. Он звучно упал, оставив на полу чёрный кружок не больше грошовой монетки. Мох ощутил движение в воздухе, ворошение одежды на себе, услышал низкий свист, доносящийся из щелей в стене. Не глядя вниз, Мемория опустила жёлтый ноготь пальца ноги на край чёрного кружка и, царапая, потащила его назад, увеличивая размер круга до чайной чашки. Ветер усилился, настойчиво забиваясь ему в одежду и в волосы. Пыль и перья затряслись и потащились к чёрному кругу.

— Я всё равно получу его, — произнесла Мемория. Улыбаясь ему, она ещё больше расширила круг. Мох глянул вверх на голубей, трепыхавшихся в воздухе, не понимая и страшась той силы, что сметала их с балок. Поток воздуха, устремившийся, завывая, в чёрный круг, крепчал. Тело пса поползло по полу. Среди птиц показался оцелус. Затаив дыхание, Мох силился выхватить

из кармана пистолет Джэнсона, но ничего не получалось. Пистолет упал на пол и, дребезжа, заскользил к дыре. Оцелус неумолимо притягивало к воздетой руке Мемории.

Мох прыгнул в тот момент, когда пальцы Мемории сомкнулись вокруг оцелуса. Он ухватил её за запястье и повалил на пол. Она упала поверх дыры с леденящим кровь криком. Мох со всего маху обрушил ногу ей на кисть. Кости затрещали, как палки, рука разжалась, и оцелус покатился по полу. Мох вскочил и зажал его в кулак. Услышал, как Мемория поднялась позади него. Ветер стих. Бросок вперёд — и Мох схватил пистолет.

Мемория одолела разделявшее их расстояние и резанула его по лицу бледными ногтями оставшейся руки. Он поднял пистолет, когда вдруг механические женщины потащили его назад. Отбиваясь от них, нажал на спуск и увидел, как скорчилась Мемория. Медные пальцы полезли в рот и ноздри. Ногти полосовали ему лицо, ужасающе повторяя нападение Мемории в карете. Его сбили с ног, и он грохнулся на спину с такой силой, что почувствовал, что все его спинные позвонки по очереди хлопнули, как связка фейерверков. Закричав, он выпустил из пистолета одну за одной несколько пуль. Одна попала в

голову ближайшей куклы, которая разлетелась на мелкие щепки вперемешку с муравьями-древоточцами. Одна из ног Моха высвободилась. Большего ему и не требовалось, чтобы тут же вскочить. Порывисто рассекая руками воздух, парящее чудище добиралось до его глаз. Он увернулся и выстрелил вслепую. Ещё одно вцепилось ему в бедро, как бешеный зверь.

Имоджин вбежала в двери и подошла сзади к двум чудищам, что стояли, раскачиваясь, в сторонке и молотили безо всякого разбора руками впереди себя. Двигалась она с грацией кошки. Одним ударом меча начисто снесла им головы. Одна кукла рухнула на колени да так и застыла, а голова болталась у неё на проволочке. У другой голова слетела и покатилась по полу. Тело попрежнему стояло прямо. С гримасой отвращения на лице Имоджин ткнула её в спину между лопаток и пронзила чудище сзади. Мох, разинув рот, смотрел, как вытаскивала она чистый клинок. Три оставшиеся сестрицы повалились на землю, брыкаясь ногами и крича. Бились головами о каменные плиты, пока те не пошли щепками, и упали недвижимо.

Мох побежал к дверям, которые Имоджин, нападая, распахнула настежь.

— Мох! — крикнула она ему вслед. Он вырвался на крышу и тут же встал как вкопанный.

В нескольких шагах лежало сгорбленное тело Мемории с вывалившимися сквозь дыру в спине внутренностями. Голова её лежала чуть поодаль.

В дверном проёме появилась Имоджин с мечом.

— Я убила её.

Аурель

— Она вышла из двери, — объясняла Имоджин. — Я подумала, что она убила тебя. — Мох стоял на крыше, подняв взгляд. Оцелус висел в воздухе. Несмотря на все ужасы последних минут, они ничуть не приблизились к достижению своей цели. Монастырь осмотрели; наверное, следовало бы повнимательнее наблюдать за оцелусом. Может быть, в этом и был единственный способ прорваться сквозь миражи этого островка. Мох выплюнул сгусток крови на землю.

— Она не преминула бы, — сказал он.

— Прости.

— Она должна была убить меня. Ты сделала то, — говорил Мох, всё ещё следя за оцелусом, — что нужно было сделать. Необходимо. Я не виню тебя за это. Та Мемория, которую, как мне казалось, я любил, девочка, упавшая с волнолома, умерла в тот же день. То, что заменило её, было подлым подобием. — Он с отвращением глянул на тощую фигуру на земле и перевернул её ногой. — Может быть, настоящей она никогда не была. Может быть, была она просто прогнившим

корнем этого, монстром. Чем обязаны мы людям, которых когда-то любили, если оказались они кем-то другим? Я не знаю.

Имоджин бросила меч и закрыла лицо ладонями.

— У меня даже времени подумать не было.

— А вот за это, по-моему, нам следует быть признательными.

— Смотри.

Оцелус поплыл по воздуху.

Следом за оцелусом они пришли к нише со скопищем теней и сухих листьев. Дверь стояла распахнутой настежь. За нею спиралью уходила вниз лестница, издававшая такое зловоние, какое Мох счёл бы чем угодно, только не приглашением войти. Ступени смутно освещались биолюминесцентной слизью, сочившейся из стен. Лестница была узкой. Мох шёл вслед теперь слабо светящемуся оцелусу. Имоджин — за ним, тыча в тени мечом, с вороном, державшим равновесие на её плече. Лестница была затянута недавно порванной паутиной: если бы не это, она выглядела бы так, будто на неё не ступали много лет, а может, и столетий. После нескольких поворотов Мох поскользнулся, едва удержался на ногах, ухватившись в последний момент за

изогнутый поручень.

— Шагай осторожней, — предупредил он. — Земля мокрая.

— Омерзительно, — поморщилась Имоджин.

— Ты видела, там? — Мох уловил проблеск света внизу закругления лестницы. Был он настолько слабым, что, пока не промелькнул снова, Мох не был уверен, что свет был на самом деле. — Э-эй! — заорал он. И беспечно побежал вниз по ступеням.

— Мох, ты какого чёрта выделываешь?

Мох уже добрался до места, где, как ему показалось, он увидел свет, но там ничего не было. Он глянул через плечо, убеждаясь, что Имоджин идёт за ним, а затем опять ринулся по ступеням вниз. Те, сделав ещё несколько поворотов, дошли до дна. Дверь заменяла арка из толстых корней. Где-то в глубине сознания у Моха отложилась мысль: сколько же времени понадобилось кому-то, чтобы заставить корни принять такую замысловатую форму. Подойдя ближе, он понял, что корни — живые, они двигались, свиваясь в петли и узлы. Арка открылась перед оцелусом и теперь закрывалась. Не раздумывая, Мох прыгнул в неё. Арка обратилась в быстро сужавшуюся щель. Имоджин просунула в неё руки. Мох

ухватил её за запястья и стал тянуть, но корни смыкались вокруг её локтей, пока ему не остались видны одни только её ладони и предплечья, болтающиеся в стене из корневых побегов.

— У меня ломаются руки! — закричала Имоджин. Мох схватил её руки и толкнул их обратно в щель. На секунду увидел, как мелькнул в оставшемся отверстии её глаз, и вдруг неожиданно он остался один. Со злости он пихнул стену из корней ногой.

— Имоджин, — кричал он. — Имоджин! — Ответа не было. Попытался было развести корневые побеги, но они успели образовать прочную, непреодолимую преграду. Выхода не было, оставалось только идти дальше. Впереди в нескольких шагах что-то зашуршало. Какая-то особь выступила вперёд, сдирая со своего тела вековую паутину и цепкие корешки. Оцелус тускло осветил её преувеличенных размеров башку. Мох затаил дыхание, пока нечто приближалось к нему. Сначала он подумал, что оно страдает каким-то заболеванием, от которого кожа на ней повисла лохмотьями. И лишь через какое-то время понял, что кожу этой особи составляла шелуха из толстого слоя газет, битком набитого мокрицами и многоножками. Глаза бумажно-

го чудища сидели в глубоких глазницах, ртом служила шероховатая щель с рядом крошечных зубов. Перемещалось оно на ногах с копытами, волоча за собой грязные обрывки. Остановилась бумажная мумия довольно близко от Моха, чтобы тот почуял её отдающее плесенью дыхание.

— Тут Аурель похоронена? — спросил Мох, жалея, что при нём нет меча. Он довольствовался пистолетом, который достал из кармана.

Мумия некоторое время двигала ртом, прежде чем прошептала:

— Не здесь, но я могу отвести тебя туда.

— Это далеко?

— Не далеко. Не надо пугаться.

У Моха только и выбор был: либо оставаться, либо следовать за странной особью. Промелькнула мысль: а имел ли Радужник представление, о чём просил своего друга?

— Это тебе здесь не понадобится, — произнесла мумия. Мох удивился. Он и забыл уже, что держит в руке пистолет. Кивнув, бросил оружие на пол.

— Где могила?

— Иди сюда. — Бумажная мумия схватила оцелус длинными пальцами и сделала несколько шагов. Остановилась и глянула через плечо:

— Ты идёшь?

— Иду, — сказал Мох.

Бумажное существо пошло дальше странной переваливающейся с боку на бок походкой, и они миновали множество проходов, пустых помещений и лестниц. Мох оставил надежду запомнить этот путь уже через несколько минут. Убеждённый, что они только что прошли какое-то помещение во второй раз, он дал волю своему нетерпению.

— Ты куда меня ведёшь? — Машинально попытался ухватить мумию за облезавшее плечо, но его пальцы лишь глубоко ушли в гниющую бумагу.

— Вообще-то, мы уже пришли, — произнёс бумажный проводник, отступая назад и, по-видимому, испытывая лишь лёгкую неловкость. Мумия уставилась на Моха чёрными немигающими глазами. Стояли они возле высокой, частично занавешенной двери. — Ты в этом уверен? Уверен, что это то, что нам нужно? Наверное, проще было бы оставить тебя в одиночестве. Мы сделаны из такой непрочной материи. — Мумия повернула башку в сторону. В смутном свете оцелуса руки её были сплошь усыпаны неугомонными насекомыми. Существо разжало пальцы и выпустило оцелус.

— Открой дверь, — сказал Мох.

— Надеюсь, ты нашёл, что искал. — С этими словами она откинула занавеску. Дверь, зашелестев, открылась.

Дверь вела к основанию широкой карстовой воронки. Вогнутые известняковые стены вздымались вокруг, словно тающий храм. Дно выстилало море папоротника. В центре сквозь пелену мороси Мох разглядел каменный бюст. Явно старинный, он был испещрён трещинами и зарос лишайником. Мох пошёл к нему, раздвигая доходившие до колена перья папоротника, за ним медленно ковыляла бумажная мумия. Бюст — голова с двумя обоеполыми лицами — стоял на постаменте из ископаемого камня. Мох обошёл его, сопровождаемый взглядом мумии. У него не было сомнений: они пришли куда следовало. Обрадованный, он запрокинул голову. Круг неба то и дело перечёркивали ласточки. Стекающая вода проделала глубокие бороздки в крутых известняковых стенах. Могила Аурели была местом великого покоя, и всё же место это потихоньку исчезало. Мороз и дожди подточат рухнувшую пещеру, пока однажды от неё не останется всего лишь ложбинка с крутыми стенами. Эта мысль заставила Моха склонить голову. Утверждалось

правдивое видение будущего: существование — вещь хрупкая, время, им отпущенное, кратко.

Некоторое время он постоял, позволяя падающей воде омывать лицо, как вдруг понял, что бумажное существо больше не движется. Оно угасло на мшистой плите, подальше от света, завершив краткое своё предназначение сопроводить Моха к пещере. Оболочка его уже начала сваливаться в лужу воды. Интересно, подумал Мох, сколько же долгих лет ждало оно, дремлющее, в тишине подземелья. Припомнив потревоженную паутину у входа, он подумал, уж не Мемория ли заходила туда. И решил: нет, не она. Скорее всего, собиралась прийти, но её отвлекло их прибытие.

— Мох. — В двери, ведущей в пещеру, стояла Имоджин. Лицо её было покрыто потом, все руки в царапинах. Она всё ещё держала меч, которым обезглавила Меморию. — Ты хоть понятие имеешь, как трудно было прорубаться сквозь те корни? Они знай себе заново отрастали. И совсем не простая задача — нестись за тобой по всем этим изгибам и поворотам аж сюда. — Она прошла по тропе, проложенной Мохом в папоротниках, до бюста, приостановилась на миг, разглядывая фигуру из размокшей бумаги на плите. — Так это

и есть она? Могила Аурели. — Имоджин указала на оцелус, висевший над статуей.

— Да, — произнёс Мох, склоняясь к бюсту. Ощупывая его руками, он всё гадал, чего ему не достаёт. Зачем бы Радужнику рисковать своей жизнью (и жизнью Моха), чтобы доставить оцелус к могиле Аурели? Мох исходил из того, что это просто символический жест. Он слышал как раз о такой традиции в некоторых религиях. Приношение камней на могилу было способом вспомнить и почтить умершего. Только это никак не вязалось с Радужником. Тревожило же Моха то, что этот оцелус не был пассивен: камешек был маленьким средоточием энергии, как яйцо или семя.

Мох обратился к Имоджин, которая натянула на голову капюшон и села на землю у основания статуи:

— У тебя перочинный ножик есть?

Та раскрыла глаза: убаюканная звуком дождя, она почти спала.

— Что? Хочешь инициалы нацарапать?

— Имоджин.

— О'кей, ладно. — Она вынула из кармана небольшой нож и отдала его. Мох раскрыл лезвие и ткнул им в корку лишайника на одном из

лиц. Имоджин встала, любопытствуя: — Что ты делаешь?

— Хочу посмотреть, что под этим. — По мере того как счищался лишайник, проступал выветрившийся зелёный камень с металлическими вкраплениями. У глаз были вылеплены зрачки, которых прежде не было видно. Ободрённый Мох продолжал скрести. Очистив тонкий нос, он перешёл к губам. И здесь лезвие ножа скользнуло в чёрную дыру. — Тут отверстие. Зачем бюсту отверстие? — Когда зачистка закончилась, они увидели между верхней и нижней губами эллиптическое пространство. Пока Мох раздумывал над этим открытием, Имоджин схватила из воздуха оцелус и сунула его в дыру. Тот подошёл почти идеально.

— Мне интересно, отхватим ли мы награду? — сухо сообщила она.

— От, дерьмо! — ругнулся Мох, оттаскивая девушку назад. Из отверстия полилась вязкая тина цвета мёда.

— Фу-у! — брезгливо сморщилась Имоджин.

Мох с Имоджин отступили, следя за тем, как тина лилась по памятнику, растекалась по земле, образуя ручейки и разводы.

— Что творится? — спросила Имоджин.

Мох покачал головой.

— Помоги мне землю очистить.

Опережая поток, они принялись вырывать папоротник и отшвыривать по сторонам камни, позабыв о холоде и сырости. Тина тем временем густела и темнела.

— Смотри, — сказал, указывая, Мох. — Внутри там что-то меняется, ветвится как бы. Они разрастаются. — Проявился набросок извечного рисунка природы. Части его, самоподобные по замыслу, были сходны рекам, геологическим разломам, береговым линиям и прожилкам листа. Поначалу за построениями, наростами и соединениями ветвей, появлявшимися из самых первых частей, следить было легко, но вскоре преобразования сделались неизмеримо более сложными.

— Мы видим рождение, — прошептала Имоджин. — Вот почему Радужник так рвался вернуть оцелус. Боже, это ж волшебство!

— Это не могила, — сказал Мох, качая головой, и посмотрел на статую. — И не волшебство это, между прочим. Там сокрыта какая-то техника. Радужник, должно быть, до этого докопался. Эта техника — не из нашего мира.

— Когда меня затащили в лисицу, Элизабет… то есть, я имела в виду, Мемория… сказала, что

её сёстры нашли Радужника с Аурелью на пустыре сотни лет назад. — Она насупилась. — Мох, какого…

— Я не знаю.

Кости образовались из узловатых утолщений в желеобразной массе. Они удлинялись и расширялись у суставов. Паутинчатые сети нервов, вен, артерий расходились по разрастающейся фигуре. Потом настал черёд органов, некоторые были знакомы, остальные — нет.

Проходили часы. Имоджин рыдала, указывая на существо, поскольку теперь уже не оставалось никаких сомнений, что на вырванных папоротниках лежало тело гуманоида. Точечки света принялись бегать по всем его ветвящимся проводным путям. Из рук и ног выпростались пальцы, выросла голова, как набухающий бутон. Тёмные шары появились в полупрозрачном матовом черепе, заметались под веками, как зрачки у обеспокоенного спящего. Потом рост замедлился. Тело потемнело. Существо открыло рот, и в воздух поднялся парок, завиваясь и клубясь. Он рассеялся, осев тонкой пыльцой на Мохе с Имоджин, пока те наблюдали, не в силах ни шевельнуться, ни заговорить. И, словно персонажи волшебных сказок, они погрузились в глубокий,

наполненный видениями сон.

Мох открыл глаза. Небо потемнело. Над ним стояла стройная девичья фигура. Пять световых точек сияли вокруг её головы. Сны никак не отпускали его, и не было у Моха сил самому подняться. Он лишь смутно ощутил, когда девица закрыла ему глаза своими грациозными пальцами.

— Мох, просыпайся. — Он открыл глаза и увидел, что пещеру освещал косой утренний свет. Воздух был насыщен парами, поднимавшимися от луж с водой. Имоджин стояла на коленях рядом. — Оно ушло. — В голосе её звучало сожаление.

Мох разом сел. Примятое ложе из папоротников было единственным доказательством, что неведомое всё же существовало.

— Я её видел, — сказал Мох, вспоминая. — Я проснулся, а она стояла там, но она что-то сделала, и я снова уснул.

— Как она выглядела? — спросила Имоджин.

Мох задумался на минуту.

— Прекрасно. — То было единственное слово, приходившее ему на ум, которым хоть как-то отдалённо можно было определить то, что он видел.

— Так, — вырвалось у Имоджин. — Она спёрла мой меч, моё пальто и кое-какую одежду из моей котомки. Не уверена, что это говорит в пользу её нравственной сути. — Голос у неё осёкся.

Мох рылся в своей котомке. Через мгновение он повернулся к Имоджин с широкой улыбкой:

— Она и рисунки мои увела в придачу.

Фигура в длинном пальто вышла из входа в туннель, ведший от острова Козодоя к материку. Голова её была укрыта капюшоном. Чёрные очки, найденные в мёртвом городе, защищали её зрение от света, пробивавшегося сквозь деревья. На плече у неё цепко держался лапками пегий ворон. К рюкзаку за её спиной был приторочен меч.

Аурель шла через лес, окружённая светящимися оцелусами. Вскоре она дошла до дамбы, вблизи которой перевернутый грузовик и развалины старого причала лежали, наполовину погребённые в приливной пене. Через пролив остров Козодоя скользнул за стену в тумане. Туда она не вернётся никогда. Аурель шагала по дюнам и вышла на заезженную дорогу. Не так-то много удалось, но то было лишь началом.

Вечер

Вечер наползал на остров Козодоя после долгой дневной грозы. Строения селения отбрасывали косые синие тени. Золотистый свет прочёсывал борозды, грядки и ростки овощей в огородах. Пар поднимался от шкурок замерших кроликов, выдворенных из своих затопленных нор. Неистово горела засохшая яблоня, расщеплённая молнией. Её наполненный искрами дым вздымался в ясное небо, на котором уже появились первые звёзды.

На подходе к зернохранилищу сторожевая собака со всех длинных ног добегала до конца цепи и, дёрнувшись, с маха усаживалась на задние лапы. Её лай музыкальным хороводом расходился по другим хозяйствам селения. Два существа, по виду — человека, вышли из леса на протоптанную в грязи тропу, что вела к садам. Тот, что повыше, бородатый мужчина с неопрятными волосами, сворачивал на ходу цигарку. Шагавшая за ним женщина устало оглядывала окрестности. Рука её скользила над верхушками сорных трав.

Никем не потревоженные, они дошли до Дубового Дворца. Когда подошли поближе, в одном

из окон откинулась занавеска, и в треугольнике темноты проступило лицо. Внутри Дворца послышались возбуждённые голоса. От околицы за Мохом и Имоджин следовали несколько мужчин. Держались они на расстоянии, но на их лицах безошибочно угадывался страх. Мох передал цигарку Имоджин, та привычно сделала затяжку и вернула окурок. В сгущающихся тенях строений дым казался бледно-голубым. Дверь раскрылась, из неё вышли несколько человек, столпившись на крыльце. Оказались они в световом пятне, а потому прикрывали глаза ладонями. Ждали, спокойные, с суровыми лицами, словно изображения на древних металлических фотопластинках. Несколько мужчин держали оружие на виду. Наконец толпа расступилась, сквозь неё прошла Мэй, расчищая себе дорогу жезлом с набалдашником из слоновой кости.

— Ламсден Мох, — произнесла она. — Вот уж не чаяла снова вас увидеть. Мы полагали самое худшее.

— Мэй, — заговорил Мох, приветствуя её кивком. — Мы пришли сказать тебе, что Элизабет мертва. Монастырь на Глазке пуст.

— Я знаю. Наши мужики нашли её карету, когда разыскивали Джэнсона. И сожгли её.

— Мы видели дым, — кивнул Мох.

— Ты и Имоджин привёл обратно, — заметила Мэй. Двое мужчин подняли ружья. Моху показалось, что он узнал в них тех, что пытались застрелить Имоджин.

— Полегче, — произнёс он, глядя им прямо в глаза. — Мы тут не для того, чтоб затеять драку. — Они нехотя отошли, дав возможность Мэй подойди поближе. Мужик слева, в потрёпанных портках и замызганном тулупчике, неуверенно глянул на другого. Уж не сын ли с отцом, подумал Мох. Тот что постарше, в обносках и футболке, похоже, был готов убить Моха на месте.

— Остерегись, Мэй, — выкрикнула одна из стоявших в дверях женщин. Из-за её юбок выглядывала детская чумазая рожица.

— Мэй! — предостерегла ещё одна женщина. Старший спустился по ступеням крыльца и приставил дуло ружья к виску Имоджин. Руки его дрожали.

— Какого чёрта эта стерва тут делает? — прорычал он. — Ты совсем ума лишился, что привёл её обратно, туда, где мы живём? — Он глянул на Моха.

— Я не больше стерва, чем ты. — Имоджин отвернулась от мужика и обращалась к Мэй,

сохраняя безучастную позу и выражение лица. В темнеющем саду замигали светляки. Мох с самого начала нервничал по поводу возвращения в селение с Имоджин. Это была её блажь: в открытую сойтись с этим народом. За время путешествия с Глазка они много спорили на этот счёт, даже ругались. Мох стоял на том, что это окажется равносильным самоубийству. Имоджин же была твёрдо убеждена: если рассеять тайну вокруг неё, то появится возможность уменьшить в людях страх. Мох считал, что она рассуждает наивно.

— Я знаю, кто ты, — сказала Мэй. — Ты — дочь Джона Машины. Ты-то знала, что твоя мать когда-то жила здесь?

Имоджин повела взглядом вокруг, словно бы отыскивая что-то в лицах людей.

— Нет, не знала.

— Он заявился сюда много лет назад — солдатом. Путешествовал в одиночку и попал в какую-то беду. Мы выручили его, а он отплатил нам тем, что похитил одну из моих дочерей, Сильвию, и увёз её в Ступени-Сити. Я её больше не видела.

— Ничего этого я не знала, — выговорила Имоджин. — Если сказанное тобой правда, значит, ты моя бабка.

— О, это правда. — Мэй подняла руку. — Скажи мне, девочка, зачем ты вернулась?

Имоджин, у которой от души отлегло при упоминании цели их прихода, быстро ответила:

— Мне нужно рассказать вам кое-что.

— Ты о чём это болтаешь, ведьма? — произнёс старик с ружьём.

Мох заметил, как пара человек на крыльце закатили глаза.

— Брайан, пусть она говорит. — Мэй запахнула шаль на своих плечах.

— Некоторые из вас считают, что смерти ваших близких как-то связаны со сверхъестественным, — сказала Имоджин. Ропот прошёлся по толпе. Кое-кто бормотал молитву.

— Не все, — подала голос одна из женщин на крыльце.

Мох шагнул к Брайану и отвёл ружейный ствол от Имоджин.

— Послушай её, — сказал он.

Старик вырвал ружьё из руки Моха и вновь нацелил его в голову Имоджин. Мох убрал руки, крутя головой. Имоджин резко обернулась, поразив даже Моха. Она глянула в лицо старику и передвинула ствол, наставив его в уголок своего глаза.

— Если ловишь наилучший шанс убить чисто, вот где надлежащая область, — заговорила она. — Ты и в самом деле настоящий мужик, чтобы убить меня в упор перед своим народом?

Минуло несколько секунд, и затем Брайан, ругаясь и неловко посмеиваясь, шагнул назад. Опустил ружьё.

— Сука бешеная!

Имоджин обратилась к Мэй:

— Причина того, что ваши люди умирают, не имеет ничего общего со сверхъестественным. Причина — нейротоксин. Копаясь вокруг обломков «Горнила», они попали под воздействие отравляющего вещества, применявшегося во время сражений. «Горнило» был самолётом, который использовали под конец войны. Его создали специально для того, чтобы жестоко и неразборчиво распылять этот яд. Он рухнул со всем своим грузом, однако в результате катастрофы почва в том районе до сих пор находится в зоне высокого риска.

— Я не верю тебе, — окрысился Брайан.

— Ну не такой же ты болван, — сказала Имоджин. Брайан обратил в её сторону неприличный жест, но это вызвало лишь несколько смешков у окружающих. Остальные отнеслись к словам

Имоджин со вниманием.

Мох залез в её рюкзак и вытащил толстую папку с пожелтевшими документами, перевязанную шнурком. Передал документы Мэй.

— Военная документация. Мы нашли её на Глазке, брошенную. Всё это там, всё, о чём она только что вам рассказала, и много чего ещё.

— Продолжай, — произнесла Мэй.

— Проблема хорошо известная. Мы нашли также и запас противоядия. И спрятали его. Мы скажем вам, где оно находится, но не даром.

— Вот вам и приехали, — буркнул Брайан.

— Позвольте нам остаться в вашем селении, — продолжила Имоджин. — Мне нужна возможность убедить вас, что я — не то, что вы обо мне думаете. Я знаю много такого, что вам пригодится.

— Это чевой-то? — спросил Брайан.

— Ну, скажем, для начала — управление сельским производством. Вот этот огород разбит совершенно неправильно.

— Мэй? — подал голос Мох.

— Что ж, мужества ей хватает, отдаю ей в том должное. — Мэй вздохнула и взяла папку из руки Моха. — Пойдёмте в дом. Уже темнеет, а у меня ещё много вопросов.

Часть толпы протестующе зашумела. Брайан бочком ушёл прочь, молотя прикладом ружья по посадкам томатов, ругаясь и качая головой. Мэй подняла руку.

— Будет, — произнесла. Толпа утихла, лишь кое-кто всё ещё продолжал бурчать. Мэй подняла взгляд на Имоджин, стоявшую, уперев руки в бока. — Если мы не примем вас, тогда что?

— Тогда большинство из вас умрёт, прямо или косвенно. Я прошу вас позволить мне остаться. Но если община не пожелает этого, я покину этот остров с Мохом, и вы больше никогда меня не увидите.

— Я верю, что ты как говоришь, так и сделаешь. С чего бы тебе вдруг захотелось помочь нам?

— С народом, жившим на острове Козодоя, обходились несправедливо. У него было отнято всё. По-моему, вы заслуживаете, мы заслуживаем лучшего будущего, нежели ковыряние в мусоре нашего города.

— Я согласна, — произнесла Мэй. И вздохнула. — Я не могу принимать решение за всю общину. Об этом нужно высказаться каждому. А вам придется принять волю общины.

— Я только об этом и говорила, — заметила Имоджин.

Мэй обратилась к общине:

— Поднимите руки, кто хочет, чтобы она осталась. — Медленно поднялось две трети рук. — Так тому и быть. Вам ещё предстоит убедить остальных, а это будет нелегко, но теперь мы принимаем вас.

— Спасибо, — сказала Имоджин.

— По сути, у нас и выбора-то не было, — произнесла Мэй. — Понадобится время, чтобы некоторые из них сообразили это. — Она взялась за свой посох, и вдруг стало видно, до чего же она стара.

— Что случилось? — спросил появившийся из-за дворца Лютер. — Никогда не слышал, чтобы Брайан так бесился.

— Придержи язык, Лютер, — произнесла Мэй.

Следуя за толпой в коридор, Мох прошёл мимо кучки ребятишек, сидевших за длинным столом. Те читали вслух по потрёпанным учебникам.

Мох повернулся к Мэй:

— Где их учитель?

— Помер. Доктор Лесок стал одной из самых недавних жертв болезни.

Мэй вместе с остальными прошла в смежное помещение, где уже были приготовлены кофе и бутерброды. Через дверь до Моха доносились обрывки разговора. Пожилой фермер с Имоджин

обсуждали засоленность местных почв.

— Не возражаете, если я с вами побуду? — спросил Мох. Дети ничего не ответили. Мох сел и взял из стопки на столе старый учебник. Белобрысая девочка с ленточками в волосах подтолкнула к нему свою книжку. Пальчик её указывал на какое-то место в напечатанном.

— Как тебя зовут? — спросил Мох.

— Эмили.

— Привет, Эмили, а меня зовут Ламсден.

Она указала на строчку в книжке:

— Ты знаешь, что это за слово?

— Да, знаю, — ответил Мох, улыбаясь.

Певчие птицы острова Козодоя

Мох смотрел по сторонам, пока господин Крачка, главный хранитель коллекций, поднимал крышку витрины из розового дерева. Стекло дребезжало, петли тоненько визжали. В воздухе стоял горький привкус складской пыли. Крачка принес неубедительные извинения за состояние помещения, что-то такое про смену экспозиций и вкусов нынешней публики. Тихий зоопарк редких животных занимал небольшое пространство, все чучела были обёрнуты дымчатым полиэтиленом и коричневой бумагой. Грубые полки прогибались под тяжестью образцов в банках. Мох, отвлёкшийся на молочно-белёсые глаза чего-то плавающего в растворе цвета собственной плоти, сосредоточился на предмете, бывшем целью его визита.

Поддельный том «Певчих птиц острова Козодоя» Франклина Бокса покоился на обитой фетром подставке, на которую Мох уложил его тремя годами раньше. Он критически осмотрел книгу. Она была безупречна. Клей держал, а краски поблекли в той мере, в какой и ожидалось.

Ничто не выдавало, что это не та книга, которой некогда владел сумасшедший орнитолог. Даже лёгкая пыль и пёстрая оболочка засохшего в витрине музейного жучка стали участниками заговора по созданию атмосферы аутентичности. «Отменное исполнение», — подумал Мох, гордясь и стыдясь одновременно.

Через год после того, как Мох с Имоджин распрощались с островом Козодоя, он приложил свои руки к делам более созидательным. С помощью нескольких скупых на слова мастеров на все руки он превратил брошенную часовню Джона Машины в библиотеку. По вечерам, ещё не успев стряхнуть с себя строительную пыль, Мох вёл занятия по чтению для местных ребятишек и даже для родителей некоторых из них. Руки его покрылись мозолями, в их трещинках застревала грязь. Ноготь на большом пальце левой руки почернел: результат плохо рассчитанного удара молотком. До отъезда в город он подготовил сад к зиме, выложил стену из отбитого кирпича и починил крышу. Когда не был занят ремонтом здания или учительством, он писал. Это помогало одолевать уныние и беспокойство, донимавшие его, наваливавшиеся внезапно, по нескольку раз в месяц. Имоджин как-то сказала ему, что счастливые

окончания историй — полное дерьмо. И была права, разумеется. Преследуемый увиденным на острове Козодоя, Мох взялся читать хроники, оставленные в монастыре Глазка. Исследование хроник стало главной причиной его возвращения в Ступени-Сити. Он воспользовался немногими благоуханными деньками, чтобы наведаться в архивы перед неизбежными осенними дождями и зимой. И приступил к написанию истории острова Козодоя, которую, скорее всего, никогда не будут читать. Это не имело значения: самого процесса создания книги было вполне достаточно.

— Судья Сифорт, должно быть, человек забывчивый, если не помнит, что уже посылал вас сюда в прошлый раз, — сказал Крачка. Он сложил руки на груди, но тут же опустил их и оправил карманы пиджака.

— У судьи память плохая. — Мох пожал плечами. — Если бы мы смогли по крайней мере пройти через процедуру подтверждения, что данное издание является подлинным, просто ради того, чтобы сказать, что мы её проделали, я был бы вам очень признателен. — Говоря так, Мох прибёг к языку тела досыта настрадавшегося личного секретаря.

— Как вам угодно, сэр. — Крачка изобразил

занятость, сверившись с часами, а потом отошёл от витрины, обхватив бледными руками живот. В это время какая-то женщина вошла в хранилище. Взгляд её янтарных глаз обежал кучную коллекцию, прежде чем остановился на двух мужчинах. Отделанное бархатом пальто на ней было не в силах скрыть, что женщина беременна.

— Приветствую, — произнёс Крачка, всплёскивая руками в преувеличенном удивлении. — Чем могу вам помочь?

— Женский туалет? — спросила она театральным шёпотом. — Это явно не он.

Одного упоминания женского туалета было достаточно, чтобы щёки Крачки зарделись. Отвернувшись от Моха, он до того подробно и внятно объяснил Имоджин дорогу туда, что она смогла бы найти общественный туалет с завязанными глазами. Мох воспользовался тем, что главный смотритель отвлёкся. Он поднял поддельную книжку из витрины и сунул её в карман своего пальто. И заменил её подлинником, с которым был неразлучен в течение трех лет. За это время книга изменилась. Обложка её пошла пятнами от морской воды, страницы были испещрены карандашными пометками, которые Мох делал во время поисков Мемории и исполнения своего

обещания, данного Радужнику. Пополненная бессмысленными рисунками Моха и засушенными ботаническими образцами книга стала значительно толще, чем была в тот день, когда он увёл её из-под носа Крачки. Возможно, придёт день, когда кто-нибудь достанет её из витрины и прочтёт его каракули, но до того времени она будет покоиться в тиши хранилища, пряча свои тайны. Представив себе недоумение будущего читателя, Мох улыбнулся и закрыл крышку.

— Благодарю вас, господин Крачка, — сказал Мох. Главный смотритель резко обернулся, когда Имоджин исчезла за дверью. Мельком глянул на витрину, кивнул, а потом игриво взглянул на Моха.

— Вы её видели? — спросил Крачка. — До чего ж восхитительна!

— Вы себе даже представить не можете, — усмехнулся Мох. У Крачки рот раскрылся, когда он склонил голову набок и сделался очень похож на собаку Сморчка. — Что ж, спасибо вам за помощь.

Мох пошёл к выходу, но лёгшая ему на плечо рука Крачки остановила его.

— Прошу простить, я совершенно позабыл ваше имя. Вы называли себя Лес или как-то похоже?

Мох задумчиво покачал головой:
— Нет, моё имя Ламсден Мох.

Выражение признательности

Хотел бы поблагодарить моего близкого друга Ханса Руфферта за то, что он читал «Необходимых монстров» и ободряюще вдохновлял работу над романом от начала и до её завершения. Спасибо Марку Теппо из издательства «Ресуррекшн Хаус» (Resurrection House), предоставившему книге дом и оказавшему рукописи огромную редакторскую услугу, а также моему литагенту Марте Миллард за помощь и поддержку. Особая признательность моей жене Элайн за чтение неисчислимых ранних вариантов романа и высказанные бесценные замечания, за её неизменную поддержку всех моих творческих исканий — не говоря уж о бесчисленных чашках чая, заботливо ею приготовленных.

Об авторе

Ричард А. Кирк — британский художник, иллюстратор и литератор, живущий в Канаде. Ричард сотрудничает с такими издательствами, как Subterranean, Bad Moon Books, Earthling Publications, Centipede Press и иллюстрировал произведения Клайва Баркера («Имаджика», «Сотканный мир», «The Adventures of Maximillian Baccus»), Кэтлин Р. Кирнан («A Is for Alien», «Houses Under the Sea», «The Ammonite Violine», «From Weird and Distant Shores», «To Charles Fort with Love», «Tales of Pain and Wonder»), «Обманный лес» Кристофера Голдена, «Death Poems» Томаса Лиготти, «Крысиный король» Чайны Мьевиля, конверт диска группы «Корн» и других.

Также его перу принадлежит дебютный роман «The Lost Mashine» (2010) и книга, которую вы сейчас держите в руках.

Творчество Ричарда питает интерес к формам и процессам в живой природе. Тематически это выражается в создании кропотливо выписанных рисунков, изображающих зачастую химерические создания и многообразные пейзажи.

Картина мира метаморфоз составляет основу всего творчества Ричарда.

Подробнее познакомиться с автором и его работами можно на персональном веб-сайте **www.richardakirk.com**